

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

ДУБРОВСКАЯ ОЛЬГА ГЕОРГИЕВНА

**СУБЪЕКТНЫЙ ПРИНЦИП ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУР-
НОЙ СПЕЦИФИКИ ДИСКУРСА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Д и с с е р т а ц и я

на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор,

заслуженный деятель науки РФ

Н.Н. Болдырев

Тамбов 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ДИСКУРСА	20
1. Исходные теоретические и методологические предпосылки научного описания социокультурного контекста и принципа его формирования в дискурсе	20
2. Социокультурная специфика дискурса	29
2.1. Понятие <i>социокультурной спецификации</i>	29
2.2. Человек, социум и культура: особенности взаимосвязи	33
2.3. Проблема знания с точки зрения когнитивной лингвистики. Специфика социокультурных знаний	43
2.4. Традиции научного описания социокультурной спецификации языка и языковых единиц	52
2.5. Конститутивные признаки дискурса	60
2.5.1. Традиции научного описания социокультурной спецификации дискурса	67
2.5.2. Понятие <i>стиля</i> в исследованиях дискурса и типология дискурсивных стилей	73
2.6. Социокультурные и дискурсивные практики в системе знаний субъекта о мире	82
3. Контекстный характер социокультурной спецификации дискурса	95
3.1. Современные направления изучения контекста	95
3.2. Социокультурный контекст дискурса: статический и динамический аспекты	103
3.3. Субъектный принцип обусловленности социокультурного контекста дискурса	109
3.4. Метаконцепты как единицы социокультурных знаний	115

3.4.1. Интерпретирующая функция метаконцептов: селекция, классификация и оценка	128
3.4.2. Понятие <i>когнитивно-дискурсивной интерпретанты</i> и ее конститутивные признаки.....	134
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	142
Глава II. ОБЩИЙ ПРИНЦИП И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ДИСКУРСА.....	148
1. Интерпретирующая функция метаконцептов в процессе формирования социокультурной специфики дискурса	148
1.1. Метаконцепт РОЛЬ	148
1.2. Метаконцепт СТЕРЕОТИП	163
1.3. Метаконцепт ЦЕННОСТЬ	181
1.4. Метаконцепт НОРМА.....	197
1.5. Метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ	213
1.6. Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ	227
2. Контекст коллективных и индивидуальных социокультурных знаний субъекта в формировании социокультурной специфики дискурса	244
3. Социокультурный контекст дискурса и когнитивное варьирование ...	261
4. Фактор адресата в формировании социокультурной специфики дискурса	268
5. Языковые и когнитивные механизмы формирования когнитивно-дискурсивной интерпретанты.....	286
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	302
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	310
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	316
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	377
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	380
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА.....	382

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап изучения языка характеризуется установкой на антропоцентричность – подходом, который предполагает ведущую роль человека в познании мира и репрезентации полученных знаний с помощью языковых единиц. Перенос внимания исследователей с объектов познания на познающего субъекта обеспечивает учет взаимосвязи и взаимодействия языка и человека - представителя социума и культуры. Социокультурный опыт субъекта, значимость культуры как неотъемлемой среды его существования выполняют ведущую роль в формировании его концептуальной системы как системы взглядов, мнений, оценок, интенций, убеждений. Язык и сознание со всей неизбежностью обнаруживают взаимосвязь с факторами социокультурной среды, в которой осуществляется жизнедеятельность субъекта.

Понимание языка как когнитивной системы, которая не отражает, а репрезентирует то, что увидел, понял, осмыслил человек [Кубрякова 2012] как субъект, интерпретирующий окружающую действительность (*культуру* как наследие, исторический опыт и *социум* как среду, повседневный опыт [Болдырев 2007а]), позволяет по-новому взглянуть на проблему формирования и проявления культурологического фактора в языке, а также определить схемы и механизмы познания окружающего мира посредством интерпретирующей функции языкового сознания субъекта.

Будучи ориентированной на изучение сложных процессов взаимосвязи языка, культуры, социума и сознания человека, данная проблема обсуждается в разнообразных областях человеческого знания: антропологии, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, лингвистике и ее отдельных направлениях. Обладая безусловной спецификой в методологии и конкретных приемах анализа, объекте и предмете научного познания, теоретических установках и практических результатах, соответствующие подходы в целом справедливо характеризуются признанием важной роли культуры в формировании человеческого сознания и созидающего назначения человека, его сознательной деятельности в формировании культуры. Язык в триаде «чело-

век – язык – культура» рассматривается как «естественно возникшая и закономерно развивающаяся семиотическая (знаковая) система, обладающая свойством социальной предназначенности, - это система, существующая прежде всего не для отдельного индивида, а для определенного социума» [ЛЭС 1990: 604].

Ориентация исключительно на общественное предназначение языка способствует снижению внимания исследователей к индивидуальным способам языковой интерпретации, к признанию в качестве ведущих в языковой интерпретации *коллективных схем невербального поведения*, активизируемых представителями той или иной социокультурной группы в процессе взаимодействия между собой и с представителями иных групп, что, в свою очередь, определяет научную установку многих исследований на особенности языкового функционирования: речевое (дискурсивное) поведение субъекта регулируется типом (неречевой по сути) культуры, к которой он принадлежит.

Выдвижение на первый план изучения индивидуального аспекта познавательной деятельности субъекта с помощью языка, который «существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [Бодуэн де Куртэне 1963: 37], позволяет, учитывая фактор динамики концептуальной системы человека, исследовать когнитивно-дискурсивную деятельность субъекта как языковую познавательную активность отдельного индивида – представителя конкретной социокультуры – в рамках теории лингвистической интерпретации, основные положения которой разработаны Н.Н. Болдыревым [2002, 2006, 2009а, 2010а, 2012], а также интерпретирующего подхода как метода научного познания в целом [Демьянков 1979, 1981, 1994, 2001, 2008, 2013; Лукьянова 2012; Павилёнис 1983; Кубрякова, Ирисханова 2010; Croft, Cruse 2004; Jackendoff 1996, 2012; Shauber, Spolsky 1986; Ricoeur 1976; Ricoeur, Thompson 1981].

С этой точки зрения дискурсивное поведение субъекта как процесс языковой интерпретации регулируется *знаниями*, которые субъект приобре-

тает в процессе жизнедеятельности в той или иной социокультуре. Индивидуальность знания каждого конкретного субъекта как определенной языковой личности проявляется не столько в неповторимости, сколько в определенной *конфигурации* коллективного знания с точки зрения его объема, содержания и интерпретации [Болдырев 2008б, 2009д, 2010а и др.], которая, в свою очередь, обеспечивается социокультурной обусловленностью человеческой когниции.

Предложенный ракурс изучения проблемы взаимосвязи языка, социокультуры и человека позволяет пересмотреть принципы, лежащие в основе существующей типологии «кросс-культурных вербальных стилей» (cross-cultural verbal communication styles) [Ting-Toomey 1998], скорректировать известные суждения о характеристиках носителей тех или иных языков по их принадлежности к культурам (работы А. Вежбицкой, А. Гладковой, Т.В. Лариной и др.) и в рамках данной работы предложить теорию социокультурной специфики дискурса и субъектного принципа ее формирования в качестве научной концепции. Предлагаемая концепция раскрывает механизмы взаимосвязи и взаимовлияния между социокультурой, когнитивной системой субъекта и его языковой деятельностью, акцентируя внимание на языковом, когнитивном и деятельностном аспектах конструирования мира в дискурсе, отображая, таким образом, вербально-семантический, тезаурусно-когнитивный и мотивационно-прагматический уровни языковой личности, разработанные в отечественном языкознании.

В познавательной жизнедеятельности субъекта и в процессе языковой интерпретации язык не является «застывшей» системой. Он вовлечен в ментальную область человеческого сознания, включающего знания, которые служат основой для языкового функционирования в рамках динамической модели языка и функционально-семиологического подхода [Болдырев 1994, 1995а, 1995б, 1998], в частности. Языковое функционирование, в свою очередь, означает непременно «развертывание речи» [Кубрякова 2012: 121], которое, будучи независимым от формы фиксации, связано с интенциями, по-

требностями, знаниями субъекта о ситуации в мире, участниках, их мотивах и побуждениях, а следовательно, с процессами и результатами концептуализации и категоризации. Данное обстоятельство повлияло на выбор темы и постановку проблемы изучения социокультурного контекста дискурса и основного принципа его формирования. В качестве такого контекста выступают социокультурные знания субъекта, тогда как основной принцип его (контекста) реализации обеспечивается активизацией субъектом этих знаний в процессе дискурсивной деятельности. В работе этот принцип обозначен как *субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса*, то есть как принцип реализации социокультурных знаний, интенций, мнений субъекта посредством языковых единиц.

Теоретической предпосылкой данного диссертационного исследования послужили работы Г.И. Богина, В.В. Виноградова, Ю.Н. Караулова, посвященные изучению языковой личности, теории дискурса В.И. Карасика, М.Л. Макарова, теория лингвистической интерпретации Н.Н. Болдырева, теория контекста Т. Дейка, а также целый ряд работ, посвященных проблемам человеческого фактора в языке, выполненных в русле когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, Л.В. Бабина, Е.Г. Беляевская, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев, В.А. Виноградов, В.Б. Гольдберг, В.З. Демьянков, С.А. Жаботинская, В.И. Заботкина, О.К. Ирисханова, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, О.В. Магировская, Р.И. Павилёнис, Л.А. Панасенко, Е.М. Позднякова, Б.А. Серебренников, Л.А. Фурс, З.А. Харитончик, А.П. Чудинов, А.Л. Шарандин, L. Barsalou, A. Cienki, W. Croft, V. Evans, G. Fauconnier, Ch. Fillmore, A. Goldberg, R. Jackendoff, M. Johnson, G. Lakoff, R. Langacker, J. Pustejovsky, E. Rosch, L. Talmy, M. Turner, F. Ungerer и др.). Они показали преимущество интегративного подхода к исследованию проблемы социокультурной специфики дискурса, подтвердили необходимость систематизации и терминологического определения основных понятий для создания единой концепции субъектного принципа формирования социокультурной специфики дискурса, развиваемой в данной работе.

Будучи ориентированной на функциональный аспект языка, то есть собственно дискурс, когнитивная лингвистика определяет в нем главные признаки – когнитивность и субъектную активность. Они, в свою очередь, осуществляются в сложной системе внешнего, физического, мира культуры и социума, в которых живет человек, и внутреннего, ментального, мира, который он формирует как представитель социокультуры и индивидуальный субъект (см. об этом: [Кубрякова 2012]). Между этими двумя мирами нет знака равенства: «структура и содержание внутреннего мира человека принципиально отличаются от того, что мы обнаруживаем в окружающем нас мире» [Болдырев 2009д: 44]. Следовательно, способы взаимодействия субъектов в социокультуре и сами социокультуры не копируются в дискурсе, а участвуют в процессе построения концептуальной системы субъекта, определяя специфику его знаний, в рамках которых осуществляется когнитивно-дискурсивная деятельность, языковая интерпретация и формирование дискурса в целом.

Необходимость изучения проблемы взаимосвязи человека, языкового функционирования и социокультуры в рамках когнитивного подхода, учитывающего антропоцентричность языка, определяет *актуальность* ее научного осмысления. Именно такое направление анализа основывается на признании активной роли человека в формировании смыслов, в понимании языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знаний в человеческом сознании, обмена знаниями, на признании ментальности культуры, постулируемых многими учеными. Выполненное исследование позволяет смоделировать способ экспликации контекста социокультурных знаний в дискурсе и показать особенности его формирования. Именно в этих целях диссертационное исследование опирается на систему знаний когнитивной лингвистики и когнитивно-дискурсивного подхода, в частности.

Будучи выполненным в соответствии с «настоятельной потребностью в системном изучении работы человеческого сознания» [Болдырев 2004: 20], исследование расширяет и углубляет научные представления о взаимосвязи

человека, языка и культуры, о социокультурной специфике дискурса, механизмах ее формирования и факторах проявления. Проведение исследования продиктовано необходимостью показать особенности когнитивно-дискурсивной деятельности субъекта в контексте его социокультурных знаний. *Актуальным* является направление анализа, который учитывает когнитивную основу языка, довербальность человеческого мышления, специфику языкового функционирования в контексте социокультурных знаний субъекта.

Научная новизна исследования определяется подходом к решению проблемы социокультурной специфики дискурса: она описывается и объясняется с точки зрения социокультурных знаний субъекта – представителя социокультуры, которые он приобретает в результате взаимодействия с социокультурной средой. Впервые в лингвистической литературе предпринята попытка описать и объяснить социокультурную специфику дискурса с помощью нового метода - анализа *когнитивно-дискурсивной интерпретанты*. Впервые в научный оборот когнитивной лингвистики вводятся понятия и термины «контекст социокультурных знаний», «социокультурный контекст дискурса», доказывающаяся необходимость их применения в описании *социокультурной специфики дискурса*.

Соответственно новым является понимание *контекста социокультурных знаний* как знаний субъекта, приобретаемых им в результате жизнедеятельности в рамках конкретной социокультуры, которые, в свою очередь, формируют социокультурную специфику дискурса. *Социокультурный контекст дискурса* определяется как индивидуальная концептуальная система субъекта, сформированная социокультурными знаниями и активизируемая субъектом в процессе языковой интерпретации как социокультурная специфика дискурса. По-новому осмысливается процесс формирования *социокультурной специфики дискурса*, а именно, ее обусловленность социокультурными знаниями конкретного человека. Впервые предложены и описаны механизмы, участвующие в формировании социокультурной специфики дискурса,

и факторы, ее определяющие. Установлено, что социокультурные знания субъекта представлены метаконцептами, которые, структурируя социокультурный опыт субъекта, в дискурсе реализуются в виде когнитивно-дискурсивной интерпретанты, которая, в свою очередь, и является показателем социокультурной специфики дискурса.

Таким образом, продемонстрированы и показаны возможные пути решения вопросов, связанных с взаимодействием человека, языка и социокультуры, с ролью контекста социокультурных знаний при формировании дискурса, со способами его репрезентации, собственно спецификой его проявления. Предложена теория социокультурной специфики дискурса и аргументирована концепция субъектного принципа формирования социокультурной специфики дискурса.

Объектом исследования выступает дискурсивная деятельность субъекта, рассматриваемая в контексте познавательных процессов концептуализации, категоризации и языковой интерпретации. Под дискурсивной деятельностью субъекта в работе (вслед за Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой) понимается речемыслительная деятельность человека как представителя конкретной социокультуры относительно той или иной ситуации мира. *Предметом* исследования являются социокультурные смыслы, формируемые субъектом в процессе когнитивно-дискурсивной деятельности.

Цель предлагаемого исследования – выявить общий принцип, конкретные схемы и механизмы формирования и реализации социокультурной специфики дискурса.

Поставленная цель предполагает решение следующих конкретных *задач*:

1. Проанализировать принципы, выделенные в рамках существующих лингвистических учений, которые определяют специфику когнитивной деятельности человека и его концептуальной системы, позволяющие рассмотреть основания типологии социокультурных знаний.

2. Определить роль социокультурных знаний в формировании социокультурной специфики дискурса и их зависимость от адресата.

3. Выявить схемы (метаконцепты), которые обуславливают конкретное социокультурное содержание дискурса.

4. Установить взаимосвязь коллективного и индивидуального контекста социокультурных знаний в формировании социокультурной специфики дискурса.

5. Описать механизмы формирования социокультурных смыслов в дискурсе.

6. Обосновать необходимость и разработать основы теории социокультурной специфики дискурса и субъектного принципа ее формирования.

7. Разработать метод анализа социокультурной специфики дискурса.

Решение поставленных задач осуществляется в рамках разработанной в диссертационном исследовании теории социокультурной специфики дискурса. Она позволяет доказать, что социокультурную специфику дискурса определяет сам субъект, его знания, то есть его концептуальная система (а не культура, носителем которой он является), сформированная в процессе жизнедеятельности в рамках той или иной социокультуры. Данная теория основана на выдвигаемом положении о том, что при построении дискурса, то есть в процессе когнитивно-дискурсивной деятельности, субъект, осуществляя языковую интерпретацию, репрезентирует знания, усвоенные и усваиваемые им в процессе взаимодействия с социокультурной средой (предметами, явлениями, иными сущностями, а также субъектами).

Разработанная теория опирается на понятие *когнитивно-дискурсивной интерпретанты* как контекста социокультурных знаний конкретного субъекта, то есть контекста, представленного в конкретном дискурсе и реализуемого за счет интерпретирующих функций метаконцептов – универсальных ментальных координат, структурирующих концептуальное содержание в процессе построения дискурса, а также на *анализ когнитивно-дискурсивной*

интерпретанты как метода исследования социокультурной специфики дискурса.

Суть подхода, принятого в работе к исследованию социокультурной специфики дискурса, позволяет рассматривать субъекта в качестве интерпретатора мира (интерпретирующего субъекта), который формирует дискурс и его интерпретанту. Субъект активизирует социокультурные знания в рамках индивидуальной концептуальной системы и отсылает к концептуально-тематическим областям как коллективным когнитивным схемам, в которых отображается социокультурный опыт взаимодействия с миром.

Изучение социокультурной специфики дискурса потребовало использование комплексной методики анализа. В качестве общего методологического принципа принимается положение об антропоцентричности языка. Методологической базой исследования послужило учение о многоуровневой модели значения, основанное на интеграции языкового и неязыкового знания (Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, С. А. Жаботинская, В.И. Заботкина, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, Ч. Филлмор), модусной категоризации (Н.Н. Болдырев), концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер). Предлагаемая в данных теориях методика выявления конкретных смыслов наиболее близка целям настоящего исследования и во многом определила выбор конкретных методов и приемов анализа. В работе, в частности, используются метод концептуального анализа (концептуально-дефиниционного, концептуально-контекстуального), анализ словарных дефиниций, метод когнитивно-матричного моделирования. В качестве основного метода исследования предлагается *метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты*. Данный метод обеспечивает системный подход к изучению социокультурной специфики дискурса с точки зрения познавательных процессов концептуализации, категоризации, языковой интерпретации и позволяет выявить концептуальные признаки-смыслы, которые передает субъект при формировании социокультурной специфики дискурса. Обоснованность метода когнитивно-дискурсивной интерпретанты доказыва-

ется в ходе исследования. Полученные результаты и выводы позволяют сформулировать основные *положения* выдвигаемой концепции, которые *выносятся на защиту*:

1. Концептуальная система человека формируется в процессе его жизнедеятельности в определенной социокультурной среде и отражает специфику его социокультурного опыта. Этот опыт взаимодействия с миром в рамках определенной социокультуры представлен в концептуальной системе человека в виде конкретных *социокультурных знаний*, которые усвоены им как представителем той или иной социокультуры и которые определяют социокультурную специфику его дискурса.

2. В качестве универсальных схем структурирования социокультурных знаний выступают метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ. Они передают коллективный опыт субъектов – представителей конкретной социокультурной группы и обладателей определенного языкового опыта – относительно социально-статусных ролей, системы ценностей и норм, стереотипов, пространственно-временных отношений с миром людей и явлений. В конкретном дискурсе эти метаконцепты интерпретируются субъектом дискурса с позиций его индивидуальной концептуальной системы, формируя социокультурную специфику дискурса. В структуре и содержании самого дискурса данная интерпретация как его социокультурная специфика представлена в виде когнитивно-дискурсивной интерпретанты – определенных социокультурных смыслов и языковых средств их репрезентации.

3. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта представляет собой фокус внимания субъекта на конкретных признаках предметов, явлений, людей, которые объективируются языковыми единицами в дискурсе. Она *выполняет функции* репрезентации конкретных концептов-смыслов, активизации тематических концептов и *обеспечивает* когнитивное варьирование в дискурсе. Основным когнитивным механизмом формирования социокультурной специфики конкретного дискурса является механизм ориентирования когнитив-

ного контекста на социокультурные знания субъекта, представленные с помощью разных языковых средств.

4. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта в дискурсе представлена в виде интерпретант селекции, классификации и оценки. Интерпретанта селекции определяет выбор концептуальных признаков, репрезентируемых языковыми единицами. Интерпретанта классификации ориентирована на ментальную классификацию объектов. Интерпретанта оценки обеспечивает их оценочную интерпретацию. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта как сфокусированная на определенных концептах и их характеристиках часть концептуального содержания дискурса в единстве со средствами их языковой репрезентации выступает в качестве маркера контекста социокультурных знаний, в рамках которых субъект формирует дискурс.

5. Социокультурная специфика дискурса характеризуется субъектным принципом формирования, то есть определяется социокультурными *знаниями* субъекта. Формируясь на базе коллективных знаний, она проявляется в индивидуальной комбинаторике интерпретант селекции, классификации и оценки, обусловленной контекстом социокультурных знаний конкретного субъекта. Дискурс субъектов на одну и ту же тему может быть представлен разными когнитивно-дискурсивными интерпретантами и дискурсивными практиками.

6. В качестве языковых механизмов формирования социокультурной специфики дискурса выступают: номинация объектов, явлений и их характеристик, семантическая сочетаемость языковых единиц, использование слов определенной семантики, конкретных синтаксических конструкций, фразеологических единиц, общего языкового контекста всех элементов дискурса. Формирование социокультурных смыслов отражается в дискурсивных практиках как языковом опыте конкретного субъекта, которые демонстрируют статический и динамический аспекты языковой интерпретации. Дискурсивные практики проявляют зависимость от знаний субъекта и его социокультурного опыта в той или иной сфере жизнедеятельности, что выражается в

индивидуальных способах и предпочтениях конкретного субъекта в объективации концептуального содержания средствами языка. Дискурсивные практики в статике реализуются речевыми формулами, выражениями и представляют собой коллективные схемы вербализации контекста социокультурных знаний о мире. В динамике дискурсивные практики отображают индивидуальные способы языковой интерпретации мира.

7. Выявление социокультурной специфики дискурса осуществляется с помощью метода анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты. Данный метод позволяет представить социокультурные смыслы, передаваемые в дискурсе, как результат взаимодействия концептуальных и языковых единиц, языковых и неязыковых знаний, усвоенных субъектом в качестве представителя определенной социокультурной группы.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке базовых положений теории социокультурной специфики дискурса и субъектного принципа ее формирования, в выявлении схем и механизмов, определяющих социокультурный контекст дискурса. Существенный вклад в развитие объяснительного потенциала когнитивной семантики, а также когнитивно-дискурсивного подхода когнитивной лингвистики вносит предлагаемый метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты, который позволяет исследовать взаимосвязь языковых и когнитивных механизмов в интерпретирующей деятельности субъектов.

Теоретически важным является логическое развитие в диссертации антропоцентрического подхода к языку, согласно которому человеку приписывается активная роль в познании мира, в процессах концептуализации, категоризации, языковой интерпретации. Понятия *контекста социокультурных знаний, субъектного принципа формирования социокультурной специфики, интерпретирующей функции метаконцептов и их типология* позволяют глубже представить роль человека и его знаний в построении дискурса, что служит дальнейшему развитию общих теорий языковой концептуализации, категоризации и объективации знаний, а также теории дискурса.

Практическая значимость исследования состоит в углублении методики когнитивного анализа. Метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты может быть применен к исследованию различных результатов когнитивно-дискурсивной деятельности человека. Практическая ценность диссертации состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании лекционных курсов по когнитивной лингвистике, теории межкультурной коммуникации, в диссертационных работах, учебных пособиях и справочниках, в теории и практике преподавания иностранных языков.

Научная достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивается доказательной теоретической базой, которая последовательно отображает специфику предмета исследования, обеспечивая его всестороннее описание. Научная достоверность и обоснованность определяются унифицированным подходом к анализу материала, его разнообразием, представительной выборкой, а также комплексом апробированных методов исследования, включая авторский метод – метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты.

Поиск универсального принципа формирования социокультурной специфики дискурса, лежащего в основе конструирования любого речемыслительного акта, любой речемыслительной деятельности относительно ситуации / события мира, которые не зависят от стиля, длины, жанра, кодов объективации результатов и процессов когнитивно-дискурсивной деятельности, то есть представлены текстами и дискурсами разнообразных форматов, определил фактический *материал* для анализа и его *источники*. Исследование выполнено на материале более 15 тыс. примеров (более 5000 письменных текстовых фрагментов, более 5000 устных текстов, более 5000 поликодовых текстов), собранных автором в России и Великобритании в период с 2005 по 2014 годы из разных источников (книг, газет, журналов, телевизионных передач, интернет-ресурсов, словарей, корпусов русского и английского языков).

Апробация основных положений и результатов исследования производилась в форме докладов и выступлений на научных конференциях и семинарах в России и за рубежом: на Международных конференциях «Россия и Запад: диалог культур» (Москва, 2002, 2007), на Всероссийской научно-практической конференции «Учитель, ученик, учебник» (Москва, 2008), на Международной научной конференции «Язык, культура, общество» (Москва, 2011), на Международной научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация» (Великий Новгород, 2011), на Международной научно-практической конференции в Санкт-Петербурге, посвященной памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафонова (Санкт-Петербург, 2003), на Международных научных конференциях по переводоведению «Федоровские чтения» (Санкт-Петербург, 2003, 2004), на Международной научно-практической конференции «Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты» (Санкт-Петербург, 2011), на Международной школе-семинаре по лексикографии (Иваново, 2003), на научно-практическом семинаре «Теория и практика преподавания межкультурной коммуникации в вузе» (Москва, 2010), на Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры (Тюмень, 2005), на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Тамбов, 2012), на Всероссийской научной конференции «Когнитивная лингвистика: итоги и перспективы» (Тамбов, 2013), в рамках курсов повышения квалификации «Проблемы когнитивной лингвистики» (Тюмень, 2012), в рамках Круглого стола ИЯЗ РАН «Проблемы интегрирования частных теорий в общую теорию репрезентации мыслительных структур в языке» (Москва, 2012), в рамках Круглого стола ИЯЗ РАН «Механизмы языковой когниции» (Москва, 2013), на Всероссийской научной конференции «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы» (Тамбов, 2014), на Международной конференции «3rd UK Cognitive Linguistics Conference: Language, Mind and Reality» (Хартфилд, Великобритания, 2010), на Междуна-

родной конференции «Meaning and Context» (Бристоль, Великобритания, 2011), Международной конференции «Cross-Cultural Pragmatics at a Crossroads II: Linguistic and Cultural Representations across Media» (Норвич, Великобритания, 2011), Международной конференции «4th UK Cognitive Linguistics Conference» (Лондон, Великобритания, 2012), в рамках курсов повышения квалификации «Cognitive Linguistics Summer School» (Бангор, Великобритания, 2013).

Материалы исследования нашли отражение в лекционных курсах по «Культурной антропологии», «Основам теории межкультурной коммуникации», читаемых автором в течение нескольких лет в Тюменском государственном университете.

По материалам диссертации опубликовано сорок девять работ, из них две монографии, двадцать две статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, 28 статей, индексируемых в РИНЦ, 1 статья, индексируемая в Scopus (в соавторстве с Н.Н. Болдыревым).

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования. Диссертация состоит из Введения, двух Глав, Заключения, Списка использованной научной литературы, Списка использованных словарей, Списка принятых сокращений, Списка источников фактического материала.

Во *Введении* приводится общая характеристика проблемы, определяются актуальность, новизна проводимого исследования, ставятся цель и задачи, обосновывается разработанный метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты, приводятся положения на защиту, устанавливаются теоретическая и практическая значимость, научная достоверность исследования, материал и методы, определяется структура диссертации.

В Главе I «Теоретические и методологические основания изучения социокультурной специфики дискурса» выделяются проблемы, которые требуют решения на современном этапе развития лингвистической науки, определяется основное направление исследования. В главе освещаются вопросы взаимосвязи языка, социума и культуры, специфики социокультурных зна-

ний, излагаются подходы научного описания социокультурной специфики языка и языковых единиц, постулируется необходимость разграничения социокультурных и дискурсивных практик как явлений разной сущностной природы. В Главе I представлены современные теории изучения контекста, разработанные отечественными и зарубежными учеными, приводятся научное обоснование правомерности выделения статического и динамического аспектов контекста социокультурных знаний субъекта, авторское понимание субъектного принципа формирования социокультурной специфики дискурса.

Особое внимание в главе уделяется изучению и описанию структурирующих схем формирования социокультурной специфики дискурса – метаконцептов. Предлагается авторская типология метаконцептов, организующих социокультурный опыт субъекта в виде структур знания, которые находят отражения в процессе формирования дискурса и определяют его социокультурную специфику. Обосновывается концепция исследования, определяются новые понятия и метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты.

Глава II «Общий принцип и механизмы формирования социокультурной специфики дискурса» представляет собой анализ социокультурной специфики дискурса и выполняется на материале русского и английского языков. В Главе II находят практическую реализацию теоретическая концепция работы и метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты, позволяющий выявить социокультурную специфику дискурса.

В Заключении подводятся итоги, обобщаются результаты исследования, предлагаются перспективы внедрения основных идей в науку о языке, намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ДИСКУРСА

1. Исходные теоретические и методологические предпосылки научного описания социокультурного контекста и принципа его формирования в дискурсе

Проблему взаимосвязи и взаимовлияния человека, языка и культуры, поиск решения которой продолжается на протяжении многих тысячелетий в виде разнообразных теорий, мнений и взглядов (например, теория лингвистической относительности, лингвистического детерминизма, концепция телесного опыта в формировании абстрактных сущностей и др.), условно можно представить как совокупность более частных проблем. В самом общем виде эти проблемы ориентированы на: 1) признание языка как национального достояния той или иной общности людей, как средства трансляции культуры, а также накопления культурного опыта и его объективации тем или иным этническим коллективом в системных значениях языковых единиц конкретного языка; 2) поиск национально-культурных особенностей в той или иной языковой системе, предполагающий возможность непосредственного взаимоотношения культуры и языка, минуя участие сознания человека; 3) признание антропоцентричности языка, важной роли сознания в передаче и формировании смыслов на том или ином языке, а также условий жизнедеятельности в социуме и культуре, в которых эволюционирует сознание человека.

Признание структурно-системного характера языка многими поколениями философов языка и лингвистов, а культуры как «негенетической» памяти (работы Ю.М. Лотмана), передаваемой языком, на многие десятилетия определило специфику лингвистических исследований: язык изучается как самостоятельная система, которая репрезентирует «национально-

культурный компонент»¹ преимущественно посредством лексических единиц, номинирующих объекты, явления, свойственные той или иной общности людей (*валенки, самовар, спутник* и др.). Исходя из того, что язык является частью культуры, на протяжении долгих лет единицы языка рассматриваются как средство выражения, «овнешнения культурного смысла» [Гудков, Ковшова 2007: 5].

Развитие идей когнитивной лингвистики, признание когнитивной сущности языка в работах отечественных и зарубежных когнитологов (Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, В.И. Заботкиной, О.К. Ирисхановой, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Р. Лэнкера, Л. Талми, Ч. Филлмора и др.) поставили перед наукой о языке новые вопросы, связанные с изучением роли человека в формировании высказываний и осмыслением факторов культуры и социума, в которых осуществляется деятельность человека в процессе речепроизводства и интерпретации мира. Лингвистами, антропологами, биологами, нейробиологами, психологами накоплены многочисленные данные о природе человеческого языка, мозга, сознания и психики в целом (работы К.В. Анохина, М. Л. Бутовской, Н.Е. Веракса, С.В. Савельева и др.).

Получены важные результаты осмысления роли культуры в жизнедеятельности каждого конкретного человека и целых сообществ. Ряд работ посвящен проблемам взаимосвязи и взаимодействия языка, культуры, сознания (см.: [Язык. Культура. Сознание 2005; Язык. Сознание. Культура 2005; Язык. Сознание. Культура. Социум 2008]; ср. также названия монографий и сборников статей: *«Язык и культура»*, *«Язык и сознание»*, *«Язык и мышление»* и значительно реже *«Язык, культура, сознание»*). В иных работах изучаются особенности функционирования языка в рамках конкретных условий и ситуаций (см.: [Alexander 2001; Fishman 1998; Hutchby, Wooffitt 1998]). В них решаются актуальные проблемы современной лингвистики, связанные с пониманием особенностей репрезентации в языке результатов национально-

¹ Термин, который чаще всего употребляется в работах ученых, изучающих дискурс, тексты, язык.

культурной деятельности человека, языка как неотъемлемого компонента культуры и когнитивной системы в целом.

Осознание важности изучения функционального аспекта языка, наблюдения за реальным употреблением языка в процессе общения представителями различных социокультур позволяют ученым обратиться к проблемам взаимосвязи, взаимовлияния и соотношения дискурса, человека (субъекта когнитивно-дискурсивной деятельности, который осуществляет интерпретацию объектов, событий, явлений внешнего мира) и контекста социокультурных знаний субъекта.

Несмотря на достигнутые результаты в области социокогнитивного подхода к дискурсу (в работах Т. Дейка, в частности), лингвистике пока не удается предложить универсальной научной теории, непротиворечиво объясняющей механизм дискурсивного взаимодействия человека с миром окружающей его действительности. Нерешенными остаются также проблемы репрезентации и локализации социокультурных знаний в дискурсе, проблема взаимосвязи социальных и дискурсивных практик, проблема механизмов формирования контекста социокультурных знаний и его реализации языковыми средствами. В этой связи Н.Н. Болдырев замечает, что «часто недифференцированно используются приемы и методы анализа различных научных школ и направлений, их понятийно-терминологический аппарат, не уточняются аспекты проявления культурной и национальной специфики в языке» [Болдырев 2007а: 27].

До сих пор наблюдается отсутствие общего термина или терминосочетания для обозначения социокультурной специфики языка в системном и динамическом аспектах. Наряду с традиционным термином «национально-культурный» известные способы именованья разнообразны: культурное значение, культурные смыслы (*cultural meaning*) (С. Strauss, N. Quinn), культурологическая информация (Е.Г. Беляевская), культурно значимая информация (Е.О. Опарина), культурологический комментарий (В.Н. Телия), национально-культурный компонент (З.Д. Попова, И.А. Стернин), национально-

культурная специфика (Д.О. Добровольский, И.Ю. Марковина), культурное знание (Т.Ю. Сазонова, И.С. Бороздина), этнокультурный компонент (Н.В. Ушкова) и т.д. Пестрота терминов и подходов наблюдается не только в работах, посвященных изучению национально-культурных особенностей отдельных языковых единиц (лексем и фразеологизмов, например) как структурных образований, но также в работах исследователей, описывающих социокультурную специфику речи и учитывающих функциональный уровень дискурса (см.: [Елькина 2012; Приходкина 2007]).

Поиски различий на уровне системных значений часто оформляются в семантические теории языка, в рамках которых на основании языковых данных той или иной общности людей приписываются определенные характеристики: пассивность, эмоциональность, иррационализм, пессимизм русских (подробнее в работах А. Вежбицкой). Наделяя ту или иную лингвокультуру конкретными характеристиками и обнаруживая свидетельства, противоречащие им, исследователи рассматривают последние в качестве исключений из правил, часто не учитывая того, что за языком стоят определенные структуры знаний об особенностях вербального познания мира. Например, отмечается, что «в ряде ситуаций «холодные и сдержанные англичане» в общении демонстрируют удивительную эмоциональность и экспрессивность»; «они часто дают завышенную оценку как собеседнику, так и всему происходящему и наблюдаемому, используя для этого большое количество разнообразных эмоционально нагруженных лексем» [Ларина 2009: 116]².

Однако наличие именно таких «исключений» побуждает к поиску новой теории, обладающей объяснительной силой и учитывающей социокультурные факторы в формировании дискурса субъекта, роль социокультурных

² Далее идет перечисление «эмоционально нагруженных лексем», таких как: *great, excellent, perfect, gorgeous, wonderful, brilliant, superb, fantastic, fabulous, marvelous, divine, ravishing, terrific, delighted, enjoyable* и приводятся примеры: *How absolutely marvelous!* (Как абсолютно чудесно!) (в саду у друга)» [Ларина 2009: 116]. Вероятно, автор приведенной выше цитаты полагает, что по-русски выразить восторг *садом друга* представляется затруднительным или невозможным.

знаний в процессах интерпретации мира. Лингвист, по справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, может заниматься репрезентацией тех или иных категорий и концептов в сознании (ментальных мирах) человека «исключительно только **после того**, как он обнаружил их в естественном языке путем лингвистического анализа представленных в нем языковых форм» [Кубрякова 2006: 29] (выделено автором – О.Д.). С когнитивной точки зрения язык не только является средством формирования и выражения мыслей, но и системой репрезентации знаний: «В рамках когнитивной лингвистики анализ познавательной деятельности человека связывается, прежде всего, с языковыми проявлениями этой деятельности, поскольку язык – главная составляющая когнитивной системы, обеспечивающей осуществление процессов, направленных на получение и обработку, хранение и использование, организацию и накопление структур знания» [Бабина 2003: 43].

Построение теории социокультурной специфики дискурса представляется возможным благодаря обращению к положениям когнитивной лингвистики и ее когнитивно-дискурсивной парадигме исследований, в частности, о том, что:

1. «Построение системы информации о мире происходит задолго до усвоения языка и представляет собой невербальный этап ее образования», а языком кодируется часть, «куски» концептуальной системы [Павилёнис 1983: 101].

2. Язык является средством, позволяющим изучать ментальные репрезентации человеческого опыта, приобретаемого в процессе деятельности [Позднякова 1999: 14].

3. Дискурсивная деятельность человека осуществляется в «сложной системе социально обусловленных и культурно значимых координат»; она «имеет социально-исторические корни и всегда связана с реальными потребностями и намерениями людей, всегда обусловлена конкретными условиями общения (участниками общения, его фоном, местом и временем общения, целями)» [Кубрякова 2008а: 44]. Любая дискурсивная деятельность «облига-

торно связана с информацией – ее передачей от одного лица / коллектива другому лицу / коллективу, ее запросом, ее обработкой и переработкой отдельной личностью или коллективом говорящих» [Кубрякова 2009а: 13-14].

4. Изучение языка должно проводиться «в рамках дихотомии «когниции и коммуникации» как объекта двойственного и диалектически сложного». Существует объективный мир, не зависящий от человеческого разума, с одной стороны, и субъективный мир, который человек конструирует в своем сознании: «Всякому знанию предшествует онтологическая реальность, хотя и в соответствии со всеми допущениями и возможностями, «записанными» в биопрограмме человека, а потому «пропущенная» через его разум (мозг), но все же имеющая, в конце концов, некие материальные, физические основания» [Кубрякова 2009а: 15, 22].

5. Признание трех основных функций языка: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей [Болдырев 2011; 2013г: 53].

6. Признание того, что знания о мире хранятся в обобщенной, категориальной форме, а осмысление поступающей к человеку информации приводит «к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов)» (см. подробнее: [Болдырев 2000а: 22-23; Лакофф 1988; Evans, Green 2006] и др.).

Решение проблемы, заявленной в рамках данной диссертационной работы, таким образом, представляется возможным с позиции когнитивной лингвистики, изучающей активность человека в языке. Когнитивность языка как части мозга, увязанная с идеей «переработки информации, заключенной в любом речевом произведении» [КСКТ 1996: 64], в отличие от его структурно-системных характеристик, предполагает динамическую взаимосвязь языка с сознанием человека, «погруженным» в культуру как среду проживания, с одной стороны, и культуру как продукт деятельности сознания – с другой. В этом состоит принципиальное отличие подходов:

- а) *язык как система знаков* передает коллективные знания, отражает культуру, которая фиксируется языковыми единицами – словами, фразеоло-

гизмами и изучается, например, в этнолингвистике, лингвокультурологии. Так, в работах Н.И. Толстого язык изучается в его отношении к культуре народа как фиксация в языке культурных, народно-психологических, мифологических представлений и «переживаний» [Толстой 1997]. Лингвокультурологи изучают «способности фразеологических знаков *отобразить* современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как «остов» его ментальности, и *выразить* его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах различных типов» [Телия 1999: 15] (курсив автора работы – О.Д.);

- б) язык как познавательная активность (элемент мозга) конкретного человека, а культура как результат его (то есть мозга) работы, изучаемые когнитивной наукой в целом (когнитивной антропологией, когнитивной лингвистикой). Вот почему «найти в языке нечто **вне** семиотического пространства или же **вне** культуры кажется неправомочным» <...> «в языке нет ни единиц, ни категорий, не маркированных культурологически» [Кубрякова 2007: 26].

Когнитивность языка, предполагая его динамичность, обращена к его способности репрезентировать знания человека и выступать средством познания мира как в системе языка, так и в речи. Системная категоризация, по Н.Н. Болдыреву, отражает наши знания о мире так, как они зафиксированы в значениях языковых единиц. Функциональная категоризация предполагает различного рода шкалирование и оценку, необходимые для формирования суждений и высказываний в процессе обработки поступающей информации [Болдырев 2009а].

Стержнем когнитивных наук и когнитивной лингвистики, в частности, является «ее направленность на получение знания о знании, и в фокусе ее внимания находятся многочисленные проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением и оперированием знаниями»; проблемы, «относящиеся к его накоплению и систематизации, его росту; ко всем процедурам, характеризующим использование знания в поведении человека

и, главное, его мышлении и процессах коммуникации» [Кубрякова 2004: 41]. Язык, по Е.С. Кубряковой, представляет собой «лучшее свидетельство существования в нашей голове разнообразных структур знания о мире, в основе которых лежит такая единица ментальной информации, как концепт. Концепты разного типа (образы, представления, понятия) или их объединения (картинки, гештальты, схемы, диаграммы, пропозиции, фреймы) рождаются в процессе восприятия мира, они создаются в актах познания, отражают и обобщают человеческий опыт и осмысленную в разных типах деятельности с миром действительность» [Там же: 57].

Если в биологии, физиологии и медицине возможным становится считывание сигналов с мозга человека, то в лингвистике изучение работы сознания тесно связано с анализом продуктов его (сознания) деятельности, а именно языка как единственного доступа к мыслительной деятельности человека: «Язык – «окно в духовный мир человека, в его интеллект, средство доступа к тайнам мыслительных процессов, и этот поворот в лингвистике заслуживает самого серьезного к нему отношения» [Кубрякова 2012: 26]. По мнению Е.С. Кубряковой, обращение к языку рассматривается сегодня как «наиболее простой доступ к сознанию не потому, что все структуры сознания «изначально» вербализованы», но потому, что «все объяснения о любых объектах выступают для человека в форме вербализованного их описания» [Кубрякова 1992: 11, 24].

Описание языка в парадигме когнитивной лингвистики кардинально отличается от описания языка в иных системах знания о нем. Антропоцентричность языка предполагает его функционирование как речи, погруженной в контекст социокультурных знаний его носителей. Во многих работах дискурс признается уникальной реальностью в процессе человеческого общения: в нем находит отражение динамический процесс познания мира каждым конкретным автором дискурса. Дискурс как результат когнитивной деятельности субъекта, осуществляемой в контексте социокультурных знаний об этой действительности, и механизм проявления социокультурных

знаний в самом дискурсе, в отличие от существующих взглядов, имеет качественно иной характер формирования: в дискурсе как интерпретирующей деятельности, выраженной с помощью языка, субъект одновременно репрезентирует не всю совокупность сформированных знаний и опыта той социокультуры, в которой он проживает, а наиболее значимые с точки зрения субъекта признаки в границах его собственного социокультурного опыта.

Иными словами, роль социума и культуры в дискурсивном поведении субъекта заключается не в том, чтобы навязывать субъекту невербальные нормы, модели, транслируемые предшественниками своим последующим поколениям, а в том, чтобы предоставить возможность человеческому сознанию выбор из многообразия моделей (вербальных и невербальных) освоить те, которые являются значимыми исключительно для конкретного субъекта – интерпретатора мира.

С точки зрения концепции, развиваемой в рамках данной работы, не собственно социокультура как система присвоенных и усвоенных правил, норм, традиций и др. взаимодействия с внешним миром предопределяет те или иные дискурсивные практики и смыслы, а именно человеческое сознание как система социокультурных знаний о мире, в котором живет человек, конструирует действительность и выбирает те языковые единицы, которые наиболее полно и четко с его точки зрения характеризуют фрагмент действительности: «Любая ситуация может быть описана по-разному; разные способы ее кодирования, ее портретирования означают, что ее концептуализация осуществлена в соответствии с разным ее виденьем: она не просто отражена человеком, она определенным образом им «сконструирована» [Кубрякова 2012: 196]. Возникновение когнитивной лингвистики, как справедливо замечает О.В. Магировская, позволило рассматривать такой признак антропоцентричности в языке, как субъективность не только в рамках процесса собственно речевой деятельности во всем множестве её проявлений, но и в рамках деятельности мыслительной, когнитивной [Магировская 2009б: 26].

Таким образом, несмотря на имеющиеся важные результаты, полученные при изучении социокультурной специфики конкретных языковых систем и дискурсов, нельзя признать решенными вопросы, связанные со способами репрезентации социокультурных знаний в дискурсе и собственно особенностями его формирования. Иными словами, не разработан универсальный механизм контекстуальной обусловленности дискурса, который увязан со спецификой социокультурных знаний самого субъекта дискурсивной деятельности. Это предположение можно считать вполне обоснованным, поскольку в последнее время ученые настоятельно отмечают, что «описание межкультурной коммуникации как «диалога культур» является не более, чем метафорой: общаются не культуры, а люди, их представляющие» [Цурикова 2006: 7].

Предпринятая попытка предложить вариант решения проблемы специфики формирования дискурса в контексте социокультурных знаний интерпретирующего субъекта в виде концепции субъектного принципа формирования этой специфики в рамках данной диссертации обуславливает последовательное обращение к таким ключевым понятиям, составляющим понятийно-терминологический аппарат исследования, как: «культура», «дискурс», «контекст социокультурных знаний» в их взаимосвязи с понятиями «субъект», «интерпретация», «знание». Последовательному описанию субъектного принципа формирования социокультурного контекста дискурса как контекста социокультурных знаний субъекта посвящены все последующие параграфы работы.

2. Социокультурная специфика дискурса

2.1. Понятие *социокультурной специфики*

Еще в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ, У. Лабова и многих других исследователей высказывалась мысль о важности изучения не только психологической стороны языка и языковых явлений, но и необходимости изучения закономерностей практического использования языка людьми – членами той

или иной социокультуры (см. подробнее: [Бодуэн де Куртенэ 1963; Лабов: [http](http://)]).

Перечень конкретных различий, обнаруживаемых при сравнении и сопоставлении языков, предметов, объектов, явлений и т.д. и связываемых людьми с национальной культурой, как правило, определяется в терминах национально-культурных особенностей (*национально-культурная специфика речевого этикета, национально-культурные традиции воспитания, национально-культурные особенности делового этикета, национально-культурные центры города* и др.). Учет социального устройства общества определяет разнообразие его социальных институтов как форм организации деятельности людей, социальных закономерностей, социальных отношений и др. Явления, обусловленные как социальными, так и культурными причинами, получают название *социокультурных* [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic/>]: *социокультурная ситуация в обществе, социокультурный срез общества, социокультурная динамика общественных настроений* и др.

В гуманитарных науках понятие «социокультурный» часто используется в социологии, педагогике и методике преподавания, лингвистике в качестве определения к существительным (*портрет, компетенция, факторы*). Так, социокультурный портрет Тюменской области предполагает описание особенностей жизнедеятельности групп людей, объединенных общими территориями (Тюменской областью), ценностями, традициями, жизненным укладом (см. подробнее: [Социокультурный портрет.... 2011]); в области методики обучения иностранным языкам под социокультурной компетенцией подразумевается способность обучающихся к адекватному взаимодействию в ситуации повседневной жизни, представляющая собой совокупность знаний, умений, навыков, формируемых у изучающих иностранный язык в процессе языковой подготовки, способность интерпретировать явления культуры с позиции носителей этих языков и культур (см. подробнее: [Муравьева 2011]). В лингвистике термин «социокультурный» может обозначать экстралингвистические особенности (работы М.Б. Бергельсон), к которым применительно к

исследованиям дискурса относят прагматические, социокультурные, психологические и иные «жизненные» факторы [ЛЭС 1990: 136, 137].

Отмечая в целом использование термина «социокультурный» в гуманитарных науках, следует заметить, что в лингвистических работах термин не получает широкого распространения. Примечательно также, что в исследованиях, связанных с социокультурной (*социально-культурной* в иной терминологии) проблематикой дискурса, в частности компоненты, определяющие суть социокультурных особенностей, часто не расписаны, а подразумеваются *a priori*. Однако материал данного исследования со всей очевидностью свидетельствует о том, что термином «социокультурный» задается конкретное направление анализа языковых фактов, которые получают научное объяснение в результате учета социокультурных факторов, формирующих специфику социокультурных знаний субъекта и специфику его дискурса в целом. Термин предполагает знание социумных и культурных различий как знание, «маркирующее исключительную принадлежность того или иного феномена конкретной культуре» [Болдырев 2014а: 75]. К сфере научных интересов современных частных исследований в лингвистике, как замечает Н.Н. Болдырев, «имеют непосредственное отношение <..> подходы, связанные с анализом специфики формирования и интерпретации языковых значений и смыслов в контексте культуры» [Там же: 79].

Термин «социокультурный» применительно к когнитивным исследованиям дискурса наиболее полно отражает социокультурную обусловленность человеческой когниции и языка как знаковой системы, поскольку с его помощью профилируется значимый признак: субъект является представителем конкретных социокультур (русской, японской, семейной, гендерной, профессиональной, общественной, политической, этнической и др.), проявляя тесную взаимосвязь коллективных (языковых) и индивидуальных (социокультурных) знаний. Как носитель этих социокультур и, следовательно, субъект социокультурных знаний, он формирует дискурс, отражая социокультурную специфику своей концептуальной системы, как правило, каждый раз выводя

в фокус интерпретации один тип знания, наиболее важный на взгляд субъекта, то есть интерпретирует мир в пределах территориального, гендерного, профессионального, бытового знания своей концептуальной системы.

Зависимость субъекта от принадлежности к той или иной социокультуре, выполнение субъектом конкретной деятельности и приобретение им соответствующих знаний, а также сами знания формируют социокультурную специфику его концептуальной системы. В отличие от термина «экстралингвистический», обозначающего параметры социальной (внеязыковой) действительности, обуславливающие изменения в языке как «глобального, так и более частного характера» (принятие решений о создании письменности для бесписьменных языков, законодательная и материальная поддержка функционирования языка, демографические факторы, социальная структура общества) [<http://sociolinguistics.academic.ru>], а также «весьма разнообразные» явления внеязыковой действительности, «в которых протекает речевое общение и под влиянием которых происходит отбор и организация языковых средств» [<http://enc-dic.com/stylistic>], термин «социокультурный» предполагает учет фактора внеязыковой действительности, который, интерпретируясь человеком, становится внутренним, то есть элементом концептуальной системы человека – контекстом социокультурных знаний, в рамках которого, в свою очередь, осуществляется конструирование дискурса (в рамках территориальных, библейских, профессиональных, бытовых и др. знаний субъекта).

Известные иные термины также не специфицируют зависимость когниции именно от социокультурных факторов. В некоторых из них отражается когнитивная способность человека к познанию вообще: «преинформационный запас» (Л.К. Латышев), «предпосылочная база» (Н.Н. Гавриленко), «когнитивный багаж» (Д. Селескович) (см. подробнее: [Аликина, Швецова: [http](http://)]). Наоборот, термин «национально-культурный», например, специфицирует исключительно этнические характеристики субъекта, термин «фоновые знания» - знания общих условий, обстановки, реалий, а также любой известной собеседникам информации [<http://enc-dic.com/translate/Fonove-znanija>]

852.html], тогда как термины «социальный» и «культурный» - групповые и коллективные признаки соответственно.

Описанию схем, структурирующих социокультурные знания субъекта, самих социокультурных знаний, особенностей их проявления в дискурсе и специфики формирования дискурса посвящены последующие параграфы работы, в которых рассматриваются вопросы взаимосвязи субъекта, языка и социокультуры, объясняется специфика понимания субъектом окружающей действительности и формирования его индивидуальной концептуальной системы. При этом под спецификой понимается закрепленный на уровне языка признак, а именно, «особенный, отличительный, свойственный только данному предмету» [СРЯ 1978: 695].

2.2. Человек, социум и культура: особенности взаимосвязи

Важная роль социума и культуры в формировании жизненных ценностей, норм и традиций поведения человека подчеркивается в работах ученых разных научных направлений: в рамках биологии, генетики, антропологии, педагогики, психологии, культурологии, лингвистики. Биологи и генетики, например, констатируют, что однояйцевые близнецы, имеющие идентичный генетический материал, могут демонстрировать различия в социальных знаниях и поведении в зависимости от среды проживания (см., например, работы Н.Е. Веракса, И.В. Равич-Щербо и др.). Значимость социума в жизни человека изучена, например, в психологии и педагогике: адекватная среда способствует «включению» определенных эпигенетических механизмов («спящих» генов); неблагоприятная среда может изменить личность человека независимо от его генетической наследственности (в семье музыканта не обязательно будет воспитан музыкант) (см. работы Е.П. Гуськова).

Социум предполагает деятельность субъекта как члена того или иного социального института, структуры, осуществляемую с точки зрения той или иной роли, которую субъект определяет в процессе своей жизнедеятельности; *культура* подразумевает общие традиции, ценности, которые поддержи-

ваются значительным большинством субъектов. Например, субъекты могут принадлежать к единой национальной культуре, но представлять разные социальные сферы (учитель и шофер в России); структура социальных институтов (семейно-брачных отношений, например, в конце XX и начале XXI веков в России) может формировать установки, не являющиеся доминантными для конкретной культуры. Социальные отношения мужчин и женщин, институты брака и родительства современного общества не соответствуют традиционным представлениям о семейных ценностях русской культуры (см. подробнее: [Позняк 2007]), то есть социум как совокупность индивидов, проживающих в определенном пространственно-временном периоде, может не демонстрировать характерные для той или иной культуры признаки. Само понятие «культура» (русская культура, например) может материализоваться как «русская культура IX века», «русская культура XX века», «русская культура первой половины XX века», «российская культура» и т.д.

Социумом, как правило, номинируют общество в единстве его сфер как сообщество разных масштабов [Шарков 2009]. В специальной литературе признается, что общество может быть структурировано по разным признакам, определяющим его целостность на базе классовых, территориальных, семейных, родовых или других отношений людей. В каждой социальной структуре (группе, подгруппе) действуют определенные социальные нормы, которые закреплены юридически или традициями, морально-нравственными обязательствами. Под *культурой* чаще всего понимают «исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [СЭС 1985: 668]. Термин «культура» употребляется при характеристике определенных исторических эпох, конкретных обществ, народностей и наций, а также специфических сфер деятельности или жизни.

Социум объединяет субъектов по разнообразным видам его деятельности. В основе типологии социальных групп могут лежать общие интересы,

совместная деятельность, гражданская позиция, которые формируют эти группы: шахматные клубы и школы, общественные организации, религиозные объединения, центры изучения иностранных языков, спортивные кружки и секции, центры помощи и др. как внутри малой социальной группы, так и за ее пределами. Все эти и иные виды социальной деятельности осуществляются относительно общих традиций, ритуалов, языка, которые условно формируют «культурный облик» субъекта. Например, обряды бракосочетания одной и той же социальной группы (людей, вступающих в брак) характеризуются различиями в культурных традициях проведения церемонии бракосочетания в России и Великобритании.

Однако в целом именно с *культурой* связаны работы ученых разных научных направлений, в которых объясняются причины специфики неречевого поведения людей и животных (*культура поведения*), речевого поведения людей (*культура речи*), воздействие несвойственных субъектам традиций и обычаев (*культурный шок*), процессы духовного преобразования общества (*культурная революция*), характеристики, свойственные всем культурам (*культурные универсалии*). Культура в рамках *антропологического* подхода изучается как исторически развивающийся образ жизни, представленный многообразием видов деятельности. С точки зрения *семиотического* и *информационного* подходов культура представляет собой «надбиологическую» форму передачи информации. *Когнитивно-антропологический* подход предполагает ориентацию на ментальные возможности культуры как системы знаний, мировидения, миропонимания и др. (см. подробнее: [Зыкова 2014а, 2014б; Лотман 2010; Goodenough 1964]). Исследования *социума* ориентированы на выявление типов поведения в зависимости от положения в обществе (*социальная роль*), изменения места в структуре общественных институтов (*социальная мобильность*), процессов усвоения знаний, общественных норм (*социализация*), платформ, обеспечивающих взаимоотношения субъектов (*социальные сети*).

В качестве значимых компонентов в концепте СОЦИУМ, по данным лексикографических источников и примеров словоупотребления в речи, выделяются признаки «состав группы», «общие интересы», «структура / иерархия отношений, которые могут характеризовать представителя того или иного социума по параметрам: «возраст», «территория», «нормы», «профессиональные предпочтения», «личные убеждения», «роль», включая гендерные социальные роли (например, *Ассоциация женщин-предпринимателей*). В основе типологии могут лежать групповые взаимоотношения членов социума:

- малые социальные группы (*семья, школьный класс*), средние (*сотрудники на предприятии, жители деревни*), большие группы людей (*нация, молодежь, пенсионеры*);

- общность интересов. Предпочтения в спорте, совместном досуге (*занятия йогой, посещение кинотеатра*), а также общность совместной деятельности (*школьники, студенты, политики*) и конкретная предметная деятельность (*инженер, врач, физик*). Совместная деятельность может осуществляться в рамках регламентируемых правил, норм, а также по личным соображениям (*КПРФ, дружеская компания, воровские шайки*);

- иерархия отношений предполагает распределение социальных ролей внутри группы (*начальник, подчиненный, лидер, научный руководитель, аспирант*) (подробнее см.: [БСЭ; <http://slovari.yandex.ru>; НКРЯ]).

Социальные группы, таким образом, имеют различные основания для выделения их в отдельную категорию. Универсальным объединяющим признаком для двух и более групп является их совместная деятельность. В этом смысле в рамках данной работы различаются стабильные социальные группы (учителя, например) и ситуативные, то есть временные (больные, например), вынужденные вступать во взаимодействие и осуществлять деятельность совместно с представителями иных групп – врачами, родными и близкими.

КУЛЬТУРА, по данным лексикографических источников и примеров словоупотребления в речи, характеризуется более разнообразным перечнем характеристик, среди которых со всей очевидностью выделяются признаки

«воспитание», «образование», «уровень развития как результат прилагаемых усилий», «типы и формы организации жизнедеятельности», «система знаний», «конкретная историческая эпоха». В самом общем виде они определяются следующей типологией культур:

- по историческому периоду, этапам (*культура майя*);
- по признаку социально-экономического уклада и развития (*культура собирателей, первобытная культура*);
- по способу общения и передачи знаний (*письменная, бесписьменная*);
- по отношению человека и общества (*коллективные и индивидуальные культуры*);
- по особенностям выполняемой деятельности (*монокронные, полихронные*);
- по национальному признаку (*русская*);
- по конкретной деятельности социальной группы и укладу жизни социальных слоев, которые становятся возможными благодаря общности интересов членов группы (*христианская культура, культура дворянства*);
- по географическому и историческому параметрам (*Восточная культура, Античность, условия обучения, особенности семейного воспитания, культурная среда*) (подробнее см.: [БСЭ; <http://slovari.yandex.ru>; НКРЯ]).

Как правило, *культуре* приписывается важная роль в развитии Человечества в целом, в переключении развития человека с биологического на человека культурного, в частности. Биологи замечают, что приблизительно с начала эпохи позднего палеолита «приостановилось» биологическое развитие человека и физический тип человека приобрел относительную устойчивость видовых признаков. Наряду с этим наблюдается прогресс в развитии материальной и духовной культуры, а следовательно, и психической деятельности человека. Переход эволюции человека с естественного биологического отбора на отбор, осуществляемый с помощью культуры, позволяет некоторым ученым проследить коэволюцию биологии и культуры человека и

признать за культурой одну из основных форм отбора в социальных системах (см. подробнее: [Гуськов 1997]).

В когнитивной психологии, антропологии в 1950-60х гг. неоднократно возникал вопрос о влиянии культурной среды на познавательные процессы, мышление, восприятие и др. Предлагались суждения о неактуальности в человеческом мышлении различий, обусловленных культурной средой, как и мнения, согласно которым культура оказывает свое влияние на мышление человека. К настоящему времени выявлено достаточно много связанных с культурой как внешней средой различий в перцептивном поведении людей, в особенностях мышления, которые оказываются «не свободными» от культурного опыта [Коул, Скрибнер 1977: 119]. Так, М. Харди и С. Хэйэс приводят свидетельства в пользу теории обусловленности восприятия внешней средой: африканские пигмеи – жители джунглей, оказавшись на равнинной местности, отказались поверить в то, что буйволы – это животные больших размеров, поскольку на расстоянии буйволы выглядели очень маленькими. Только очутившись рядом с буйволами, жители джунглей поверили ученым, исследовавшим особенности человеческого восприятия в разнообразной языковой среде [Hardy, Heyses 1999].

Однако взаимосвязь и взаимозависимость *культуры и социума* всегда подчеркивалась учеными разных направлений. Культура у человека, по антропологу Ф. Боасу, представляет собой совокупность моделей поведения, которые усваиваются им в процессе социализации [Боас 1997], когда приобретает опыт, формируются знания той среды обитания человека, в которой он осуществляет свою жизнедеятельность. Важность регулирующей и ориентирующей функций социума и культуры выражена У. Найссером следующим образом: «Люди становятся тем, что они есть, по мере того как они растут в рамках конкретной культуры и конкретной окружающей среды. Люди действуют, основываясь на том, что они знают, и меняются под влиянием последствий своих поступков» [Найссер 1998: 213].

В лингвистических работах проблема «человек – социум – культура – язык» изучается относительно фактов языковой системы. Существуют исследования, ориентированные на важную роль культуры в формировании языка и его единиц, с одной стороны, и значимость социума – с другой. Так, можно выделить работы по фразеологии как культурно обусловленной подсистемы языка [Зыкова 2014а], когда изучаются типы культурной информации – информационные слои в содержании фразеологических знаков (см. подробнее: [Зыкова 2014а; Ковшова 2009б; Телия 1996] и др.). Учет социальных характеристик носителей того или иного языка, а именно таких факторов, как пол, возраст, образование, профессиональная идентичность, лежат в основе целого научного направления в языкознании – социолингвистики.

Решая вопрос о национальной специфике вербальной категоризации реальной действительности, Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин устанавливают, что «если и есть нечто специфическое в мыслительной деятельности носителей того или иного языка, то источник его следует искать во внешней деятельности, деривате мышления» [Тарасов, Сорокин 1977: 20]. Вся национальная специфика, по мнению авторов, «гнездится» в операциях – способах совершения действий, которые (способы) целиком зависят от условий. Под условиями ученые понимают не только естественные условия окружающей среды, но и артефакты, нормы социального взаимодействия и др.: «Наличие не совпадающего в разных языках содержания у слов, соотносимого с тождественными реалиями, определяется национальной спецификой деятельности и возникающими на ее основе социальными отношениями» [Там же: 25].

Культуру как наследие, исторический опыт и *социум* как среду, повседневный опыт предлагает рассматривать Н.Н. Болдырев [Болдырев 2007а]. Например, социальный институт учительства в любой национальной культуре складывается на протяжении длительного исторического опыта взаимоотношения субъектов с представителями разнообразных социальных структур и в рамках конкретной национальной культуры проявляет свою индивидуальность, свою специфику. Важность подхода, при котором учитывается

принадлежность субъекта не только к национальной культуре, но и к социуму / социумам, становится очевидной на основании данных самих языков. Например, пользуясь одним и тем же русским языком как частью культуры русского народа, носители русского языка употребляют разные языковые единицы для обозначения одного и того же объекта реального мира: *денежные знаки* - в официальной / профессиональной ситуации общения и *бабки* – в сфере преступного мира (*Бабки гони*).

Именно поэтому в рамках данной работы используется термин «социокультурный», с помощью которого подчеркивается тесная взаимосвязь социума и культуры в жизни каждого конкретного субъекта: социум как общая для членов определенной социальной группы среда и культура как способ аккумуляции, хранения и передачи человеческого опыта в исторической перспективе [Болдырев 2007а]. В нем как профилируется дифференцирующая роль социума и культуры в жизни человека (*средний класс, рабочий класс, Неолитическая культура; культура Древнего Египта* в отличие от культуры *майя*, например), так и подчеркивается интегрирующий характер (*культура майя* как общность наследия целой группы людей) [НКРЯ; <http://slovari.yandex.ru>].

Исходя из многочисленных толкований терминов «социум» и «культура», разнообразия подходов к изучению роли социокультурной среды в жизни людей, контекстов употребления соответствующих слов в речи (см.: [НКРЯ]) в рамках данной работы под *социокультурой* подразумевается многоаспектное знание матричного формата (о матричном формате знания см. подробнее: [Болдырев 2009а; Croft, Cruse 2004; Langacker 1987]). Он (формат) сформирован системой когнитивных контекстов / областей концептуализации, которые носят опциональный характер и не предполагают обязательное одновременное ассоциирование компонентов матрицы с определенным словом или концептом: компоненты матрицы имеют доступ к различным концептуальным областям, «ни одна из которых не является строго обязательной или доминирующей» [Болдырев 2009а: 49]. Преимущества мат-

ричной структуры состоят в возможности свести воедино знания о разных аспектах одного явления, а компоненты матрицы могут отличаться не только по количественному показателю, но и по уровню сложности: «содержание компонентов, входящих в состав матрицы, может значительно варьировать в пределах от обыденного до экспертного знания» [Болдырев, Алпатов 2008: 6].

Таким образом, матрица СОЦИОКУЛЬТУРА (или матричный формат концепта СОЦИОКУЛЬТУРА) – это совокупность концептов и отношений между ними, предполагающая определенную фокусировку, выделение некоторых областей, к числу которых относятся виды и результаты деятельности человека, сообщества людей, совокупности ценностей, норм и др.

Концептуальный анализ выявляет следующие области концептуализации, в рамках которых происходит осмысление термина «социокультура», особенно значимых для данного диссертационного исследования: 1) НОРМЫ; 2) РОЛИ; 3) ТРАДИЦИИ; 4) ЦЕННОСТИ; 5) ОПЫТ; 6) ЭТНОС; 7) ЯЗЫК; 8) ДИСКУРС 9) ЗНАНИЕ; 10) СРЕДА (см. возможность выделения компонентов ОДЕЖДА, ПОСЕЛЕНИЯ, ВОСПИТАНИЕ, НАУКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО, ИСКУССТВО, РЕЛИГИЯ и др. [Болдырев 2000а, 2008а] в зависимости от области самого проводимого исследования (лингвистики и культурологии, например)).

В качестве компонентов матрицы могут выступать отдельные матрицы, когнитивные контексты которых также специфицируют аспекты соответствующих понятий и их конкретное содержание. Например, компонент ЗНАНИЕ матрицы СОЦИОКУЛЬТУРА также является матрицей, открывающей доступ к нескольким концептуальным областям, например, ИНТУИЦИЯ, ОПЫТ, СТЕРЕОТИПЫ и др., а компонент ЯЗЫК – к концептуальным областям СЕМИОТИКА, ЛИНГВИСТИКА, КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА, КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА. В домене СРЕДА профилируются концептуальные области СЕМЬЯ, РОД, КЛАСС и т.д., то есть любые группы, свидетельствующие о типе отношений людей друг с другом и, следовательно, характе-

ристике человека относительно той или иной общности, с одной стороны, и компонент КОНТЕКСТ, например, – с другой.

На фоне этих знаний происходит не только «формирование и понимание соответствующих языковых значений», но и проявляется их культурная специфика [Болдырев, Алпатов 2008: 6]. Например, анализ семантики слов «культура» и «culture», их производных, а также словоупотреблений в речи позволяет «выявить национальную специфику данного концепта и приоритетность тех или иных концептуальных признаков в соответствующем обществе» [Болдырев 2000а: 34] и сделать вывод о том, что в русском языке слово «культура» включает разные сферы человеческой деятельности, а не только интеллектуальную, духовную, как в английском языке, где также выделяется дополнительный компонент «искусственно созданный» [Там же]. Следует еще раз отметить, что именно результаты когнитивно-матричного анализа позволяют последовательно по мере развития концепции ввести в терминологический аппарат диссертационного исследования термин «социокультурный».

Таким образом, любой представитель той или иной социокультуры характеризуется принадлежностью к разнообразным группам людей: соотечественников, говорящих с ним на одном языке и, следовательно, имеющих общие коллективные знания, отраженные в этом языке; объединениям людей по территориальному основанию (семья, жители Москвы, петербуржцы, школьники 11-х классов г. Москвы); к группе людей по профессиональным (врач, архивариус), религиозным (христианин, мусульманин), ролевым (руководитель крупной организации) и гендерным (бизнес-леди) основаниям, в том числе. Представитель той или иной социокультуры является носителем конкретной системы норм, ценностей, установок, которые он усвоил и усваивает в результате воспитания, обучения, жизнедеятельности в той или иной социокультуре, то есть приобрел и приобретает **знания** о ней.

Представляя ту или иную ситуацию с помощью языка, как отмечает Н.Н. Болдырев, «человек привлекает весь спектр знаний об этой ситуации

<...> и акцентирует внимание на том или ином ее аспекте или элементе, соответствующим образом профилируя эти знания, придавая им конкретную конфигурацию и добиваясь тем самым передачи нужного смысла» [Болдырев 2014а: 164]. Важную часть этих знаний составляют социокультурные знания. Они определяют социокультурную обусловленность человеческой когниции и языка как знаковой системы и репрезентируются в дискурсе за счет интерпретирующей функции метаконцептов в составе когнитивно-дискурсивной интерпретанты (КДИ) (о метаконцептах и КДИ см. параграфы 3.4 – 3.4.2.). Проблема специфики социокультурных знаний освещается в следующем параграфе работы.

2.3. Проблема знания с точки зрения когнитивной лингвистики. Специфика социокультурных знаний

Центральным понятием в когнитивной лингвистике является понятие «знание», под которым чаще всего подразумевается продукт познавательной деятельности. Знание, играя важную роль в жизни человека, выполняет адаптивную функцию, то есть функцию приспособления человека к окружающей среде: «Чтобы обеспечить себе нормальное существование, человек должен обладать определенной совокупностью знаний об окружающем его мире и обязательно об объектах, включенных в разные типы его повседневной деятельности, а также о способах обращения с ними» [Кубрякова 2004: 10].

Основываясь на многообразии действительности и человеческой деятельности, в частности, типология знаний чаще всего описывается в виде двучленной структуры: знания научные противопоставляются ненаучным, знания языковые – неязыковым и т.д. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, можно предложить разнообразные основания для типологии знаний и различать, например, знания экспериментальные и «умозрительные», личностные и коллективные, научные и обыденные, и «каждое такое противопоставление позволяло бы охарактеризовать знание в новом аспекте

и / или с новой точки зрения» [Кубрякова 2008б: 23]³. Важно заметить, что, складываясь в особую концептуальную систему, все знания человека являются «вторичными» по отношению к миру объективной реальности [Магировская 2009б: 42].

Поскольку одно из направлений современных когнитивных исследований в лингвистике связано с изучением различных типов знания и способов их языкового представления, то анализируются особенности оценочного, диалектного, гендерного, научного, инферентного и других типов знания; разрабатываются отдельные аспекты их языкового представления и устанавливаются структуры знания, стоящие за языковыми формами различных уровней (см. обзор в: [Беседина 2008]). Знание о мире, по Е.С. Кубряковой, представляет собой знание о разных объектах («объектное знание»), одним из которых является язык [Кубрякова 2004: 10].

Исследователи разных научных направлений обращают внимание на то, что одни и те же объекты внешней действительности воспринимаются по-разному разными субъектами. И.К. Архипов в этой связи замечает: «Одни и те же признаки предмета **группируются** в различных коллективах по собственным законам когнитивной категоризации в различные конфигурации в силу **различного интереса** (внимания) к ним, а потому и различной оценки существенности той или иной группировки признаков» [Архипов 2008: 160] (выделено автором цитаты – О.Д.) (см. также: [Кравченко 2013]).

Способность субъекта обращать внимание на значимые с его точки зрения явления, события и др. определяется его социокультурными знаниями, в том числе: концептуальная система человека обусловлена культурой и всегда конкретна (см.: [Болдырев 2007а]). Например, знания об ответственной должности для представителей разных социокультур определяют разные модели поведения: «Для одного человека *ответственная должность* озна-

³ Выделяют также донаучные, житейские, художественные, эмпирические, рациональные, процедуральные, декларативные, религиозные, философские, специальные и др. [КСКТ 1996: 29; Шарандин 2008: 86].

чает много работы, для другого – новые возможности карьерного роста, для третьего – способ поправить свое материальное положение» [Болдырев 2012: 41-42].

В лингвистических исследованиях подчеркивается мысль о способах выражения знаний: вербальном / языковом, то есть с помощью языковой системы, а также невербальном / неязыковом – с помощью иных семиотических средств. В этом случае говорят о знаниях о мире и знаниях о языке. Иными словами, как замечает Е.С. Кубрякова, знания могут быть ословленными (вербальными), то есть имеющими языковую привязку, и неословленными (невербальными), например, умение или навыки шить, вязать [Кубрякова 2004: 10]. По уровню овладения знаниями говорят о коллективных и индивидуальных знаниях (см. подробнее в работах Н.Н. Болдырева, например).

Невербальный способ репрезентации знаний лежит в основе формирования социальных норм, способов и моделей поведения. При необходимости любое знание вербализуется. Языковое знание, как замечает Н.Н. Болдырев, весьма неоднородно по своему содержанию: «это знание языковых единиц, форм, категорий, синтаксических конструкций, их значений и функциональной специфики» [Болдырев 2009в: 92]. Будучи достоянием коллектива, оно формируется тремя типами: 1) вербализованное знание об объектах окружающего мира, отраженное в лексических значениях языковых единиц (вербализованные концепты); 2) знание собственно языковых форм, их значений и категорий, отражающих специфику языковой организации, а также специфику представления знания о мире в языке; 3) знание языковых единиц и категорий, имеющих внутриязыковую природу и служащих целям интерпретации и репрезентации любого концептуального содержания в языке [Там же].

В когнитивной лингвистике неоднократно высказывалась мысль, что коллективные знания закреплены в системном значении языковых единиц: языковая система репрезентирует коллективные знания, так называемую «объективную концептуальную систему», в отличие от «индивидуальной концептуальной системы», по Р. И. Павилёнису [Павилёнис 1983], репрезен-

тирующей индивидуальные знания субъекта в дискурсе: «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 350] (подчеркнуто автором – О.Д.). Именно язык, по мнению Н.Н. Болдырева, как правило, хранит коллективное знание. Если процесс познания мира человеком всегда индивидуален и базируется «на его собственном опыте приобретения знаний на основе практического, ментального или вербального взаимодействия с реальностью», то вербальное общение «предполагает тот или иной уровень стандартизации знаний, определенную степень овладения ими со стороны всех участников коммуникации как членов культурной, национальной, территориальной, социальной, профессиональной или другой общности людей, то есть **коллективность** знания» [Болдырев 2008в: 26] (выделено автором цитаты – О.Д.).

Коллективные знания, репрезентируемые языком и сконфигурированные в плане объема, содержания и интерпретации [Болдырев 2009в], суть индивидуальные знания человека о мире. Поскольку познание всегда индивидуально, то индивидуальность знания у человека «проявляется в индивидуальном характере количественного и содержательного показателей уровня усвоения коллективного знания в его индивидуальной оценке и интерпретации» [Там же: 94]. Два полюса «коллективное» – «индивидуальное», как замечает Н.Н. Болдырев, постоянно взаимодействуют в языке; именно они позволяют создавать великое множество смыслов, авторский стиль, по-новому интерпретируя реальность (см. подробнее: [Болдырев 2009в, 2011]). В результате обобщенность и абстрактность, присущие системе языка, приобретают единичную конкретность, характерную и необходимую для ее речевого функционирования [Магировская 2009б: 228].

Коллективность – индивидуальность знания предполагает правомерность выделения контекста коллективных и индивидуальных знаний. Кон-

текст коллективных знаний как совокупность языковых знаний конкретной этнической общности (русских – носителей русского языка, например) и / или конкретной социальной группы (геймеры – носители компьютерного сленга, например) выступает основой владения лексико-грамматическими особенностями того или иного языка, является базовым в процессе интерпретирующей деятельности субъекта и соответствует вербально-семантическому уровню в терминологии Ю.Н. Караулова [Караулов 2007]. Контекст индивидуальных знаний формируется личностными устремлениями субъекта, его ценностными ориентирами и установками, которые он усваивает в рамках жизнедеятельности в конкретной социокультуре. Контекст индивидуальных знаний коррелирует с тезаурусно-когнитивным и мотивационно-прагматическими уровнями языковой личности Ю.Н. Караулова.

В классификации знаний на обыденное – научное, эмпирическое – выводное, языковое – неязыковое, коллективное-индивидуальное и др. социокультурным знаниям отводится важная часть знаний о мире в виде совокупности концептов, возникших и возникающих в сознании человека в результате его жизнедеятельности как члена общества и культуры, выполнения им социальных ролей, участия субъекта в разнообразных взаимосвязях с представителями иных субъектов – носителей социокультурных знаний о мире, а также с природными объектами, артефактами и др.

Типология социума и культуры задает типологию знаний субъекта о конкретной социокультуре. Осуществляя разнообразную деятельность (языковую, интеллектуальную, трудовую) и взаимодействуя с людьми, объектами, субъект формирует знания о мире. Так, жизнедеятельность человека в рамках семейных отношений той или иной страны (России, Франции, например) формирует знания об особенностях бытовых и правовых взаимоотношений мужа, жены, детей, знания о системе законодательства по вопросам семьи и брака (у каждого субъекта знания могут существенно различаться) и т.д. Деятельность субъекта как представителя того или иного профессионального сообщества (юриста, аспиранта) в границах той или иной нацио-

нальной культуры лежит в основе знаний субъекта об этой деятельности, включая разнообразные взаимосвязи с иными областями жизни человека. Другими словами, структура окружающего мира как структура объектов и их взаимосвязей обуславливает специфику концептуальной картины мира, а опыт в конкретных областях и сферах жизнедеятельности субъекта представлен в виде областей и сфер знания о мире (см. подробнее об этом работы Н.Н. Болдырева).

Данная теоретическая установка согласуется с точкой зрения о том, что принадлежность к культуре определяется наличием «базового стереотипного ядра знаний» [Прохоров 2009], повторяющегося в процессе социализации индивидуума в социокультуре. Ученые выделяют «культурный фонд» («когнитивную базу») как совокупность обязательных знаний и представлений конкретного сообщества, которыми в той или иной степени овладевает субъект (см. работы Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, Ю.Е. Прохорова и др.). Признается, что комбинаторика элементов опыта образует специфику культуры (см. работы Т.М. Дридзе и др.).

Структура окружающей действительности, определяя специфику ее восприятия, оказывает влияние и на языковую репрезентацию мира носителями того или иного языка. С одной стороны, языковой опыт субъектов предстает в виде структур знания о мире, закрепленных в языке, и формирует языковую картину мира как коллективную когнитивную схему концептуализации и категоризации мира и его объектов, событий, то есть интерпретацию мира и знаний о нем. В сознании человека, как замечает Н.Н. Болдырев, языковая картина мира представлена концептуально-тематическими областями. В них находит отражение разнообразие опыта человека и его деятельности, которые закрепляются в языке. В когнитивной системе человека, по мнению Н.Н. Болдырева, этот опыт условно представлен в виде таких концептуально-тематических областей, как ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ЖИВОТНЫЙ МИР, АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ и т.д. (см. подробнее: [Болдырев 2013а: 15]). Каждая из областей, в свою очередь, структурируется в виде бо-

лее частных областей и отдельных концептов. Например, контекст профессиональных (социокультурных) знаний субъекта может быть сконструирован им относительно концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК и репрезентирован концептами ОБРАЗОВАНИЕ, МЕДИЦИНА, НАУКА, ТЕРАПЕВТ. Контекст региональных (социокультурных) знаний формируется на базе концептуально-тематических областей АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО и репрезентирован концептами ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА, ИСТОРИЯ, ФРАНЦИЯ и т.д.

Эти области являются универсальными для большинства социокультур, поскольку сопряжены с повседневной жизнедеятельностью человека как биологического и разумного существа. Специфика их содержания и структуры определяется знаниями о различных сферах деятельности человека в рамках определенной социокультуры. Например, в концептуальной области АРТЕФАКТ может быть выделена концептуальная область СООРУЖЕНИЯ, представленная разнообразными концептами и категориями. В рамках русской языковой культуры концепт ДОМ активизируется языковыми единицами разной структуры: *особняк, квартира, однокомнатная квартира* и др. Для носителей английского языка концепт HOUSE неразрывно связан с концептом HOME. Они активизируются на уровне языковой системы такими языковыми единицами, как: *detached house, shared house, single-owner apartment, attached house, nursing home* и др. Языковые единицы разносистемных языков профилируют разные социокультурные знания субъектов-носителей этих языков. Внутри одной лингвокультуры, однако, эти знания являются коллективными, образуя контекст коллективных знаний субъекта (носителей русского языка или носителей английского языка). Например, *трехкомнатная квартира* в сознании носителей русского языка представлена прототипом квартиры с залом и двумя спальнями, одна из которых может быть использована в качестве детской; наличие кухни подразумевается. Английская языковая единица *three-bed room house* используется для наименования жилища с тремя спальнями, несмотря на то, что в помещении, как правило,

имеются зал, кухня и т.д. В этой связи перевод предложения *That morning she had a headache and stayed upstairs* на русский язык *В то утро у нее болела голова и она не вышла к завтраку* обусловлен знаниями переводчика о том, что «в традиционном английском доме наверху всегда только спальни, а гостиная, столовая, кухня - на первом этаже. Поэтому понятия *upstairs* (вверху, поднявшись по лестнице) и *downstairs* (внизу, спустившись по лестнице) подразумевают образ жизни и устройство дома, то есть все то, что обозначается словом *house* и что в ряде моментов существенно отличается от русского слова-понятия *дом*» [Тер-Минасова 2004: 63].

С другой стороны, структура и содержание концептуально-тематических областей зависят от социокультурного опыта конкретного человека, места его рождения, среды обитания, круга общения, образования, профессиональной среды, возраста, гендерных особенностей, уровня жизни и социального статуса и т.д. [Болдырев 2014б: 36], то есть концептуально-тематические области выступают в качестве основы для формирования индивидуальных когнитивных схем структурирования мира и знаний о нем [Болдырев 2014в: 120], определяя тем самым концептуальную систему субъекта, по Р.И. Павилёнису. В следующих примерах активизированы социокультурные знания субъекта, отражающие его

- архитектурный опыт: *Поэтому, наверное, и выстроенный ими дом получился в плане зодчества весьма своевременным и прогрессивным для того времени и оттого на редкость красивым* [НКРЯ]; *As the house is of the Georgian period, I was thinking of oak as a possibility, but I would be most grateful if you could let me know what other types of wood are suitable, either hardwood or softwood, including some of the foreign hardwoods that are not available* [BNC];

- опыт субъекта о доме из концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК / ДЕТИ: *Здесь все на своем месте: игрушки, книжки и даже дети. А по-другому и быть не может: детский дом есть детский дом. Здесь свои законы* [НКРЯ];

- опыт и знания о доме субъекта-дошкольника отображен в концептуально-тематической области МАТЬ: *Дом / это когда мама дома.*

По мнению А.А. Леонтьева, жизнь человека складывается из совокупности сменяющих друг друга видов деятельности. Именно в деятельности ученый видит взаимопереход между полюсами «субъект – объект»: переход идеального в объективные результаты (в материальное) и переход материального в субъективный образ (см. подробнее работы А.А. Леонтьева). Познавательная деятельность, по А.А. Леонтьеву, заключается в «распредмечивании» действительности при помощи языка, в том числе. Социокультурный опыт субъекта концептуализируется в языке в виде социокультурного знания, которое, в свою очередь, репрезентируется на разных уровнях (языковыми средствами фонологического, лексического, фразеологического и других уровней). Социокультурный смысл, передаваемый от субъекта адресату, возникает под влиянием социокультурных факторов – знаний национальной, религиозной, профессиональной, территориальной специфики окружающей его среды. Социокультурный смысл формируется на фоне энциклопедических знаний, объективированных языковой системой, то есть коллективных знаний субъекта - представителя этнической / общественной / профессиональной / семейной и иных групп.

Специфика социокультурных знаний в сознании человека, таким образом, определяясь социокультурными факторами окружающей действительности, взаимодействием человека с людьми, объектами, артефактами в рамках социокультуры, не может не проявляться в языке, который, в свою очередь, в качестве когнитивной системы отражает статический и динамический аспекты познавательной деятельности, то есть не может не проявляться в *языке–системе* и *языке–функции*, то есть *дискурсе*. Традиции описания социокультурной специфики языка-системы и дискурса приводятся в следующих параграфах работы (2.4. и 2.5.1. соответственно). Описание социокультурной специфики дискурса предваряется параграфом о конститутивных признаках дискурса (2.5.).

2.4. Традиции научного описания социокультурной специфики языка и языковых единиц

Если когнитивность языка увязана с идеей «переработки информации, заключенной в любом речевом произведении» [КСКТ 1996: 64], то его общественный характер усматривается в связи с возникновением человеческого общества: «формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу» [Энгельс, цит. по: ЛЭС 1990: 607].

Вопросы, связанные с изучением социальной природы языка и общества, так или иначе касаются соотношения языка и культуры, механизм взаимодействия которых волновал философов и филологов на протяжении сотен столетий. В разные годы и века высказывались мнения относительно *созидающей* функции языка как «духа народа» и деятельности (Г. Гегель, В. Гумбольдт), *социальной* функции языка как средства общения (классики марксизма), *коммуникативной* функции языка как системы знаков в передаче информации (особенно после работ Ф. де Соссюра), *когнитивной* функции языка как процесса переработки информации, как способа познания мира, *интерпретирующей* функции языка (см. подробнее в работах Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова) и др.

Социальная природа языка в отечественном языкознании XX века изучалась с точки зрения влияния внеязыковых социальных факторов на язык. С одной стороны, в центре исследовательских интересов были вопросы, связанные с социальной дифференциацией языка, а с другой – изучению подвергались социальные факторы (возраст, уровень образования и др.), обуславливающие использование языковых средств [ЛЭС 1990].

Пристальное внимание ученых-лингвистов к проблеме взаимосвязи и взаимовлияния культуры, социума и языка традиционно обусловлено внешними и внутренними причинами: расширением контактов, процессами глобализации; интересом познать «дух» народа через его язык, по В. Гумбольдту, соответственно. Эти причины формировали необходимость профессионального изучения данной проблемы и разработки специальных теорий. Еще

в конце XX века в рамках лингвострановедческой теории слова элемент семантики слова, благодаря которому язык выступает в качестве хранения духовных ценностей культуры, именуется лексическим фоном (см. подробнее: [Верещагин, Костомаров 1980]), а факторы, определяющие общение представителей культур на национальном языке, обозначаются термином «*фоновые знания*», к которым ученые-языковеды, специалисты по переводу относят общие для коммуникантов знания условий общения, обстановки, окружения, реалий – те общечеловеческие, региональные и страноведческие знания, возникающие в сознании человека и той общности людей, к которой они принадлежат (работы Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Г.Д. Томахина и др.).

Языку предписывается важная роль хранителя культуры (в работах С.Г. Тер-Минасовой, например). Исходя из того, что в языке культура «находит» знаковые (материальные) тела для воплощения своих смыслов (работы Ю.М. Лотмана), к таким языковым знакам культуры традиционно относят единицы языка, функционирующие отдельно, взятые «сами по себе», вне контекста, которые фиксируют значимую для той или иной культуры информацию (ср.: *Ноев ковчег, самовар, перестройка*). По мнению ученых, человеческий язык – это «уникальный материальный носитель информации» [Зыкова 2011], артефакт культуры, адаптационный механизм, обеспечивающий выживание (подробный обзор см.: [Зыкова 2011]), биосоциальное явление и др.

По сложившейся традиции понятие «культурный» в лингвистических работах, с одной стороны, увязывается как с кодом культуры (работы М.Л. Ковшовой, В.Н. Телия), так и идеей отличительного, нетипичного для родной культуры (в работах И.А. Стернина и З.Д. Поповой) – с другой. Применительно к фразеологическому уровню языка В.Н. Телия отмечает: «Культурная коннотация – это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996: 214]. В содержании культурологического комментария выявляются и описываются «живущие во фразеологизмах культур-

ные смыслы на основе соотнесения фразеологизма со сферой культуры как особой знаковой системы, отображающей с древнейших времен мировидение и мироосознание человеком макро- и микрокосмоса и морально-нравственных ценностей человеческого «общежития» в них» [БФСРЯ 2009: 12].

Процесс репрезентации «культурных смыслов» (в терминологии М.Л. Ковшовой) [Ковшова 2009а: 252] связывается со способностью исследователя опираться на собственные знания и представления об устройстве мира и реконструировать «процесс корреспонденции фразеологизма с теми пластами культурного знания, которыми в том или ином объеме, в силу своей культурной компетенции, он, как носитель языка, владеет» [Там же: 254]. Специфика фразеологизмов как «культурно-языковых знаков» (терминология И.В. Зыковой) описывается через: а) макрометафорические концептуальные модели, в которых «сохраняется и накапливается вся культурная информация» как «память социума, говорящего на данном языке» и б) с помощью «информационных слоев в содержании любого фразеологического знака», а именно: эмоционально-чувственной, этической, эстетической информации, архитектурной, мифологической, религиозной, философской и научной информации (подробнее см.: [Зыкова 2014а]).

Изучая лексику, И.А. Стернин полагает: «Понятие национальной специфики семантики может быть уточнено следующим образом: национальная специфика семантики лексической единицы представляет собой отличие ее по составу семантических компонентов от значений близких по семантике слов другого языка, включая случаи полной безэквивалентности значения» [Стернин 2007: 99]. Другими словами, проблема, условно обозначенная как «национально-культурная специфика» языка и его единиц, решается преимущественно (за некоторым исключением) с позиции структурного подхода, предусматривающего самостоятельность единиц языка, их функциональную «независимость».

Обзор отечественной и зарубежной литературы позволяет утверждать, что изучение национально-культурной специфики языка и языковых единиц осуществляется в рамках лингвострановедческого, этнолингвистического, лингвокультурологического подходов, теории этносинтаксиса, этнопрагматики. Тщательно изучены и описаны лексический фон, оформилась лингвострановедческая теория слова, создаются словари языка и культуры (например, *Dictionary of English Language and Culture*, а также работы лексикографической школы на базе Ивановского госуниверситета), определена культурная семантика фразеологических средств языка (работы И.В. Зыковой, М.Л. Ковшовой, В.Н. Телия).

В этнолингвистике, как и в целом в лингвокультурологии, независимо от средств и способов формального воплощения изучаются явления, которые по своей сути не обязательно являются языковыми: слово, предмет, обряд, изображение и т. д. – в этнолингвистике [Толстой 1997], мультикультурализм, этноцентризм, культурный релятивизм, аккультурация, культурная диверсификация» – в лингвокультурологии [Городецкая 2007: 5]. В.И. Карасик выделяет так называемые лингвокультурные концепты, которые составляют так называемый «концептуарий культуры» [Карасик 2005]; Г.Г. Слышкин – лингвокультурный метаконцепт [Слышкин 2004]; Ю. С. Степанов – базовые концепты культуры как исторически обусловленные и постепенно эволюционирующие константы, специфика которых раскрывается посредством этимологического анализа лексем, объективирующих тот или иной концепт, анализа словоупотреблений, а также «послойной» реконструкции концепта (см. работы Ю.С. Степанова).

В этносинтаксисе в сопоставительном аспекте изучены некоторые грамматические категории, свидетельствующие, по мнению авторов теории, о «культурной логике» говорящих на языке [Enfield 2004]. В теории этнопрагматики [Goddard 2006] и контрастивной межъязыковой прагматики [Bardovi-Harlig, Hartford 2005] выявлены «культурные скрипты» в некоторых культурах как своеобразные «ходы» мышления на том или ином языке

[Goddard 2006: 5; Wierzbicka 1994; 2006], описаны маскулинные и феминные черты культур, логика культур (cultural logic) и языковая продуктивность, синтаксис нескольких лингвокультур во взаимосвязи с социальным устройством общества (см. подробнее: [Enfield 2004] и др.).

Устоявшийся в рамках структурного направления взгляд на язык как «зеркало культуры», в котором «отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова 2008: 19], сформировал целые научные направления в изучении языка и культуры, языка и национального характера. До сих пор в лингвистике доминирует тезис о том, что «языковые различия – свидетельства различий в культуре» [Хроленко 2004: 11], а национальный характер можно выявить, основываясь на данных языка (см.: [Вежбицкая 1996; Ларина 2009] и др.).

Имеются работы, в которых языковой материал часто является доказательством наличия или отсутствия тех или иных этнокультурных черт и национальных характеристик того или иного лингвокультурного сообщества. Мнение о пассивности, эмоциональности, фатализме и иррациональности русских основано на анализе лексических и синтаксических средств русского языка (безличных предложений, в частности) (см. работы А. Вежбицкой). Однако очевидно, что судить о характере народа только по языку – значит, игнорировать такие важные формы культуры, как литература, кино, и др.: «Так, важной составной частью русской культуры является, например, русский балет, но едва ли анализ лексической семантики русского языка даст нам ключ к пониманию каких-то его существенных характеристик» [Шмелев 2002: 295].

Наряду с исследованиями, характеризующимися выраженной тенденцией абсолютизировать непосредственное влияние культуры на языковую систему (см., например: [Гладкова 2010]), ученые также признают, что куль-

турологически значимая информация представлена по меньшей мере в двух типах единиц: 1) «в денотативных реалиях как слова, обозначающих реалии материальной и духовной культуры конкретного общества типа *affirmative action* – *антидискриминационное законодательство, учитывающее необходимость пропорционального приема на работу или в учебные заведения всех меньшинств, этнических и сексуальных* и 2) коннотативных реалиях как слова, обладающих дополнительными коннотативными признаками и вызывающими в сознании носителя языка определенные культурно-исторические ассоциации: *pork barrel* – *государственная кормушка, использование государственной казны в интересах отдельных штатов, а не всего государства*» [Гуральник 2009: 10].

В ряде работ выстраивается типология культурно-маркированных значений: по форме выражения; с точки зрения соответствия формы и содержания; по месту культурного компонента в семантической структуре наименования; по способу передачи содержания; с точки зрения выражения отношения к обозначаемому явлению в конкретной лингвокультуре; по степени выраженности культурного компонента; по удельному весу культурного компонента; по количеству представленных в наименовании культур и т.д. [Леонтович 2008].

Об отсутствии единой системы анализа свидетельствует, в частности, тот факт, что сама культурозначимая информация репрезентируется различными способами: культурным фоном, семами, лакунами и т.д. Поэтому существует многообразие методик описания культурно-маркированных значений языковых единиц: метод установления лакун И. Ю. Марковиной и Ю. А. Сорокина, методика контрастивного анализа лексики И.А. Стернина, приемы семантико-когнитивного описания концептов З.Д. Поповой и И.А. Стернина и др.

Устоявшийся взгляд на взаимосвязь языка и культуры, таким образом, предполагает их прямое соответствие / связь: а) предметы материальной или духовной культур и языковые единицы, их обозначающие (*спутник* и *пере-*

стройка как предметы и лексемы); б) актуальность явления в жизни человека и языковые единицы, выражающие соответствующие значения (ср.: *молодожёны* и * *старожёны*); в) языковые единицы и выражаемые ими культурные смыслы (например, в семантику фразеологизма *звезд с неба не хватает*, по мнению М.Л. Ковшовой, «входит культурный смысл обычный; без выдающихся способностей; не достигший больших успехов» [Ковшова 2009б: 23]. Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова полагают, что слова *механизм*, *гайки* и др. в составе более крупных единиц – фразеологизмов – *запустить механизм*, *закручивать гайки* и др. «наделяются определенными культурными значениями» [Гудков, Ковшова 2007: 10].

Структурный подход к изучению взаимодействия человеческого языка и культуры, а также фокус внимания исключительно на языковых (коллективных) знаниях в рамках данного исследования представляется не совсем приемлемым. Будучи ориентированной на описание конкретных языковых уровней языка и его категорий, структурная парадигма не предполагает учета основного положения когнитивной лингвистики о том, что «язык не обладает самодостаточностью» [Магировская 2009б: 40] и не может быть описан вне когнитивных процессов, осуществляемых сознанием субъекта, который живет в социокультурной среде. Когнитивный поворот в языкознании учитывает теорию значения языковых единиц, согласно которой «значение выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является и ракурс, выбираемый «концептуализатором» при рассмотрении ситуации для выразительного портретирования ее» [КСКТ 1996: 73]. Следовательно, попытки увидеть в лексике и грамматике языка прямое воздействие социокультурных факторов оказываются, по справедливому мнению М.Б. Бергельсон, «весьма спекулятивными» [Бергельсон 2007: 4].

Учет этого положения обеспечивает решение проблемы, которое видится, прежде всего, в осмыслении языка и социокультуры во взаимосвязи с человеческим сознанием. В пользу данного положения правомерно привести

несколько аргументов. Во-первых, когнитивный характер языка, его психологическая основа, постулируемые многими отечественными учеными XIX и XX веков (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.С. Выготский, Н.В. Крушевский, А.Р. Лурия, Е.Д. Поливанов, А.А. Потебня, И.М. Сеченов, Л.В. Щерба и др.), предполагают понимание языка как средства формирования и выражения мысли. Во-вторых, активность человеческого сознания проявляется в индивидуальном восприятии мира и себя в нем, в избирательности в выборе событий, явлений, характеристик окружающего мира, которые в акте концептуализации представляются субъекту наиболее важными и, следовательно, подлежащими интерпретации (см. подробнее: [Магировская 2009б]).

Язык как когнитивная система отражает когнитивные свойства человеческого сознания (избирательность внимания, значимость физического опыта в процессе осмысления абстрактных сущностей, метафоричность мышления). По замечанию ученых, язык выступает источником данных о природе человеческого разума и фиксирует «когнитивное членение мира в нашем сознании» [Болдырев, Гаврилова 2004]. Сознание человека, в свою очередь, эволюционируя в той или иной социокультурной среде, с неизбежностью формируется под влиянием социума и культуры, в которых проживает субъект и осуществляет свою деятельность, дискурсивную, в том числе. Дискурсивная деятельность как одна из важных деятельностей человека не может быть свободной от влияния социокультурных факторов среды, которые обеспечивают социокультурную обусловленность человеческой когниции: функционирование языка всегда осуществляется в сознании человека, связано с его деятельностью, знаниями, социокультурными знаниями, в том числе (о функциональном аспекте языка см. подробнее: [Болдырев 2009г]). Именно поэтому в работах многих исследователей дискурс рассматривается как «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова). Основополагающие признаки дискурса рассматриваются в следующем параграфе работы.

2.5. Конститутивные признаки дискурса

Понятие «дискурс» является одним из наиболее востребованных в современных научных исследованиях. Дефиниции термина «дискурс» часто зависят не только от материала исследования и предпочтений авторов научных работ, но и от научной области и направления, а также научных традиций страны (ср.: коммуникативная стилистика, изучающая текст в речедейтельном аспекте в России, и критический анализ дискурса, направленный на выявление доминирования в языке, – за рубежом).

Широкий научный диапазон работ и разнообразный фактический материал для проведения дискурсивного анализа обеспечивают термину «дискурс» многозначность и метафоричность толкований (см.: [Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ 2006]). По замечанию Н.П. Дворцовой, в настоящее время дискурс является не только лингвистической и литературоведческой категорией, он активно используется в культурологии, философии, журналистике, психологии, теории коммуникации, то есть во всем комплексе гуманитарных наук: «им пользуются исследователи различных и, более того, полярных методологических ориентаций» [Дворцова 2000: 3].

Ставшее классическим определение дискурса (франц. *discours* «устная речь», «разговор», «текст») как текста в событийном аспекте и речи, «погруженной в жизнь» [ЛЭС 1990], формирует понимание дискурса и как сложного коммуникативного явления, зависящего от знаний, целей автора (об этом работы И.Р. Гальперина, Т. ван Дейка и др.), и речевой практики в процессе интерактивной деятельности участников коммуникации (об этом работы В.И. Карасика, М.Л. Макарова и др.).

Различаются формальный и функциональный подходы к исследованию дискурса, которые, в свою очередь, ориентируются на определенные цели и задачи (критический анализ дискурса как функциональный подход направлен на изучение языкового воздействия на сознание адресата, например). Формальный подход предполагает «абстракцию» от экстралингвистических фак-

торов формирования дискурса, в результате чего дискурс определяется как язык выше уровня предложения (см. об этом работы D. Shiffrin, D. Tannen). Функциональный подход к дискурсу с учетом внелингвистических знаний автора дискурса определяет дискурс как употребление языка, ориентированное на интенциональную деятельность человека. В самом общем виде он представлен критическим анализом дискурса (см. работы N. Fairclough), социокогнитивным (работы T. Dijk) и социокультурным (работы D. Carbaugh) направлениями.

Ориентируясь на описание взаимоотношений «Человек / Общество – Язык – Мир», каждое из направлений сфокусировано на решении частной задачи: критический анализ дискурса - на выявлении способов манипулирования общественным сознанием для достижения политического доминирования в обществе; социокультурный анализ дискурса ориентирован на понимание языка как средства общения представителей социальных групп; когнитивный – на типологию когнитивных операций и связанных с ней типологию дискурсивных стратегий; социокогнитивный – сосредоточен на вопросе: «Как социальные ситуации влияют на использование языка и дискурса?» и ориентирован на экспликацию знаний (см. подробнее, например: [Dijk 2010]).

Примечательно, что в каждом из перечисленных подходов к анализу дискурса прослеживаются основные установки когнитивной лингвистики, поскольку «языковое функционирование невозможно рассматривать вне когнитивных, познавательных процессов» [Болдырев 2009г: 33]. Недостаточное внимание исследователей к когнитивным наукам и когнитивной лингвистике, в частности, по справедливому замечанию Т. Дейка, препятствует развитию дискурсивного анализа (см. подробнее: [Dijk 2010; Hart 2010]).

В связи с разнообразием подходов к исследованию дискурса в последнее время в системе гуманитарных наук наблюдается тенденция к интегрированному его пониманию как конкретного коммуникативного события, фиксируемого в письменных текстах и устной речи, которое осуществляется в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникатив-

ном пространстве, с одной стороны, и как совокупности тематически соотнесенных текстов - с другой [Чернявская 2006: 75, 76].

Исследователи предполагают, что дискурс – это «единственный заведомо реальный лингвистический объект», имеющий две формы своего проявления (on-line и off-line) [Кибрик 1994]. Существует богатая научная традиция изучения *устной* коммуникации (дискурса on-line) (работы В.В. Богданова, М.Л. Макарова, Х. Сакса, Э. Щеглова и др.), *письменной* коммуникации (дискурса off-line, то есть письменных текстов), а также текстов, семиотически *осложненных* несколькими кодами (креолизованные, поликодовые тексты), представленная работами зарубежных и отечественных исследователей (Е.Е. Анисимова, А.Г. Сонин, G. Kress, T. van Leeuwen и др.). Термин «поликодовый» чаще всего обозначает сложные вербально-изобразительные тексты (работы М.Б. Ворошиловой, А.Г. Сониной, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова и многих других ученых). Под креолизованными текстами понимают семиотически осложненные тексты, «в структурировании которых наряду с вербальными применяются иконические средства, а также средства других семиотических кодов (цвет, шрифт и др.)» [Анисимова 2003: 3]. Некоторые исследователи вводят понятие «видеовербального» текста как текста, состоящего из знаков «двух семиотических систем»: лингвистической и нелингвистической, которые «интегрируются и образуют сложно построенный смысл» [Мишина 2007: 5]. Другие – описывают поликодово-полимодальные тексты как тексты, представляющие собой гетерогенный, но единый перцептуальный поток информации [Винникова 2009].

Визуальный ряд приобретает все большую значимость в передаче информации, а включение в него языка совместно с изображениями, рисунками, киноматериалами, клипами, по мнению Е.С. Кубряковой, «позволяет думать о том, что трудно отдать пальму первенства в изучении дискурса письменной или же устной форме коммуникации» [Кубрякова 2004: 528]. Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков отмечают, что «лингвистам не удастся уйти и от

семиотики, и от семиотических аспектов в рассмотрении проблемы репрезентаций» [Кубрякова, Демьянков 2009: 31-32].

В содержании термина «дискурс» сегодня, как замечает Е.С. Кубрякова, «отражаются новые веяния в понимании языка, новые повороты в его исследовании <...>, а также накопленный опыт анализа языка в новой системе координат» [Кубрякова 2012: 119]. Традиционная типология текстов расширяется по разным основаниям (художественный текст, научный текст, монологический, диалогический, гипертекст, прецедентный текст, поликодовый текст, медиатекст и др.) за счет причисления к текстам текстов-примитивов (вывески, заглавия книг, названия спектаклей) на основании того, что в этих единицах также репрезентированы итоги мыслительной деятельности субъекта. Е.С. Кубрякова предлагает изучать их как «свидетельства особого парадигматического ряда, где самый сжатый текст находится в одном ряду с синонимичными ему развернутыми («нормальными») текстами и где в начальном тексте-примитиве уже содержится некая свернутая до предела программа его дальнейшего возможного развертывания» [Кубрякова 1994: 20].

Несмотря на многочисленные и достаточно объемные толкования дискурса (П. Серио, например, приводит восемь значений [Серио 1999]), в соответствии с целями и задачами данного исследования представляется целесообразным и оправданным обратиться к пониманию дискурса в когнитивной лингвистике и ее когнитивно-дискурсивном направлении, обоснованном в трудах Е.С. Кубряковой, в частности. Такой подход предполагает выявление сущностных признаков дискурса, увязывая их с когнитивной деятельностью человеческого мозга и, следовательно, антропоцентричностью языковой деятельности человека в целом. Он ориентирован на поиск категориальных признаков дискурса и обращен к «внутреннему» человеку, к его речемыслительной активности в социокультурной среде.

Понимание дискурса в когнитивно-дискурсивном направлении когнитивной лингвистики строится с учетом важной психологической особенности человека и основывается не на аристотелевских бинарных категориях-

оппозициях, а на принципе семейного сходства, согласно которому все явления в мире «объединены сетью переходящих друг в друга сходств» (network of overlapping similarities) [Ungerer, Schmid 2006: 29], признавая, таким образом, проведение четкой демаркационной линии между явлениями несостоятельным.

Поскольку человек оперирует не словами, не предложениями или фразами, но «всегда фрагментами текста» [Караулов 2007], то дискурс на современном этапе развития когнитивной лингвистики понимается как «высшая реальность языка» (см. подробнее: [Кубрякова 2012: 114]). Противопоставление «дискурс – текст» в когнитивной лингвистике снимается: понятие дискурс Е.С. Кубрякова связывает с **использованием** языка в конкретных **условиях** коммуникации, **выборочности** употребленных при этом языковых средств, **зависимости** от целей коммуникативного акта [Там же: 118], а текст толкуется как информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего адресата, а также как результат активности человека, «итог речемыслительной деятельности его создателя», по Е.С. Кубряковой [Кубрякова: <http>], а значит, **результат когнитивно-дискурсивной деятельности** человека: «Нет и не может быть таких текстов, которые не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления», которые «не явились бы также конечным итогом дискурсивной, то есть социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности» [Кубрякова 2004: 516]. Это делает текст возможным объектом концептуального и когнитивного анализа, то есть «позволяет установить, с каким видением мира мы столкнулись в данном тексте, что и по какой причине привлекло внимание человека, какие именно фрагменты знания и оценок в нем закреплены» [Там же].

Понятия «текст» и «дискурс», как отмечает Е.С. Кубрякова, следует различать, однако понятия эти отнюдь не противопоставлены друг другу, то есть не являются взаимоисключающими. Дискурсивно ориентированное описание текста, по Л.И. Гришаевой, означает попытку совместить динами-

ческий и статический аспекты изучения речемыслительной и коммуникативной деятельности участников общения, а также попытку «вскрыть мотивы использования коммуникантами тех или иных языковых средств для реализации своей интенции на материале целостного, сложного, иерархически организованного образования» [Гришаева 2006б: 49].

Отказываясь от противопоставления формальных и функциональных признаков дискурса-текста, устного модуса и письменного модуса и т.п., в когнитивной лингвистике дискурс и текст определяют перечнем их характеристик. Во-первых, отношение текста и дискурса строятся на критериях «статика» - «динамика». Так, изучение дискурса on-line связано с поиском «состояния человека в момент речи и текущим сознанием», тогда как описание дискурса off-line предполагает выявление результатов концептуализации и категоризации мира и «сложившейся в мозгу человека языковой картины мира» (см. подробнее: [Кубрякова 2012: 122]). Во-вторых, поскольку за текстом стоит система социокультурного знания создателя текста (субъекта), то дискурс является ее «своеобразным языковым коррелятом» (в терминологии Е.С. Кубряковой). Именно поэтому справедлива точка зрения о том, что дискурсивный анализ выступает как средство исторической и идеологической реконструкции «духа времени» [Там же: 118]. В третьих, поскольку естественный дискурс не может состоять из одного предложения, Е.С. Кубрякова предлагает «исключить и в дальнейшем применение термина «дискурс» по отношению к **изолированному** высказыванию / предложению» [Там же: 116] (выделено автором цитаты – О.Д.). Следовательно, неизоллированное высказывание, маркированное связностью с предыдущим дискурсом субъекта, также может условно рассматриваться в качестве дискурса (о связности в дискурсе см.: [Бирвиш 1981]).

Примечательно, что в зарубежной теории дискурсивного анализа понятие «дискурс» предполагает еще более широкое толкование, которое маркируется орфографически: discourse и Discourses. Так, дискурс (со строчной буквы и в ед.ч.) номинирует человеческую активность к производству и «по-

треблению» текстов устного и письменного модусов в определенном контексте (discourse as the unfolding activity of producing and consuming language in a given communicative context). Дискурсами (с прописной буквы и во мн. ч.) обозначают конвенциональные способы говорения в том или ином «социальном домене» (Discourses as conventionalized ways of “seeing” / speaking in a given social domain, e.g.: conservative, liberal Discourses) [Gee 1990]. Другими словами, к дискурсу относят любые результаты когнитивно-дискурсивной деятельности человека.

Подход, предлагаемый в рамках данного диссертационного исследования, задуман как универсальный способ описания проблемы сложного взаимодействия человека (субъекта), социума, культуры и языка, который мог бы быть применим не только к анализу конкретного типа дискурса (on-line или off-line, например), а к любым результатам когнитивно-дискурсивной деятельности по интерпретации мира в виде высказываний; как концепция, объясняющая особенность формирования социокультурной специфики дискурса, учитывающая факторы социокультурных знаний субъекта независимо от жанра, формата, модальности дискурса и т.д. В работе особо подчеркивается, что функционирование языка подразумевает активизацию когнитивно-дискурсивной деятельности субъекта в контексте его концептуальной системы относительно конкретной ситуации (в прошлом, настоящем или будущем; вымышленной или реальной ситуации). Поэтому в рамках данной работы дискурс предполагает языковую активность в контексте знаний субъекта; активность не сама по себе, а активность, погруженную в социокультурные знания субъекта.

Широкий подход к *дискурсу* как к «речи, погруженной в жизнь», по Н.Д. Арутюновой, как к функционированию языка в контексте социокультурных знаний субъекта, то есть как языковой интерпретации в процессе когнитивно-дискурсивной деятельности, имеет следующее важное преимущество: снимаются ограничения в жанровом разнообразии материала исследования, что, в свою очередь, позволяет проследить, выявить и объяснить

общий принцип, схемы и конкретные механизмы формирования социокультурной специфики дискурса. Не являясь с точки зрения формы дискурсом, отдельные высказывания с точки зрения когнитивно-дискурсивной активности человеческого сознания и активизации социокультурных знаний, представляя менее прототипические образцы дискурса, условно в рамках данной работы рассматриваются в качестве «дискурсивных» примеров, поскольку отображают специфику контекста социокультурных знаний субъекта (о контексте социокультурных знаний субъекта см. параграф 3.2.). Изложение основной части развиваемой в данной работе концепции предваряется параграфом о существующих традициях описания социокультурной специфики дискурса.

2.5.1. Традиции научного описания социокультурной специфики дискурса

Противопоставление *языка как системы* и *речи как деятельности* обусловило изучение свойств системно-языковых значений и речевых смыслов. По Р.И. Павиленису, смыслы порождаются человеком по ходу интерпретации мира, возникая на основе того, «что индивид думает, воображает, представляет, знает об объектах мира» [Павиленис 1983: 280]. В этой связи традиционно разграничивают системное значение знака как отношение знака к обозначаемому им предмету и его смысл как функциональную реализацию этого значения (Л.С. Выготский, С.Д. Кацнельсон, А.А.Леонтьев, А.А. Потебня и др.).

Понимание культуры как результата «переведения некоторого участка действительности в зафиксированную определенным образом информацию» [Лотман 2010: 397] не предполагает наличие строго фиксированного способа кодирования информации. Следовательно, культура фиксируется не только в конкретных знаковых (материальных) телах. Для изучения дискурса важным представляется функционирование этих знаков в системе социокультурных

знаний субъекта, интерпретирующего реальную действительность и проявляющего дискурсивную активность.

Вопрос о проявлении социокультурной специфики в дискурсе, то есть в процессе функционирования языка относительно ситуации, в которой оказываются субъекты, в зависимости от понимания дискурса находится в фокусе внимания нескольких научных направлений: лингвистического анализа текста, контрастивной риторики, межкультурной коммуникации, дискурсивного анализа. Наиболее разработанными являются такие приемы анализа, как анализ интеракций в социолингвистике [Fishman 1998; Lippi-Green 1996; Ncoko, Osman, Cockcroft 2000], корпусный анализ текстов [Stubbs 1996], критический анализ дискурса [Fairclough 2006], социально-семиотический анализ [Pedema 2001], вербально-визуальный анализ [Kress, Ogborn, Martins 1998]; [Swann 1998], социокультурный анализ дискурса [Alexander 2001; Mercer 1995], конверсационный анализ [Hutchby, Wooffitt 1998; Schegloff, Sacks 2004], контрастивно-риторический анализ [Connor, Davis, De Rycker 1995] и др. Предпринимаются попытки к интеграции нескольких методик анализа (см.: [Lee 1996; Stubbs 1996]), изучается значимость функций языка и неязыковых систем в поликодовых текстах той или иной лингвокультуры (см.: [Kress 1998]).

Общая идея работ, выполненных в рамках перечисленных выше научных направлений, сводится к тезису о том, что, функционируя, язык не является абстрактной системой знаков и символов, а представляет собой неотъемлемую часть социальной жизни. Материализуясь конкретными текстами в опосредованном во времени общении (автора и читателя, например) и в процессе непосредственного общения (on-line), дискурс, согласно перечисленным выше направлениям, демонстрирует универсальные и индивидуальные особенности той культуры или социальной группы, к которой принадлежит его носитель (носители). Например, Р. Александер, выявляя начальные ходы ведения диалога со школьниками в институциональном дискурсе Индии, обнаруживает двухкомпонентную модель речевого хода: инициация диалога со

стороны учителя – ответ ученика (initiation – response). В отличие от «индийской», «русская» и «британская» модели репрезентируют три речевых хода: инициация диалога со стороны учителя, ответ ученика и обратная связь (feedback). Автор обнаруживает различия в речевом ходе «обратная связь»: «русская» модель, в отличие от «британской», содержит элементы оценочного дискурса и прямого стиля общения (*Да, правильно / Нет, неверно*). «Британская» модель построения урока, по мнению автора, характеризуется концентрацией на содержании образовательного процесса, а не установлении доверительных отношений (как в «индийском» дискурсе), непрямым стилем общения с нарушающими дисциплину учениками, стратегиями включенности (we-inclusive), избеганием терминологии [Alexander 2001].

В контрастивной риторике изучены модели построения текстов на материале арабского, китайского, японского, корейского, испанского и др. языков. В 60-х годах XX века Р.Б. Каплан, изучая тексты, написанные на английском языке студентами, для которых английский язык не является родным, предположил, что культурную принадлежность студентов, изучающих английский язык, можно установить по структуре написанных ими текстов. Исследователь выявил пять способов построения текстов: английский (English), семитский (Semitic), восточный (Oriental), романский (Romance), русский (Russian) [Kaplan 1972].

Важно подчеркнуть, что различия в письме не обязательно свидетельствуют о различиях в понимании мира, а могут быть результатом системы образования, принятой в том или ином социуме, и основываться на традициях письменной культуры той или иной страны. Эти различия не обязательно свидетельствуют о стиле мышления представителей определенной культуры: «различные по культуре группы людей чрезвычайно отличаются друг от друга своими представлениями, теориями объяснения мира, художественными произведениями и техническими достижениями» [Коул, Скрибнер 1977: 210].

Исследованы особенности построения текстов заявления на работу, написанных на английском языке фламандскими и американскими студентами,

выявлены их (текстов) структурные, смысловые, социокультурные особенности [Connor, Davis, Rycker 1995; Connor 1999; 2008]. В результате выводы, к которым приходят отдельные авторы, касаются конкретных проявлений национально-культурной обусловленности дискурса, выявленных либо на однородном фактическом материале (исключительно художественные тексты, например), либо с единых методологических позиций, применяемых для разнородного материала, то есть в качестве единиц анализа избираются нетождественные по своей сути явления как собственно языковые, так и психолингвистические, общепсихологические, а также факторы, связанные с культурной традицией речевого и неречевого поведения, с социальной ситуацией и социальными функциями общения, с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности (см.: [Национально-культурная специфика речевого поведения 1977]). Описываются обращения, приветствия и прощания в речевом этикете отдельных языковых сообществ (см. подробнее: [Аршавская 1977; Лендел 1977; Осипов 1977] и др.), лингвокультурные модели (в работах М.Б. Бергельсон), речевые и коммуникативные ходы (в работах М.Л. Макарова, R. Alexander). Имеются также исследования, в которых национально-культурная специфика дискурса сводится к описанию таких коммуникативных фактов, как коммуникант, деятельность, интенции и др., поскольку вербальная составляющая дискурса, по мнению этих ученых, является производной от лингвистических и экстралингвистических факторов (см.: [Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен 2005]).

Сложность проблемы национально-культурной обусловленности дискурса побудила ученых многих поколений обратиться к парадигмам нескольких научных направлений и подходов, в поисках системного анализа привлечь разнообразный фактический материал: тексты известных науке жанров, модальностей, форматов. Так, изучая художественный текст как «модель некоторого культурологического фрагмента, в котором зафиксированы национально-специфические особенности вербального и невербального пове-

дения того или иного этноса» [Марковина, Сорокин 2008: 5], ученые отмечают, что любой текст как форма фиксации знаний о мире, созданный определенным автором, обладает национально-культурной спецификой, обусловленной историческим временем и интеллектуальным состоянием общества / автора, в контексте которых он был создан. В нем обязательно эксплицитно или имплицитно выражается отношение создателей текстов / автора, даются оценки конструируемым или описываемым событиям, предметам, которые основаны на ценностях, нормах и правилах, характерных для определенного периода развития человеческого общества (см. работы Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарина и др.).

Интегрированный подход с привлечением понятийного аппарата прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации, предпринятый исследователями к текстам разного формата, сводится либо к конкретным структурам представления знаний, либо изучению одного из модусов дискурса (устному, например) или отдельному формату (исследуется полимодальность рекламного текста, например). Так, отмечается, что анализируя фрейм-структуры сознания и их конкретное воплощение, «мы анализируем дискурс в свете лингвокогнитивного подхода с точки зрения его (дискурса) культурной составляющей» [Красных 2004: 250].

Признается, что «нарушения прагмалингвистической адекватности дискурса иноязычными коммуникантами обусловлены причинами когнитивного характера, связанными с существованием у них дискурсивных моделей родной языковой культуры и их влиянием на иноязычный дискурс» [Цурикова 2002а: 9]. В критическом дискурс-анализе, а также теории речевого воздействия Р. Липпи-Грин устанавливает, что в речи отрицательных героев мультфильмов, в отличие от речи положительных персонажей, используются элементы произносительной нормы и лексики, характерные для культуры маргинальных социальных групп, для которых английский язык является неродным [Lippi-Green 1996]. Ученые приходят к выводу о том, что стилистически нейтральные слова могут выражать дополнительные смысловые при-

знаки в дискурсе того или иного представителя той или иной лингвокультуры [Stubbs 1996], а смена языкового кода и переключение «с языка на язык» является демонстрацией социальных установок и норм, принятых в той или иной социальной группе (см.: [Ncooko, Osman, Cockcroft 2000]).

Однако, несмотря на имеющиеся важные выводы, полученные при изучении проблемы реализации национально-культурного компонента в дискурсе, результаты не позволяют ученым предложить системный подход к описанию социума, культуры и дискурса, а также объяснить противоречивые данные исследователей, работающих в одном научном направлении, но с разным фактическим материалом, единой научной теорией. Например, изучая гендер как социальную категорию, ученые обнаруживают свидетельства, ставящие под сомнения правомерность вывода о существовании феминного и маскулинного речевого поведения. Все чаще высказываются мнения о том, что следует избегать генерализаций по поводу того, что дискурс мужчин и женщин различается по определенным параметрам (вербальным репрезентантам). Исследователи не без оснований отмечают, что обнаруживаются гораздо более существенные различия в речи женщин высокого и низкого социального статуса, чем в речи мужчин и женщин одного классового сословия либо мужчин и женщин одной профессии. Иными словами, под сомнение ставится однозначная принадлежность экспрессивов, юмора, протяженности слов, мены ролей исключительно одному гендерному типу [Redeker: <http>]. В парадигме интеракциональной социолингвистики П. Фишман удается доказать, что женщинам отводится активная, сильная роль в ведении разговора с представителями мужского пола [Fishman 1998], что противоречит известным теориям взаимосвязи гендера и языка (см. работы Д. Таннен, С. Тин-Туми).

Традиция изучения национально-культурной специфики дискурса поддерживается теорией национально-культурных коммуникативных стилей и дискурсивных стилей в рамках отечественной коммуникативистики и концепцией кросс-культурных вербальных стилей - в зарубежной теории и прак-

тике межкультурной коммуникации (работы Л.В. Куликовой, С. Тин-Туми и др.). Научный подход к исследованию стилей как маркеров «национально-культурной» специфики представлен в следующем параграфе.

2.5.2. Понятие *стиля* в исследованиях дискурса и типология дискурсивных стилей

Как известно, в языкознании стиль – это разновидность языка, закрепленная, с одной стороны, традицией в данном обществе за одной из наиболее общих сфер социальной жизни – в быту, в официально-деловой сфере – и отличающаяся от других разновидностей того же языка лексикой, грамматикой, фонетикой. В этом смысле лингвисты говорят о существовании нейтрального, книжного, разговорного стилей (работы М.Н. Кожинной и ее учеников). С другой стороны, стиль – «принцип отбора и комбинации наличных языковых средств» [ЛЭС 1990: 494]. Под стилем в этом смысле понимают *общепринятую манеру*, обычный способ исполнения какого-либо конкретного типа речевых актов (ораторская речь, дружеское письмо), а также *индивидуальную манеру*, то же, что функциональный стиль, и языковую парадигму эпохи (см. например: [Лютикова 2000]).

Понимание стиля как манеры речи, изложения мысли закрепляется в межкультурной коммуникации для обозначения способа, тональности общения, регистра, а также формата дискурса, которые могут быть присущи как отдельному индивиду, так и целому языковому сообществу [Communicating Ethnic and Cultural Identity 2004: 36]. Признается, что носители двух языков в аналогичных коммуникативных условиях обычно реализуют характерный их языковой культуре *дискурсивный стиль* [Цурикова 2007: 104] как «манеру речи» (способ ведения дискурса) носителей языковой культуры, которая определяется «регулярным и последовательным использованием ими определенных интерактивных и языковых стратегий устной и письменной коммуникации» [Гришаева, Цурикова 2007: 305], либо *вербальный стиль коммуникации* (в иной терминологии) как «доминирующую манеру общения, прояв-

ляющуюся в большинстве коммуникативных ситуаций» [Стернин, Ларина, Стернина 2003: 97] (см. также: [Жданова 2008: 12; Ting-Toomey 1999]), а также *коммуникативный стиль*, который «содержит конвенционально-поведенческую составляющую и обнаруживается не только в вербальном оформлении коммуникации, но и на уровне неязыкового контекста, в невербальном поведении участников общения» [Куликова 2006б: 184] (см. также: [Стернин 2003]). Взгляд на коммуникативный стиль как на «манеру общения» поддерживается многими исследователями. Коммуникативный стиль, как правило, употребляется для модуса вербальной и невербальной коммуникации (работы Е.В. Ждановой, Л.В. Куликовой, И.А. Стернина и др.).

Изучая стиль коммуникации, исследователи исходят из того, что значимые в каждой культуре нормы и ценности проявляются в коммуникативных действиях представителей культуры, а используемые при этом коммуникативные средства комбинируются особым, типичным для данной лингвокультуры способом, «определяя генерализованные языковые паттерны (образцы), которые следует рассматривать как коммуникативный стиль лингвокультуры» [Куликова 2009: 111, 120]. В этой связи Л.В. Куликова отмечает: «Не подлежит сомнению, что основная доля дискурсивной специфики в разных языках и культурах обусловлена именно особенностями национальных коммуникативных стилей, образующих своего рода стержневое основание дискурсивных практик языковой личности» [Там же: 140].

Аналогичные размышления приводятся в других работах (см. подробнее: [Ларина 2009; Стернин, Ларина, Стернина 2003]), в которых «дискурсивный стиль» определяется через понятие «*национальный коммуникативный стиль*». При таком подходе типология дискурсивных стилей «наследует» типологию невербальных способов и моделей поведения в обществе, характерных для каждой конкретной культуры в рамках всей страны (США, Германии, Японии и т.д.). Так, базовая модель поведения *индивидуалистских* культур характеризуется ориентацией каждого субъекта на собственный (=индивидуальный) мир интересов, потребностей и предпочтений, на при-

знание личной ответственности; представители *коллективистских* культур (Япония), наоборот, ориентируются на соблюдение интересов всей группы, общие ценности, разделение ответственности между представителями группы и др. (подробнее в работах Э. Холла, Г. Хофштеде и др.). Перенос этих моделей невербального поведения в дискурс формирует мнение о том, что речь представителей индивидуалистских культур также ориентирована на индивидуальные ценности, языковая репрезентация которых осуществляется, например, за счет использования местоимения первого лица в единственном числе (местоимение «я»); в речи представителей коллективистских культур, наоборот, преобладает местоимение первого лица во множественном числе (местоимение «мы») и т.д. (см. подробнее в работах С. Тин-Туми и др.).

Научные исследования вопроса о национально-культурной специфике дискурса привели к разработке теории кросс-культурных вербальных стилей, которая сводится к тезису о том, что речевое поведение человека отображает характеристики той культурной среды, в которой он проживает. Эта теория является определяющей в выборе позиции научного исследования многими авторами, поддерживающими постулат о том, что компоненты, маркирующие дискурсивное поведение, необходимо выявлять с применением культурных измерений Э. Холла, Г. Хофштеде и др., а описание социокультурной специфики дискурса проводить согласно положению, сформулированному теоретиками межкультурной коммуникации (Р. Сколлон, С. Сколлон), социологами (С. Тин-Туми) и некоторыми лингвистами (А. Вежбицкая, Т.В. Ларина). Оно, в частности, базируется на признании тезиса о том, что культура детерминирует (определяет) коммуникативный стиль (и дискурсивный стиль, в частности), а особенности той или иной культуры как невербальной схемы поведения можно «перенести» на вербальное поведение представителей этой культуры (по типу однозначного соответствия).

Теория культурных измерений Э.Холла (теория высокого и низкого контекстов, в частности) и ментальные программы Г. Хофштеде (дистанция власти; коллективизм – индивидуализм; маскулинность – феминность; избе-

гание неопределенности; долгосрочная ориентация) послужили базой для изучения так называемых «вербальных стилей коммуникации» (cross-cultural verbal communication styles) как способов организации мысли с помощью языка, характерных для представителей тех или иных стран (см. подробнее: [Грушевицкая, Попков, Садохин 2003; Gudykunst, Ting-Toomey, Sudweeks, Stewart 1995; Scollon, Scollon 2001; Ting-Toomey 1999]).

В самом общем виде в *высококонтекстных*⁴ культурах передаваемая информация заключена в самой ситуации и определяется статусными отношениями общающихся, предыдущим ходом общения, имплицитной манерой ведения разговора; *низкоконтекстные* культуры, наоборот, характеризуются прямой (эксплицитной) манерой поведения и речи; *дистанция власти* предполагает «измерение» иерархии социальных взаимоотношений общающихся; *коллективизм-индивидуализм* ориентирован на индивидуальные, либо групповые ценности, избираемые субъектом в процессе общения; *маскулинность – феминность* транслирует мужской и женский типы поведения на целые культуры (агрессивность и доминантность мужских культур по сравнению с сотрудничеством женских); *избегание неопределенности* свидетельствует об

⁴ К высококонтекстным культурам Э. Холл относит культуру Японии, к низкоконтекстным – культуру США. Таким образом, индивид рассматривается Э. Холлом с точки зрения его принадлежности к стране. Однако, по сути, идея различать высококонтекстные и низкоконтекстные сообщения (messages) и соответствующие культуры ориентирована на фактор адресата и связана с фоновыми знаниями участников общения. По мнению Э.Холла, низкий контекст (low context) подразумевает *недостаток* фоновых знаний у адресата, вследствие чего говорящий вынужден с помощью языка (значительного количества языковых средств) донести смысл до адресата, тогда как адресату высокой культуры (high context) достаточно *минимальных* языковых средств (намек) для того, чтобы он понял смысл, передаваемый говорящим: говорящий и адресат высококонтекстных культур уже «контекстуализированы» в коммуникацию. При этом идея намека в теории Э. Холла увязывается с имплицитным стилем общения, тогда как «подробная» передача смысла языковыми средствами подразумевает эксплицитный (прямой) стиль. Последний, в свою очередь, необходимо активизировать для того, чтобы адресат понял тот смысл, который задумал передать говорящий (см. подробнее работы Э. Холла).

отношении человека к потенциальным переменам в его жизни; *долгосрочная ориентация* – готовность жертвовать сиюминутной выгодой ради будущих перспектив (см. подробнее в работах Э. Холла, Г. Хофштеде).

Опираясь на эти измерения культур, ученые приводят следующую типологию вербальных стилей: *прямой - переносный* (direct versus indirect), *эксплицитный - имплицитный* (explicit versus implicit), *индивидуализм - коллективизм* (individualism versus collectivism), *общий - частный* (topic-comment versus comment-topic structure), *изошренный - недосказанный* (elaborate versus understated), *самовосхваляющий - самопринижающий* (self-enhancement versus self-effacement), *личностный - статусный* (person-oriented versus status-oriented), *мужской - женский* (masculine versus feminine).

Представители низкоконтекстных культур, по мнению сторонников теории коммуникативных стилей, активизируют *прямой* стиль коммуникации, согласно которому замысел сообщения и намерения говорящего совпадают: *перейдем к делу*. *Непрямой* стиль коммуникации характеризует дискурс представителей высококонтекстных культур и чаще всего вербализуется модальными словами и частицами (*может быть, возможно*). Для него характерен уклончивый, «витиеватый» способ изложения мысли, когда сообщение может не выражать истинные намерения говорящего: *Это может быть не совсем так; Возможно, более целесообразно придерживаться иного мнения*. В *прямой* коммуникации представителей низкоконтекстных культур, в отличие от *непрямого* способа общения, намерения говорящего эксплицитно выражены. Так, в примерах: *Я с Вами не соглашусь; Нет; Да, - точка зрения участника коммуникативного акта ясна, тогда как в ответе на вопрос «Когда будет готов доклад?» – Я сделаю все возможное для того, чтобы ускорить его выполнение* – наблюдается подмена топика сообщения: отвечающий уклоняется от прямого ответа.

Для представителя *коллективистской* культуры, по мнению С. Тин-Туми, в отличие от представителя *индивидуалистской* культуры, важным является осознание принадлежности к группе. В качестве примера на эту не-

вербальную модель поведения можно привести вербальную модель, в которой сначала репрезентируется принадлежность к группе, а затем – индивидуальная принадлежность: *Слово для выступления предоставляется декану факультета педиатрии, доктору медицинских наук, профессору Сергееву Сергею Сергеевичу и Hello, I am Sara Smith, and I am going to teach you English* (принадлежность к группе в английском примере не репрезентирована).

Тема - комментарий, по мнению авторов этой оппозиции, характеризует вербальное поведение представителей низкоконтекстных культур, тогда как *комментарий – тема* – представителей высококонтекстных культур [Scollon, Scollon 2001]. Так, в предложении *Я не починил машину, так как весь день шел дождь* главная часть предложения оформляет тему сообщения, а придаточная – поясняет причину невыполнения действия. Ср.: *Поскольку весь день шел дождь, я не починил машину* – сначала устанавливается причина невыполнения действия, а затем описывается само действие.

Изощренный стиль высококонтекстных культур предполагает использование экспрессивных языковых средств, сложных речевых конструкций. Так, отказ от угощения в арабских культурах (высококонтекстных) должен сопровождаться клятвами, заверениями, свидетельствующими об истинности отказа, неоднократным повтором отказа и т.п. В *недосказанном* стиле преобладают паузы, молчание, с помощью которых достигается уважительное отношение к собеседнику.

С точки зрения носителей русской культуры, резюме о приеме на работу, составленное американцами, может являться примером *самовосхваляющего* стиля. Примером *самопринижающего* стиля может служить ситуация, в которой участник коммуникации скромно, самокритичен по отношению к результатам своей деятельности: *Я так долго варила, но получилось невкусно.*

В *личностном* стиле усиливается Я-идентичность, тогда как в *статусном* – ролевая идентичность. Статусный стиль отражает иерархичность общественных отношений и характерен для коллективистских культур. В литературе признается, например, что американцы избегают формальных кодов

поведения и титулов, предпочитают прямое обращение к собеседнику по имени.

Социологи и антропологи полагают, что модели социализации мальчиков и девочек (игра в войну, игра в куклы), социальные роли родителей (пап и мам) определяют вербальное и невербальное поведение человека. В речевом и неречевом поведении мальчики объединяются по признаку «соперничество», «лидерство», «контроль», тогда как для девочек избирательна модель «сотрудничество», «привязанность». На этом основании некоторые исследователи говорят о *женском* и *мужском* вербальных стилях (работы D. Tannen).

В ряде иных работ классификации коммуникативных стилей⁵ также основаны на недифференцированном использовании коммуникативного стиля и дискурсивного стиля и представляют собой перечень того, как принято или не принято вести себя и говорить⁶ в обществе. Иными словами, призна-

⁵ формальный и неформальный; гибкий, ригидный и переходный стили [Аргентова 1984]; сбалансированный, опекающий, властный [Латынов 1995]; манипуляторский, демократический, партнерски-уступчивый [Куницына 2001]; партнерский и непартнерский стили [Куликова 2009], доминантный, демонстративно-эмоциональный, демократичный, объективно-логичный, абстрактно-лаконичный, адаптирующийся, поучительный, гармонизирующий, ироничный, отчужденный, послушный, сбалансированный, опекающий, лаконичный, многословный, пессимистический, оптимистический [Куликова 2004; 2009], мужской (ориентированный на создание имиджа) и женский (ориентированный на группу) стили общения.

⁶ Ср.: у Л.В. Куликовой: «в немецком дискурсе по сравнению с английским более распространены прямые речевые акты, а выражение благодарности за услугу является менее эмфатическим, чем это принято в английской речеведческой норме. Японцы в межличностном общении ценят немногословность и придают большое значение невербальной коммуникации, чем значи-

ние за языком исключительно отражательной функции зеркала, в котором отображаются мир человека, быт, ментальность и др., осмысление языка как средства трансляции культуры (см. работы В.А. Масловой) приводят исследователей к убеждению в том, что «коммуникативный стиль как устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтэкстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка», - явление, «детерминированное культурой» [Куликова 2009: 193, 250]. Соответственно, изучая

тельно отличаются от немцев. В повседневном дискурсе японцы избегают абсолютных, категорических высказываний, предпочитая четкости неопределенность даже в самых тривиальных сообщениях, поскольку однозначные выражения являются, с точки зрения японского коммуникативного поведения, нескромными и невежливыми. В политических дебатах американские собеседники выделяются скорее индуктивной аргументацией (от частных к обобщениям), в то время как русские склонны к дедуктивному способу убеждения <...>» [Куликова 2009: 123]. А также: «Рациональный стиль проявляется в стратегиях самопрезентации и самоутверждения личности, открытости коммуникативного поведения в дискуссиях. Фактическая информация четко вербализуется независимо от того, как она воспринимается адресатом. Поскольку интуитивный стиль регулирует общение, направленное на слушающего, его характерной чертой является осторожность высказываний, размывание значений, неточности и уклонение от прямых формулировок, в которых потенциально заложено оскорбление воспринимающего речь. При этом подразумеваются необходимость постоянной интерпретации сказанного, наличие скрытого смысла в каждом слове или фразе. Исследователи соотносят рациональный коммуникативный стиль с индивидуалистскими низкоконтекстными культурами, а интуитивный – с высококонтекстными коллективистскими культурами [Куликова 2006б: 203].

стиль как социальное явление, ученые полагают, что национальный коммуникативный стиль в конкретной вербальной и невербальной формах проявляется во всех типах дискурсов лингвокультуры и может быть проанализирован также на материале отдельных дискурсов этой лингвокультуры, предполагая, что национальный коммуникативный стиль есть «интегральная сущность, имеющая культурно- и лингвистически детерминированную природу», устойчивая величина, зависящая «в первую очередь от социокультурных параметров, а не от индивидуальных качеств личности» [Там же: 196, 13].

В рамках данного исследования социокультурная специфика дискурса описывается исходя из следующих взглядов. Во-первых, в ряде работ под *стилем* понимается «когнитивная программа формирования текстов» [Беляевская 2010: 28]. В когнитивной лингвистике *когнитивный стиль* в широком смысле определяется как «предпочитаемый подход к решению проблемы, характеризующий поведение человека относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей вне зависимости от интеллектуального уровня индивида, его компетенции» [КСКТ 1996: 79-80]. В узком смысле когнитивный стиль рассматривается как «стиль репрезентирования, связываемый с типами личности», и может быть определен как стиль подачи и представления информации, особенностей ее расположения и структуризации в тексте / дискурсе, «связанный со специфическим отбором когнитивных операций или их предпочтительным использованием в процессах построения и интерпретации текстов разных типов» [Там же: 80]. По В.З. Демьянкову, для выделения стиля существенно не то, достигается ли в результате цель, «а то, как она достигается» [Демьянков 1994: 27].

Во-вторых, соблюдение лингвистических традиций требует отнесения термина «стиль» к исследованиям по стилистике языка; в исследованиях дискурса, как правило, используется термин «дискурсивные практики» (см. подробнее: [Иссерс 2011; 2014]). Еще в работах М. Фуко речь изучалась как инструмент освоения реальности, то есть речемыслительная деятельность

людей в той или иной социальной ситуации рассматривалась как дискурсивная практика.

В-третьих, положения когнитивной лингвистики о природе взаимоотношений языка, сознания субъекта и культуры свидетельствуют в пользу обоснованной необходимости дифференцировать *социокультурные* и *дискурсивные практики* как системы координат разной сущностной природы, ориентирующие человека в мире, а также позволяют сформировать представление о социокультурных и дискурсивных практиках как разных результатах когнитивной обработки информации, поступающей к человеку, как неязыковых и вербальных способах концептуализации и категоризации мира. По справедливому замечанию Р.И. Павилёниса и многих других когнитивистов, не все мышление осуществляется на языке: языком репрезентируется часть концептуальной картины мира [Павилёнис 1983]. Важность дифференцированного и системного описания дискурсивных и социокультурных практик обосновывается в следующем параграфе работы.

2.6. Социокультурные и дискурсивные практики в системе знаний субъекта о мире

Признание равноправности, автономности и взаимосвязи концептуальной и языковой картин мира в науке о языке имеет важные научные следствия. У Р.И. Павилёниса концептуальная система выступает как система мнений и знаний о мире, отражающая познавательный опыт человека как на языковом, так и на языковом уровнях [Павилёнис 1983: 12]. Концепты, по Н.Н. Болдыреву, представляют собой идеальные, абстрактные единицы, которыми оперирует человек в процессе мышления [Болдырев 2000а]. Они отражают содержание полученных знаний, приобретенного опыта, результатов всей деятельности человека, связанных с познанием им мира; их содержание динамично, именно поэтому в речи они приобретают определенную конфигурацию, то есть смысл.

Все многообразие картин мира как систем информации о его объектах, следовательно, обнаруживает единую основу – деятельностную: существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром, сколько имеется «призм» мировидения; существует столько картин мира, сколько имеется миров, на которые смотрит наблюдатель [Постовалова 1988: 32-33].

Развивая данное теоретическое положение, следует отметить, что приобретаемый в процессе познавательной деятельности опыт, репрезентируясь «деятельностно», не может быть полностью объективирован в языке: выражение концепта – это вся совокупность средств (как языковых, так и неязыковых), которые прямо или косвенно иллюстрируют, уточняют или развивают его содержание [Карасик 2002б; Слышкин 2004]. Несмотря на то, что понятия «социальная» и «дискурсивная практики» широко используются в социальных науках, в данной работе они коррелируют с традиционными для лингвистики терминами «концептуальная и языковая картины мира».

Чаще всего в специальной литературе под социальной практикой понимают «совокупность принятых в культуре (традиционных) способов деятельности, навыков обращения с различными предметами; мышление или действие «по привычке», следование правилу; поведение, имеющее ритуальный характер <...>» [Социологический словарь // [http: enc-dic.com / sociology / Socialnye-Praktiki – 8356.html](http://enc-dic.com/sociology/Socialnye-Praktiki)]. В лингвистическом смысле дискурсивной практикой обозначают «тенденции в использовании близких по функции альтернативных языковых средств разных уровней для выражения определенного смысла» [Баранов 2001: 246].

Понятие «дискурсивная практика» связывают с дискурсивными исследованиями М. Фуко, который, как отмечалось ранее, деятельность человека рассматривает с точки зрения речевой, то есть дискурсивной деятельности [Фуко 2004], и часто используют в описаниях конкретных дискурсов (политического, педагогического). Так, по Э.В. Чепкиной, дискурсивные практики выполняют функцию сохранения и реализации коммуникативного опыта. Их

отличает, по мнению автора, стабильность, воспроизводимость, доступность наблюдателю, фиксация в текстах. В политическом дискурсе, например, различаются общие, анонимные журналистские практики и практики конкретных журналистов (например, практики конструирования поля политики в журналистских текстах представлены практиками интерпретации событий, практиками выбора персонажей, практиками конструирования концептов) (см. подробнее: [Чепкина 2001]).

Очевидно, что в термине «практика» профилируются концептуальные признаки «деятельность» и «способ» (*практика* – деятельность людей <...>; приемы, навыки, обычные способы <...> [СРЯ 1978: 530]). В коммуникативной лингвистике, однако, имеется ряд терминов, обозначающих деятельностный аспект коммуникации: «коммуникативная стратегия», «коммуникативная тактика», «коммуникативная цель», «коммуникативное намерение», «коммуникативная задача», «коммуникативная интенция» и др. (см., например: [Клюев 2002]). Именно потому, что не вся коммуникация объективируется с помощью языка (коммуникация может осуществляться и невербально), в рамках данной работы используется термин «дискурсивная практика» (а не «коммуникативная практика», например). Закрепление за термином «дискурсивный» признака «речь, погруженная в жизнь» (по Н.Д. Арутюновой) обуславливает целесообразность терминологической пары «социокультурные практики» и «дискурсивные практики» в исследовании социокультурной специфики дискурса.

В данном диссертационном исследовании признается, что социокультурные и дискурсивные практики – это неязыковые и языковые (соответственно) традиции, преференции, нормы, принятые и вырабатываемые людьми. Осуществляя разные виды деятельности (трудовую, научную, производственную) в социокультурном пространстве бытия, человек, преобразовывая окружающую действительность, формирует неречевые модели поведения, к которым относятся его особенности жизни в обществе, привычные невербальные способы общения и др., объективированные при необходимости

дискурсивными практиками, которые отражают не только знания субъекта о мире, но и свидетельствуют об интенциях автора дискурса.

Доказательным свидетельством этого является важный вывод когнитологов о существовании довербальной стадии человеческого мышления (работы Р.И. Павилёниса). *Социокультурные* практики в этом смысле сформированы неязыковыми знаниями субъекта деятельности о разнообразных сторонах жизни (как осуществлять платежи, купить билеты и т.п. в той или иной социокультурной среде). *Дискурсивные* практики в самом общем виде – это вербализованные знания субъекта дискурсивной деятельности о том, что, как и когда следует говорить, писать и др., осуществляя платежи, покупая билеты и т.п. Ср.:

- *Нужно не только знать – что съест, но и когда и как! <...> И что при этом говорить – да-с. Если вы заботитесь о своем пищеварении, вот добрый совет – не говорите за обедом о большевизме и о медицине [М. Булгаков. «Собачье сердце»].*

Б.Г. Юдин отмечает, что социальные практики следует изучать как формы взаимоотношения между людьми и социальными институтами, «которые носят не разовый характер, а воспроизводятся в сходных ситуациях» [Юдин 2005: 134]. В социальных практиках как совокупности принятых в культуре (традиционных) способов деятельности, навыков обращения с различными предметами [Социологический словарь: <http>] фиксируется **неязыковой** опыт взаимодействия с миром. Так, в научном академическом сообществе зарубежных стран существует социальная практика комментирования докладов предыдущих участников конференции на секционном или пленарном заседании. Эта социальная практика имеет системно-языковую репрезентацию в английском языке: лексема *discussant* обозначает ученого, «который на пленарном или секционном заседании посвящает свое выступление комментированию докладов предыдущих участников» [Леонтович 2009: 203], а также дискурсивную практику, отображающую, например, речевую традицию похвалы ученому: *Her fascinating and inspired book / which has been*

reviewed as a ground-breaking contribution to the field / has already been embraced... (Джо Ангури (Jo Angouri) о профессиональной деятельности Нормы Мендоза-Дентон (Norma Mendoza-Denton) на конференции «I-mean@uwe2», Бристоль, Великобритания, 2011 год).

Часть социальных практик получает вербализацию в том или ином языке, а другая часть, неактуальная для носителей языка, не вербализуется. При этом значение слова как «концепт, схваченный знаком» (толкование Е.С. Кубряковой), может фиксировать разные концептуальные признаки, релевантные для сознания носителей того или иного языка: *конференция (conference)* в английском языке используется «по отношению к встрече даже двух людей» [Леонтович 2009: 202]. На этом основании родительское собрание или индивидуальная встреча учителя с родителем именуется с помощью лексемы *конференция (parent-teacher conference)*. В следующем примере одна и та же социокультурная практика прощания с собеседником соотносится по меньшей мере с двумя дискурсивными практиками *It was nice to see you* (если коммуниканты были знакомы ранее, то есть до момента встречи) и *It was nice to meet you* (если коммуниканты познакомились только что).

Важно отметить, что не каждая социокультурная практика репрезентирована в системе языка либо в дискурсе, поскольку объективацию получают не все знания субъекта (концептуальная картина мира шире языковой). Например, социокультурная практика «обращение к собеседнику в любое время дня и ночи», появившаяся в связи с развитием интернет-коммуникации, послужила поводом для появления дискурсивной практики обращения, не характерной в целом для дискурсивного поведения носителей русского языка, а именно: *Доброго времени суток*. Социокультурная практика «вступление в брак людей пожилого возраста» не получила системную репрезентацию, например, на уровне слова (ср.: *старожены), но репрезентирована дискурсивными практиками, а именно: *вступление в брак двух престарелых людей* [НКРЯ]; *люди третьего возраста объявили о помолвке* [НКРЯ].

В этой связи ощущение чужой культуры и иногда непонимание чужой культуры – это ощущение и понимание несоответствия, прежде всего, между моделями социокультурного взаимодействия с миром, невербального поведения. Овладев английским языком, человек не становится британцем, поскольку «этнодифференцирующим признаком не всегда является язык»: этнос представляет собой «устойчивую в своем существовании группу людей, осознающих себя ее членами на основе **любых** признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие» [Стефаненко 1999: 32] (выделено автором диссертационной работы – О.Д.). Присвоив социальные практики взаимодействия с миром иной страны и впоследствии дискурсивные практики, человек приближается к пониманию «устройства» неродной среды и культуры. Однако фактором идентичности, как справедливо отмечает А.И. Донцов, «является не сама по себе объективная культурная отличительность этих элементов, а их восприятие, оценка в качестве таковых» [Донцов 1999: 13].

При прочих равных условиях социокультурные практики по объективным причинам существенно отличаются друг от друга как в разных культурах, так и внутри одного социума: «Реально на национальное сознание, создающее первичную модель мира, воздействует лишь небольшой участок (можно даже сказать, точка) пространственно-временного континуума⁷ – природно-климатические условия ареала обитания, существовавшие в исторический период языкового становления конкретного этноса» [Корнилов 2003: 145]. По мнению О.А. Корнилова, для одного народа это была заснеженная тундра, для другого – бескрайние степи или пустыни, для третьего – непроходимые леса или джунгли, для четвертого – горы, а единство внешнего мира как фактор, определяющий общность человеческой психологии и мышления, на этапе формирования национально-языковой картины мира разных народов отсутствовало, то есть «имело место не единство мира, а

⁷ Пространственно-временной континуум (ПВК), по мнению О.А. Корнилова, соответствует тому, что «обычно называют внешним миром, окружающим миром или Вселенной» [Корнилов 2003: 144].

множество ЕДИНСТВЕННОСТЕЙ мира, поскольку знания о мире каждого народа ограничивались непосредственно воспринимаемой природно-климатической средой, отличающейся от условий обитания других этносов» [Там же] (выделение и шрифт принадлежат автору цитаты – О.Д.).

Именно поэтому в значительной степени «национально-культурный компонент» сконцентрирован в невербальном общении. Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин отмечают: «Отчетливее всего национальная специфика проявляется в деятельности. Сама деятельность реально существует в действиях, которые в зависимости от условий совершаются определенными способами (операциями). Общественно-исторический опыт и его национальная специфика, прежде всего, воплощены в операциях, а также в «наборах» операций, предназначенных у разных народов для выполнения идентичных деятельностей» [Тарасов, Сорокин 1977: 17].

По этой причине в работах по межкультурной коммуникации приводятся, как правило, примеры особенностей невербального поведения или описываются этикетные формулы общения. Так, отмечается, что в Японии не принято смотреть в глаза друг другу, указывается, как правильно делать комплименты, готовиться к интервью, говорить по телефону с представителями разных социумов и культур и др. [Culturally Speaking... 2008].

В этой связи системное изучение механизмов проявления и «работы» дискурсивных практик (а не только социальных) в границах социокультурных знаний субъектов из разных социокультур до сих пор остается актуальной задачей современного языкознания: отсутствие комплексного подхода к специфике речевого поведения, по мнению Е.Ф. Тарасова и Ю.А. Сорокина, объясняет «тот факт, что лингвисты в меньшей мере преуспели в изучении феномена общения» [Тарасов, Сорокин 1977: 15].

Социальная группа как целостное психологическое образование и относительно устойчивая совокупность людей, исторически связанных общностью ценностей, целей, средств либо условий социальной жизнедеятельности, по мнению ученых, должна характеризоваться:

- включенностью группы в систему общественных отношений;
- наличием основания находиться в группе;
- сходством условий и событий жизни, предполагающих общность впечатлений и переживаний;
- длительностью существования, достаточной для возникновения языка, традиций, ритуалов, культуры;
- разделением и дифференциацией функциональных ролей между членами группы;
- наличием органов планирования, контроля;
- осознанием участниками своей принадлежности к группе;
- признанием данной общности как группы ее социальным окружением.

Но главным системообразующим и интегрирующим основанием, по А.И. Донцову, выступает «социально обусловленная совместная деятельность» [Донцов 1999: 9-10, 11], которая, согласно концепции, развиваемой в рамках данного исследования, осуществляется в разных для каждой социальной группы контекстах социокультурных знаний субъектов о мире, о способах взаимодействия с ним, поскольку разной является окружающая действительность для каждого конкретного субъекта деятельности.

Материализуясь в предметах культуры, в моделях неязыкового поведения как невербальных знаниях о деятельности человека в мире, онтологическая реальность, конструируясь субъектом дискурсивной деятельности в процессах концептуализации и категоризации, репрезентируется в дискурсе вербализованными знаниями субъекта о мире. Онтологическая реальность представлена социокультурными практиками – конкретными моделями, схемами поведения людей, проживающих в одном времени и пространстве. В процессе деятельности (трудовой, научной, художественной, обыденной и др.) субъект приобретает опыт и формирует контекст социокультурных знаний этой действительности, концептуальную картину мира, определяемую в когнитивной лингвистике как «тот ментальный уровень или та ментальная

(психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [КСКТ 1996: 94].

Социокультурные практики могут варьироваться в зависимости от принадлежности субъекта к конкретной социокультуре и от его знаний о ней. Следовательно, дискурсивные практики также могут характеризоваться варьированием и отображать разнообразные интенции субъекта (выстраивать официальное или дружеское общение). Например, социокультурная практика приветствия может объективироваться рукопожатием, похлопыванием по плечу, объятиями и поцелуями, кивком головы и др. и репрезентироваться дискурсивными практиками *Доброе утро / день / вечер; Как дела?; Доброго времени суток; Привет; Приветик; Ну, ну, жив-здоров?; Все бегаешь?; Hi; Здравствуйте; Good morning / afternoon / evening* и др. В этом смысле дискурсивные практики отображают интенцию субъекта, знание способа объективации мысли на языке относительно той или иной социокультурной практики и репрезентируются не только «готовыми» формулами, но и проявляют свойства креативности человеческого мышления.

Дискурсивные практики, следовательно, это не только «анонимные исторические правила», определяющие условия выполнения функций тех или иных высказываний в конкретную эпоху в конкретном социальном, географическом пространствах, и «целенаправленные речевые действия, которые отображают предрасположенность членов социума вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций» [Иссерс 2011: 53; Фуко 2004], но и структуры знания о правилах языкового оформления интенций⁸ субъекта от-

⁸ В концептуальную систему, по Е.С. Кубряковой, включаются концепты, относящиеся к «мнениям и знаниям, установкам и оценкам, к пониманию целей познания и способов его получения, а также к нежелательности, необходимости или же возможности получения определенных сведений о мире» [Кубрякова 2004: 381]. Именно они при необходимости объективируются языком – дискурсивными практиками относительно разнообразных ситуаций и сфер жизнедеятельности субъекта (например, дискурсивная практика прощания (расставания) *Пока!* активизируется в дискурсе, ориентированном на «близ-

носителем конкретной ситуации как совокупности обстоятельств, которые присутствуют в сознании субъекта в момент когнитивно-дискурсивной деятельности. Именно эти обстоятельства обуславливают выбор языковых средств при формировании социокультурной специфики дискурса.

В вышеприведенном смысле дискурсивные практики коррелируют с так называемыми «(коммуникативными) стратегиями и тактиками» - терминами, часто используемыми в исследованиях дискурса и коммуникации в целом. С учетом семантического значения одноименных общеупотребительных лексем под стратегией понимается общий план, реализующий намерения автора дискурса на том или ином языке, тогда как тактики увязываются с конкретной реализацией этого плана. Например, дискурсивные стратегии сближения и дистанцирования интервьюера с интервьюируемым активизируются посредством дискурсивных тактик развития темы, смены темы, тактик переформулировки, тактик «вызова», уклонения от ответа (см. подробнее: [Красноперова 2005]).

В лингвистической литературе также известно понятие «коммуникативная интенция», под которой подразумевают намерение говорящего совершить действие практического или ментального характера (работы Н.И. Формановской, например), осуществить так называемую «коммуникативную задачу» (работы А.В. Бондарко, Л.В. Щербы). С этой точки зрения коммуникация, которая представлена вербальным и невербальным типами, и, как следствие, коммуникативная интенция в рамках концепции данной работы реализуется в социокультурных практиках, с одной стороны, и дискурсивных – с другой.

Дискурсивные практики (термин, используемый в рамках данной работы) отвечают интенциям автора: изобразить действительность с помощью языковых средств; воздействовать на адресата; отобразить причинно-следственные связи и т.д. - и активизируют мыслительные операции: *desk-*

кого» человека (мужа, жену, друга, подругу и т.д.) в ситуации неформального общения).

риптивный тип изложения - гештальтное представление ситуации, *экспозиторный* – логическое изложение мысли, установку причинно-следственных связей, *повествовательный* – последовательное разворачивание событий и т.д. В этом смысле дискурсивные практики коррелируют с функционально-смысловыми типами речи, описанными в работах отечественных исследователей (см. подробнее: [Валгина 2004]).

В основе выделения функционально-смысловых типов речи, как известно, лежит характер передаваемой информации: фактологическая информация соответствует эмпирическому познанию, гипотетическая – теоретическому, эстетическая – оценочному. Следовательно, интенции сообщить, рассказать, сравнить, обосновать, побудить порождают следующие способы изложения: описание, повествование, определение / объяснение, аргументацию / рассуждение, инструктаж. Они, в свою очередь, характеризуются языковыми маркерами. Например, описание представляет собой перечисление признаков, свойств предмета, явления за счет прилагательных; инструктаж – рекомендации к действию за счет модальных глаголов (см. подробнее: [Валгина 2004]).

Эти знания являются неотъемлемой частью языкового опыта субъекта (структурируются с помощью метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ - см.: параграф 1.6. Главы II) и, следовательно, могут проявлять социокультурную специфику у субъектов – представителей разных лингвокультур: фраза, обращенная к ученику, *Could you read the text, please?* в языковом опыте носителя английского языка интерпретируется в контексте интенции «вежливое побуждение к действию» (= читайте, пожалуйста); контекст «возможности / невозможности выполнить действие», то есть ответ «Yes / No» для нее не является релевантным (ср.: *Не могли бы вы прочитать текст?* в контексте интенции просьбы и возможность ответа «Да, могу» / «Нет, не могу»).

Иными словами, дискурсивные практики репрезентируют не типы поведения или типы культур (cultural dimensions, contexts of cultures), а знания субъекта о том, каким образом с помощью языка объективируются когни-

тивные намерения субъектов в той или иной ситуации действительности в рамках конкретных социокультур; знания о языковых способах реализации интенций (разъяснения, убеждения, повествования и др.). В отличие от речевых актов, реализующих исключительно намерения субъекта, дискурсивные практики объективируют знания субъекта о правилах реализации интенций в конкретной ситуации формирования дискурса, составляя часть языкового опыта носителей языка:

(1) *Воины! Пришел час, который должен решить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь* (Из обращения Петра I к армии перед Полтавским сражением⁹);

(2) *Сыны отечества, чада мои возлюбленные! Потом трудов моих создал я вас; без вас государству, как телу без души, жить невозможно!* (Из обращения Петра I к воинам после Полтавского сражения¹⁰). Субъектом не только реализуется речевой акт обращения к воинам в (1 и 2), но и активизируются знания о способе объективации интенции за счет выбора разных языковых единиц (*воины и сыны отечества, чада возлюбленные*), а также в контексте знаний специфики ситуации (перед сражением в (1) и после битвы в (2)). Выбор языковых единиц активизирует концептуальные признаки «Отечество в опасности», «православная вера нуждается в защите» в (1) и «бережное отношение» к адресату, «единство народа и государства» в (2), то есть активизируются не только дискурсивная практика обращения в (1 и 2), но и дискурсивная практика призыв к действию (защищать Отечество) в (1) и дискурсивная практика благодарности в (2) (а, например, не речевой акт - директив в (1) и речевой акт - репрезентатив в (2)).

Типология дискурсивных практик, следовательно, зависит от знаний, правил и способов языковой объективации намерений; она ориентирована на

⁹ Моя история. Романовы. Цитаты. М.: Фонд Гуманитарных Проектов. 2014: 142.

¹⁰ Моя история. Романовы. Цитаты. М.: Фонд Гуманитарных Проектов. 2014: 38.

адресата, на знание субъектом специфики предпочтений адресата, отображает интенции самого субъекта. Интенциональность дискурсивных практик, как и дискурса в целом, определяется ситуативными знаниями субъекта, то есть его реакцией на конкретный стимул (учет аудитории, места коммуникации), и формирует эксплицитные и имплицитные, выделяющие, информирующие, разъясняющие и другие дискурсивные практики, которые в целом определяют языковой опыт субъекта, репрезентируемый в дискурсе посредством метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ. Как социокультурные, так и дискурсивные практики характеризуются статическим и динамическим аспектами.

Так, в контексте статусно-ролевых знаний субъекта, отображающем опыт взаимоотношений субъекта с адресатами разной социальной иерархии, выделяются дискурсивные практики критики (начальник-подчиненный), дискурсивные практики объяснения (учитель-ученик), дискурсивные практики неодобрения / одобрения / похвалы (начальник-подчиненный). В контексте семейных / бытовых знаний субъекта выделяются дискурсивные практики заботливого и бережного отношения (родители – дети), дискурсивные практики принуждения (родители – дети). В контексте профессиональных знаний можно выделить дискурсивные практики согласия / несогласия (ученый – ученый) и т.д. Типология дискурсивных практик контекста научных знаний может включать дискурсивные практики теоретического мышления (докладчик – слушающие), дискурсивные практики обобщения и систематизации (научный руководитель – аспирант) и др. Например: *You are a marvel, John! You did a great job* [BNC] в контексте профессиональных знаний субъекта выступает дискурсивной практикой похвалы (за выполненную работу); *You are a marvel, Sophie!* в контексте семейных знаний выступает дискурсивной практикой восхищения дочерью, примерившей новый наряд. Подробный анализ дискурсивных практик и метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ представлен в Главе II диссертации.

Изучение социума, культуры и языка, социокультурных и дискурсивных практик во взаимосвязи с человеком и человеческим сознанием, с познавательными способностями человека, таким образом, дает возможность конкретизировать общую проблему социокультурной специфики дискурса и уделить особое внимание теориям контекста, возникшим в рамках различных научных школ и направлений по ряду причин. Во-первых, деятельность субъекта осуществляется в границах конкретного социума и культуры, а не в абстрактной системе координат. Во-вторых, осуществляя жизнедеятельность в социокультуре, субъект формирует знания о ней: социум и культура структурируют сознание человека в виде типологии социокультурных контекстов – контекстов социокультурных знаний субъекта о внешнем мире как систему знаний национальной, религиозной, профессиональной и иной специфики окружающей среды.

3. Контекстный характер социокультурной специфики дискурса

3.1. Современные направления изучения контекста

Несмотря на обширную литературу по вопросу изучения контекста в разнообразных областях социальных и лингвистических направлений ([Вербицкий, Калашников 2010; Горбова 2011; Дадаев 2009; Рыжакова 2011; Robins 2004]), понятие «контекст», являясь широко употребительным¹¹, до сих пор остается одним из самых неопределенных и неразработанных [Dijk 2009]. Из известных наиболее раннее толкование понятия «контекст» (лат. contextus) связано с идеей «соединения части в целое» (lat. *texere*, 'to weave');

¹¹ Поиск в Google обнаруживает 14,200,000 документов с лексемой «контекст», а английское слово «context» встречается в 280,000,000 документах (дата обращения 02.06.14). В обыденной жизни контексту отводится лидирующая роль в интерпретации высказывания, например: «*Дело Ходорковского нельзя понять вне контекста 1990-х, - считает Арлакки*» [РИА НОВОСТИ, 21.03.2011]; *Киссинджер оправдывается: «Цитата вырвана из контекста»* [7 KANAL.com, 25.12.2010].

Lat. *contexere*, 'to weave together', 'to interweave', 'to join together', 'to compose' [The Shorter Oxford Dictionary 2004].

В самом общем смысле под контекстом понимают «относительно законченный отрывок письменной или устной речи (текста), общий смысл которого позволяет уточнить значение отдельных входящих в него слов, выражений» [СЭС 1985: 621], хотя его использование в современном русском и английском языках не ограничивается только данной идеей: под контекстом, судя по речевому употреблению, мыслится некоторое пространство (среда), в которой существует объект, а среда характеризуется наличием рамки, границ пространства и времени: *контекстное обучение в педагогике и психологии; культурно-исторический контекст; контекст войны, первоначальный контекст; русский контекст* [НКРЯ]; *be put into a Marxist context; in the context of what Canada achieved; be abstracted from a particular social and historical context* [BNC].

Наиболее богатой, имеющей давние традиции изучения является *социальная* теория контекста. Принято полагать, что Б. Малиновскому принадлежит суждение, что высказывание получает смысл в конкретном ситуативном и социальном контексте, а именно, «контексте ситуации» [Malinowski 1989]. М. Халлидей устанавливает различие «контекста ситуации» (*context of situation*) как непосредственных факторов, сопровождающих производство высказываний, и «контекста культуры» (*context of culture*) как идеологического фона, на котором осуществляется интерпретация мира, проявляющееся в том, что выбор языковой единицы детерминирован типом социальных взаимоотношений общающихся, стилем общения, жанром и темой сообщения в том числе (см. подробнее: [Halliday 2003]).

Широкую известность в *языкознании* получает так называемая «лингвистическая теория контекста» Н.Н. Амосовой: многозначное слово, употребляясь в речи, является ядром и представляет собой указательный минимум, определяющий выбор последующих слов в тексте [Амосова 2010]. Традиция различать макро- и микроконтекст, поддерживаемая в отечественной

лингвистике многими исследователями, лежит в основе типологии контекстов (эксплицитный, вербальный и невербальный, имплицитный контексты, вербальный и ситуативный, физический и психологический, контекст культуры и психологический контекст, линейный и структурный, лексический, синтаксический, морфолого-синтаксический, конструктивный, смешанный и др. (см.: [Амосова 2010; Ахманова: [http](#); Мыркин 1978] и др.). В других работах предлагается иная точка зрения, согласно которой идея построения типологии контекстов признается утопичной: «Количество различных контекстов потенциально бесконечно: нет двух абсолютно одинаковых ситуаций» [КСКТ 1996: 144].

Зависимость значения слова или его контекстуальная свобода поставлены во главу угла дискуссий с диаметрально противоположными точками зрения: с одной стороны, о том, что в абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения и любое знаковое значение возникает в контексте [Ельмслев: [http](#); Солганик 2006: 23]. С другой стороны, о том, что лексическое значение есть нечто заранее данное, синхронически устойчивое [Фоменко: [http](#)]. Сужая понимание «контекста» до языкового окружения, до внутриязыкового (парадигматического и синтагматического) контекста, в котором употребляется та или иная единица языка, структурная лингвистика не может непротиворечиво и обоснованно объяснить появление концептуальных признаков «негодяй, предатель», например, в предложении-высказывании «*Ну и красавец же ты!*». Иными словами, проявления контекста в дискурсе не «вписываются» в семантическую структуру слова [Карманова 2009: 76].

В *литературоведении* признание центральной роли контекста в интерпретации мира отражено во множестве его современных трактовок. Так, И.В. Гюббенет формулирует весьма объемное толкование так называемого вертикального контекста: «В нашем представлении глобальный вертикальный контекст – это весь социальный уклад, все понятия, представления, воззрения социального слоя, знание которых необходимо для того, чтобы произ-

ведения данного автора или произведения, относящиеся к данному направлению, могли быть восприняты читателями разных эпох» [Гюббенет 1991: 39].

Социокогнитивная теория контекста и дискурса представлена, например, в трудах Т. Дейка [Dijk 2009, 2010]. По мнению ученого, ментальные модели (контексты) определяют выбор языковых единиц, а также объясняют ту или иную интерпретацию дискурса. По Т. ван Дейку, контекстные модели не состоят из необозримого количества элементов, а ограничены релевантными категориями и представлены такими компонентами, как хронотоп ситуации, происходящая социальная активность (действие), участники коммуникации и их роли, взаимоотношения, цели, интенции и знания коммуникантов [Dijk 2009].

В этнографии коммуникации известна теория контекста Д. Хаймса (D. Hymes) – SPEAKING, в которой каждая из букв обозначает тот или иной компонент, составляющий контекст. По мнению автора модели, результат коммуникации обусловлен конкретным заполнением каждого элемента модели. Например:

- S (setting, scene) – это обстановка, время и место коммуникативного события, а также психологические и культурные особенности восприятия его участниками коммуникации;

- P (participants) – это участники общения, их социальные роли, ценностные установки;

- E (ends) – одновременно и результат, и цели участников коммуникации;

- A (acts) – последовательность коммуникативных действий;

- K (key) – тональность коммуникативного события, регистр, который обуславливает отнесение события к той или иной концептуальной области;

- I (instrumentalities) – каналы передачи информации;

- N (norms) – нормы и правила интеракции;

- G (genres) – речевые жанры [Hymes 2005]. Дальнейшую поддержку теория Д. Хаймса получает в трудах Дж. Гамперца, Р. Сколона, С. Сколон и др. [Gumpertz 1982; Scollon, Scollon 2001].

Однако наиболее известной и доминирующей как в теории *межкультурной коммуникации*, так и в лингвистических работах и послужившей основой для многих поколений исследователей контекста является теория Э. Холла, провозгласившего тождество культуры и коммуникации и обосновавшего проблему влияния контекста на способ категоризации информации представителями разных культурных сообществ. По Э. Холлу, культура и коммуникация синонимичны по сути. Согласно такой точке зрения, явления, характерные для той или иной культуры, «автоматически» переносятся на процесс коммуникации, а в процессах, характерных для коммуникации, видятся следствия особенностей тех или иных культур. Обзор работ Э.Холла свидетельствует, таким образом, о важной роли культуры в формировании человека. Роли личности, субъекта в процессе познавательной деятельности отводится незначительная часть. Это обстоятельство объясняется главной исследовательской деятельностью Э. Холла, ориентированной исключительно на поиск поведенческих факторов, влияющих на неязыковое общение представителей разных культур. К ним, как известно, по Э. Холлу, относятся факторы высокого и низкого контекстов (см. выше).

В культурах с низким контекстом информация отправителя сообщения репрезентирована вербальным сообщением, тогда как в культурах с высоким контекстом часть информации отправителя сообщения не репрезентруется вербально: часть ее скрыта, она находится в самом говорящем, который не досказывает и не договаривает часть сообщения, либо связана с особенностями, условиями предыдущего общения участников коммуникации друг с другом. Для понимания высказываний с представителями высококонтекстных культур необходимо, по мнению Э. Холла, учесть невербальных компонентов и многих других факторов [Hall 1976].

Напротив, понимание контекста как когнитивной сущности, то есть связанной с сознанием человека, присутствует в монографии Р.И. Павилёниса, где отмечается необходимость в качестве важнейшего фактора контекста рассматривать «сами концептуальные системы носителей языка» [Павилёнис 1983: 121]. Мнение о контексте как факторе смыслопорождения со всей очевидностью прослеживается в многочисленных работах современных лингвистов-когнитологов (Н.Н. Болдырева, Е.М. Поздняковой, Р. Джэкендоффа, Дж. Лакоффа, Р. Лэнекера). Несмотря на то, что описание роли контекста в понимании высказываний осуществляется в разнообразных терминах (*домен* у Р. Лэнекера, *фрейм* у Ч. Филлмора и т.д.), исследователи сходятся в одном: «самое бессмысленное» выражение становится вполне осмысленным, когда оно помещается в определенный, «приемлемый» контекст» [Павилёнис 1983: 203].

Н.Н. Болдырев *когнитивный* контекст представляет как «связанную структуру знания, в которой нашим опытом познания мира запрограммировано наличие определенных элементов или событий и их соответствующая интерпретация или оценка» [Болдырев 2006: 17]. В качестве когнитивного контекста может выступать та или иная когнитивная область (ментальное пространство, концептуальная структура), содержащая знания определенного рода, так или иначе ассоциированные с данной языковой единицей. Значения слов в системе языка, по мнению Н.Н. Болдырева, соотносимы не столько с парадигматическим и синтагматическим контекстами, «сколько с определенными когнитивными контекстами – когнитивными структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [Болдырев 2008б: 17-18]. Когнитивный контекст формируется субъектом, иными участниками как носителями определенных психофизиологических признаков¹².

¹² Так, Е.Н. Зарецкая замечает: «Представьте себе, что вы сидите в ресторане за столиком с человеком, который вам нравится и на которого вы хотите произвести впечатление. Вы хотите передать ему свое эмоциональное со-

Коммуникативная характеристика контекста, в отличие от *когнитивной*, связана с внешними условиями процесса коммуникации, ориентирована на время, место: это и конкретный контекст социума (здесь и сейчас), в котором происходит общение и социализация ребенка (семья, школа), и более широкий контекст культуры, которую ребенок также усваивает в процессе жизни (ценности, традиции, нормы и правила). В коммуникативных теориях контекста подчеркивается его роль как фактора, обеспечивающего процесс коммуникации (см.: [Карманова 2009; Урубкова 2010]).

Вероятно, потому, что первые попытки построить теорию *коммуникации* были предприняты социологами, Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин замечают: «Успехи социологов оказались более значительными по сравнению с представителями других дисциплин, например, по сравнению с достижениями лингвистов, еще и потому, что основное внимание было направлено на изучение основных, конституирующих характеристик феномена общения, а именно, на изучение социальных отношений, реализующихся в общении» [Тарасов, Сорокин 1977: 15]. Авторы цитаты признают, что социальные отношения являются «субстратным уровнем», включающим в имплицитной форме психологические, социально-психологические и социальные параметры взаимодействующих коммуникантов, которые «заставляют социологов использовать комплексный подход при изучении социального феномена коммуникации» [Там же].

стояние и в течение всего вечера говорите. А это человек с ярко выраженной сенсорикой, прекрасный приемник, остро чувствующий другого человека без слов <...>. А если перед вами художник и вы рассказываете ему о том, как были во Флоренции и любовались «Давидом» Микеланджело <...>, а он, будучи профессионалом, вообще не понимает, как произведение искусства можно объяснить <...> Лучше покажите ему фотографию скульптуры, и ассоциации в его сознании возникнут сами <...> Нередко встречаются люди, с трудом переносящие многословие <...> Вы только начинаете говорить и вдруг слышите в ответ: «Я все уже понял, не надо продолжать». Если же вы проводите вечер с человеком, обладающим выраженным речевым мышлением, и застенчиво молчите, кивая головой в ответ на его рассказы, – коммуникативная цель вряд ли будет достигнута» [Зарецкая 2001: 44].

В результате такого подхода в лингвистике то или иное социальное явление (вежливость, например) «подгоняется» под степень вербализации (или невербализации), на основании чего делаются следующие заключения: «Поскольку статусная дистанция в русском общении выше, чем в английском, говорящий во многих ситуациях имеет достаточно власти, прав для того, чтобы прямо обратиться с просьбой, и его действия воспринимаются слушающим как должное, что также снижает необходимость в столь ярко выраженной минимизации импозиции, которую мы видим в английской коммуникации»; «коммуникативные особенности, предопределенные различными типами культур и культурными ценностями, сказываются на стилях коммуникации. Для русской просьбы во многих контекстах (за исключением формального общения) характерны прямолинейность, импозитивность, императивность; английскую просьбу в силу названных причин отличают косвенность, многословность, нагруженность модификаторами» [Ларина 2009: 234-235].

Как представляется, решение проблемы социокультурной специфики дискурса может быть связано со сменой фокуса рассмотрения взаимосвязи человека, социокультуры и контекста с общепринятыми нормами, правилами и моделями поведения, бытующих в рамках той или иной социокультуры, на человека – субъекта дискурсивно-интерпретирующей деятельности, осуществляющего ее в социокультурной среде и устанавливающего разнообразные нормы и правила поведения. Следовательно, не сам гендер, культура, социальный статус и т.д. коммуниканта влияют на исход дискурсивного события, а переработка этой информации человеком не только как биологическим (психофизиологические различия полушарий мозга женщин и мужчин) субъектом, но, прежде всего, как представителем той или иной социокультуры (*Он мой начальник, значит...; Она еще молоденькая, поэтому... и т.д.*).

Учитывая современные достижения когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования языка, а именно суждение, что дискурсивная деятельность человека осуществляется одновременно в двух плоскостях - в реальном мире

и мире, который конструируется человеческим сознанием (работы Е.С. Кубряковой), – в исследовании социокультурной специфики дискурса важно учитывать активность субъекта во внешней среде, его деятельность в социуме и культуре как представителя социокультуры. Это приводит к необходимости признать важность социокультурного контекста как контекста социокультурных знаний субъекта в формировании дискурса.

Специфика контекста социокультурных знаний в дискурсе, или социокультурного контекста дискурса, заключается в том, что он является результатом интерпретирующей деятельности человека на языке, то есть характеризуется индивидуальным способом своего проявления: социокультурную специфику демонстрируют не собственно социумы и культуры, а человек, интерпретирующий окружающую действительность, ее объекты, предметы, явления, события и т.д. Социокультурный контекст дискурса формируется субъектом на основе контекста коллективных (языковых / общенациональных) знаний (об этом подробнее см. Глава II, параграф 2.) и демонстрирует статический и динамический аспекты концептуализации и категоризации.

3.2. Социокультурный контекст дискурса: статический и динамический аспекты¹³

Конститутивными измерениями социокультурного контекста выступают его физические и ментальные характеристики. Физический (внешний) контекст как непосредственная ситуация внешнего мира, включающая участников, объекты, предметы, находящиеся в поле зрения субъектов, представляет собой фрагмент объективной действительности, подлежащий интерпретации. Ментальный (внутренний / субъективный) контекст – это один из способов осмысления действительности, взгляд на мир как знания и опыт,

¹³ В этом и последующих параграфах работы использованы материалы статей «Социокультурный контекст интерпретации мира и формирования дискурса», «О формировании социокультурной специфики дискурса», «Context of sociocultural knowledge in discourse construction», написанных Н.Н. Болдыревым и О.Г. Дубровской. Искренне благодарю Николая Николаевича Болдырева за идеи, которые нашли отражение и в данном исследовании.

в рамках которых субъект интерпретирует действительность и формирует дискурс.

В зависимости от выполняемых социальных функций, видов деятельности субъект в сознании выстраивает типологию социокультурных контекстов на различных основаниях: национальной, религиозной, профессиональной и т.д. принадлежностях его к группе людей. Социум и культура, таким образом, структурируют социокультурный контекст, то есть контекст социокультурных знаний субъекта дискурса о мире, его устройстве, совместной деятельности людей.

Иными словами, деятельность субъектов в той или иной сфере жизни формирует социокультурный контекст знаний о той или иной области, включая специфические знания в том числе. У каждого конкретного субъекта как представителя социокультуры формируется знание, в котором находит отражение социокультурный опыт его взаимодействия с миром. В основе этого знания лежит осознание субъектом себя в качестве представителя той или иной социокультурной группы, понимание и принятие особенностей поведения и традиций в целом. Например, предложение выпить чашку чая в традиции восточных культур, как правило, сопровождается многократным предложением хозяина и многократным отказом гостя; ценовая политика товара может существенно варьироваться в зависимости от устного торга между покупателем и продавцом, осуществляемого во время покупки товара (см. подробнее: [Гер-Минасова 2004]).

В когнитивной системе человека, как отмечалось выше (параграф 2.3.), знания субъекта представлены концептуально-тематическими областями, включающими концепты и категории, а также их взаимосвязи. Каждая конкретная область отражает знания субъекта о той социокультуре, которую она представляет. Например, концептуальная область СПОРТ может быть репрезентирована концептами ШАХМАТЫ, КЛУБ, ДИСКУССИИ, СОРЕВНОВАНИЯ, ПРАВИЛА, ТУРНИРЫ, ПРОФЕССИОНАЛЫ, а также концептами ХОББИ, ВЫХОДНЫЕ ДНИ, ЛЮБИТЕЛИ, ДАЧА, в которых находят отра-

жения знания субъектов-профессионалов и субъектов-любителей об игре в шахматы. С другой стороны, концептуально-тематическая область СПОРТ может быть представлена концептами ХОККЕЙ, НХЛ, СЛЕДЖ-ХОККЕЙ, ХОККЕЙ НА ТРАВЕ, ОЛИМПИАДА и т.д. Концептуальная область ФЕСТИВАЛИ И ПРАЗДНИКИ / FESTIVALS AND HOLIDAYS находит отражение в концептах НОВЫЙ ГОД, ДЕНЬ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА, ДЕНЬ ПЕТРА И ФЕВРОНИИ, ФЕСТИВАЛЬ ФЕЙЕРВЕРКОВ «СЕРЕБРЯНАЯ ЛАДЬЯ» (г. Кострома), CHRISTMAS, ST. VALENTINE'S DAY, CHEESE ROLLING и т.д. Соответственно социокультурный контекст дискурса о спорте, фестивалях, праздниках определяется знаниями субъекта об этих сферах его жизнедеятельности (спортивной, досуговой), знаниями условий проведения шахматных игр, праздников, фестивалей и т.д. в рамках определенного социума и культуры, то есть социокультурной спецификой этих знаний.

Социокультурная специфика дискурса, таким образом, определяется социокультурным контекстом, который включает в себя знания субъекта дискурса о социуме, культуре, мире окружающей действительности. Основой формирования социокультурных знаний является жизнедеятельность субъекта в разнообразных социокультурных группах (семейные, культуры Востока), объединенных общностью разнообразных интересов, видов деятельности (профессиональные, благотворительность, занятия спортом) и др.

Социокультурный контекст дискурса как контекст социокультурных знаний представляет собой совокупность всех накопленных знаний в процессе познавательной деятельности людей определенной социокультуры, то есть в процессе множества концептуализаций. В этом смысле социокультурный контекст дискурса имеет коллективный характер и выступает в своем статическом, системном аспекте, включая знания о мире, накопленные человечеством в процессе его эволюции и каждым отдельным субъектом в процессе его жизнедеятельности, например, все наши знания о Великой Отечественной войне, которые постоянно пополняются и увеличиваются в объеме: новые данные о конкретных людях-участниках войны, рассказы очевидцев и

т.д. Они (знания) различны у каждого отдельного субъекта (участника непосредственных сражений и людей, трудившихся в тылу врага), распределяются по концептуально-тематическим областям и представлены в тематических концептах (ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА, ФРОНТ, ПОБЕДА) (о тематических и операционных концептах см. подробнее: [Болдырев 2011] и другие работы Н.Н. Болдырева).

Тематические концепты как элементы концептуальной системы человека во всей полноте их содержания подвержены влиянию многих социокультурных факторов: исторических, национальных, образовательного и др. Например, события, связанные с борьбой против нацистской Германии, концептуализируются по-разному в разных исторических контекстах России и Великобритании: *Великая Отечественная война* как борьба за свободу Отчизны и *Вторая мировая война* как война по хронологическому принципу. В процессе социализации у субъектов формируются и разные представления о начале и конце войны (1941-1945 и 1939-1945 годы), а также о Дне Победы (9 и 8 Мая). Социокультурный контекст дискурса в его системном аспекте, таким образом, это знания субъекта, усвоенные в определенном социуме и культуре об определенном социуме и культуре, которые выступают в качестве коллективных когнитивных схем восприятия мира, его репрезентации и интерпретации во всех видах языковой деятельности.

С другой стороны, социокультурный контекст дискурса имеет динамический характер: «в любом познавательном процессе неизбежно выявляются две его стороны: статичная, отражающая определенный результат (в виде имеющегося знания), и динамическая, связанная с самими мыслительными операциями, ведущими к достижению этих знаний, а также направленными на их интерпретацию или переосмысление» [Болдырев 2006: 37]. В рамках динамического аспекта познавательной деятельности субъект создает определенные смыслы на базе тематических концептов – так называемые «операционные концепты» [Болдырев 2006, 2009а, 2011, 2012, 2014б]: *непелище войны, война взорвала мир, пойти на войну, победоносная война*, а также:

Крест-накрест белые полосы / На окнах съезжившихся хат // Родные тонкие березки / Тревожно смотрят на закат // И пес на теплом пепелище, / До глаз испачканный в золе // Он целый день кого-то ищет / И не находит на селе // Накинув драный зипунишко, / По огородам, / без дорог, / Спешит, / торопится парнишка / По солнцу, / прямо на восток // Никто в далекую дорогу / Его теплее не одел, / Никто не обнял у порога / И вслед ему не поглядел, / В нетопленной, / разбитой бане, / Ночь скоротавши, / как зверек, / Как долго он своим дыханьем / Озябших рук согреть не мог! // Но по щеке его ни разу / Не проложила путь слеза, // Должно быть, / слишком много сразу / Увидели его глаза // Все видевший, / на все готовый, / По грудь проваливаясь в снег, / Бежал к своим русоголовый / Десятилетний человек // Он знал, / что где-то недалече, / Быть может, / вон за той горой, / Его, / как друга, в темный вечер / Окликнет русский часовой // И он, / прижавшийся к шинели, / Родные слыша голоса, / Расскажет все, / на что глядели / Его недетские глаза (С. Михалков). Когнитивный опыт субъекта – десятилетнего мальчика – представлен в концептуально-тематических областях ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ЖИВОТНЫЙ МИР, в рамках которых сформированы операционные смыслы «одиночество», «горе»;

Уминая снег зернистый, / Вперемешку – пляс не пляс - / Возле танка два танкиста / Греют ноги про запас // - У кого гармонь, / ребята? // - Да она-то здесь, / браток...- / Оглянулся виновато / На водителя стрелок // - Так сыграть бы на дорожку? // - Да сыграть оно не вред // - В чем же дело? Чья гармошка? // - Чья была, / того, / брат, / нет... // И сказал уже водитель / Вместо друга своего: / - Командир наш был любитель... / Схоронили мы его (А. Твардовский). Когнитивный опыт войны глазами ее участников представлен в концептуально-тематических областях СОЛДАТЫ, СОЛДАТСКАЯ ДРУЖБА, МУЗЫКА, в рамках и на фоне которых сформированы операционные смыслы «горе», «тоска»;

Фронт для меня не был трудным и безрадостным периодом моей жизни. Это был период возмужания, становления характера, приобретения ка-

честв руководителя – и все это на фоне победной военной *эйфории* (Г.С. Бабкин. [«Университет и регион», 2014, № 37 (648), стр. 2]). Когнитивный опыт участника Великой Отечественной войны представлен в областях ЧУВСТВА / ЭМОЦИИ / ВНУТРЕННИЙ МИР, в рамках которых посредством языковых единиц профилируются смыслы «храбрость», «смелость», «отвага»;

A second world war heroine who parachuted behind German lines on “perilous” spy missions, but was so modest she only told her children about it 15 years ago, was on Tuesday presented with France’s highest honour. “Pippa stands out as a formidable example for younger and older generations alike”, Contini said (theguardian.com). Когнитивный опыт субъекта представлен посредством концептуально-тематических областей FAMILY, INNER WORLD и операционными смыслами «courageous girl», «shyness». Отмеченные различия проявляются и на социокультурном уровне (например, ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА для историков, с одной стороны, и школьников младших классов - с другой).

Социокультурный контекст конкретного дискурса, таким образом, представляет собой сфокусированную на определенной тематической области или концепте часть концептуальной системы субъекта дискурса (а не всех его знаний одновременно), тех конкретных тематических концептов (территориальных, профессиональных, исторических), в рамках и на основании которых формируется и должно интерпретироваться содержание этого дискурса. Иными словами, формируя дискурс в контексте социокультурных знаний, субъект задает концептуальную область, характерную для того или иного социума и культуры, и интерпретирует дискурс в ее границах, выбирая конкретные языковые средства для ее репрезентации, и демонстрирует динамический аспект познавательной деятельности человеческого сознания.

Контекст социокультурных знаний субъекта, в свою очередь, формируется на базе контекста коллективных (языковых) знаний и выступает как результат выделения единиц нового или известного знания с помощью языко-

вых средств для их последующей передачи собеседнику, то есть процесс формирования операционных концептов-смыслов осуществляется на фоне тематических концептов. Контекст коллективных знаний представляет собой intersubjectные знания – знания, разделяемые носителями конкретной культуры, и по отношению к контексту коллективных знаний иной культуры является контекстом социокультурных знаний. Так, русский язык как языковое знание формирует контекст коллективных знаний для представителей русской лингвокультуры (говорящих на русском языке), тогда как этот же контекст коллективных знаний (русский язык как языковое знание) по отношению к английскому языковому знанию выступает контекстом социокультурных знаний.

Интерпретируя мир в контексте собственных социокультурных знаний, выбирая конкретную концептуальную область, репрезентируя определенные концепты конкретными языковыми средствами, субъект демонстрирует индивидуальный принцип формирования социокультурной специфики дискурса, который в данном исследовании условно обозначается как «субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса».

3.3. Субъектный принцип обусловленности социокультурного контекста дискурса

Понятие «субъект» известно во многих областях гуманитарного знания. В общем философском смысле субъект изучается как носитель субстанциальных свойств и характеристик [НФС 1998], предметно-практической деятельности и познания, а также источник активности, направленный на объект [СЭС 1985: 1278]. В психологии субъект осмысливается как носитель психики, «сознательно преследующий собственные цели», самосознающий деятель, осуществляющий некоторую *деятельность* [БПС 2009: 641]. В когнитивной лингвистике субъект познания описывается как сложная антропоцентрическая координата, осуществляющая концептуализацию и категоризацию знаний об окружающей действительности на различных уровнях позна-

ния [Магировская 2009б: 98], то есть активную интерпретирующую *деятельность*.

Несмотря на то, что к изучению *речевой / коммуникативной / дискурсивной* деятельности, *речевого / коммуникативного / дискурсивного* поведения обращаются многие отечественные и зарубежные исследователи разных школ и направлений, *дискурсивное поведение* и *дискурсивная деятельность* не получили должной систематизации в рамках целостного когнитивно-дискурсивного подхода: в отличие от теорий речевых актов (Дж. Остин), речевого поведения и этикета (Н.И. Формановская) *дискурсивная деятельность* и *дискурсивное поведение* оказались менее разработанными.

Деятельность как понятие, «обобщающее разнообразные и многообразные формы человеческой активности, представляет собой в конечном счете преобразование одних объектов в другие, трансформацию их свойств или признаков, и яснее всего раскрывается смысл этого понятия при обращении к трудовой, предметной деятельности человека» [Кубрякова 2004: 90-91]. Из всего огромного круга проблем, поднимаемых и решаемых в теории деятельности, по мнению Е.С. Кубряковой, важно в основном лишь то, что сознание и мышление человека зависимо от этого фактора.

В литературе приводится последовательное описание *речевой деятельности* как механизма порождения речи с точки зрения говорящего человека (работы А.А. Леонтьева), тогда как *речевое поведение* увязывается с демонстрацией и оформлением смысла высказываний с помощью языковых средств. Так, Т.Г. Винокур замечает, что интерпретация понятия «речевое поведение» должна опираться как на «сам факт осуществления речи», так и на «отбор языковых средств» [Винокур 2009: 9].

Дискурсивная деятельность, по мнению А.Г. Баранова, - деятельность мультикодовая, представленная «языками», кодами в четырех репрезентативных системах разной направленности: а) вербальный текст (устная и письменная форма); б) креолизированный текст; в) синтетический текст; г) интерпретационный дискурс [Баранов: <http>]. Л.В. Цурикова определяет дискур-

сивную деятельность человека как отражение в формах коммуникативного поведения национальной картины мира. В результате дискурсивной деятельности как когнитивно-дискурсивной активности субъекта передается характерное для субъекта дискурсивное поведение [Цурикова 2002а: 3].

В качестве примера дискурсивного поведения у М.Б. Бергельсон выступает «Разговор о театре» [Бергельсон 2007]; в работе Л.В. Цуриковой описывается дискурсивное поведение информантов в ситуации межкультурного общения, «когда вполне правильные с лексической, грамматической и семантической точки зрения высказывания иностранцев носители языка воспринимают как «необычные», «неуместные», «неадекватные» и иногда просто не понимают, что эти высказывания означают в данной ситуации общения» [Цурикова 2002а: 14].

Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин отмечают, что вербальная категоризация действительности осуществляется в структуре не любой деятельности, а деятельности познавательной, поскольку «вербально категоризируемая действительность членится только в процессе познавательной деятельности» [Тарасов, Сорокин 1977: 19]. Поскольку познавательная деятельность не является копированием действительности, то процесс познания носит не отражательный, а репрезентативный характер [Магировская 2009б: 50].

Элементы языковой картины мира, а также их взаимосвязи не отражают объекты мира и его структуру (см. работы Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой и др.). Антропоцентричность языка проявляется в том, что субъект конструирует в своем сознании окружающую действительность, формирует представление о ней, выступает активным концептуализатором, категоризатором и интерпретатором мира – деятелем. Субъект формулирует мысли и выбирает языковые средства для их выражения. Он является языковой личностью и опирается на все свои знания о мире в своей дискурсивной деятельности. Именно в контексте его языковых, социально-бытовых, профессиональных и др. знаний осуществляется восприятие, осмысление, интерпретация и репрезентация мира в языке.

Активность человека в языке, антропоцентричность языка – идея, плодотворно развиваемая многими учеными, – согласуется с важными выводами, полученными физиологами и биологами, изучающими мозг и сознание, в частности: «Активность нервной системы детерминирована не физическими воздействиями среды, а информационными процессами, извлекаемыми из субъективного опыта» [Анохин: [http](#)] (подчеркнуто автором – О.Д.). Ж.Н. Маслова замечает, что «форма ментальной репрезентации может быть предельно индивидуальна («картинка»), но это всегда порожденная самим субъектом ментальная конструкция, формирующаяся на основе внешнего и внутреннего контекста» [Маслова 2011: 82] (подчеркнуто автором – О.Д.).

С помощью понятия *субъектного принципа формирования социокультурной специфики дискурса* в рамках данной работы постулируется активная роль субъекта в языковом, когнитивном, деятельностном аспектах конструирования мира в дискурсе (вербально-семантический, тезаурусно-когнитивный и мотивационно-прагматический уровни, по Ю.Н. Караулову [Караулов 2007]), поскольку именно субъект является интерпретатором мира. Он осуществляет дискурсивную деятельность по интерпретации окружающей действительности, осмыслению и выделению единиц знания - концептов (концептуализации) и отнесению знания к определенным рубрикам опыта (категоризации) (см. работы Н.Н. Болдырева). Каждый субъект познает действительность и интерпретирует ее, демонстрируя тем самым процесс и результат индивидуального познания мира (подробнее см.: [Болдырев 2011: 12]).

Субъект, по Р.И. Павиленису, является «носителем определенной концептуальной системы» [Павиленис 1983: 166]. Концептуальная система как система концептов, следовательно, отражает познавательный опыт человека во всем его богатстве и разнообразии [Болдырев 2011, 2012, 2013а, 2013б, 2013г]. Образующееся в сознании человека социокультурное знание о мире и есть конструируемая субъектом концептуальная система, отражающая как языковой, так и неязыковой познавательный опыт субъекта, который форми-

руется в результате жизнедеятельности человека в конкретной социокультуре под влиянием разнообразных социокультурных факторов.

Субъект сам выбирает социокультурный контекст и задает область для его интерпретации. Социокультурная специфика знаний субъекта, структура и содержание концептуальных систем определяют социокультурный контекст формирования дискурса. Например:

(1) *Marseille - дом, который станет миром индивидуальности, творчества и созидания для каждого человека. Архитекторы, которые работали над его проектом, подошли к делу не только с профессионализмом, но и с любовью к творчеству, красоте, будущим жильцам – именно с тем чувством, которого так часто не хватает нам для жизни в гармонии с собой и внешним миром* [<http://marseille-house.ru/>];

(2) *Марсель – крупный город Франции, по своим размерам уступающий лишь Парижу, он является важнейшим промышленным регионом Франции, хотя кроме этого скрывает многочисленное культурное, архитектурное и историческое наследие страны. Марсель занимает очень выгодное местоположение на побережье Средиземного моря* [<http://www.orangesmile.com/destinations/marseille/>].

В примере (1) субъект интерпретирует содержание дискурса в рамках концептуально-тематической области ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС; в примере (2) - области ПУТЕШЕСТВИЕ. Иными словами, субъекты разных социальных групп (в сфере строительства (1) и туризма (2)) на основе фокусирования внимания на конкретных концептуальных признаках формируют разные дискурсивные смыслы: «место для жилья» (1) и «место для путешествий» (2). Соответствующие социокультурные знания активизируются с помощью языковых средств (*дом, архитекторы, жильцы* (1) и *город Франции, промышленный, культурное, архитектурное и историческое наследие, побережье моря* (2)).

Рождаясь и воспитываясь в определенной социокультурной среде, «каждая языковая личность усваивает принятые в ней регулятивы» [Кулико-

ва 2006б: 98] и в качестве представителя социума и культуры формирует знание о социуме и культуре, которое и репрезентирует в дискурсе в виде индивидуального смысла – результата динамического процесса концептуализации и категоризации коллективных знаний о мире, проявляя тем самым активность в выборе дискурсивных практик и языковых единиц в целом. В этой связи Е.С. Кубрякова замечает, что каждый индивид, преследуя в своем конструировании мира свои естественные цели, отражает при этом собственное видение мира, а «его креативная жилка проявляется, прежде всего, в выборе неких форм из числа готовых»: роль личности в формировании смысла (и в связи с этим роль мирозозидающей функции языка) нельзя недооценивать [Кубрякова 2009а: 20, 22].

Три уровня языковой личности, выделенные Ю.Н. Карауловым, предполагают: 1) способность субъекта использовать язык в той или иной ситуации общения, знание системы языка, особенностей речевого поведения и дискурсивных практик относительно той или иной ситуации; 2) наличие концептуальной системы, сформированной социокультурными факторами; 3) целеполагание деятельности человека, вербальной в том числе. Социокультурная специфика дискурса со всей очевидностью проявляется в случае, когда субъекты излагают информацию на одну и ту же тему, демонстрируя тем самым динамический аспект контекста социокультурных знаний.

Таким образом, субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса основан на антропоцентричности языка и теории языковой личности, учитывающих активную роль субъекта в формировании социокультурных знаний. Структура социокультурных знаний субъекта определяет структуру социокультурного контекста дискурса и создает его социокультурную специфику, складывающуюся из знаний, которыми владеет субъект, а именно, знаний о социокультуре в виде конкретных концептов и категорий, характеризующих конкретную социокультуру, репрезентируемых теми или иными языковыми единицами. В качестве социокультурного контекста дискурса, в рамках которого возможно его понимание, следовательно,

выступают не все коллективные знания о мире, которыми овладел субъект, а только те знания, которые попадают в фокус его внимания под влиянием конкретных социокультурных факторов и которые используются им для интерпретации мира и знаний о мире в процессе формирования дискурса, то есть контекст социокультурных знаний автора дискурса.

Субъект, таким образом, определяет и формирует социокультурный контекст. Соответственно этот принцип реализации социокультурного контекста, в отличие от других принципов (принципа, в котором учитывается исключительно интенциональность субъекта, например), назван *субъектным*. Этот процесс субъектной обусловленности социокультурной специфики дискурса становится возможным благодаря универсальным структурам знания субъекта о себе и о людях как представителях той или иной социокультуры. В качестве структур этих универсальных знаний выступают условно выделенные в работе метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ.

3.4. Метаконцепты как единицы социокультурных знаний

Осуществляя языковую и неязыковую деятельность в рамках определенной социокультуры, субъекты говорят на общем (национальном) языке, сосуществуют в системе общих ценностей, характерных для определенных групп, проживающих на конкретной территории, придерживаются коллективных норм и правил поведения, характеризующих их как представителей своего времени, выполняют разнообразные роли в жизни общества, демонстрируют стереотипы, сформированные в результате социализации в том числе, то есть являются носителями универсальных структур знания – метаконцептов. Посредством именно метаконцептов, сформированных в определенной социокультурной среде, субъект осуществляет интерпретацию мира в дискурсе. Социокультурная обусловленность человеческой когниции и языка как знаковой системы, представленные в метаконцептах, проявляется в дис-

курсе как языковом функционировании, которое осуществляется относительно его знаний о ситуации и мире в целом.

В научной литературе по когнитивной лингвистике известны поиски концептов, которые могут быть признаны наиболее существенными для построения всей концептуальной системы, то есть организующими концептуальное пространство и выступающими в качестве главных рубрик его членения. Традиционно основными составляющими концептуальной системы являются концепты, «близкие семантическим частям речи», а именно: концепты ОБЪЕКТА и его ЧАСТЕЙ, ДВИЖЕНИЯ, ДЕЙСТВИЯ, МЕСТА или ПРОСТРАНСТВА, ВРЕМЕНИ, ПРИЗНАКА (см. подробнее: [КСКТ 1996: 91-92], а также работы Р. Джекендоффа). Как показано в рамках данной работы, социокультурная обусловленность человеческой когниции проявляется в дискурсе за счет интерпретирующих схем – метаконцептов РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ.

Понятие «метаконцепт» используется в лингвокультурологии для обозначения результатов вторичной концептуализации действительности [Слышкин 2004]. В когнитивной лингвистике *метаконцептом* обозначают ментальные факторы, определяющие основные принципы структурирования содержания текста (относительно поэтических текстов см., например: [Маслова 2011]). При применении данного понятия к социокультурной специфике дискурса, в рамках данной работы выделяются следующие метаконцепты, обуславливающие формирование соответствующего контекста интерпретации его содержания: РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ. Данный перечень метаконцептов обусловлен социальными законами и отношениями, которым подчиняется человек и в которые он вступает в определенном социуме, условиями его общественного существования и деятельности в рамках конкретной социокультуры, а также знаниями о них. Так, каждый субъект обладает знаниями о функциях, которые определяют его принадлежность к группе, о выполняемой им и другими субъектами роли в обществе (гендерные роли, профессио-

нальная, общественная деятельность и др.). Система мировоззрения субъекта складывается под влиянием стереотипов, усваиваемых им в процессе социализации (СМИ, литература, жизненный опыт). Языковой опыт не только характеризует субъекта как члена той или иной коллективной группы, но и является ярким свидетельством индивидуальной концептуальной системы, сформированной им в процессе жизнедеятельности (язык русского народа, арго, язык А.С. Пушкина). Социальные институты (семьи и брака, образования и др.) определяют ценностные ориентиры каждого конкретного субъекта, регулируют его жизнедеятельность в рамках норм и правил поведения (этикет, культура речи, правила поведения в общественных местах), территориальных границ (москвич, тюменец, русский, британец) и времени (эпоха А. Вознесенского).

Социально-статусные взаимоотношения субъектов предполагают выполнение субъектами определенных ролей и приобретение определенных статусов. Метаконцепт РОЛЬ ограничивает концептуальное содержание дискурса с точки зрения выполняемой субъектом деятельности в системе человеческих отношений. Симметричный – асимметричный тип социально-статусных отношений проявляется в ролях начальника и подчиненного. В рамках семейных отношений можно различать роли матери, отца, сестры, брата, внука (а также хорошей матери, никчемного отца, благодарного сына и др.). В рамках профессиональной деятельности субъект может выполнять роль врача, учителя, преподавателя, физика, инженера, технолога, дипломата и др. (грамотных и бездарных, хороших и плохих и др.). В рамках гендерных ролей мужчины и женщины могут осуществлять социальные функции, традиционно ассоциированные с женскими, мужскими типами поведения (настоящий мужчина, типичная хозяйка и др.), возрастных ролей (ребенка, подростка и др.). Профессиональные группы, употребляя одну и ту же языковую единицу, формируют разные социокультурные контексты знаний: *утка* - водоплавающая птица у животноводов, ложный слух в сфере СМИ и сосуд для больных – в медицинских учреждениях; *хлорид натрия* – в профессиональ-

ной сфере химика, *соль* – повара и простого обывателя. Аналогичным образом следует рассматривать социальную активность субъекта в иных видах деятельности, например: религиозной, политической, экономической, культурной, военной и др.

РОЛЬ регулирует ожидания субъекта относительно поведения, деятельности, норм, ассоциированных с теми или иными группами людей (социальная роль директора предполагает выполнение им ожиданий и функций руководителя института / предприятия / фирмы и др.). Социальная роль может предопределять психологическую роль субъекта (социальный тип отношений «сотрудничество – конкуренция», например, формирует роли лидера и партнера в первом случае и победителя и побежденного – во втором).

Многообразие социальных групп (в институтах семьи и брака, институтах образования, культуры, религии и др.) проявляется в разнообразии ролей, которые может выполнять субъект дискурса. Однако в качестве ведущей может быть признана одна социальная роль. Например, в деятельности директора доминирующей является социальная роль руководителя; роли отца, сына (матери, дочери, сестры) могут быть дефокусированы. Для участника Великой Отечественной войны определяющей ролью является роль защитника Отечества. Его индивидуальная концептуальная система может быть сформирована под влиянием тяжелых жизненных испытаний, потерь. В его жизнедеятельности в мирное время любая ситуация внешнего мира может быть интерпретирована сквозь призму военных дней: *На фронте все было понятно: где свои, а где враги.*

В результате многостороннего взаимодействия с миром в сознании человека с неизбежностью складывается стереотипный образ (стереотипы пола, возраста, профессии). Стереотип как своеобразный схематизированный мыслительный конструкт социального явления отличается относительной устойчивостью. Фокусировка внимания на определенных характеристиках (профессор – ученый, как правило, в очках, в возрасте) затрудняет процесс активизации иных, дефокусированных признаков. Метаконцепт СТЕРЕОТИП,

таким образом, обеспечивает способность субъекта приписывать постоянные характеристики и свойства предметам, объектам, явлениям на основании предшествующего опыта (ср.: русская щедрость, английская сдержанность, кавказское гостеприимство, французская галантность, немецкая точность, немецкое трудолюбие, гусарская удаль и др.). Огромная роль в этом процессе отводится ожиданиям, основанным на обобщенном представлении субъектов об окружающем мире, явлениях, предметах, сущностях (например, стереотипное представление о социальной роли мужчины в: *Ведь вы же мужчина. Могли бы и заступиться!*).

Несмотря на то, что формирование стереотипов является универсальной способностью человеческого мозга классифицировать мир, объекты, предметы, процессы, явления и распределять полученные данные по рубрикам опыта вне зависимости от социокультурной принадлежности субъекта и его знаний, стереотипы, отображая знания о мире, характеризуют социализированные представления людей друг о друге и о себе (автостереотипы и гетеростереотипы), которые, однако, не обязательно совпадают у представителей одной социокультурной группы.

Значимость той или иной сущности с точки зрения системы оценочных категорий определяется посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ (например, универсальные ценности: забота о потомстве (детях), уважение к старшим, защита себя и близких). Оценочная концептуализация и оценочная категоризация, формирование системы оценочных концептов и категорий являются исключительно свойством человеческого сознания, его интерпретирующей функции (см. подробнее: [Болдырев 2002, 2004, 2008в, 2009д и др.]). Мета-концепт ЦЕННОСТЬ обеспечивает выбор языковых средств, формирует и определяет дискурс субъекта с точки зрения его системы ценностных концептов и категорий. В дискурсе субъект отражает те знания и в той системе оценочных координат, которые характеризуют его как представителя профессии, территории, модели воспитания и поведения и с точки зрения ряда иных социальных факторов.

В культурной антропологии признается, что ценности реализуются в виде норм. Так, если честность признается ценностью, то нормами выступают конкретные формы проявления честности. Ценность наделяется стабилизирующей функцией, тогда как норма – регулирующей. То, что является нормой для одного субъекта, может быть признано аномальным в концептуальной системе другого. Идея об индивидуальном (субъективном) понимании норм и ценностей находит отражение в работах отечественных ученых (см. работы И.А. Тарасовой, например).

Типология норм включает нормы общественные, речевые, орфографические, профессиональные и др. Выделяют также эмоциональные нормы реакций на внешние стимулы (работы П. Экмана) [Ekman 2007]. Метаконцепт НОРМА, таким образом, ориентирует субъекта в системе изменяющихся узуальных и окказиональных правил, схем речевого и неречевого поведения. НОРМА очерчивает социальное пространство *своего* от *чужого*: те или иные нормы, принятые в одной социокультуре и усвоенные субъектом, могут не только существенно отличаться в рамках другой социокультуры, но и восприниматься агрессивно представителями разных социокультур.

НОРМА предполагает ожидания от адресата реакций любого типа (от поведенческих до речевых), прогнозирование результатов интерпретации на основе как коллективных, так и индивидуальных знаний. Например, учитель предполагает и ожидает соответствующие нормы поведения от учащихся (исполнение учениками следующих социальных норм: не опаздывать на уроки, выполнять домашние задания и др.), присутствующие в помещении – речевой нормы в виде реплик от вошедшего *Здравствуйте! / Добрый день / утро / вечер!* и т.д.

Метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ выполняют интерпретирующую функцию относительно принадлежности субъекта к разнообразным социальным группам (носители диалектов Британии, носители системы ценностей конкретной группы, носители системы знаний о непосредственной ситуации). С помощью метаконцепта ПРОСТРАНСТВО субъект ориентиру-

ется в системе общественных отношений, социальных институтов, системе коммуникаций, норм и правил с точки зрения пространственных отношений: занятие студентов в университете обозначается словом *лента* в Красноярске и *пара* в большинстве городов России. Следовательно, эти языковые единицы репрезентируют принадлежность субъектов к конкретным группам лиц, проживающим на той или иной территории.

Социокультурная специфика знаний субъекта может определять любое территориальное пространство (ср.: *территория детства*). В следующем примере субъект дискурса репрезентирует знание условий успешной коммуникации, которые определяют формирование дискурса и его смысл, структурируя, таким образом, содержание дискурса с помощью метаконцепта НОРМА. Дискурс героя К. Хабенского в фильме «Ирония судьбы-2» формируется в жанре волшебной сказки, когда адресатом выступают дети. Ориентация на детское восприятие мира посредством вымышленных историй активизирует контекст социокультурных знаний о сказочных персонажах и героях, их взаимоотношениях, детских считалочках, то есть знания специфики и предпочтений детской аудитории:

- Жил-был на свете зайчик // Косой // Ну / и как обычно / раз / два / три / четыре / пять / вышел зайчик погулять // И забрел в чужую норку // - Это что / из сказки? // - Это просто очень старая русская народная сказка // - А там / она // Снегурочка // - Спящая красавица // - Молодец / красавица / но спящая // И никто не мог разбудить спящую красавицу // И однажды / когда часы на башне били двенадцать / зайчик поцеловал спящую красавицу // <...> // И зайчик понял / что он влюбился по уши <...>.

Территориальная принадлежность / идентичность активизируется субъектом в следующем примере:

Man: *Does your dog bite?*

Woman: *No.* (The man reaches down to the pet dog. The dog bites the man's hand).

Man: *Ouch! Hey! You said your dog doesn't bite.*

Woman: *He doesn't. But that is not my dog.*

Г. Юл (G. Yule), автор приведенного выше примера, видит причину непонимания друг друга участниками диалога в несоблюдении «принципа кооперации» Грайса (H.P. Grice) [Yule 1997: 36]. В рамках данной работы этот пример получает иное осмысление и объяснение. Специфика социокультурных знаний мужчины определяется знанием непосредственной ситуации внешнего мира: совместное пребывание человека и домашнего питомца на общей территории может указывать на принадлежность животного именно этому человеку. В границе концептуальной системы первого участника (мужчины) в фокусе внимания - «референциальные» знания (*эта собака*) о ситуации, тогда как в концептуальной системе второго участника (женщины) - «атрибутивные» (*моя собака*).

Метаконцепт ВРЕМЯ фокусирует внимание субъекта на последовательности, изменениях, смене представлений об объекте, явлении, процессе и т.д. (учеба в школе, учеба в вузе и т.д.), характеризует сходства и различия в интерпретации мира, обусловленные традициями, манерами поведения и взаимоотношениями людей друг с другом. Например, застенчивость, смущение, стыд Татьяны А.С. Пушкина, характерные для юных барышень ее общества, и раскованность молодых особ в женских брачных объявлениях в конце XX века: *Милая блондинка без комплексов проведет время в компании состоятельного мужчины* (фрагмент текста женского брачного объявления).

Л.И. Гришаева и Л.В. Цурикова приводят свидетельства разнообразных трактовок произведения В. Шекспира «Гамлет»: «Гамлет во второй половине XVIII в. трактовался как сильная волевая личность, как любимец народа, как идеальный монарх, переживающий конфликт между долгом и страстью (перевод А. Сумарокова). У М.П. Вронченко (1828) Гамлет бездействует по причине слабости воли, отвращения к окружающему миру, испытывая боль за попранное достоинство человека. В конце 30- начале 40-х гг. XIX в. театр акцентирует романтизм героя, слабость воли принца, однако и отвращение к окружающему миру (переводы Н.А. Полевого (1837), А.И. Кронеберга

(1844), например). В середине XIX в. Гамлет трактуется как немолодой, малоприметный обыкновенный человек без особого масштаба (перевод М.А. Загуляева (1861), например). В конце XIX в., в эпоху расцвета русского гамлетизма, Гамлет становится выразителем идей людей, осознающих гнет собственного бессилия, обреченности, душевной усталости. К середине XX в. Гамлет персонифицирует драму долга и самоотречения, драму высокого жребия, а сам принц датский выписывается как сторонний наблюдатель исторических событий, размышляющий по поводу этих событий (перевод Б.Л. Пастернака (1940))» [Гришаева, Цурикова 2007: 295].

Посредством метаконцепта ВРЕМЯ субъект, таким образом, интерпретирует мир с точки зрения роли, оценки времени в его жизни: *время стоит* в очередях, но *время летит* на свиданиях. В результате социокультурного опыта субъект усваивает последовательность действий, поступков, явлений и репрезентирует соответствующие знания в языке: время у врачей и учителей категоризируется в дни, месяцы, годы (*листок нетрудоспособности на пять дней; лечение на месяц; повторить УЗИ через полгода / год; Учитель года; Врач года; творческий отпуск на полгода; длительный отпуск до года*); в зависимости от устремлений учащихся, студентов, учителей и преподавателей время категоризируется в минуты, секунды, вечность (*Урок длится целых 40 минут; Эта пара никогда не кончится; Сессия так долго тянется; Каникулы пролетели; Сессия прошла мигом*).

Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ регулирует концептуальное содержание дискурса посредством норм языковой системы и функционирования. Несмотря на потенциальную возможность субъекта выразить любое мыслительное содержание на том или ином языке, ограничения возникают в существовании конкретных нормированных способов этого выражения (ср. *молодожены* и **старожены*).

Языковой опыт ориентирован на представления (так называемое «чувство языка») о частотности употребления, вероятностном прогнозировании той или иной языковой структуры. Например, возраст ребенка после полуго-

да в английском языке выражается детализировано (*She is eighteen months old*), а в русском языке – целостно (*Ей полтора года*).

Языковой опыт представлен в языковой картине мира как определенная интерпретация мира и интерпретация знаний о мире в сознании человека средствами языка [Болдырев 2014б: 33]. ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ представляет собой негласное соглашение целого коллектива (группы) выражать мысли определенным языковым способом. Языковой опыт демонстрирует наиболее привычный для носителей языка способ концептуализации действительности на системном уровне. Например: *высокая трава* в русском языковом опыте, но *длинная* – в английском, *крепкий чай* – в русском, но *сильный* – в английском (см. также другие примеры в: [Тер-Минасова 2004]); «в английском высказывании часто присутствует описание целого ряда действий, которые при переводе на русский язык «скрадываются», и русское высказывание представляет лишь одно действие: *Your wife says that nothing you can do will ever induce her to divorce you* (Maugham, p. 60. *Ваша жена ни за что не согласится на развод* (Мозэм, с. 43)» [Хайруллин 1995: 28].

Многие исследователи отмечают различия в процессах концептуализации и категоризации мира средствами двух языков: «Имея в виду себя, испанского философа, Ортега-и-Гассет признается, что, говоря по-французски, он вынужден умалчивать 4/5 испанских мыслей, которые невозможно донести по-французски, хотя оба языка близки. <...> Каждый народ умалчивает одно, *чтобы* суметь сказать другое» [Хроленко 2004: 102]. А.Т. Хроленко приводит свидетельства В. Набокова: «Книга «Conclusive Evidence» писалась долго (1946-1950), с особенно мучительным трудом, ибо память была настроена на один лад – музыкально недоговоренный русский, а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный. В получившейся книге некоторые мелкие части механизма были сомнительной прочности, но мне казалось, что целое работает довольно исправно – покуда я не взялся за безумное дело перевода «Conclusive Evidence» на прежний, основной мой язык. Недостатки объявились такие, так отвратительно тарасилась иная фраза, так много было

и пробелов, и лишних пояснений, что точный перевод на русский язык был бы карикатурой Мнемозины. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву» [Набоков, цит. по: Хроленко 2004: 100-101] (подчеркнуто автором – О.Д.).

Язык демонстрирует социокультурную специфику на уровнях фонетики, лексики, грамматики, которая проявляется в территориальных (оканье и аканье, например) и национальных фонетических различиях (система любого языка имеет свою фонетическую организацию), лексических предпочтениях (*учитель* - в школе, *преподаватель* - в высшем учебном заведении), грамматических особенностях конструирования мира (ср: *Я вернулся* по отношению к *I have come back* и *I came back yesterday*).

Языковой опыт может определяться той или иной поведенческой нормой, заимствованной из неродной лингвокультуры (ср.: *Пока-пока* как копирование английского *bye-bye*, *Доброго времени суток* – в качестве интернет-приветствия и др.), а также регулироваться не только правилами (в этом случае речь идет о взаимосвязи с метаконцептом НОРМА), но и функциональными знаниями, которыми, как правило, владеет носитель языка и которые не находят полного отражения в словарях.

К языковому опыту можно отнести так называемые «дискурсивные формулы» - обороты речи, которые свойственны общению в том или ином социальном институте (см. подробнее: [Карасик 2002в]). Дискурсивные формулы, по мнению В.И. Карасика, объединяют всех представителей того или иного социума, а следовательно, отражают коллективное знание определенной социальной группы. Например, *Дамы и господа* является ЯЗЫКОВЫМ ОПЫТОМ субъекта в официальной ситуации общения.

Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ представляет собой «пропуск» в мир социума и культуры (подробнее в работах В.И. Карасика), поскольку язык хранит и структурирует социокультурный опыт и знания. В этой связи в отношении русского языка И. Г. Милославский предостерегает: «Русский язык – достояние всех, кто им пользуется. И если, говоря по-русски, разные люди

будут совершенно по-разному понимать значения одних и тех же слов, то это в конце концов разрушит взаимное понимание» [Милославский 2013: 105].

Языковой опыт формирует поведенческие стереотипы, ценности, которые зафиксированы в грамматических категориях, лексических значениях, фразеологии, прецедентных текстах культуры [Карасик 2002в]. ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ отдельного индивида (как и группы людей) также может свидетельствовать о его социокультурной принадлежности (ср.: **Ты чё / в натуре?*) и уровне знаний. Существенную роль в реализации социокультурных знаний и формировании социокультурной специфики дискурса, следовательно, играют дискурсивные практики как индивидуальные вербализованные способы интерпретации мира (как внешнего мира, так и внутреннего мира интенций субъекта): *Господа и товарищи студенты! Завтра состоится одно из важнейших событий в вашей нелегкой жизни. Все на семинар! Если не придете вы, то к вам обязательно придет большой НЕУД на экзамене! Выбираем будущее вместе!!!* (текст обращения к студентам Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень)¹⁴. Дискурсивная практика привлечения внимания и принуждения как креативный языковой опыт конкретного субъекта реализуется за счет интерпретирующей функции метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ) (анализ интерпретирующей функции метаконцептов см. в Главе II).

Языковой опыт субъекта может свидетельствовать о его территориальной принадлежности и жизнедеятельности в конкретный период. Так, для жителей юга Тюменской области следующие языковые единицы маркированы с точки зрения пространства (юг области) и времени (1960 – 2014 годы XX-XI веков):

¹⁴ Ср.: общепринятый способ обращения преподавателей к студентам в письменной форме (объявление): *Вниманию студентов 3 курса! Семинар по курсу «Лексикология» состоится завтра в аудитории 402 в 15.00.*

- *взрослой* – высокого роста; *взросляной* (диалект.), экспр. – очень рослый, высокий (о человеке) [СРСГЮТО 2014а: 111]. Репрезентируется признак «размер»;

ср.: *взрослый* – достигший зрелого возраста; предназначенный для взрослых [СРЯ 1978: 75]. Репрезентируется признак коллективного знания «годы человека»;

- *душка* – стопка вина или водки [СРСГЮТО 2014а: 215]. Репрезентируется характеристика «приятный телу и душе»;

ср.: *душка* – о приятном, привлекательном человеке [СРЯ 1978: 169]. Репрезентируется признак «располагать к себе».

Иными словами, коллективное знание носителей русского языка, репрезентируемое лексемами *взрослый*, *душка*, подвергается процессу когнитивного варьирования¹⁵ на основании визуально воспринимаемых признаков, вкусовых ощущений в сознании носителей диалекта юга Тюменской области.

В рамках языкового опыта молодежной среды как субъектов, принадлежащих определенному временному пространству, следующие единицы репрезентируют концептуальные признаки:

«легкости», «посредственности»: *халява* – небрежность; получение чего-л. бесплатно, задаром; дармовщина; неряха, растрепа [<http://enc-dic.com/efremova/Haljava-116293.html>];

«молодости», «панибратства»: *чуваки (чувак)* – молодой мужчина; человек [<http://enc-dic.com/kuzhecov/Chuvak-67728.html>].

Однако в рамках языкового опыта жителей юга Тюменской области объективируются иные концептуальные признаки:

«утварь»: *халява* – стеклянный сосуд, большая бутылка [СРСГЮТО 2014б: 340] (признак «размер и материал»);

«обувь»: *чуваки* – глубокая обувь [СРСГЮТО 2014б: 373] (признак «изделие, носимое на ногах в определенных погодных условиях»).

¹⁵ О когнитивном варьировании см. параграф 3. Главы II.

Взаимосвязь выявленных в диссертации метаконцептов обусловлена креативной ролью человека как представителя социокультуры в формировании социума, культуры, стереотипов, системы ценностей, норм, предпочтений, идеалов, убеждений, идеологий, языка и языкового опыта. Эта взаимосвязь обнаруживается на языковом материале (см. подробнее Глава II). Например, в языковом опыте языковой личности отображается система ценностей субъекта, все его жизненные предпочтения, нормы (взаимосвязь метаконцептов ЦЕННОСТЬ и НОРМА): *Душа болит / глядя на то / что происходит; Если брать конкретно мою личную помощь / я давно отказался от всех гонораров / и все / что можно отправляю в детские дома // Лично помог за последнее время более пятидесяти сиротским детским домам* (Г. Зюганов. [<http://www.yuotube.com/watch?v+25TSFxFVIGI>]).

Являясь частью концептуальной системы субъекта, сформированной в определенном социуме и культуре, метаконцепты служат своего рода когнитивными регуляторами, схемами, которые использует субъект для структурирования и интерпретации информации из внешнего мира и репрезентации ее в дискурсе. В процессе когнитивно-дискурсивной деятельности эти метаконцепты «наполняются» конкретным содержанием, то есть автор дискурса реализует субъектный принцип социокультурной обусловленности дискурса (параграф 3.3.). Наполнение, в свою очередь, связано с формированием конкретного дискурсивного смысла. В этом качестве метаконцепты выполняют интерпретирующую функцию трех типов: селекции, классификации и оценки, - то есть демонстрируют динамический аспект социокультурного контекста (см. параграф 3.2.).

3.4.1. Интерпретирующая функция метаконцептов: селекция, классификация и оценка

Поскольку когнитивная лингвистика базируется на постулате антропоцентричности языка и активности в нем человеческого фактора, то интерес исследователей в последние годы привлекает проблема интерпретации ре-

альной действительности субъектом и ее объективация в языке, тем самым подчеркивается тесная взаимосвязь когниции и интерпретации [Демьянков 1994].

Традиция увязывать конструирование мира с интерпретацией характерна для многих исследований: «Мир не отображается, а интерпретируется <...> [Фрумкина 1999: 90]. Е.С. Кубрякова, используя термин «осмысление мира», также подразумевает под ним интерпретацию мира в сознании человека, замечая, что язык объективирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком [Кубрякова 2004: 19, 95]. О том, что знания служат «схемой интерпретации» прошлого и нынешнего опыта, свидетельствует А. Шюц [Шюц 2003: 320]. То, что знание является интерпретацией, отмечают также А. Вежбицкая [Wierzbicka 1988: 2], У. Чейф [Чейф 2008: 163] и др.

Будучи непосредственно связанной с познавательными процессами концептуализации и категоризации, интерпретация понимается как «процессы и результаты субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, как процессы и результаты субъективной репрезентации мира, которая основана, с одной стороны, на коллективных представлениях о мире, и, с другой – на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев 2011: 12].

Интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов, в частности. Как замечает Н.Н. Болдырев, в онтологической триаде «система мира – система языка – концептуальная система человека» она связана именно с человеком, его восприятием и оценкой системы мира и системы языка [Болдырев 2009в: 99]. Интерпретация, по Н.Н. Болдыреву, - это «проекция мира, или знание о мире, «погруженное» в индивидуальное сознание человека» [Болдырев 2011: 12]. Она ориентирована на концептуальную систему каждого конкретного человека, то есть субъективна: «языковая познавательная активность преимущественно

отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [Там же].

Интерпретация в ее статическом и динамическом аспектах (подробнее см.: [Болдырев 2011]) инициирует все виды когнитивной деятельности и обеспечивает возможность интеграции любых типов знания (знания как объективные, так и субъективные, как те, которые необходимы для целостного осмысления ситуации (участники, их характеристики и особенности взаимодействия), так и те, которые обеспечивают конкретную речевую актуализацию и, следовательно, передают только ту информацию, которая представляется важной с точки зрения особенностей ее индивидуального восприятия). Концептуальная и категориальная переработка знаний на данном уровне познания коммуникативно обусловлена. Она подчинена целям и мотивам коммуникации [Магировская 2009б: 56-57].

В процессе интерпретации субъект выбирает признак, который выступает в роли интерпретирующего знания. Интерпретация опосредована языком и объективируется языковыми формами [Болдырев, Панасенко 2013: 6]. Опыт осмысления поступающей информации описывается в терминах когнитивного конструирования (*construal operations*): профилирования, фокусировки, перспективизации, фигуры, фона (см. работы О.К. Ирисхановой, Р. Лэнкера, Л. Галми и др.); сама категоризация «обусловлена различными когнитивными способностями человеческого разума, а не условным характером границ между предметами и явлениями окружающего мира» [Болдырев 2014а: 128] и предполагает по меньшей мере два вектора: горизонтальный (когда тот или иной объект отнесен к определенной категории одного и того же уровня обобщения, например, к категории «книга», «газета» или «журнал») и вертикальный (включение объекта в категорию базового, суперординатного или субординатного уровней по иерархическому признаку) (подробнее см.: [Болдырев 2014а: 132]).

Языковая интерпретация, по Н.Н. Болдыреву, проявляется в трех типах, реализующих три главные функции интерпретации: селекции, классифика-

ции, оценки (подробнее см.: [Болдырев 2011]). Роль *селективной* функции заключается в избирательной концептуализации мира и проявляется в языковых обозначениях соответствующих концептов. Как часть физического познания мира селективная функция приводит к образованию индивидуальных концептуальных систем: концептуальная система егеря и университетского преподавателя, например. Как часть ментального познания мира *классифицирующая* функция имеет отношение к вторичной концептуализации и вторичной категоризации: она способствует формированию внутреннего мира человека, включая осознание наличия других концептуальных систем. *Оценочная* интерпретация в виде оценочной концептуализации и оценочной категоризации представляет собой языковую систему межличностной ориентации в мире, коллективно-индивидуальную модель взаимоотношений (см. подробнее: [Болдырев 2011]).

Иными словами, посредством селекции осуществляется отбор в концептуальную систему тех элементов (концептов), которые отражают социокультурные знания субъекта о мире. Функция классификации свидетельствует о способах категоризации мира субъектом, в рамках которых то или иное событие из внешнего мира соотносится с той или иной типологией, принятой или усвоенной субъектом в процессе социализации в той или иной социокультуре. Оценочная интерпретация отсылает к шкале индивидуальных оценок в границах коллективной шкалы оценок, стереотипов и норм, принятых в той или иной социокультуре.

Интерпретация концептуального содержания посредством метаконцептов приводит к конкретным выбору, классификации и оценке той или иной сущности, явления, события и т.д. в концептуальной системе субъекта. **Метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ** как способы структурирования и интерпретации содержания дискурса, таким образом, «сужают» все возможные интерпретации объектов и событий. Они фокусируют внимание на наиболее значимых с точки зрения субъекта признаках в границах его собственного опыта

и раскрывают тем самым функциональный аспект формирования социокультурного контекста (параграф 3.2.).

Метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ и их основные характеристики как элементы контекста социокультурных знаний субъекта проявляются в самом дискурсе на уровне его содержания и репрезентируются определенными языковыми средствами на уровне его формы. С учетом в целом интерпретирующей функции этих элементов в дискурсе, их связи с передаваемым концептуальным содержанием совокупность этих элементов может быть условно представлена как **когнитивно-дискурсивная интерпретанта (КДИ)**¹⁶, основная роль которой заключается в отсылке к более объемным контекстам знаний (статический аспект), с одной стороны, и указанию на индивидуальный контекст социокультурных знаний (динамический аспект) – с другой. Ввиду трех главных функций интерпретаций КДИ представлена интерпретантой селекции, интерпретантой классификации и интерпретантой оценки.

Приведем примеры интерпретант, подчеркнув их тесную взаимосвязь в процессе языковой интерпретации:

- интерпретанта селекции (выбор конкретной темы разговора субъектом):

LIZA. <..> *Gin was mother's milk to her. Besides, he'd poured so much down his throat that he knew the good of it <...>. Drank! My word! Something chronic <..>. But then he did not keep it up regular [Cheerfully]. On the burst, as you might say, from time to time. And always more agreeable when he had a drop in. When he was out of work, my mother used to give him fourpence and tell him to go out and not come back until he'd drunk himself cheerful and loving-like. There's lots of women has to make their husbands drunk to make them fit to live*

¹⁶ Впервые термин «когнитивно-дискурсивная интерпретанта» и метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты введены в статье «Социокультурный контекст интерпретации мира и формирования дискурса», написанной автором совместно с Н.Н. Болдыревым.

with <...>. If a man has a bit of a conscience, it always takes him when he's sober; and then it makes him low-spirited. A drop of booze just takes that off and makes him happy [Shaw. «Pygmalion»] (социокультурный опыт субъекта реализован выбором концептуально-тематической области ПЬЯНСТВО);

- интерпретанта классификации (группировка предметов / событий в определенные категории):

- *Вон, беспризорный карманник! Тебя тут не хватало! <..> Какой же я карманник? Ошейник вы разве не замечаете?* [М. Булгаков. «Собачье сердце»] (субъект относит себя к категории «почтенных животных / людей»);

MRS. PEARCE. *How can you be such a foolish ignorant girl as to think you could afford to pay Mr. Higgins?* [Shaw. «Pygmalion»] (субъект относит адресата к категории «глупых и наивных людей»);

- интерпретанта оценки (оценка предметов / событий):

Сын - молодец: так и рвется в гусары! [Н. Гоголь «Игроки»];

Балык, кажется, не того, а икра еще так и сяк; И сыр хорош. Икра тоже недурна [Н. Гоголь. «Игроки»];

- *Это плохо? – жуя, спрашивал Филипп Филиппович. – Плохо? Вы ответьте, уважаемый доктор.*

- *Это бесподобно, - искренне ответил тяпнутый* [М. Булгаков. «Собачье сердце»] (эмоциональные оценки).

Интерпретация информации и ее языковое оформление осуществляются через структуры социокультурных знаний – метаконцепты. Результатом этого процесса «на выходе» является конкретное указание на ту или иную концептуально-тематическую область, отсылающее к социокультурным знаниям субъекта, сформированным в процессе познания мира как в статическом, так и динамическом аспектах (см. подробнее: Глава II). В самом дискурсе указание на конкретный социокультурный контекст представлено в виде *когнитивно-дискурсивной интерпретанты*. Метод анализа социокультурной специфики дискурса, следовательно, связан с поиском когнитивно-

дискурсивной интерпретанты, которая подробнее рассматривается в следующем параграфе.

3.4.2. Понятие когнитивно-дискурсивной интерпретанты и ее конститутивные признаки

Как понятие семиотики *интерпретанта* было введено в научный оборот в качестве третьей составляющей диады «означаемое» - «означающее» Ч. Пирсом и описано в работах многих отечественных и зарубежных ученых. Так, известны подходы к интерпретанте по различным основаниям: по денотату и сигнификату [Степанов 1983]; классификация интерпретанты по способу образования: словообразовательная интерпретанта [Кубрякова 2001]; по информации «об ограничениях на употребление знака в зависимости от основных параметров широкого прагматического контекста»: прагматическая интерпретанта (см. подробнее: [Заботкина 2008: 90]). В работах Ч. Пирса представлены эмоциональная, энергетическая и логическая интерпретанты как конкретный результат действия знака, то есть того, что вырабатывается в сознании интерпретатора [Пирс 2000].

Термин «когнитивно-дискурсивная интерпретанта» вводится для обозначения социокультурного контекста конкретного дискурса в качестве сфокусированной на определенной тематической области или концепте части концептуальной системы субъекта дискурса, перечня тех конкретных тематических концептов (территориальных, профессиональных, исторических и многих других), в рамках и на основании которых формируется и должно интерпретироваться содержание этого дискурса.

Иными словами, **когнитивно-дискурсивная интерпретанта** – это присутствующее в дискурсе указание на ту концептуальную область, характерную для того или иного социума или культуры, которая задается субъектом для понимания соответствующего дискурса (область его определения) и с позиции которой должен интерпретироваться его смысл; это выбор опреде-

ленных языковых средств, используемых для репрезентации данной области в этом социуме или культуре.

Понятие «когнитивно-дискурсивной интерпретанты» учитывает важное положение о том, что в процессе дискурсивной деятельности разные языковые формы выбираются или создаются говорящим; они соотнесены с определенной социальной активностью человека; обусловлены тем, какими знаниями он обладает [Кубрякова 2004: 20]¹⁷. Понятие «когнитивно-дискурсивной интерпретанты», высвечивая интерпретирующую функцию языка и активность человека в дискурсе, предполагает, что в процессе дискурсивной деятельности по интерпретации мира сознание субъекта, осуществляя селекцию, классификацию и оценку объектов мира с помощью языка, репрезентирует социокультурный контекст знаний субъекта как его индивидуальную концептуальную систему, сложившуюся в рамках его социокультурной среды.

Понятие «когнитивно-дискурсивной интерпретанты», таким образом, демонстрирует не пассивную форму принятия субъектом особенностей социокультуры, а предполагает активную позицию субъекта в конструировании текстов как результатов когнитивно-дискурсивной деятельности в ее границах и дискурса в целом. Иными словами, человек, формируясь в социокультуре, конструирует индивидуальный социокультурный контекст знаний, поскольку является активным концептуализатором и категоризатором мира. В когнитивно-дискурсивной интерпретанте находит объективацию контекст социокультурных знаний субъекта, с одной стороны, и используются языковые средства, которые репрезентируют эти знания, с другой стороны. Именно в реальном функционировании языка, по словам Е.С. Кубряковой, «а оно и отражается в понятиях дискурса и дискурсивной деятельности, функции

¹⁷ Ср.: Г.Г. Гадамер высказывал идею о том, что беспредпосылочного мышления не бывает и о том, что «предварительное понимание» задано традицией, в которой человек живет и мылит [Гадамер 1988].

когниции и коммуникации не могут быть жестко противопоставлены друг другу» [Кубрякова 2009а: 13].

Языковые репрезентанты конкретного контекста, то есть когнитивно-дискурсивной интерпретанты, могут быть выражены различными стилями, дискурсивными практиками, лексическими средствами (профессиональными словами, жаргонизмами, фразеологическими единицами, топонимами, гидронимами, единицами, в значении которых содержится национально-культурный компонент и др.), специфическим грамматическим построением дискурса (простые или сложные, длинные или короткие предложения и т.д.). Эти маркеры как часть когнитивно-дискурсивной интерпретанты, таким образом, отсылают к более широкому контексту социокультурных знаний о территориях, диалектах, профессиях, религиях, возрастных и гендерных отличиях и т.д., с одной стороны, и указывают на индивидуальный контекст - с другой, активизируя его.

Процедура анализа, направленного на изучение социокультурной специфики дискурса в виде представленного в нем элементов социокультурного знания (когнитивно-дискурсивной интерпретанты), может быть названа *методом анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты*. Этот метод представляет собой, с одной стороны, разновидность концептуального анализа, а с другой стороны, синтез приемов и методов исследования, используемых в структурной (анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ) и когнитивной лингвистике (концептуально-дефиниционный, концептуально-репрезентативный анализ, метод когнитивного и концептуального моделирования). Он расширяет возможности применения когнитивного подхода в плане изучения и описания социокультурной специфики дискурса, позволяя исследовать структуру и содержание его социокультурного контекста, контекста его формирования и понимания на основе анализа социокультурных знаний субъекта, представленных в самом дискурсе.

Метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты включает следующие приемы анализа: 1) выделение концептуальной области, в рамках

которой происходит формирование смысла определенного дискурса, который, в свою очередь, активизируется когнитивно-дискурсивной интерпретантой на базе контекста коллективных знаний; 2) выделение конкретных концептов и их индивидуальных характеристик, что составляет содержание КДИ (интерпретанты селекции, классификации и оценки); 3) выделение когнитивных и языковых механизмов формирования социокультурных смыслов; 4) определение конкретных языковых средств репрезентации этих смыслов.

Например, интерпретирующая функция метаконцепта РОЛЬ реализуется субъектом относительно концептуально-тематических областей ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ее виды. В области СПОРТ в функции *селекции* соответствующими языковыми единицами активизируются концепты ТРЕНЕР, СПОРТСМЕН, ВРАЧ и др.; в зависимости от вида ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ в спорте субъектом различаются ХОРЕОГРАФ (в фигурном катании), КОНЮХ (в конном спорте). В области ОБРАЗОВАНИЕ метаконцепт РОЛЬ репрезентируется через концепты УЧИТЕЛЬ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, УЧЕНИК, СТУДЕНТ, НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ, АСПИРАНТ и др. Выбирая концептуально-тематическую область в зависимости от социокультурных знаний, субъект *классифицирует* то или иное событие и т.д. по определенному признаку (РОЛЬ тренера-мастера ФИДЕ по ШАХМАТАМ на ШАХМАТНОМ ТУРНИРЕ и РОЛЬ студента - участника СТУДЕНЧЕСКОЙ ОЛИМПИАДЫ), соотнося событие с индивидуальной оценкой:

Я рад, что попал на олимпиаду: приобрел ценный опыт и познакомился с замечательными людьми [<http://netolympiad.ru/>] (эмоциональная оценка);

Лично для меня участие в олимпиаде – это возможность сравнить себя с участниками-ровесниками в плане знаний. Спасибо организаторам! [<http://netolympiad.ru/>] (рациональная оценка).

В примере (1-2-3 ниже) в зависимости от социокультурных знаний субъекта в виде концептуально-тематической области ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ метаконцепт РОЛЬ получает следующее наполнение:

(1) Президент Международного олимпийского комитета Томас Бах выразил уверенность, что следующие зимние Олимпийские игры, которые пройдут в 2018 году в Пхёнчхане, будут проведены на самом высоком уровне [<http://www.championat.com/olympic14/news-1756669-bakh-uveren-olimpiada-v-pkhjonchkhane-projdjot-na-samom-vysokom-urovne.html>];

(2) В Олимпиаде на добровольной основе могут принять участие учащиеся 9, 10, 11 классов государственных, муниципальных и негосударственных образовательных организаций, реализующих общеобразовательные программы, в том числе образовательных организаций Российской Федерации, расположенных за пределами территории Российской Федерации, а также учащиеся средних специальных учебных заведений. Квоты на участие в Олимпиаде не устанавливаются. Олимпиада проводится по творческим заданиям, составленным на основе общеобразовательных программ, реализуемых на ступенях среднего (полного) общего образования [<http://www.tgasu.ru/node/81>];

(3) Завершился городской турнир по шахматам «Белая ладья». В течение месяца наша команда соревновалась с сильнейшими командами города. В упорной борьбе нашим шахматистам удалось завоевать 2 место! [http://school20.tyumenedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=344:-2&catid=53:2013-03-05-15-00-50&Itemid=63].

Языковые средства в (1) президент олимпийского комитета, зимние Олимпийские игры в единстве с репрезентируемыми ими концептами ПРЕЗИДЕНТ ОЛИМПИЙСКОГО КОМИТЕТА, ИГРЫ В ПХЁНЧХАНЕ составляют когнитивно-дискурсивную интерпретанту, отсылающую к объемным социокультурным знаниям субъекта об ОЛИМПИАДАХ концептуально-тематической области ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ (СПОРТИВНАЯ) ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА.

Когнитивно-дискурсивная интерпретанта является результатом действия интерпретирующей функции метаконцепта РОЛЬ, а именно:

- *селекции* (концепт РУКОВОДИТЕЛЬ активизируется лексемой *президент* в (1); концепт УЧАЩИЕСЯ, активизируемый соответствующей лексемой в (2); концепт ШАХМАТИСТ и соответствующие лексемы в (3));

- *классификации* (концепт ОЛИМПИАДА в 2018 году и языковые единицы *следующие зимние Олимпийские игры, Пхёнчхан* в (1); концепт ПРЕДМЕТНАЯ ОЛИМПИАДА и образовательные организации РФ, творческие задания, общеобразовательные программы в (2); концепт ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР и соответствующие лексемы в (3));

- *оценки* (эмоциональная оценка активизируется лексически (*уверенность, самый высокий уровень*) в (1) и синтаксически с помощью структуры восклицательного предложения в (3); нормативная оценка в (2) репрезентируется лексически (*учащиеся государственных, муниципальных организаций, общеобразовательные программы*). Более детально анализ когнитивно-дискурсивной интерпретанты представлен в Главе II диссертации.

Когнитивно-дискурсивная интерпретанта в приведенных примерах отсылает к широкому контексту социокультурных знаний (статический аспект) концептуально-тематической области ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ (СПОРТИВНАЯ) ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, с одной стороны, и к индивидуальному контексту социокультурных знаний субъекта, к конкретным дискурсивным смыслам (динамический аспект), с другой стороны. В качестве когнитивно-дискурсивной интерпретанты, раскрывающей индивидуальный (динамический) аспект социокультурного контекста дискурса, в (1) выступают операционный концепт ОЛИМПИАДА В ПХЁНЧХАНЕ и репрезентирующие ее топоним, числительное; в (2) – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ШКОЛЬНАЯ ОЛИМПИАДА) и репрезентирующие ее названия учреждений (*государственные, негосударственные, муниципальные* и т.д.). Когнитивно-дискурсивная интерпретанта в (3) формируется в результате реализации интерпретирующей функции метаконцепта РОЛЬ и фокусировки внимания на конкретных концептуальных признаках (концепты БЕЛАЯ ЛАДЬЯ, ШАХ-

МАТИСТЫ и языковые единицы *команда, шахматисты*, их репрезентирующие).

Выстраивая дискурс, таким образом, его авторы формируют и индивидуальные контексты его восприятия (динамический аспект процесса познания), активизируя соответствующие социокультурные знания с помощью конкретных языковых средств, в данном случае преимущественно лексических. Формируемый дискурсивный смысл в (1) – «Олимпиада как промежуток в четыре года», в (2) – «соревнование в интеллектуальном мастерстве», в (3) – «соревнование в спортивном мастерстве».

Субъект, таким образом, выставляет требование к формируемому дискурсу: интерпретируя окружающую действительность посредством метаконцептов, он (субъект) наполняет дискурс конкретным содержанием в зависимости от социокультурных знаний (от специфики контекста его социокультурных знаний), выбирая концептуально-тематическую область, классифицируя и оценивая предмет, явление и др. с точки зрения индивидуальной концептуальной системы. В этом и проявляется субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса. Функция метаконцептов в этом процессе заключается в формировании конкретных смыслов относительно той или иной концептуально-тематической области. Изучение специфики социокультурного контекста дискурса с помощью метода анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты позволяет анализировать языковые средства, репрезентирующие соответствующие концепты, которые открывают доступ к контексту социокультурных знаний субъекта.

Выбирая те или иные языковые единицы, маркирующие социокультурные знания, автор дискурса опирается на знания категориальных значений, когнитивных и языковых механизмов их реализации, на знания экстралингвистического характера и активизирует значимый с его точки зрения компонент, дефокусируя иные смыслы. Вся концептуальная система субъекта выступает в качестве базы (основания), на которой профилируется релевантная с точки зрения субъекта информация. Последняя и выступает фигурой (кон-

кретной реализацией) на фоне всей концептуальной системы субъекта. Именно этот выбор конкретного социокультурного знания в единстве с репрезентирующими его конкретными языковыми средствами и создает когнитивно-дискурсивная интерпретанта в структуре самого дискурса, функция которой заключается в отсылке к объемному контексту социокультурных знаний, с одной стороны, и активизации индивидуального контекста знаний - с другой. Социокультурная специфика дискурса, таким образом, формируется благодаря когнитивно-дискурсивной интерпретанте.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Анализ имеющейся литературы по заявленной проблеме позволяет заключить, что современные лингвистические исследования не предлагают исчерпывающего решения проблемы социокультурной специфики дискурса и формирования социокультурного контекста дискурса, в частности. Остаются нерешенными вопросы, связанные с особенностью взаимодействия человека, языка и социокультуры в процессах и результатах работы человеческого сознания. Не полностью изученной является проблема соотношения социокультурных и дискурсивных практик. Неописанной представляется роль субъекта дискурсивной деятельности, интерпретирующего действительность в контексте его социокультурных знаний о мире. По-прежнему вызывают исследовательский интерес способы и принципы представления социокультурных знаний в дискурсе.

Изучение национально-культурной специфики языка и дискурса по традиции, берущей начало в структурной лингвистике, направлено на описание и анализ семантики языковых знаков, а особенности дискурсивного поведения человека изучаются с точки зрения социальных факторов в межкультурной коммуникации, прагматике, социологии. Не учитывая в должной мере роль человеческого фактора в языке, структурная лингвистика, рассматривающая язык вне связи с сознанием человека, не объясняет механизм формирования социокультурной специфики дискурса. Тесная взаимосвязь языка, социума, культуры и человека демонстрируется коммуникативными стилями, ориентированными, как правило, на интенциональность дискурсивной деятельности участника коммуникации, на значимую роль невербальных моделей поведения в дискурсивном конструировании, а не социокультурных знаний самого субъекта. До сих пор не найдены системные закономерности, не вскрыты механизмы формирования социокультурной специфики дискурса. Это положение обусловлено в том числе ограничениями в понимании дискурса, которые выдвигает исследователь в процессе проведения анализа: по модусу (либо письменный, либо устный), по тематике (спортивный дискурс),

по формату (рекламный дискурс), по типу социальной деятельности (институциональный, рекламный, медицинский) и др.

Трудно признать успешными таксономии выявленных коммуникативных стилей как маркеров национально-культурной специфики дискурса, поскольку методы и принципы классификаций в недостаточной степени учитывают различия социокультурных и дискурсивных практик как сущностей разной природы (языковой и неязыковой, в частности). Дискурсивные практики представляют собой, с одной стороны, языковые формулы, используемые людьми в конкретных ситуациях общения, и отображают коллективные знания о результатах познания мира. С другой стороны, дискурсивные практики реализуют динамический процесс познания как языковую репрезентацию интенций субъекта и знаний о правилах их языковой реализации в определенной ситуации. Социокультурные практики активизируют неязыковую репрезентацию общепринятых способов взаимодействия с предметами окружающей действительности и индивидуальную (неязыковую) манеру субъекта, отображающую его намерения по отношению к другим субъектам, а также объектам мира и иным сущностям.

Осмысление проблемы взаимосвязи субъекта, социокультуры и дискурса с точки зрения когнитивной лингвистики и когнитивно-дискурсивного направления, в частности, позволяют предложить концепцию субъектного принципа формирования социокультурной специфики дискурса, то есть специфики, обусловленной знаниями субъекта о социуме и культуре. Суть концепции, развиваемой в рамках работы, сводится к возможности изучать дискурсивную деятельность субъекта, интерпретирующего окружающую действительность, как носителя системы социокультурных знаний о мире, в контексте которых им осуществляется формирование дискурса.

В результате разнообразной жизнедеятельности субъекта как представителя того или иного социума и культуры формируется знание, в котором находит отражение социокультурный опыт взаимодействия субъекта с окружающим миром. Этот опыт представлен в концептуально-тематических об-

ластях, формирующихся в сознании субъекта благодаря его активности в социуме и культуре.

Условно по способу выражения различают неязыковые и языковые знания, по уровню овладения – коллективные и индивидуальные. Неязыковые знания составляют весь концептуальный опыт взаимодействия с миром. Языковые знания представлены вербализованным знанием о мире и знанием системы и структуры языка и его функционирования. Языковое общение предполагает стандартизацию знаний, овладение ими всеми участниками коммуникации как членами национальной, культурной, территориальной, профессиональной и других общностей людей, то есть коллективность знания. Языковое знание как коллективное знание формирует контекст коллективных знаний субъектов, выступающих в качестве основы формирования контекста социокультурных знаний как знаний конкретного индивида.

Традиционно применяясь к разнообразным по своей сути явлениям (например, *языковым* (лингвистический контекст), *физическим* (экстралингвистический контекст), *ментальным* (культурный контекст)), контекст в когнитивной лингвистике рассматривается в качестве структуры знаний, лежащих в основе формирования и интерпретации языковых значений.

Социокультурный контекст дискурса - это контекст социокультурных знаний субъекта, которые определяют социокультурную специфику дискурса, специфику его формы и содержания. Социокультурный контекст дискурса выступает в статическом и динамическом аспектах. В статическом аспекте он представляет собой совокупность всех накопленных знаний в процессе множества концептуализаций. В динамическом – совокупность индивидуальных знаний конкретного субъекта, за счет которых обеспечивается когнитивная вариативность в дискурсе.

Репрезентация социокультурных знаний в дискурсе каждого конкретного индивида возможна благодаря интерпретирующей роли метаконцептов. Именно они в качестве универсальных понятий, которые не зависят от конкретного социума или культуры, свидетельствуют о языковом опыте субъек-

та, выполняемой роли в жизни общества, системе ценностных ориентиров и стереотипов; субъект предстает как носитель социального пространства и времени. Метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ – это обязательные элементы контекста социокультурных знаний субъекта. Они выполняют интерпретирующую функцию селекции, классификации и оценки. В процессе дискурсивной деятельности в зависимости от усвоенных социокультурных знаний о социуме и культуре субъект «наполняет» метакоцепты конкретным содержанием, формируя социокультурную специфику дискурса.

Можно предположить, что конкретный выбор концептуальной области и языковых средств ее репрезентации, а также механизмов селекции, классификации и оценки, формирующих смысл, в котором проявляются социокультурный опыт и знания субъекта, представлен в дискурсе в виде когнитивно-дискурсивной интерпретанты – интерпретанты селекции, интерпретанты классификации и интерпретанты оценки. Вербальную репрезентацию, таким образом, получает не весь объем социокультурного знания, которым обладает субъект, а лишь та его часть, которая попадает в фокус когнитивно-дискурсивной интерпретанты. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта отсылает к индивидуальной системе социокультурных знаний субъекта, которые и формируют социокультурный контекст дискурса, его социокультурную специфику, с одной стороны, а с другой – к объемным знаниям субъекта вообще. В дискурсе, таким образом, конкретный смысл представляет собой динамический процесс профилирования актуального (с точки зрения субъекта) контекста социокультурных знаний. С помощью метакоцептов объемные социокультурные знания концептуально-тематических областей формируются в конкретные смыслы.

Социокультурная специфика дискурса, его социокультурный контекст, таким образом, определяются не только и не столько когнитивными предпочтениями субъекта, сколько всей системой его знаний, то есть его концептуальной системой, которая формируется под влиянием различных социокуль-

турных факторов в том числе. Социокультурные знания представлены в самом дискурсе в том или ином виде и объеме в когнитивно-дискурсивной интерпретанте, выявление которой (преимущественно смыслов, связанных с метаконцептами через языковые средства) дает основание говорить о существовании контекста и его субъектной обусловленности, то есть субъектном принципе его формирования.

Субъектный принцип формирования социокультурного контекста дискурса означает, таким образом, фокусирование внимания субъекта на определенной концептуально-тематической области или отдельном концепте, связанных с его собственным социокультурным опытом, на основе которого и формируется дискурс. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса определяется индивидуальным выбором автора дискурса языковых средств, репрезентирующих его социокультурные знания в их статическом аспекте, а также смыслом, формируемым с опорой на объемные контексты социокультурных знаний субъекта о мире, то есть фокусировкой внимания на конкретных концептуальных признаках явления, события как к отсылке к индивидуальным контекстам социокультурных знаний.

Изучение социокультурной специфики дискурса возможно с помощью анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты, который, по существу, представляет собой одну из разновидностей концептуального анализа.

Теоретическая концепция работы, таким образом, заключается в том, что *формирование дискурса:*

- *осуществляется* в рамках социокультурных знаний субъекта, то есть в контексте социокультурных знаний, которые определяют социокультурную специфику дискурса субъекта и усвоены им как членом той или иной культуры;

- и *характеризуется* субъектным принципом реализации, проявляющимся в выборе языковых средств и концептуальных признаков, отражающих индивидуальную концептуальную систему как систему социокультурных знаний каждого конкретного субъекта дискурса.

Будучи ориентированной на активную когнитивно-дискурсивную деятельность субъекта дискурса, концепция работы, таким образом, позволяет решить следующие задачи:

- описать социокультурную специфику дискурса, не увязывая ее непосредственно с невербальным поведением субъекта той или иной социокультуры;

- определить зависимость социокультурного контекста дискурса от социокультурных знаний субъекта;

- смоделировать механизм формирования социокультурной специфики дискурса.

Предлагаемая концепция позволяет сформулировать основное содержание субъектного принципа реализации социокультурного контекста в дискурсе. Социокультурный контекст сводится к контексту социокультурных знаний субъекта дискурса, то есть субъектному принципу формирования социокультурной специфики дискурса.

Данный принцип предполагает демонстрацию важной особенности взаимосвязи человека, языка и социокультуры, а именно:

1. Показывает активность субъекта дискурсивной деятельности в контексте его социокультурных знаний.

2. Моделирует дискурсивное поведение субъекта.

3. Объясняет, каким образом реализуются социокультурные знания субъекта в дискурсе.

Реализация концепции представлена в практической главе диссертационного исследования.

Глава II. ОБЩИЙ ПРИНЦИП И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ДИСКУРСА

1. Интерпретирующая функция метаконцептов в процессе формирования социокультурной специфики дискурса

1.1. Метаконцепт РОЛЬ

Метаконцепт РОЛЬ, как было отмечено в Главе I, структурирует социокультурный опыт человека, полученный в процессе взаимоотношения субъекта с представителями разных статусных групп по признакам стиля жизни, формируемого имиджа, социальной иерархии – всего спектра представлений субъекта об адресате и самом себе как активных членов социальных институтов (института семьи и брака (роли мужа и жены; отца и сына / дочери; матери и сына / дочери и т.п.); института образования (роли учителя и ученика; директора и родителя); института государства (роли начальника и подчиненного; офицера и солдата); экономических институтов (роли продавца и покупателя); института религии (священника и прихожанина)), а также неформальных социальных институтов, регулируемых правилами, созданными представителями групп (например, *дух* – солдат, приступивший к исполнению воинской обязанности; *новобранец*; *дембель* – военнослужащий, увольняющийся с воинской службы по истечении срока [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/46482>] как социально-статусные роли).

Роль подразумевает активную позицию субъекта (ср.: *играть роль*) и в отличие от статуса не предполагает общественное признание в виде привилегий (ср.: *иметь высокий социальный статус, но играть пассивную общественную / социальную роль* в той или иной сфере жизни). Ссылаясь на мнения зарубежных исследователей, В.И. Карасик замечает: «Сопоставление роли и статуса позволяет выделить стабильность и векторную направленность («выше – ниже») в качестве основных характеристик статуса. Ролевые и личностные качества людей разворачиваются в диапазоне сознательного и бессознательного (неосознаваемого) поведения» [Карасик 2002в: 14]. Социаль-

но-статусные роли получают оценочную концептуализацию и категоризацию; чаще всего им приписываются стереотипные оценки: *учителя мало получают; чиновники - взяточники, бульварная литература не для интеллектуалов* и др.

В языке существуют единицы, маркирующие статусно-ролевую позицию субъекта в обществе и мире в целом (о социальной индикации речи в фонетике, лексике и грамматике см. подробнее: [Карасик 2002в]). К ним относятся многочисленные единицы с каузативной семантикой (*declare, приказывать, объявлять, присуждать степень, должен, обязан* и др.), формирующие речевые акты приказа, просьбы, репрезентирующие концептуальные признаки «вторжение в личное пространство адресата, а также в его статус и положение»; единицы, номинирующие титул человека (*Mr, Miss, Ex-President, дама* и др.), единицы, номинирующие пол человека, его возраст, гендер (*Он еще молодой, Ему только / уже 33; She is just 12; He is 50 already; Что тут сказать? // Женщины / одно слово / женщины*), а также пословично-поговорочный фонд языка (*У бабы волос долог, да ум короток*) и т.д.

Ролевое разнообразие функций субъектов внутри группы обуславливает языковое разнообразие, репрезентирующее специфику социокультурного устройства того или иного общества: тесные экономические / хозяйственные взаимосвязи членов семьи, сплоченность и многочисленность семьи, например, отображаются в необходимости отдельного имени для каждого ее члена (*шурин, деверь, золовка* и др., ср.: *mother-in-law* и *father-in-law*). Статусно-ролевая принадлежность субъекта формирует не только индивидуальный языковой опыт, но и опыт, принятый целым социальным коллективом. Например: *На что жалуется? / Жалобы есть?*, как правило, репрезентируют языковой опыт врачей в ситуации общения медика и пациента; *У тебя что-то болит?* – языковой опыт мам, учителей, обращенный к детям; *Стоять! Смирно!* – языковой опыт военных в рамках боевой подготовки; *Тихонечко стоим, не балуемся*, – учителей (на школьной линейке, посвященной началу учебного года). Языковые единицы обнаруживают социокультурную диффе-

ренциацию в рамках концептуально-тематических областей: *доктор / doctor* (врач или обладатель научной степени); *президент / president* (крупной компании или страны).

Метаконцепт РОЛЬ определяет выбор языковых средств для репрезентации концептов в дискурсе. Он регулирует ожидания субъекта относительно поведения, деятельности, норм, ассоциированных с теми или иными группами людей. Социальная роль президента, например, предполагает выполнение им ожиданий и функций главы государства. В деятельности президента доминирующей является социальная роль главы государства; роли отца, сына могут быть дефокусированы. Метаконцепт РОЛЬ, таким образом, определяет области, концепты, признаки, которые репрезентируют социокультурный опыт субъекта в разнообразных сферах жизнедеятельности. Рассмотрим сказанное на примере следующих областей (сфер) деятельности человека, формирующих соответствующие типы социокультурных контекстов:

- спортивной и общественной жизни (1-6);
- правовой жизни (7-17);
- семейной (18-20);
- общественной и профессиональной (21-27).

Различное индивидуальное конструирование дискурса под влиянием социокультурных факторов особенно наглядно проявляется в многочисленных примерах, связанных с представлением одного и того же фрагмента мира разными субъектами в области спортивной и общественной жизни. Например, общее знание о зимней Олимпиаде в Сочи в 2014 году включает такие концепты, как: СОЧИ, РОССИЯ, ФАКЕЛ, СПОРТСМЕНЫ, СОРЕВНОВАНИЯ и др. Однако каждый конкретный автор дискурса интерпретирует событие в контексте собственных социокультурных знаний. Так, в дискурсе Е. Плющенко акцент делается на интенсивных тренировках и напряженной работе:

(1) *Времени катастрофически мало. У меня по две тренировки в день, поэтому подготовка проходит достойно. Буквально через пять дней у меня*

будут первые после операции международные соревнования в Риге <...>. Сейчас главное – сосредоточиться на работе. Соперники у меня будут более, чем серьезные. Это фигуристы из США, Канады, Японии, Франции. Поэтому тренировки, тренировки и еще раз тренировки <...> [Дни.ру]. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта приведенного дискурса включает в себя такие концептуальные элементы, как: ПОДГОТОВКА, СОРЕВНОВАНИЕ, СОПЕРНИКИ - и репрезентирующие их языковые средства.

В когнитивно-дискурсивной интерпретанте дискурса мэра Сочи акцент сделан на концептах ГОРОД, БЛАГОУСТРОЙСТВО, ИНФРАСТРУКТУРА, ТРАНСПОРТНЫЕ МАГИСТРАЛИ:

(2) В эти осенние дни завершаются работы по благоустройству и озеленению территории. Город, можно сказать, начинает приобретать олимпийский лоск <...>. Завершены самые трудоемкие работы на объектах городской инфраструктуры, вступили в строй основные транспортные магистрали, тепловые электростанции, комплексы очистных сооружений [Без формата.ру 14.11.2013].

Министр спорта интерпретирует предстоящее событие в контексте своей зоны профессиональной ответственности, профилируя признаки «обеспечение условий для подготовки спортсменов к участию в Играх» за счет семантики лексем *получить олимпийские лицензии; стоит задача; последний этап подготовки:*

(3) В настоящее время мы имеем двести восемнадцать олимпийских лицензий. Рассчитываем получить двести двадцать пять лицензий. Сейчас перед этой командой стоит задача, с одной стороны, завершить получение лицензий, с другой стороны, конечно, выйти на последний этап заключительной подготовки, подвести спортсменов к февралю месяцу [www.kp.ru/daily/26151/3040540/Комсомольская правда 29.10.2013.].

В дискурсе В.В. Путина на передний план вынесены проблемы, которые решает глава государства:

(4) *Мы сделаем все, чтобы участники и гости чувствовали себя на Олимпийских играх в Сочи комфортно независимо от национальной, расовой принадлежности или сексуальной ориентации, хочу это подчеркнуть <...> Задачи, связанные со строительством олимпийских объектов, в целом, можно считать решенными <..>. И сейчас на первый план выходит собственно спорт, готовность к Олимпиаде нашей национальной сборной <...> Большие спортивные победы для нас – не вопрос престижа или амбиций. Взаимосвязь успехов в спорте высших достижений и развитие массового спорта очевидна. Примеры выдающихся атлетов всегда были стимулом для людей заняться спортом, обратиться к здоровому образу жизни. А это уже вопрос не просто престижа, это вопрос здоровья нации и ее будущего.* [Комсомольская правда 29.10.2013.]. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта отсылает к концептам ГРАЖДАНЕ ЛЮБЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ, ЗАБОТА, ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ, ГОРДОСТЬ и обеспечивает смысл «значимость события для страны».

В следующем примере метаконцепт РОЛЬ формирует социокультурную специфику дискурса о церемонии открытия Олимпиады в г. Сочи авторами российских и британских СМИ. В дискурсе разные социокультурные знания субъектов отражают социальную роль участников церемонии открытия в жизни общества:

(5) *Владислав Третьяк и Ирина Роднина зажгли огонь Олимпийских игр в Сочи. Выдающаяся фигуристка, трехкратная олимпийская, десятикратная чемпионка мира по фигурному катанию Ирина Роднина и знаменитый хоккейный вратарь, трехкратный олимпийский чемпион Владислав Третьяк подожгли фитиль, и пламя по огненной дорожке достигло чаши олимпийского огня <...>. Церемония, которой предшествовало красочное шоу, началась в 20.14 по московскому времени, что символизировало год проведения первых в истории России зимних Игр*

[<http://www.ng.ru/sochi2014/20140207/993757456.html>]; *Ирина Роднина и Владислав Третьяк зажгли олимпийский огонь в Сочи <..>. Программа це-*

ремонию открытия началась с телеролика «Азбука», где каждой букве русского алфавита был присвоен определенный символ, связанный с Россией <..>. Церемония открытия продолжилась гимном России, который исполнил хор московского Сретенского монастыря, и поднятием государственного флага принимающей страны. Честь поднять флаг России на Олимпиаде получил космонавт Сергей Крикалев

[http://www.ng.ru/sochi2014/2014-02-07/100_opening.html];

(6) *Sochi flame lighter blames racist Obama tweet on hackers. Former figure skater Irina Rodnina is now an MP from Vladimir Putin's United Russia party. Irina Rodnina, the former figure skater who lit the Olympic flame at the opening ceremony of the Sochi Games, has claimed that a racist photo of Barack Obama she tweeted last year was the fault of hackers. Rodnina who won three Olympic medals in pairs skating in 1972, 1976 and 1980, is now an MP from Vladimir Putin's United Russia party. She was chosen, along with former ice hockey star Vladislav Tretyak, to carry the flame out of the Fisht stadium on Friday night, and light the flame outside <...>*

[<http://www.theguardian.com/world/2014/feb/11/sochi-flame-lighter-blames-obama>].

Как иллюстрируют приведенные примеры, конструирование дискурса задается авторами посредством интерпретирующей функции метаконцепта РОЛЬ и под влиянием социокультурных знаний авторов об участниках открытия Игр. В дискурсе на русском языке метаконцепт РОЛЬ, выполняя функцию селекции, репрезентируется лексическими средствами, объективирующими знания о профессиональных достижениях И. Родниной и В. Третьяка (*фигуристка, трехкратная олимпийская чемпионка, вратарь*). В дискурсе британских СМИ внимание авторов фокусируется также на политической карьере участников, их принадлежности к определенной социальной группе людей (*now an MP member from Putin's United Russia party*), непосредственной роли на открытии Олимпиады (*Sochi flame lighter* – об И. Родниной). В своей классифицирующей интерпретирующей функции метаконцепт РОЛЬ

задает область определения всего дискурса: торжественное событие в дискурсе на русском языке и скандал, связанный с именем И. Родниной и президента США осенью 2013 года, то есть активизируются конкретные социокультурные знания субъектов, в контексте которых формируется содержание всего дискурса. Интерпретирующая функция метаконцепта РОЛЬ определяет оценочную шкалу, в рамках которой авторы дискурса конструируют спортивное событие: лексические средства *честь, легендарный, великий, первые*, в отличие от языковых единиц *former ice hockey star, blame, racist*, определяют патриотическое настроение дискурса российских СМИ.

Рассмотрим контекст правовой сферы как социокультурную специфику дискурса в следующих примерах (7-17). Так, правовая сфера жизнедеятельности британца структурируется с помощью тематических концептов BARRISTER, SOLICITOR, объективируемых соответствующими лексемами в том числе. Эти концепты репрезентируют накопленный опыт носителей английского языка в Британии в области юриспруденции; КДИ в составе метаконцепта РОЛЬ активизирует конкретные социокультурные смыслы в этой области, которые выступают в качестве индивидуальных когнитивных схем опыта при конструировании дискурса:

(7) - *Can you appear in the Appeal Court?*

- *No, I cannot, but my firm would instruct a barrister if a case were to go to the Appeal Court* [BNC];

(8) - *We can do advocacy. If your case goes to court, we have right of audience and I can appear in the lower courts* [BNC];

(9) *The next day, the solicitor phoned to say the vendor had withdrawn the property from the market, leaving us very disappointed and £1,000 worse off after paying legal and survey fees* [BNC];

(10) *My estate is not large, but even so, I will avoid problems for my family by consulting a solicitor* [BNC];

(11) *Speaking through his solicitor he refused to join the debate over the identification of defendants in rape cases* [BNC].

Метаконцепт РОЛЬ в (7-11) структурирует социокультурный опыт юриста (*solicitor*) посредством концептов LOWER COURTS, PRELIMINARY WORK FOR BARRISTERS¹⁸. В области профессиональной деятельности юриста (*solicitor*) активизируются социокультурные знания «круг конкретных полномочий и обязанностей», которые имеет право осуществлять юрист (*solicitor*) согласно установленным нормам в институте прецедентного права (подготовка документов, консультирование клиентов);

(12) – *Most days I'd expect to be present in chambers from about 8.45 am to 7.00 pm, working almost throughout in my pupil master's room. During that time I shadow his professional life completely* [BNC];

(13) *The barrister is currently alone entitled to act as advocate in the higher courts* [BNC];

(14) *Every barrister is entitled and expected to address other practising barristers of whatever eminence by their surnames* [BNC];

(15) *After or shortly before taking your call, if you intend to practise, you will read in the chambers of a junior barrister* [BNC];

(16) *For example, if the only issue between the parties is a point of construction of the lease it may be better to have a solicitor or barrister as arbitrator* [BNC]. В (12-16) в области профессиональной деятельности юриста (*barrister*) структурируется профессиональный и учебный опыт юриста (*barrister*) посредством концептов INNS OF COURT IN LONDON¹⁹, UK REGIONS, EX-

¹⁸В связи с несовпадением социокультурного опыта, связанного с деятельностью адвокатов в России и Великобритании, ссылка (19 и 20) приводится на английском языке: A Barrister, also called barrister-at-law is a lawyer who has been called to the bar and is qualified to plead in the higher courts, whereas Solicitor is an attorney who advises clients on legal matters, draws up legal documents, represents clients in certain lower courts, and prepares cases for barristers to present in the higher courts [<http://www.differencebetween.com>] (дифференциация адвокатского сословия на адвокатов, имеющих право представлять интересы в судах, и адвокатов, занимающихся подготовкой документов для обращения в суды).

¹⁹ “Chambers are traditionally located in the four Inns of Court in London – Gray’s Inn, Lincoln’s Inn, Middle Temple, and Inner Temple – and are also located in the

PERIENCED BARRISTER и определяется круг конкретных полномочий и обязанностей юриста (barrister), который существенно отличается от производственной деятельности юриста (solicitor).

В контексте правовых знаний формируется дискурс в следующем примере:

(17) *А ну-ка, предъяви свои права на прокурорский тон, друг любезный [НКРЯ].* Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса реализуется за счет когнитивно-дискурсивной интерпретанты, активизирующей признаки «надзор», «обвинение» в селективной функции интерпретации (избирательной концептуализации); признаки «неуместная манера поведения» в классифицирующей функции и «неодобрение» - оценочной.

Рассмотрим пример контекста семейных знаний субъекта (18-20):

(18) - *Ты бы на меня хоть раз посмотрел / как твой Колька на свою.*
- *Так она ж ему не жена!* (х/фильм «Дача»).

Субъект активизирует знания о социальной роли *жены*, профилируя признак стереотипного знания о женах как о «вечно занятых и, как следствие, неухоженных женщинах», «заботливых матерях», «надежных спутницах в жизни» (ср.: *встречаются с одними, а женятся на других* – о мужчинах). Профессиональные «навыки» идеальной жены объективируются в следующем примере:

(19) *Настоящая жена – это менеджер по дому, первоклассный повар-универсал, завхоз, воспитательница, психолог, учительница, дизайнер ин-*

UK regions, known as circuits. The Inns are principally non-academic societies which provide collegiate and educational resources for barristers and trainees <...>. All applicants are advised first to do a mini-pupilage of one or two weeks to get some insight into what being a pupil is like. Pupilage, known as devilling in Scotland, is divided into two parts – a non-practicing six months when pupils shadow their pupil master, an experienced barrister, by observing professional activities, and the second, practicing six months when pupils, with their supervisor's permission, can undertake to supply legal services and exercise rights of audience, in other words, speak in court" [Brown G.D., Rice S. Professional English in Use. Law. Cambridge University Press. 2007: 26].

терьера, стилист, прачка, уборщица, секретарь, рукодельница, сказочница и певица, массовик-затейник, МЧС, доктор, мировой судья, актриса, нянька, логопед, фотограф, личный шофер (И. Симонова. Профессиональная жена // Журнал «Для мам и пап». Тюмень № 22, июль 2014 г. стр. 38-39). КДИ отсылает к концептуально-тематической области ЖЕНА и формирует социокультурный смысл о «вечной занятости русской женщины и ее умениях» за счет активизации дискурсивных практик разьяснения.

Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса в следующем примере проявляется в когнитивно-дискурсивной интерпретанте, отсылающей к концептуально-тематической области ЖЕНА-ХОЗЯЙКА и активизирующей ролевые признаки женщины-жены. Контекст семейных знаний в этом примере реализуется за счет инструктирующих дискурсивных практик:

(20) *To be a housewife, you should: cook healthy meals; keep the house as clean as you can; do the laundry; have a schedule; wake up early; create a healthy environment; discuss expectations with your partner; maintain a respectable appearance; find a balance in arguments, but avoid them if possible; love your spouse for who he is; make intimacy a priority; be considerate of your spouse's needs; set up activities for your kids; be a great hostess; create the perfect atmosphere [wikihow.com].*

Контекст общественных и профессиональных знаний задается мета-концептом РОЛЬ в следующих примерах (21-27):

(21) *Мы ознакомились с рекламой аттракциона (аттракцион «Лабиринт страха» - примеч. О.Д.), побывали там, чтобы знать, что там происходит. И сразу обратили внимание на то, что возрастное ограничение явно занижено, полагаю, с той целью, чтобы как можно больше было посетителей. Ведь рядом две школы, спорткомплекс, то есть масса молодежи. Организаторы, чтобы иметь коммерческий успех, пошли, на наш взгляд, на снижение возрастного ограничения. И, что важно, сам аттракцион выполнен в эстетике сатанизма, а это религиозное учение, которое объявляет высшим*

благом насилие, обман и другие, неприемлемые для православных людей и вообще русской культуры вещи. Мы обратились с заявлением к уполномоченной по правам ребенка в Тюменской области <..>, зная, что одним из приоритетных направлений ее работы является снижение статистики детского суицида (мнение директора правления общественной организации «Тюменский областной родительский комитет» <...> в журнале «Для мам и пап». Тюмень № 22, июль 2014 г. стр. 30);

(22) Что касается самого аттракциона, то он является абсолютно безобидным. Кроме того, организаторы совершенно не заинтересованы, чтобы наносить ущерб своим клиентам. Главная их задача – «пощекотать нервы» пришедшим. Все люди, действительно, иногда в этом нуждаются. Что касается опасности подобных аттракционов, то представления о них сильно преувеличены. В любом случае посещение «Комнат страха» проходит под руководством родителей. И они, зная особенности психики своего ребенка, способны принять решение – позволить посещение или нет. Что касается подростков, то те из них, которые тревожны или имеют какие-то сложности эмоционального характера, просто сами туда не пойдут. Беспокоиться совершенно не о чем. В конце концов, у каждого всегда есть выбор, который следует уважать. А попытки запрещать подобные аттракционы мне кажутся бесполезными, потому, что, как известно, запретный плод сладок. Они даже могут быть вредными. Если у человека существует определенная потребность, она будет так или иначе удовлетворена. Лишить человека возможности получить адреналин и сбросить напряжение, значит, усугубить напряжение в конце концов (мнение психолога <...> в журнале «Для мам и пап». Тюмень № 22, июль 2014 г. стр. 30).

Конструирование дискурса в (21 и 22) осуществляется посредством интерпретирующей функции метаконцепта РОЛЬ. В процессе языковой репрезентации мира субъектом в (21) реализуется роль родителя, защищающего детей от опасности. КДИ в функции селекции, классификации и оценки отсылает к концептуально-тематическим областям НАЖИВА, РАЗРУШЕНИЕ,

ГИБЕЛЬ. Активизируются отрицательные оценочные концепты, которые репрезентируются посредством лексем *обман, сатанизм, насилие*. Классифицирующим признаком содержания дискурса избирается каузативный признак, направленный на прекращение собственной жизни (*суицид*), который противоречит базовой ценности любой культуры – праву на жизнь. С помощью когнитивного механизма противопоставления и языковых единиц *православие, русская культура* субъект репрезентирует признаки «правильный», «свой», «родной». Именно они выступают концептуальной базой (социокультурным знанием субъекта), на основе которой посредством метаконцепта РОЛЬ интерпретируется дискурс. Роль родителя (наставника) активизируется посредством дискурсивных практик аргументации (*Ведь рядом две школы, спорткомплекс, есть масса молодежи; И, что важно, сам аттракцион выполнен в эстетике сатанизма, а это религиозное учение <...>*); в качестве инферентного признака избран признак «географической доступности».

Дискурс субъекта в (22) формируется в контексте социокультурных знаний психолога. Метаконцепт РОЛЬ обуславливает профессиональную специфику дискурса, содержание которого выстраивается с позиции психолога-консультанта, чья деятельность, в свою очередь, направлена на решение возникших проблем, как правило, за счет «расширения границ самопознания человека, его способности воспринимать психический мир шире и на этой основе видеть большее число вариантов поведения в той или иной ситуации» [<http://www.psyoffice.ru/3-0-psytera-00008.htm>]. Расширение границ «Я» в дискурсе классифицируется субъектом как переход из (обычного) состояния, в котором находится человек, в эмоционально напряженное состояние – признак, объективируемый семантикой фразеологизма *пощекотать нервы*.

Когнитивно-дискурсивная интерпретанта в (22) реализует функцию селекции за счет выбора языковых единиц, профилирующих признаки «неопределенность», «неуверенность», с одной стороны, а также «отсутствие опасности и вреда» - с другой: *какие-то сложности; подобные аттракционы; могут быть; действительно и абсолютно безобидный*. «Неопределенность»,

«неуверенность» репрезентируются семантикой глагола *казаться* («производить то или иное впечатление; представляться воображению; как будто; по видимому» [СРЯ 1978: 240]) (ср. синонимы к слову *казаться*: *послышаться, виднеться, показываться* [<http://enc-dic.com/synonym/Kazatsja-84173.html>]); местоимение *мне* в препозиции к глаголу специфицирует признак «личное мнение» в области эмпирического опыта.

В (21), в отличие от (22), активизируется признак «обдуманый совместный вывод» за счет семантики вводного выражения *на наш взгляд* в области формирования суждений, то есть рассудочной деятельности (ср.: *взгляд* – «мнение, суждение» [СРЯ 1978: 74]). В (22) субъект активизирует дискурсивные практики – софизмы – суждения, построенные с несоблюдением правил логического вывода, за счет классификаторов обобщения (*все*): *Все люди, действительно, иногда в этом нуждаются*, а также дискурсивные практики манипулятивного воздействия и элементы алгоритмов психотехнологии (см. о психотехнологии, например, в: [Узлов 2011]): *Беспокоиться совершенно не о чем; И они, зная особенности психики своего ребенка, способны принять решение; <..> сами туда не пойдут; <..> организаторы совершенно не заинтересованы, чтобы наносить ущерб своим клиентам; Лишить человека возможности получить адреналин и сбросить напряжение, значит, усугубить напряжение в конце концов; Если у человека существует определенная потребность, она будет так или иначе удовлетворена.*

Когнитивно-дискурсивная интерпретанта в (22) в функции селекции отсылает к нескольким концептуально-тематическим областям: БЕЗОПАСНАЯ УСЛУГА, ВЫБОР, ЗАПРЕТ. Так, лексема *клиент*, градуаторы степени признака *сильно преувеличены, абсолютно безобидны, совершенно не о чем* репрезентируют оценочные концепты; словосочетания *руководство родителей, знать психику ребенка, уважать выбор* репрезентируют смыслы «ответственность родителей за воспитание детей»; фразеологизм *запретный плод сладок* объективирует концептуальные признаки «заманчивой». Посредством языковых единиц *попытки запрещать бесполезны; могут быть вредны-*

ми активизируется смысл «нарушения запретов / норм / правил возможно». В примерах (21 и 22), таким образом, социокультурная специфика дискурса конструируется посредством метаконцепта РОЛЬ: в рамках индивидуальной концептуальной системы, сформированной под влиянием общественной деятельности в (21) и профессиональной деятельности в (22) субъект интерпретирует мир и отражает результаты интерпретации в дискурсе.

Интерпретируя мир, субъект репрезентирует и разные оценки, которые определяются его статусно-ролевой позицией в обществе: оценочная функция метаконцепта РОЛЬ проявляется в характеристике события со стороны субъекта:

(23) *«Просмотрев видеоповтор, мы пришли к выводу, что судья принял верное решение, ведь ворота американцев были сдвинуты. Делегат этого матча также подтвердил верность решения судьи», - говорится в официальном сообщении ИИХФ <...>. Арбитр поступил верно* [http://www.topnews.ru/news_id_65452.html]. В дискурсе посредством метаконцепта РОЛЬ структурируется опыт субъекта – официального представителя спортивных соревнований. Субъектом активизируются рациональные оценки: лексемы *прийти к выводу*, *ворота были сдвинуты* репрезентируют признаки «произвести анализ», «опирающийся на непосредственное наблюдение»;

(24) *В итоге в "валидольной" серии послематчевых буллитов "злой гений" североамериканских профессионалов Ти Джей Оши после шести попыток обыграть нашего голкипера Бобровского все-таки склонил чашу весов в матче Россия - США в пользу американцев.* [http://www.topnews.ru/news_id_65452.html]. Дискурс формируется в концептуально-тематической области МЕДИЦИНА (лексема *валидол*). В функции селекции субъектом, комментирующим матч, избран признак «не повезло с соперником», «сильный соперник», репрезентируемый лексемами *злой гений*, *профессионал* (когнитивный механизм инференции и ассоциации: *злой гений* и *злой рок*). КДИ активизирует оценочные смыслы «крушение надежд», «со-

жаление», репрезентируемые лексически (*чаша весов; после шести попыток все-таки склонил чашу весов*);

(25) *T. J. Oshie's magic in shootouts was a frequent topic of conversation when general manager David Poile and his selection committee chose the U. S. Olympic team roster. "You know at some point we are going to end up in a shootout, and we are going to want T. J. Oshie," Poile said more than once <..> He was like the team's ace in the hole, a guy who habitually hits it out of the park when it was needed most*

[<http://www.usatoday.com/story/sports/Olympics/sochi/2014/02/15/usa-russia-olympic-men-hockey/5506693>]. Социокультурная специфика дискурса (25) формируется в контексте знаний о карточных фокусах: *ace of a card* ("that has a single mark or spot and usually has the highest or the lowest value [LDELC 1998: 9]); *magic* ("the use of secret forces to control events and people, usually by calling on spirits, saying special words, performing special ceremonies" [LDELC 1998: 817]). Метаконцепт РОЛЬ задает область определения всего дискурса: субъект выстраивает концептуальную связь «хоккеист – волшебник / фокусник». На языковом уровне это выражено стертой метафорой с системным значением: *an ace in the hole* – "something that will give a person an advantage or help when it is needed [LDELC 1998: 9];

(26) *In the aftermath of T. J. Oshie's "heroic" shootout performance for the United States against the Russians this morning in Sochi, I put together this quick montage of Oshie's brilliance in the shootout* [https://vk.com/video-40518256_168287676?list=48cdbe97d3f825f7d0]. Социокультурная специфика дискурса выстраивается в контексте патриотических и (показных) театраль-ных знаний субъекта, активизирующие соответствующие смыслы: *heroic* – "showing the qualities of a hero; extremely courageous [LDELC 1998: 622]; *performance* – "the action or an act of performing a character in play, a piece of music, tricks [LDELC 1998: 1000];

(27) *Скандалный эпизод с незасчитанной шайбой* [http://www.topnews.ru/news_id_65452.html]. Метаконцепт РОЛЬ структури-

рует эмоциональные оценочные концепты; субъект профилирует признак «шайба была, но ее не учли». Посредством КДИ субъект активизирует бытовые знания: лексема *скандал* репрезентирует признаки «позор», «ругань». Иными словами, официальный дискурс субъекта в (23) ориентирован на рациональные оценки, в отличие от эмоциональных оценок, репрезентация которых возможна в дискурсе субъекта, чья деятельность менее зависима от его официально-статусных ролей (24-27).

Таким образом, социокультурные знания субъекта, усвоенные им в процессе познавательной деятельности в рамках общения с людьми тех или иных статусно-социальных ролей, интерпретируются посредством метаконцепта РОЛЬ. Метаконцепт РОЛЬ структурирует социокультурный опыт субъекта в разнообразных сферах его жизнедеятельности, формируя индивидуальную шкалу оценок. Оценочная интерпретация, в свою очередь, связана с формированием стереотипных знаний об объектах и предметах окружающего мира и человека в нем.

1.2. Метаконцепт СТЕРЕОТИП

Ментальная природа стереотипа была описана еще У. Липпманом, выжившим такие признаки стереотипа, как «упорядоченность», «схематичность», «детерминированность культурой», «экономия усилий при восприятии объектов мира», «оценочность». В основу термина «стереотип», как известно, положен признак «твердый отпечаток», копия, которая предназначена для печати многотиражных изданий (см. подробнее: [Липпман 2004; Ослон 2006: <http>]). Подразумеваемая под стереотипами так называемые «когнитивные карты» («картинки мира»), У. Липпман признает, что в когнитивной системе человека мир представлен специфическими оценочными категориями, в рамках которых осуществляется восприятие мира [Липпман 2004]. Такое понимание природы стереотипа позволяет У. Липпману предположить, что стереотипы возникают тогда, когда человек рассуждает о предмете, не являясь профессиональным экспертом в конкретной области, и не стремится познать

суть проблемы, наделяя явления, события и др. оценками, основанными на «поверхностном» опыте взаимодействия с миром: в процессе социального познания стереотипы «избавляют индивидов от необходимости интерпретировать социальный мир во всей его сложности» [Ослон 2006: [http](http://)].

Метаконцепт СТЕРЕОТИП отражает когнитивную способность субъекта классифицировать предметы, объекты, явления окружающего мира и хранить их в памяти в обобщенном, схематизированном виде. Ср.: «Шарик»! Шарик – это значит круглый, упитанный, овсянку жрет, сын знатных родителей, а он ...<...> [М. Булгаков. «Собачье сердце»]. Как относительно устойчивая система «условно-рефлекторных действий высших животных и человека» стереотип «вырабатывается на привычные, повторяющиеся в определенной последовательности раздражители», которые формируют схематический, стандартизированный образ или представление о явлении [СЭС 1985: 1267]. Например, стереотипное восприятие автомобиля как средства передвижения, своеобразного источника комфорта и наслаждения активизируется субъектом в следующем примере:

(1) *Citroen C3. Создан соблазнять. Возможно, Ева забыла бы о яблоке соблазна, если бы Citroen C3 появился немного раньше. Его стильные округлые формы притягивают взгляд. Расположившись в его просторном салоне, вы чувствуете, что создатели автомобиля думали именно о вас. Простой в управлении и удивительно комфортный, он обещает удовольствие в каждой поездке. Citroen C3. Кто устоит перед таким соблазном?* [Cosmopolitan. 2007. № 11]. В качестве селективных признаков субъект избирает концептуальные характеристики «женственность», «искушение», «комфорт», репрезентируемые прецедентным именем *Ева* и лексемами *округлые формы, удовольствие, соблазн, просторный, комфортный*. Классифицирующая функция метаконцепта СТЕРЕОТИП схематизирует опыт субъекта в рамках категории «отношения с женщиной»; оценивающая - формирует интерпретацию содержания дискурса по гедонистической шкале «желательный – очень желательный объект» в зависимости от конкретных предпочтений адресата. Иными

словами, субъект формирует рекламный дискурс об автомобиле в концептуально-тематической области БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ, интерпретируя объекты за счет установления общих концептуальных связей между областями БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ и АРТЕФАКТ (автомобиль). Субъект активизирует концептуальные связи концептуально-тематических областей ЖЕНЩИНА, АВТОМОБИЛЬ и посредством метаконцепта СТЕРЕОТИП определяет соответствующие характеристики-смыслы «красота», «удовольствие», «комфорт» (ср.: *красивые женщины, скоростные автомобили* как образцы восприятия, используемые в рекламном дискурсе).

Наоборот, в следующем примере социокультурная специфика дискурса об автомобиле определяется социокультурными знаниями автора-создателя текста о стереотипах и знаниями самих стереотипов о мужчинах:

(2) *Настоящий мужчина должен посадить дерево, вырастить сына и построить дом. Для этого ему просто необходимо купить универсал – чтобы перевезти саженцы, коляску с детским креслом и стройматериалы. И в Chevrolet уверены, что Cruze SW подойдет на эту роль лучше всего* [Аэроэкспресс. №5 (31). 2013: 38]. Селективная функция метаконцепта СТЕРЕОТИП, представляя собой способ выборочной репрезентации мира у каждого субъекта, в данном примере объективируется лексически с помощью акциональных глаголов (*посадить, вырастить, построить*), прилагательных (*настоящий, детский*), которые репрезентируют стереотипные знания об активной роли мужчин в строительстве семейного очага. Классифицирующая функция метаконцепта категоризует социокультурный опыт субъекта с точки зрения семейных обязательств (*купить машину, чтобы перевезти саженцы, коляску, стройматериалы*). Инструментальная оценка (хорошая машина либо очень хорошая машина) метаконцепта СТЕРЕОТИП репрезентируется лексически (*лучше всего*) с помощью модальности долженствования (*должен посадить*), а также структурой сложноподчиненного предложения (*купить, чтобы*). Иными словами, субъект формирует дискурс в концептуально-тематических областях СЕМЬЯ, ПРИРОДА, АВТОМОБИЛЬ, структурируя

социокультурные знания об этих областях посредством метаконцепта СТЕРЕОТИП, а именно конкретных схематизированных представлений о мужчинах, выполняющих тяжелую физическую работу, а также сыновьях как продолжателях их рода.

В стереотипах отражаются «расхожие» мнения, возникающие в сознании субъекта в результате интерпретации мира, и основаны они, как правило, на прошлом опыте. Именно поэтому стереотип противостоит идеалу и эталону как образцам, составляющим цель деятельности и стремлений субъекта в будущем. Например, стереотипом мужа является мужчина, лежащий на диване, читающий газету или смотрящий телевизор; стереотип жены-домохозяйки сформирован образом неопрятно и небрежно одетой женщины, вечно занятой семейными заботами; стереотип маленьких детей представлен традиционным мнением о них как о постоянно плачущих и часто болеющих чадах. Наоборот, идеал и эталон мужа – мужчина, который много зарабатывает, дарит цветы, умен, силен; жены – хозяйка, умеющая хорошо готовить, соблюдать чистоту и быть привлекательной; детей – спокойные и воспитанные малыши, не доставляющие хлопот родителям.

Формирование стереотипов осуществляется относительно любой сферы жизнедеятельности человека: семейной жизни, школьных лет и др. Деятельность в этих сферах выступает основой приобретения опыта и социокультурных знаний как контекстов, в рамках которых субъект интерпретирует мир и отображает результаты в дискурсе. Метаконцепт СТЕРЕОТИП задает область определения контекста социокультурных знаний в рамках семейных отношений, возраста, этнической принадлежности, гендера, профессии и др., то есть формирование дискурса может осуществляться в контексте семейных, школьных и иных знаний субъекта.

В рамках семейных отношений посредством метаконцепта СТЕРЕОТИП структурируется социокультурная специфика дискурса в следующем примере:

(3) *Где искать жену? Лучшие кофейни, суши-бары, салоны красоты, спа- и фитнес центры нашего города. Куда послать тещу? Дальние страны, музеи, выставки, театры, концертные залы, центры здоровья нашего города. Где дети? Лучшие детские развлекательные центры, семейный отдых, утренники, детские спектакли города* [«Выбирай» Тюмень 1-15 августа, 2014 г.: 37; 49].

Активизируются знания субъекта о женщине, теще и детях в рамках концептуально-тематической области СЕМЬЯ. Действие метаконцепта СТЕРЕОТИП проявляется за счет когнитивного механизма спецификации. На уровне языка когнитивному механизму спецификации соответствует дискурсивная практика специального вопроса (структура вопросительного предложения). Оперативными концептами выступают смыслы «современные женщины определенной социальной группы (с материальным достатком, например) проводят значительную часть своего времени вне дома», «желание зятя отстранить тещу» и «найти возможность занять детей вне дома». Они репрезентируются семантикой соответствующих языковых единиц.

В контексте стереотипных знаний о мужчинах, женщинах, детях формируется социокультурная специфика следующего дискурса:

(4) *The breakdown of what fathers do during the hours spent with their children is also telling, as they tend to spend more time on pleasurable activities. Mothers spend about two and a half times more on managerial and educational activities. But fathers spend nearly the same amount of time playing with their kids, perhaps the most enjoyable part of being with a child* [<http://thinkprogress.org/economy/2013/10/10/27>].

Концептуально-тематической областью, в рамках которой происходит формирование смысла данного дискурса, выступает область PARENTS AND THEIR KIDS. Содержание когнитивно-дискурсивной интерпретанты образуют концепты PLAYING WITH A CHILD, WORKING WITH A CHILD и их характеристики «joy», «entertainment», «hard work», активизируемые лексическими единицами (*pleasurable activities; managerial and educational activi-*

ties) посредством языковых механизмов номинации и семантики лексем. Метаконцепт СТЕРЕОТИП фиксирует стереотипные суждения о гендерных характеристиках мужчин и женщин, их роли в воспитании детей. Иными словами, субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса проявляется в когнитивно-дискурсивной интерпретанте – социокультурных концептах и их характеристиках в единстве с языковыми средствами их репрезентации в составе конкретного дискурса.

Контекст бытовых (семейных) знаний активизируется субъектом в следующих примерах (5-7):

(5) *Chelsea Clinton has the same fears as most new moms: A baby living on a 'planet without elephants'. If there is one thing Chelsea Clinton is most worried about, it may be that her son-to-be child will grow up in a world without elephants. Standing alongside her mother, Hillary Clinton, at the Clinton Initiative this afternoon, the very-pregnant former first daughter warned the plight of African elephants, killed for their ivory tusks, is an "existential" one, and said that if the current poaching rates continue, elephants could be few and far between the next decade [<http://twitchy.com/2014/09/24>]. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса реализуется на фоне неязыковых знаний о проводимой президентом США борьбы с незаконными группировками, уничтожающими слонов с целью использования слоновой кости, за счет активизации контекста бытовых знаний из концептуально-тематической области ЖЕНЩИНЫ, ГОТОВЯЩИЕСЯ СТАТЬ МАТЕРЬЮ, для которых испытывать волнение, страх, беспокойство, связанные с рождением ребенка, завершать профессиональную карьеру на определенное время, являются наиболее ожидаемыми (стереотипными) моделями поведения и эмоциями. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта в функции селекции, классификации и оценки профилирует признаки «обеспеченность», «беззаботная жизнь», «значимость», «активная жизненная позиция», которые репрезентированы на языковом уровне (*one thing; if there is; grow in a world without elephants, the very-pregnant former first daughter, worried, warned*) посредством семантики*

соответствующих единиц. Метаконцепт СТЕРЕОТИП задает область определения дискурса по шкале иронии, которая реализуется посредством соответствующих дискурсивных практик (*the same fears as most new moms; the very-pregnant former first daughter*);

(6) *Родители должны читать детям книжки, а не нотации. В Минске стартует первая специализированная выставка-ярмарка детской книги «Книжки в штанишках» <...> [http://zn.sb.by/obrazovanie-i-nauka-2/article/roditeli-dolzheny-chitat-detyam-knizhki-a-ne-notatsii.html].* Субъект формирует дискурс посредством метаконцепта СТЕРЕОТИП в рамках концептуально-тематической области СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ. Языковым репрезентантом конкретных оперативных смыслов «расширять кругозор ребенка, а не отчитывать и ругать детей» является фразеологическая единица *читать нотации*, объективирующая стереотип взаимоотношений родителей и детей: когнитивным механизмом формирования смысла выступает сравнение двух видов деятельности (чтение книг и чтение нотаций). Социокультурным контекстом выступает концептуальная система субъекта, в рамках которой он порождает и создает смыслы «дружеское взаимоотношение (оценочная интерпретация) с ребенком во время чтения и обсуждение прочитанного» (классифицирующая функция интерпретации), переданные посредством дискурсивной практики категоричного утверждения (*должны читать книжки, а не нотации*);

(7) *Что значит воспитывать? Родила ребенка – уже мать! Купил пианино – уже пианист! Для многих родителей слово «воспитание» является синонимом чтения нотаций, навязывания своих требований и вкусов. Известный американский психолог и педагог Карл Роджерс отношение взрослого к ребенку сравнивал с тем, как хороший садовник относится к растениям, которые он выращивает. Основная задача садовника – создать наилучшие условия для роста. А это означает, что для растения нужно подобрать правильное освещение, нужно его поливать, удобрять почву. Думаю, каждый из нас посчитал бы абсурдным поведение садовника, который стал бы*

тянуть растение за верхушку, чтобы ускорить его рост. Однако многие родители уподобляются такому садовнику. Вместо того, чтобы понимать своего ребенка, то есть знать его особенности, потребности, вкусы и, самое главное, их учитывать, слово «воспитание» интерпретируют следующим образом: ребенок не слушается – его нужно заставить, грубит или дерзит – нужно прочитать нотацию, наказать, обиделся – не обращать внимания <...> [<http://v-garmonii-s-soboi.ru/vse-myi-rodом-iz-detstva/chto-znachit-vospityivat>].

Социокультурная специфика дискурса в вышеприведенном примере также формируется субъектом в рамках концептуально-тематической области СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ. Языковым маркером социокультурного знания выступает фразеологизм *читать нотации*. Посредством метаконцепта СТЕРЕОТИП субъект фокусирует внимание на оперативных смыслах «мать – это не только женщина, которая родила ребенка», «настоящая мать занята воспитанием детей». С помощью когнитивных механизмов концептуальной метафоры, сравнения, инференции и языковых механизмов номинации, дискурсивных практик объяснения и логического вывода формируется КДИ как перечень концептуальных признаков «трудности в процессах возделывания почвы и воспитания детей», в рамках которого формируется социокультурная специфика дискурса.

Метаконцепт СТЕРЕОТИП задает область определения дискурса в следующих примерах, определяя социокультурную специфику дискурса и контекста социокультурных знаний субъекта, усвоенных им в рамках профессиональной деятельности (учебного процесса) (8-9-10):

(8) *Исправно посещавших лекции Иван Васильевич на экзаменах никогда не мучил, а другой раз (предлагая припомнить) чуть ли не весь ответ на билет сам и выговаривал, но из непонятной скромности больше четверки за такой ответ не ставил. Молодо-зелено!* [НКРЯ]. Приведенный дискурс формируется в концептуально-тематической области ЭКЗАМЕН (СТУДЕНЧЕСКИЙ). КДИ как результат селективной, классифицирующей и оценочной

функций интерпретации представляет собой совокупность операционных смыслов «студенты часто прогуливают занятия», «студентам трудно отвечать на экзаменах». Посредством метаконцепта СТЕРЕОТИП в фокусе внимания субъекта находятся не все знания об экзаменах (тематический концепт), а конкретные стереотипные знания о молодых людях, пытающихся сдать экзамен преподавателю, которые репрезентируются субъектом с помощью устойчивого выражения - прецедентного текста (ср.: художественный фильм «Молодо-зелено» по мотивам произведений А. Рекемчука);

(9) HIGGINS. *Pickering: this chap has a certain natural gift of rhetoric. Observe the rhythm of his native woodnotes wild. "I'm willing to tell you: I'm wanting to tell you: I'm waiting to tell you." Sentimental rhetoric! That's the Welsh strain in him. It also accounts for his mendacity and dishonesty* [Shaw. *Pygmalion*]. Формирование социокультурной специфики дискурса осуществляется в контексте профессиональных знаний субъекта за счет активизации операционных смыслов и концептуальных взаимосвязей: ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ – ТЕРРИТОРИЯ ПРОЖИВАНИЯ – ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА - ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ. Посредством метаконцепта СТЕРЕОТИП субъект осуществляет социальную категоризацию (*That's the Welsh strain in him. It also accounts for his mendacity and dishonesty*).

Различая возрастные, этнические, гендерные, профессиональные стереотипы как социальные явления, ученые определяют стереотипизацию как психологический процесс, рассматриваемый как «рациональная форма познания, как частный случай более универсального процесса категоризации: создавая социальные категории, мы обращаем внимание на характеристики, благодаря которым люди, принадлежащие к той или иной группе, воспринимаются похожими друг на друга и отличающимися от других людей» [Стефаненко 2006: 26]. Иными словами, в основе формирования стереотипов лежит когнитивный процесс, «погруженный» в социокультуру, а именно, процесс социальной (социокультурной) категоризации:

(10) Испанцы (помехи на заднем фоне): «...говорит А-853 / пожалуйста / поверните на 15 градусов на юг во избежание столкновения с нами // Вы движетесь прямо на нас / расстояние 25 морских миль».

Американцы: «С вами говорит командир корабля США // Мы советуем вам повернуть на 15 градусов на север во избежание столкновения с нами».

Испанцы: «Мы считаем ваше предложение ни возможным / ни адекватным // Советуем ВАМ повернуть на 15 градусов на юг / чтобы не врезаться в нас».

Американцы (другой голос): «С вами говорит капитан Ричард Джеймс Ховард / командующий авианосца USS Lincoln ВМФ США / второго по величине корабля американского флота // Нас сопровождают два крейсера / четыре подводные лодки / шесть истребителей и многочисленные корабли поддержки...». [М. Задорнов «Переговоры испанцев с американцами»]. Метаконцепт СТЕРЕОТИП структурирует социокультурную специфику дискурса в контексте социокультурных знаний субъекта в рамках концептуально-тематической области НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ и ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ представителями той или иной страны В СИТУАЦИИ ОПАСНОСТИ. В дискурсе профилируются операционные концепты ВАЖНОСТЬ и ЗНАЧИМОСТЬ, МОГУЩЕСТВО и СИЛА, которые репрезентируются семантикой лексем и механизмом номинации (антропонимы, глагол *советовать* с семантикой рекомендации, местоимение *мы*, числительного *второй* с семантикой лидерства, дискурсивная практика детализации военно-морской техники). В фокусе внимания субъекта – абсурдность ситуации выяснения лидерства и очередности прохода морского пространства в опасный для жизни период.

Наряду с категоризацией в механизм формирования стереотипов вовлечены когнитивные процессы схематизации и обобщения, сравнения, идентификации. Обобщение (генерализация) характерно для экспликации гештальтного восприятия мира. Сравнение обеспечивается дифференциацией по принадлежности / непринадлежности к группе себе подобных. Идентифи-

кация определяется указанием на сообщество «своих», отличающееся от «чужих». Для этих процессов, как правило, характерна аффективная форма обработки информации по параметру «свой, значит, хороший», «чужой, следовательно, плохой»:

(11) *What the goddamn hell is wrong with these Russians? First some mad ones climbed some towers. Then a crazy dude climbed up a skyscraper. Then some other nutcases spidermanned a bridge. And now these ones, who are just completely out of their mind* [<http://gizmodo.com/5915332/these-guys-are-now-the-craziest-climbing-russians-of-all-craziest-climbing-russians>];

(12) *This latest teen photo trend might be the clearest illustration of the difference between Russia and America. We lie down on stuff. They pose, or Skywalk, hundreds of feet in the air with nothing between them and the sudden splat of failure*

[<http://gizmodo.com/5905153/skywalking-russian-teens-risk-death-for-daredevil-photos>].

Формирование социокультурной специфики дискурса в этих примерах осуществляется посредством метаконцепта СТЕРЕОТИП и репрезентируется с помощью языковых средств – глагольных словосочетаний. Интерпретация осуществляется в рамках концептуально-тематической области АКТИВНОЕ / ПАССИВНОЕ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЕ; КДИ отсылает к концептам БЕЗРАССУДСТВО, ОПАСНОСТЬ, репрезентируемым с помощью языковых средств (*climbed up a skyscraper, nutcases spidermanned a bridge*), когда повествование ведется о русских, и концептах DO LITTLE OR NOTHING, ABSENCE OF DANGER, репрезентируемых фразовым глаголом *lie down on*, - об американцах. Оценочная функция интерпретации обеспечивается семантикой лексем, репрезентирующих вышеназванные концепты и признаки: *wrong, dude, nutcases*.

Формирование стереотипов связано с оценочной интерпретацией. Так, в следующем примере под действием метаконцепта СТЕРЕОТИП КДИ пред-

ставлена оценочными операционными концептами, формирующими негативный образ объекта (по параметру «чужой – плохой»):

(13) *Crimea's referendum was a sham display of democracy. Almost before they had cleared up the vodka bottles in Lenin Square, scene of the party to celebrate Crimea's reunification with the motherland in Moscow, the well-planned moves kicked into place*

[<http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/mar/17/crimea-referendum-sham-display-democracy-ukraine>]. Активизируются концептуальные признаки «позор», «пьянство», «отсутствие демократии» посредством механизма номинации и семантики соответствующих лексем (*sham display of democracy, vodka bottles*).

В следующем примере активизируется положительная оценка объекта (по параметру «свой – хороший»):

(14) *You've seen the famous alumni from Yale, Harvard, Stanford and Princeton. But even these prestigious schools don't come close to the pedigree of England's top school Oxford* [<http://www.businessinsider.com/most-famous-oxford-students-2012-9?op=1>].

Метаконцепт СТЕРЕОТИП фиксирует общепринятые мнения о престижных учебных заведениях Америки. КДИ активизирует концептуальные признаки «длительность успеха» (репрезентируется лексемами *pedigree, top*), «наивысшая степень» (*top*), а также отсылает к концептуально-тематической области ПОРОДИСТЫЕ ЖИВОТНЫЕ. С помощью когнитивного механизма сравнения (и метаконцептов ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ) субъект профилирует смыслы «уникальности Оксфорда как учебного заведения Англии», а также «передовых позиций Оксфорда по сравнению с другими вузами».

Знания о мире и знания о социуме и культуре, в частности, классифицируются в сознании субъекта в виде системы категорий и социальных категорий, в частности. В процессе социальной категоризации как частного случая универсального познавательного процесса категоризации в рамках социокультуры формируются знания о том, какие представители / объекты /,

явления и их характеристики являются наиболее типичными для конкретной социальной категории либо репрезентируют ее в наименьшей степени по признаку «семейного сходства».

Иными словами, социальная категоризация как когнитивный механизм формирования оценочных мнений по признаку «свой-чужой» (своими-чужими, как показывают примеры, могут быть социальная группа, народ, профессия, объект, явление и др.) обеспечивает организацию категорий, которые, в свою очередь, формируются вокруг прототипов. В отношении оценочных категорий Н.Н. Болдырев замечает: «прототипы данных категорий, если они существуют, <...> представлены в виде набора тех или иных характеристик, в виде стереотипов, норм, которые в речи могут быть сведены к «одной единственной характеристике», объединяющей разные по содержанию и форме объекты [Болдырев 2002: 111].

Прототипы, как замечает Н.Н. Болдырев, непосредственно зависят и могут меняться от когнитивного и культурного контекстов: «прототипы чашек для кофе, чая, молока будут различаться так же, как и прототипы ваз для фруктов, варенья, салата, мороженого и цветов. С другой стороны, прототипическое лицо человека для европейца и корейца, японца или жителя Африки – это разные типы лица; типичный завтрак для англичанина – это не то же самое, что типичный завтрак для француза, типичная зима для жителей северных и южных стран также будет различаться по своим характеристикам» [Болдырев 2014а: 130]. Именно поэтому разные субъекты и адресаты активизируют разные элементы прототипов как концептов категории или наиболее ярких их представителей, элементов: для одних русские – это «медведи», для других – «любители выпить», для третьих – «люди широкой души» и др.

Определение прототипа с психологической точки зрения, как отмечает Н.Н. Болдырев, связано с «выделением в ходе различных экспериментов по категоризации тех элементов категории, которые первыми приходят на ум и быстрее всех узнаются» [Там же]. Например, щедрость, гостеприимство определяют типичные черты и наиболее характерные признаки этнического

стереотипа о русских для тех, у кого был опыт общения с русскими в тяжелой жизненной ситуации (солдат и жителей во время Великой Отечественной войны 1941-1945, например).

Прототип с когнитивной точки зрения как концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание, – это «ментальная репрезентация, или когнитивный ориентир категории» [Там же], в качестве которого могут выступать образ, схема, идеал, стереотип, гештальт, набор общих характеристик (см. работы Дж. Лакоффа, Э. Рош и др.). Как отмечает Н.Н. Болдырев, социальные стереотипы обычно осознаются, могут вызывать разногласия, изменяться во времени, выполняя важную прагматическую функцию – обеспечение экономии усилий при восприятии объектов / явлений, выражающуюся в предоставлении человеку готовых мнений / суждений (см. подробнее: [Болдырев 2014а: 129]) разной оценочной категоризации. Например, зная, что некий субъект является русским, на основе взглядов и характера этого человека можно составить оценочное представление о русских в целом, то есть сформировать знания / мнения о группе индивидов / объектов / явлений и др., имеющих аналогичные характеристики в поведении, привычках, внешности и др. Социальная категория также может быть сформирована на основании иного социально значимого признака (пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации, этнического фактора и др.).

В целом метаконцепт СТЕРЕОТИП обуславливает формирование оценочных смыслов и основывается на знании общих прототипических, то есть ядерных для данной категории признаков оценочного характера, которые известны членам конкретной лингвокультурной общности (коллективное оценочное знание, по Н.Н. Болдыреву), а также на знании признаков конкретных элементов категории, через которые эти общие характеристики опознаются (индивидуальное оценочное знание, по Н.Н. Болдыреву), обнаруживая так называемый «телескопический принцип построения» как принцип заполне-

ния: «выдвижения конкретных характеристик, являющихся следствием характеристик более общих, абстрактных» [Болдырев 2002: 112].

Как познавательный процесс категоризация и социальная категоризация, в частности, представляет собой «не простое членение мира на категории разного уровня абстракции и соотнесение с ними определенных объектов и явлений, но и специальное выделение срединного, базового уровня как психологически более значимого» [Болдырев 2014а: 139]. Общаясь с представителями одной национальной культуры / объектами / предметами, за счет механизма экономии мыслительных усилий человек перестает вычленять отдельные детали и характеристики для их идентификации, «складывая детали» в единую гештальтную характеристику (см. подробнее: [Болдырев 2014а: 133-134]), например, «русскости» (щедрость и широта души, гостеприимство, сопричастность и др.). В функции целого, доминирующего в процессе восприятия объекта / события над его составными частями могут выступать, например, общее впечатление (*русские женщины самые красивые; women are not as strong as men*), особенности характера (*гостеприимность русских*), модель поведения (*пунктуальность немцев, все бухгалтеры педантичны, все мужчины - Дон Жуаны*), эмоциональное состояние (*любовобильность французов*) и др.:

(15) Гуляем с русским размахом! Ресторан «Чарка» приглашает дорогих гостей отведать традиционные кушанья. Меню порадует даже самого взыскательного гурмана: грибы душистые, в сметане запеченные, щи боярские, муксун под икорным соусом, блинчики с начинками разнообразными, мяско и дичь. В «Чарке» будут рады и уставшему путнику – угостят его бизнес-ланчем, и компании – подадут квас да усадят игрища футбольные смотреть. Планируете сыграть пир свадебный? Все организуют по высшему разряду! Торжественное оформление банкетного зала и видеопроектор для показа лав-стори – в подарок! А заботливое и душевное обслуживание и виртуозная кухня от шеф-повара надолго запомнятся гостям праздника [«Выбирай». Тюмень 1-15 августа 2014: 58].

Социокультурная специфика дискурса (15) формируется посредством метаконцепта СТЕРЕОТИП на базовом уровне как психологически наиболее значимом [Rosch 1973; 1978], не требующем специальных, теоретических знаний [Болдырев 2014а: 133]. На этом уровне категоризации репрезентируются социокультурные знания о ширине, глубине и величине внутренней природы человека, которые традиционно приписываются русским (ср.: название статьи «Русский размах польской души» на сайте: [http://polandinfo.ru/Container/Details/3309]). Конкретизация за счет дискурсивных практик спецификации и перечисления осуществляется на основе концептов и характеристик, передающих специфику *русского размаха* с точки зрения их составных частей: *грибы душистые, сметана, щи боярские, муксун, блинчики* - на субординатном уровне. КДИ отсылает к концептам БОГАТСТВО, ЩЕДРОСТЬ, УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ИЗЫСКАННЫХ ВКУСОВ, КАЧЕСТВО, которые репрезентируются единицами языка (*муксун, икра, угощать, пир, высший разряд*). Интерпретация осуществляется в концептуально-тематической области ЕДА; на суперординатном уровне активизируются знания о русском характере (щедрость; открытость к инокультурному: *лав-стори, бизнес-ланч*).

В следующих примерах (16-17) субъект реализует социокультурную специфику дискурса в рамках стереотипных знаний о культуре стран за счет активизации гештальтной структуры – «целостного образа, совмещающего в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, результата целостного, нерасчлененного восприятия ситуации, в котором целостный образ, будучи проще своих составных частей, доминирует над ними: недискретное, неструктурированное знание» [Болдырев 2014а: 55]:

(16) *В стиле Англии. В Тюмени появилось интересное местечко под названием «Шотланд-Ярд». Новый паб ресторанного холдинга «Ассорти ресторантс» радует своих гостей не только шикарнейшим баром, но и отменной кухней. Заглянув сюда, можно попробовать настоящие английские напитки и традиционные пабные закуски <...> Настроение создают отличная*

фоновая музыка и неповторимая атмосфера старой доброй Англии. Отличная кухня и шикарный бар – что еще нужно для прекрасно проведенного времени? Деревянная стойка с хромированными кранами прекрасно вписывается в уникальный интерьер с детективными картинками, английскими газетами и секретными книгами. Одним словом, все, что вас окружает, соответствует загадочному названию паба! [«Выбирай». Тюмень 1-15 августа 2014: 40].

В процессе обыденного познания объект (Скотланд-Ярд) воспринимается как целое – *Англия* - представитель традиций «старой доброй Англии». Концепт СКОТЛАНД-ЯРД активизирует знания о детективах, секретах, тайнах, которые репрезентируются с помощью одноименных лексем, а также семантикой обобщающего слова *всё*. Структурируя дискурс и формируя его социокультурную специфику, субъект дефокусирует иные признаки и характеристики объектов Англия и Скотланд-Ярд, например, «Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии», «литературные герои, писатели» (Conan Doyle, например). Неспецифицированными остаются знания, репрезентируемые словосочетаниями *неповторимая атмосфера старой доброй Англии* (какая?), *настоящие английские напитки* (какие?), *традиционные пабные закуски* (какие?): «наша природная способность к целостному восприятию, то есть к восприятию с помощью гештальтов <..> не позволяет с легкостью проводить разграничения или делать обобщения на более низких или более высоких уровнях соответственно; для этого требуются дополнительные, логические усилия» [Болдырев 2014а: 138]. Метаконцепт СТЕРЕОТИП, таким образом, фиксирует ряд сформированных представлений-признаков: «старая добрая Англия», «традиция». За счет когнитивного механизма концептуальной интеграции формируется индивидуальный смысл: Скотланд-Ярд классифицируется (классифицирующая функция интерпретации) как уютное место (оценочная интерпретация КДИ), где можно вкусно пообедать;

(17) *Новый год по-итальянски. Специально для тех, кто не желает довольствоваться стандартным новогодним «пакетом», включающим оливье, мандарины и песни у елочки, уже открылось раннее бронирование на путевки в дальние страны [«Выбирай». Тюмень 1-15 августа 2014: 84].* Влияние метаконцепта СТЕРЕОТИП проявляется на уровне репрезентации признаков (*по-итальянски*) за счет отрицания известных (традиция готовить оливье, петь новогодние песни у елки). С помощью когнитивных механизмов инференции и противопоставления, а также языковых механизмов номинации (*новый год по-итальянски*), отрицания (*не желает*) субъект формирует социокультурную специфику дискурса и передает смысл «возможности встретить Новый год в непривычной атмосфере». Специфика концептуальной системы субъекта сформирована под влиянием его профессиональных факторов – деятельности в туристическом агентстве (17). Социокультурный контекст знаний субъекта реализуется в дискурсе также за счет языковой единицы *новогодний «пакет»*, репрезентирующей смыслы «перечень услуг, предлагаемый турфирмой под Новый год» (концептуальная метафора ВМЕСТИЛИЩЕ). Ср.: контекст коллективных знаний, репрезентируемый лексемой *пакет*: «бумажный сверток с вещами; бумажный мешок для продуктов; конверт с письмом официального назначения» [СРЯ 1978: 447].

Языковыми репрезентантами метаконцепта СТЕРЕОТИП могут быть устойчивые фразы, фразеологические единицы разнообразной структуры, пословицы, прецедентные тексты, дискурсивные практики категоричного суждения, репрезентирующие некоторые социальные практики, например: *Мужчины не плачут* (гендерный стереотип), *Все подростки «трудные»* (возрастной стереотип), *Англичане - консерваторы* (этнический стереотип), *Все родители читают нотации* (семейный стереотип), а также слова с семантикой регулярности (*как правило, всегда, все*) и общеизвестности (*как известно, каждый знает*).

Влияние метаконцепта СТЕРЕОТИП, как показывает анализ примеров, проявляется в формировании оценочных концептов и категорий, фокусиров-

ке внимания субъекта на их конкретных элементах и характеристиках, дефокусировке иных признаков, зависимых от контекста социокультурных знаний субъекта, в рамках которых им формируется социокультурная специфика дискурса. Оценочная функция метаконцепта СТЕРЕОТИП обнаруживает взаимосвязь с оценочной интерпретацией, осуществляемой посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ.

1.3. Метаконцепт ЦЕННОСТЬ

Оценочная категоризация в дискурсе связана не только с метаконцептом СТЕРЕОТИП, но и интерпретирующей ролью метаконцепта ЦЕННОСТЬ. Ценность традиционно понимается как «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений» [СЭС 1985: 1462]. Интерпретирующая функция метаконцепта ЦЕННОСТЬ, таким образом, обеспечивает значимость, которой субъект наделяет объекты, предметы, явления окружающего мира, не присущую им от природы. Общепринято, что критерии и способы оценки этой значимости выражаются в нравственных принципах, нормах, идеалах, установках, целях, что свидетельствует о взаимосвязи выявленных в диссертации метаконцептов.

Любая сфера человеческой деятельности, предметы, объекты, явления, сам человек становятся предметами оценивания: оценка, по Н.Д. Арутюновой, задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она определяет мышление человека, его деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, восприятие искусства [Арутюнова 1984: 5]. Ценностные доминанты, культурные доминанты в языке изучаются в многочисленных работах отечественных и зарубежных ученых (работы Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова и др.). Исследователи свидетельствуют о существовании ценностной

картины мира (В.И. Карасик), о лингвистической систематизации ценностей культур (Н.Д. Арутюнова), константах культуры (Ю.С. Степанов). Систематизация ценностей культуры осуществляется на материале языковых единиц, объективирующих значимые для культуры явления, события, предметы, материальные и идеальные сущности (*23 февраля, судьба, С милым и рай в шалаше*).

В рамках социумов и культур у субъекта как представителя социума и как конкретной личности формируются понятия о системе ценностей, принятой в конкретных социокультурах: семейные ценности, религиозные ценности, политические ценности (свобода, порядок, например), которые, в свою очередь, могут основываться на общечеловеческих ценностях, обеспечивающих жизнедеятельность людей (безопасность жизни человека, здоровье, благосостояние, самореализация, красота). Деятельность человека в той или иной социокультуре способствует усвоению системы ценностей, характерной для этой социокультуры, что, в свою очередь, составляет содержание когнитивного опыта конкретного субъекта, который может существенно отличаться от общепринятых ценностных ориентиров в рамках социокультуры. Ценностная картина мира – это результат оценочной категоризации, при которой точкой отсчета является человек и его индивидуальная шкала ценностей (см. подробнее: [Болдырев 2011, 2012, 2013б]). Способность человека формировать оценочные категории и интерпретировать мир в контексте индивидуальных социокультурных знаний репрезентируется в следующем примере:

(1) *Поддубный всю дорогу придерживается своего кодекса чести, несовременного даже по меркам вековой давности: играть по правилам, проигрывать достойно, любить один раз и навсегда, плакать, только когда никто не видит, и уходить, когда подскажет сердце, – не важно, сколько там еще можно скопить денег на счету в заграничном банке* [www.aif.ru/culture/movie/1205264].

Ценности как ориентиры поведения обусловлены потребностями, намерениями субъекта [Карасик 2013: 17] (о шкале потребностей см. подроб-

нее: [Маслоу 2013]). Преобладание одних потребностей над другими формирует профиль ценностей. Так, ориентация на потребление, особенно характерная для конца XX и начала XXI веков, способствует подмене ценностей:

(2) Что же произошло с человеческими ценностями, на которых были воспитаны многие поколения, в том числе и мое? Со времен Моисея и Христа ценности вырабатывались веками, они создавались поколениями творцов, поэтов, художников, мыслителей. Они утверждались в обыденном сознании именно как ценности всеобщие, присущие цивилизации в целом. Эта постепенность их создания и вращивания в жизнь и делала их такими устойчивыми <...> Сегодня ценности могут быть созданы по заказу платежеспособной корпорации или отдельного лица. Тех, кто заинтересован в их распространении, ожидает от этого политических или материальных дивидендов и платит за свои будущие выгоды. То есть отныне ценности не вырабатываются изнутри общества – они внедряются в него извне. Сегодня может почитаться ценностью толерантность, завтра – бескомпромиссность, послезавтра – самодовольный гедонизм <...> [А. Кончаловский: obozrevatel.com/blogs/83540].

ЦЕННОСТЬ как метаконцепт объединяет всю систему мировоззрений, установок, взглядов, идеалов, сформированных в социокультуре и служащих ориентиром, определяющим не только неязыковое поведение субъекта, но и социокультурную специфику дискурса субъекта. Метаконцепт ЦЕННОСТЬ определяет зависимость оценочных концептов и категорий от индивидуальной концептуальной системы субъекта, сформированной в рамках социокультуры, и, наряду с выделенными в работе метаконцептами, демонстрирует субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса.

Понимание ценностей как «свойств, абстрактных идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих благодаря этому как эталон должного» [<http://voluntary.ru/dictionary/568/word/cenost>], то есть положительно оцениваемых сущностей, в обыденном сознании противопоставляется

отрицательно оцениваемым сущностям – так называемым «антиценностям». В контексте бытовых знаний, полученных в результате предметно-практического, конкретно-чувственного опыта в том числе, формируется социокультурная специфика дискурса в следующих примерах:

(3) *Антиценности, несущие только страдания, не могут стать ни смыслом деятельности, ни смыслом действия, а тем более — жизни [НКРЯ];*

(4) *Is it “chosen” ignorance or lack of knowledge, that plagues humanity? Well, to be honest, it is a little bit of both actually. Some “choose” to be ignorant in their actions and some just lack the knowledge to enable themselves more power. Both are hurting themselves, but the one who chooses ignorance is actually damaging themselves more than those who are without knowledge [cagsil.hubpages.com/hub/]*

Когнитивно-дискурсивная интерпретанта отсылает к концептам СТРАДАНИЯ (3), PLAGUE (4), DAMAGE (4). Метаконцепт ЦЕННОСТЬ задает область определения дискурса в (3-4) и активизирует оценочный смысл, ориентирующий субъекта по шкале значимости положительных ценностей, посредством когнитивной операции выводного знания (*антиценность – страдание (ценность – благо), the one who chooses ignorance is actually damaging themselves more (do not choose ignorance)*).

В контексте житейских социокультурных знаний субъекты формируют социокультурную специфику дискурса, отражающую их ценностную систему взглядов об одном и том же объекте – Родине в следующих примерах (5-6):

(5) *Живется / безусловно / сегодня очень непросто // Материально / в общем / я живу совершенно нормально / потому / как и Нобелевская премия / и многие другие международные премии // Но живется / конечно / очень тяжело // Что касается уехать / я как-то / шутя / сказал / что Россия / страна оптимистов / потому что пессимисты все уехали // И я отношусь к оптимистам / потому что я считаю / что у России будущее / безусловно /*

есть // И нужно за это будущее бороться <...>; Наука в советское время была / безусловно / востребована // Она / может быть / по-разному востребована / играл большую роль военно-промышленный комплекс // Но Академия наук СССР / научные организации страны вели исследования по широчайшему фронту // Если говорить про Нобелевские премии / то / между прочим / среди лауреатов Нобелевской премии / десять человек / это физики (Ж.И. Алферов в программе «Познер»: [vladimirpozner.ru]);

(6) Послушайте / Жорес Иванович / мой отец был сыном эмигранта // Семья покинула Советский Союз в тысяча девятьсот двадцать втором году // И у него оставались романтические такие мечты о том / каким был революционный Петроград / он все помнил // И он жил за границей долго / очень успешно работал в киноиндустрии / стал человеком весьма преуспевающим // Не брал никакого гражданства / ни французского / ни американского / потому что он хотел вернуться в Советский Союз // И в декабре тысяча девятьсот пятьдесят второго года он привез нас / свою французскую жену / меня девятнадцатилетнего / моего брата // Если бы Сталин не умер через два месяца / моего отца посадили бы / сто процентов // И / скорее всего / с концами // Мою мать / наверное / тоже // Может / и меня / девятнадцатилетнего // Пашку / нет // Пашку / наверное / в какой-нибудь детдом // Я понимаю / что это трагедия / когда страна разваливается / когда целый народ старался / верил / пытался что-то делать // Но когда помотришь / что там делали с этим народом / когда помотришь / сколько было диких страданий / сколько несправедливо убитых / посаженных / сколько людей бежало // Как можно мечтать о восстановлении этого? (В. Познер в программе «Познер»: [vladimirpozner.ru]).

Селективная функция метаконцепта ЦЕННОСТЬ реализуется в примере (5) за счет репрезентации языковыми единицами концептуальных признаков «трудность», «надежда», «борьба», «деятельность» (лексемы и интенсификаторы *непросто, тяжело, оптимисты, очень*; термины специального знания *физика, наука, Нобелевская премия, военно-промышленный комплекс*).

Они лежат в основе формирования классифицирующего признака, позволяющего автору дискурса (5) активизировать роль общественных предпочтений над личностными интересами. Интерпретирующая функция метаконцепта ЦЕННОСТЬ в (6) материализует знания субъекта дискурса о судьбе собственной семьи и репрезентируется лексемами *брат, отец, детдом, посадить, убить* (селективная функция метаконцепта). Языковая категоризация репрезентирует значимость семейных переживаний, чувств и эмоций. Тем самым в примерах (5-6) осуществляется разная оценка явления внешнего мира по широкому спектру шкалы «хорошо – плохо»: сожаление – осуждение; нравится – не нравится, моральный – аморальный и др. Иными словами, формирование социокультурной специфики дискурса на одну и ту же тему осуществляется в разных концептуально-тематических областях ОБЩЕСТВО и СЕМЬЯ и структурируется посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ, который репрезентируется разными оценочными концептами у двух субъектов дискурса.

В следующих примерах (7-8) метаконцепт ЦЕННОСТЬ структурирует концептуально-тематическую область ЧЕЛОВЕК и СЕМЬЯ в контексте семейных знаний. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса проявляется в когнитивно-дискурсивной интерпретанте, отсылающей к концептам СЕМЬЯ, ДЕТИ, РАБОТА в (7) и СЕМЬЯ, ДЕТИ, ОТДЫХ (8):

(7) *Angelina Jolie and her six children are in Sydney for a four-month stay as she films Unbroken. The plan is for the family to move to a private home in Vaucluse for their four month stay with Unbroken to be shot in Sydney and Queensland [www.dailytelegraph.com.au.news];*

(8) *Семейные водные старты проходили в виде комплексной эстафеты, которая включала в себя заплывы членов команды поэтапно на дистанцию 25 метров с использованием специализированного инвентаря (спасательные жилеты, круги, надувные матрасы). Важным моментом было и то, что на последнем этапе эстафеты коснуться бортика должны были все члены семьи, только в этом случае судья останавливал время преодол-*

ния дистанции. Все семьи благодаря слаженности действий и дружному выполнению упражнений справились с заданием

[<http://sport.mos.ru/presscenter/news/detail/866266.html>].

Метаконцепт ЦЕННОСТЬ реализуется с помощью дискурсивных практик информирования и повествования о значимости семьи (7-8) и здорового образа жизни (8). КДИ отсылает к концептам ЭСТАФЕТА, ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ, УСПЕХ в (8) и ПЛАН, ДОМ, МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ в (7), активизируя знания субъекта о роли совместной деятельности в формировании семейных традиций (7-8) и важности профессиональной деятельности родителей (7). Посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ активизируются такие социокультурные зоны смысла, как «совместная деятельность», «унисон и поддержка» (8), «совместная деятельность», «профессия» (7), репрезентируемые посредством языковых номинаций, семантикой лексем, дискурсивными практиками. Эти знания, в свою очередь, сформированы субъектом в рамках семейных отношений и «упакованы» в концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК И ЕГО СЕМЬЯ.

В зависимости от социокультурных традиций, норм, общепринятых правил и языкового опыта метаконцепт ЦЕННОСТЬ по-разному структурирует концептуально-тематические области. Например, в рамках концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК и УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ в следующих примерах (9-10-11):

(9) *11 марта учащиеся 2-х классов побывали на третьем уроке-концерте артистов тюменской филармонии, на котором познакомились со старинными русскими народными инструментами, с их историей появления на Руси. Слушали русский вальс, музыкальные произведения П. И. Чайковского, итальянскую музыку Д. Россини, отвечали на музыкальные вопросы. В завершение концерта ребята вместе с артистами исполнили весёлое музыкальное произведение, используя бубны, трещотки, бубенцы, треугольник и деревянные ложки* [<http://school88.ru/>]. В примере (9) активизируются концепты СТАРИННЫЕ РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, П.И. ЧАЙ-

КОВСКИЙ, Д. РОССИНИ, репрезентируемые соответствующими языковыми единицами. Посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ задается область определения дискурса: ценность воспитания и образования, важность передачи знаний о просветительской и ознакомительной деятельности, обращенной к подрастающему поколению;

(10) *Санкт-Петербургский государственный университет – старейший вуз России, основанный в 1724 году. За 290 лет существования СПбГУ закрепил за собой право называться также одним из лучших вузов России: богатое историческое прошлое, современная широкая исследовательская деятельность, активное развитие и новаторство позволяют СПбГУ находиться на передовых рубежах российской науки [<http://spbu.ru/about-us>];*

(11) *Why choose Royal Holloway? Ranked in the top 10 research-led universities in the UK. A University of London degree leading to first-rate career opportunities. Excellent teaching in the Arts, Humanities, Sciences and Social Sciences. A friendly, supportive environment with high quality student accommodation. A vibrant community of students from over 120 countries. A beautiful campus with state-of-the-art teaching and research facilities. Easy access to London and a more affordable environment. A thriving cultural scene with a very active Students' Union. The University of London's best sporting college. A broad portfolio of bursaries and scholarships*

[<http://www.rhul.ac.uk/studyhere/undergraduate/home.aspx>].

В примере (10) метаконцепт ЦЕННОСТЬ структурирует концептуально-тематическую область ЧЕЛОВЕК и УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ в виде оценочных концептов и категорий, репрезентируемых языковыми единицами с семантикой качества (*один из лучших, богатое прошлое, широкая исследовательская деятельность, передовые рубежи*). С помощью дискурсивных практик информирования и разъяснения реализуется интенция субъекта - сообщить адресату сведения об учебном заведении (СПбГУ) как о стабильно развивающемся вузе (за счет селекции глагольных форм (*основанный, закрепил, позволяют*)). Посредством селекции, классификации и оценки в составе

КДИ формируются концептуальные связи концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК и УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ с концептуально-тематической областью ВУЗОВСКИЕ ТРАДИЦИИ, в рамках которых посредством интерпретирующей функции метаконцепта ЦЕННОСТЬ в составе КДИ профилируются конкретные социокультурные смыслы «стабильность», «качество».

В примере (11) метаконцепт ЦЕННОСТЬ определяет следующий состав КДИ: с помощью языковых единиц, риторического вопроса, градуаторов репрезентируются смыслы «исключительности, высокого качества». Дискурсивные практики, реализуемые синтаксической структурой предложений (параллельные конструкции без подлежащего), активизируют интенцию субъекта не только информировать адресата, но и привлечь его внимание к объекту. Значительный удельный вес прилагательных с семантикой исключительности, структура «риторический вопрос – ответ», синтаксис устанавливают концептуальные взаимосвязи между концептуально-тематической областью ЧЕЛОВЕК и УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и концептуально-тематической областью ЧЕЛОВЕК И РЕКЛАМНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Метаконцепт ЦЕННОСТЬ, таким образом, структурирует области, передавая разные смыслы, обусловленные социокультурными знаниями субъектов: «значимость традиций в выборе вуза» в (10) и «привлекательность современных возможностей при выборе вуза» в (11).

В контексте технологических знаний интерпретируются объекты, явления, которые наделяются ценностными установками, поскольку играют значимую роль в деятельности человека. В примере (12) посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ активизируются утилитарные оценки и значимость конкретных объектов / явлений / процессов для человека и групп людей в рамках концептуально-тематической области НАУКА И ПЕРЕДОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОСМОСЕ:

(12) *Спутник «Таблетсат-Аврора» имеет массу 26,2 кг и минимальный расчетный срок службы 1 год. Аппарат предназначен для дистанционного*

зондирования Земли в интересах частной компании. Спутник создан на базе российских технологий с максимально возможным отсутствием зарубежных компонентов <...>

[http://pikabu.ru/story/pervyy_rossiyskiy_chastnyy_sputnik_podal_signal_s_orbity_2400518]. Языковые единицы репрезентируют оценочный концепт ОТРИЦАНИЕ, который наделяется положительной категоризацией в составе социокультурных знаний субъекта. КДИ отсылает к концептуальным характеристикам и концептам САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, НЕЗАВИСИМОСТЬ и ориентирована на активизацию социокультурных знаний адресата, концептуальная система которого структурирована с помощью концептов – единиц знания о санкциях США и Евросоюза в отношении России в 2014 году²⁰ (о роли адресата в формировании социокультурной специфики дискурса субъектом см. параграф 4.). Объектом ценностных ориентиров становится спутник, созданный отечественными учеными, который наделяется утилитарно-патриотическими оценками в концептуальной системе субъекта.

В следующем примере (13) в контексте технологических знаний субъект интерпретирует объект (информационные технологии) в системе утилитарных и моральных ценностных ориентиров:

(13) <...> *But today you could augment that with even more detail gathered with advanced information technologies some examples include; all of your economic transactions, a GPS generated plot of where you traveled, a list of all the web addresses you visited and the details of each search you initiated online, a listing of all your vital signs such as blood pressure and heart rate, all of your dietary intakes for the day, and many other examples can be imagined. As you go through this thought experiment you begin to see the complex trail of data that you generate each and every day and how that same data might be collected and stored through the use of information technologies. Here we can begin to see how infor-*

²⁰ В качестве примера представлен фрагмент статьи, датированной 20.06.2014 года.

mation technology can impact moral values [<http://plato.stanford.edu/entries/it-moral-values>].

Селекция, классификация и оценка в составе когнитивно-дискурсивной интерпретанты профилируют операционный концепт «выбор, перед которым стоит пользователь», который репрезентируется целым рядом языковых единиц. С одной стороны, когнитивно-дискурсивная интерпретанта отсылает к концептуально-тематической области (ПРОГРЕССИВНЫЕ) ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (*advanced information technologies, GPS, online*), с другой – к концептуально-тематической области ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО субъекта (*blood pressure and heart rate, dietary intakes for the day*). Посредством языковых механизмов перечисления, использования слов определенной семантики репрезентируется указанный ранее операционный смысл.

В следующих примерах (14-23) социокультурная специфика дискурса структурируется посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ в контексте социокультурных знаний каждого субъекта:

(14) *«Эта шумиха с его уходом не имеет никакого значения. Важно то, как человек катался на протяжении стольких лет и каких успехов и влияния он достиг в спорте. Он является одним из величайших фигуристов в истории. До сих пор помню, как был ослеплен его прокатом на чемпионате мира-1998, где 15-летний Плющенко выиграл бронзу», – считает Джим Кэйпл из ESPN*

[<http://www.sport-express.ua/rest/figureskating/news/249671-tsarapiny-kotenka-na-titanike-zarubezhnaja-prensa-o-pljuschenko-sochi-2014.html>].

Представлена интерпретация поступка фигуриста (снятие с выступления) в контексте личностного роста спортсмена. В КДИ внимание сфокусировано на концептуальных признаках «спортивные успехи и личные достижения», репрезентируемые языковыми единицами *человек катался, он достиг, один из величайших*. С помощью селекции, классификации и оценки автор передает социокультурный смысл «личный выбор спортсмена его дальнейшей спортивной судьбы». Иными словами, в концептуально-

тематической области СПОРТ / ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ профилируется КДИ как социокультурный смысл, объективирующий значимость не общественных, а индивидуальных (ценностей) в концептуальной системе субъекта;

(15) *Удар под дых. Евгений Плющенко снялся с Олимпиады* [<http://www.aif.ru/olymp2014/reviews/1104830>]. В данном примере представлена интерпретация поведения спортсмена в системе общественных ценностей. Посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ в КДИ профилируется социокультурный смысл «предательство спортсмена по отношению к стране, болельщикам, Федерации фигурного катания». Языковые единицы репрезентируют концепт НЕОЖИДАННОСТЬ; фокусируется внимание на признаках «трудность дыхания», «боль». Антропоним профилирует признаки «успех, уверенность», тогда как семантика глагола *снялся* – признаки «безвозвратность», «потеря», «поражение». Иными словами, в концептуально-тематической области СПОРТ / ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ профилируется смысл «вызвать разочарование»;

(16) *Плющенко – человек или нацпроект? Герой или жертва?* [<http://www.aif.ru/sport/winter/40829>]. С помощью когнитивного механизма сравнения сопоставляются моральные и общественные ценности: лексема *человек* объективирует признаки «личность, имеющая права на собственную судьбу»; *нацпроект* – «программа, созданная для реализации цели». С помощью селекции слов *герой*, *жертва* и семантики соответствующих лексем активизируются каузативные признаки «власть над самим собой» и «подчинение общественной воле»: *герой* – «выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотверженностью человек, совершающий подвиги» [СРЯ 1978: 120]; *жертва* – «приносимый в дар; добровольный отказ; пострадавший от насилия, неудачи» [СРЯ 1978: 177]. Дискурс структурирован в контексте ценностных ориентиров морали, долга, ответственности за человеческую жизнь. Именно эти оценочные смыслы и соответствующие концепты и являются социокультурными, сформированными под влиянием интерпретирую-

щего метаконцепта ЦЕННОСТЬ: они активизируются в концептуально-тематической области СПОРТ / ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ и отражают знания субъекта об особенностях спортивной жизни фигуриста, его профессиональных и личностных взаимоотношениях в спортивной карьере;

(17) *Фигурист как яблоко раздора. «За» и «против» Евгения Плющенко* [<http://www.aif.ru/olymp2014/reviews/1107458>]. В контексте социокультурных знаний – мифологических концептов – активизируется социокультурный смысл в (17) примере. Для реализации социокультурного контекста субъект выбирает фразеологизм *яблоко раздора*. Репрезентируемый фразеологизмом контекст коллективных знаний носителей русского языка («порождать ссору») служит базой для формирования конкретного смысла «неиспользованный фигуристом шанс – ответственность тех, кто принимал положительное решение, и оправданное беспокойство тех, кто был против участия фигуриста в соревнованиях». КДИ посредством когнитивного механизма концептуальной интеграции отсылает к оперативным концептам и концептуальным признакам «подаренный шанс», «возлагаемые надежды», профилируемым субъектом в тематическом концепте, репрезентируемом устойчивым выражением *яблоко раздора*: «по древнегреческому мифу о брошенном богиней раздора золотом яблоке, которое было присуждено Парисом Афродите как прекраснейшей из всех и стало причиной ссоры ее с другими богинями» [СРЯ 1978: 839];

(18) *Как бы ни относился каждый из нас к произошедшему, мы не должны забывать, что Евгений Плющенко не просто выдающийся спортсмен - он великий гражданин, который принёс своей стране такое количество наград. Он боролся за честь России. Чтобы ни у кого в мире не возникло сомнения - да, мы первые*

[<http://www.aif.ru/olymp2014/reviews/1107458>].

Формирование социокультурной специфики данного дискурса посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ осуществляется за счет семантики соответствующих языковых единиц, которые активизируют характеристики «лиди-

рующие позиции», «патриотизм», «гордость», «доброе имя», образующие его когнитивно-дискурсивную интерпретацию. Метаконцепт ЦЕННОСТЬ определяет шкалу национальных оценок субъекта за счет семантики лексем *гражданин, страна, Россия*: значимость достижений спортсмена для престижа Родины;

(19) *Грязные игры. Кто «подставил» Евгения Плющенко* [<http://www.aif.ru/olymp2014/reviews/1107530>]. В данном примере посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ активизируются система ориентиров криминальной среды и социокультурные смыслы «обман», «предательство», «нечистоплотность». Языковыми маркерами КДИ и всего социокультурного контекста являются стилистически сниженная лексема *подставил*, репрезентирующая оценочный концепт, а также аллюзия на триллер «Грязные игры». В КДИ внимание субъекта сфокусировано на концептуальных характеристиках «ограбление», «нечестные деньги», «преступление», «очищение имени». Концептуальный признак «неясность, несоответствие» активизируется не только семантикой предложения *Кто «подставил» Евгения Плющенко*, но и структурой предложения: утвердительная форма обеспечивает категоричную модальность. С помощью когнитивного механизма инференции и семантики вопросительного слова *кто* профилируется конкретный смысл «спортсмен стал жертвой меркантильной политики»;

(20) *То, что сделал Женя, - очень подло и некрасиво. Наверно, мы никогда не узнаем, что на самом деле произошло, но для меня это был спектакль <...> Для меня это комедия, которую разыграла его команда. Я верю, что у Жени что-то болит. У нас, у всех спортсменов, что-то болит. Но, если ты приехал на Олимпийские игры, ты должен сражаться до конца! А он выехал за счет команды, забрал еще одно «золото» и свалил* [<http://www.aif.ru/olymp2014/reviews/1107458>]. В этом примере метаконцепт ЦЕННОСТЬ определяет оценочную категоризацию дискурса по шкале этических оценок (*подло и некрасиво*). В концептуально-тематической области СПОРТ / ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ профилируются оперативные оценочные

смыслы «фарс», «драма», «комизм», «пафос», репрезентируемые языковыми единицами – театральными терминами (*спектакль, разыграть, комедия*), а также концептуальные признаки «кража», «преступление», объективируемые лексемами криминального общения (*свалил, забрал*), которым противопоставлены концепты ПАТРИОТИЗМ, СПОРТСМЕНЫ НЕ СДАЮТСЯ (*сражаться до конца*). С помощью когнитивного механизма сопоставления в КДИ активизируются оценки «высокое», «идеальное» и «низкое», «повседневное».

Метаконцепт ЦЕННОСТЬ определяет также идеологические смыслы как «систему взглядов, идей, характеризующих определенную социальную группу, класс, политическую партию, общество» [СРЯ 1978: 219]. Один и тот же объект / предмет / явление окружающей действительности может интерпретироваться в различных концептуальных системах в зависимости от установок, ориентаций, стереотипов автора по отношению к целым социокультурным группам, реализуя, тем самым, оценочные смыслы и ценностные ориентиры субъекта:

(21) *Источником вдохновения для создания коллекции одежды Сочи 2014 и обуви послужили образы, выраженные в девизе самой коллекции «So Beautiful! So Great! So Special!» <...> Он отражает в себе красоту, величие и уникальность как самой Олимпиады, так и России в целом. В коллекции использовался образ доскутного одеяла – его считают официальным образом Олимпийских Игр. Национальные узоры и орнаменты России, такие как кружево, хохлома, гжель, кубанские узоры, павлопосадские платки и многое другое соединилось в один прекрасный единый узор на футболках и майках олимпийской коллекции одежды*

[<http://sochi24.biz/kollekciya-odezhdy-dlya-sochinskoj-olimpiady-2014-goda>];

(22) *В основу первой части Открытия Олимпийских Игр, получившей название «Россия: добро пожаловать в Сочи», будет положен образ запряженной тройки. Три красочно наряженных экипажа прибудут на первую*

сцену с трех разных сторон и промчатся по дороге на вторую сцену <...>. Затем на ледовой арене появятся символы разных регионов России <...>. Оргкомитет «Сочи 2014» назвал эту сцену «Много людей – одна нация» <...>

[http://sochi24.biz/novosti/opening_ceremony_olympiad_2014];

(23) *The Winter Olympics opening ceremony, rainbow uniforms and that police choir singing Daft Punk – all ‘totally gay’, right? <...> Have you seen the Russian Interior Ministry police choir performing Daft Punk’s hit Get Lucky? It’s a group of men signing a disco song so it’s really gay. Vladimir Putin likes to pose for photographs with his top off and he once said he liked Elton John, the big gay. The opening ceremony for the Sochi winter Olympics featured We Will Rock You by Queen, which is really gay because it’s Freddie Mercury. Just like the official volunteer uniforms, which are loud and rainbow coloured and really, really gay. Ballerinas: gay. Neon dancers dressed as sea anemones: gay. The luge: gay. Russia: so very gay!*

[<http://www.theguardian.com/world/shortcuts/2014/feb/10/>].

В примерах (21-22) метаконцепт ЦЕННОСТЬ структурирует оценочные концепты, репрезентируемые языковыми единицами с семантикой национальной идентичности: *узоры, орнаменты, кружево, хохлома, тройка* и др. Выбор лексических единиц, дискурсивных практик последовательного описания (объективируются с помощью единиц с семантикой последовательности: *прибудут на первую сцену, затем на второй сцене*), дискурсивной практики акцентирования внимания и утверждения (*Много людей – одна нация*²¹) на значимых с точки зрения субъекта концептуальных признаках (например: «у всех людей один и единственный род») классифицирует событие, связанное с открытием Игр, по шкале торжественных и патриотических оценок, реализуя идеологическую установку субъекта по отношению к собственной стране и всему миру в целом.

²¹ Ср.: дискурсивная практика объяснения в: *Москва – (это) столица России; Много людей – (это) одна нация*.

В примере (23) КДИ как конкретное содержание социокультурного контекста в конкретном дискурсе представлена концептуальными признаками «нетрадиционная сексуальная ориентация», формирующими соответствующие оценки, противоречащие духовным и нравственным ценностям русской культуры.

Метаконцепт ЦЕННОСТЬ, таким образом, как и иные метаконцепты, описанные в работе, выступает схемой интерпретации конкретных концептуальных признаков и оценочных категорий в составе КДИ как показателе динамического процесса концептуализации и категоризации мира субъектом. Структурирование контекста социокультурных знаний в КДИ с точки зрения оценочной концептуализации и оценочной категоризации, в частности, осуществляется посредством метаконцепта ЦЕННОСТЬ. Ценностная картина мира субъекта регулируется за счет соблюдения / несоблюдения правил, предписаний, организующих принципов собственного поведения и поведения окружающих, усвоенных в результате жизнедеятельности в той или иной социокультуре. В этом смысле контекст социокультурных знаний субъекта, как было указано выше, структурируется также с помощью метаконцепта НОРМА.

1.4. Метаконцепт НОРМА

Любой объект / предмет / явление, оцениваясь с позиции значимости, пользы, предназначения, предполагает наличие стандартов, общепринятых схем, правил, которые регулируют взаимоотношения человека с объектами / предметами, а также людей друг с другом, традиционно обозначаемых с помощью термина «норма». Понятие *нормы* включает в себя «узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй» [СРЯ 1978: 382], который формируется в процессе приобретения социокультурного опыта, то есть широкого спектра представлений людей о границах дозволенных / недозволенных, уместных / неуместных способах вербального и невербального поведения:

(1) - *Во-первых, - перебил и его Филипп Филиппович, - вы мужчина или женщина? <...>.*

- *Я – женщина, - признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел <...>.*

- *В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, прошу снять головной убор, - внушительно сказал Филипп Филиппович [М. Булгаков. «Собачье сердце»].* Субъект репрезентирует общественные нормы поведения мужчин и женщин за счет дискурсивных практик идентификации, разрешения, просьбы и семантики соответствующих лексем;

(2) LIZA. *Oh, don't be silly.*

MRS. PEARCE. *You mustn't speak to the gentleman like that.*

LIZA. *Well, why won't he speak sensible to me?* [Shaw. «Pygmalion»] Субъект (Mrs. Pearce) регулирует речевые нормы поведения в ситуации асимметричного общения (*gentleman – not a lady (Liza)*), тогда как субъект *Liza* интерпретирует этот же фрагмент мира в контексте симметричного общения (*человек – человек*), когда нарушение нормы вежливого отношения к собеседнику вызывает его эмоциональную оценку (*why won't he speak sensible to me*).

Каждая сфера деятельности человека характеризуется системой норм, регулирующих его поведение: в профессиональной сфере рабочего, например, *норма времени* определяет необходимые затраты его на изготовление единицы продукции; *норма выработки* предполагает количество продукции в натуральном выражении (тоннах, килограммах и т.д.), которое должно быть произведено работником соответствующей квалификации в единицу времени при определенных организационно-технических условиях; в профессиональной сфере юриста *норма права* представляет собой санкционированные государством обязательные правила в виде законов, указов, постановлений в той или иной области общественных отношений; в профессиональной жизни экономиста *норма прибыли* формулируется как «отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, выраженное в процентах»;

языковая норма у лингвистов определяется как «совокупность общеупотребительных языковых средств, правил их отбора и использования, признаваемых обществом наиболее пригодными в конкретный исторический период» (см. подробнее: [СЭС 1985: 898]).

Нормы регулируют поведение субъекта в пределах конкретной деятельности (общественной, политической, в сфере права, семейной, в рамках общения с адресатом и т.д.), однако существуют также универсальные нормы. Нормы вежливости, например, как замечает В.И. Карасик, подразумевают: 1) этикетные формулы общения, определяющие «то, что обязательно должно быть сказано»; 2) этикетные формулы, произносимые для смягчения категоричности высказываний, как «то, что не обязательно должно быть сказано»; 3) табуированные темы и формы выражения как «то, о чем обязательно следует умолчать»; 4) не относящаяся к теме информация как «то, о чем не обязательно следует умолчать» [Карасик 2002в: 88]. Перечень конкретных этикетных норм, однако, может быть маркированным в границах той или иной культуры. Так, исследователи отмечают, что табуированные темы значительно различаются у представителей разных культур: как правило, русскому коммуникативному поведению приписывают более широкий диапазон тем, включающих вопросы заработной платы, семейного положения, по сравнению с коммуникативным поведением американцев (см. подробнее в работах И.А. Стернина).

Нормы, принятые в той или иной социокультуре, «навязываются» языком и поддерживаются языковой традицией: *Многие блатные слова благодаря частому использованию в средствах массовой информации нейтрализовались и перешли в просторечие: авторитет — «преступник, обладающий большой неформальной властью в криминальном мире», бабки — «деньги», балдеть — «наслаждаться от действия наркотиков», барыга — «коммерсант», братва — «преступный мир, криминальная группировка», бык — «рядовой член преступной группировки», вешать лапшу на уши — «обманывать», вор в законе — «профессиональный преступник, руководящий уголов-*

никами и соблюдающий воровские традиции», завязать — «прекратить что-либо делать», запахло — «унизительно, грешно с точки зрения воровских законов», кидала — «мошенник», кинуть — «обмануть» [НКРЯ]. Все эти стилистически сниженные слова отображают норму, характерную для языкового опыта представителей той или иной социальной группы (преступников, например).

Метаконцепт НОРМА как структурирующая схема определяет сознательный или неосознанный выбор тех или иных средств (языковых и неязыковых), репрезентирующих социокультурные знания субъекта. Метаконцепт НОРМА определяет контекст социокультурных знаний субъекта о нарушениях и / либо соблюдении предписаний, ожиданий, стандартов, принятых в той или иной социокультуре. Так, нарушение языковых норм чаще всего связывают с недостаточным знанием системы того или иного языка: «словоформа *солдатов образована согласно системе русского языка, но противоречит норме; она не встречается в узусе взрослых образованных носителей русского языка, но иногда встречается в речи детей и иностранцев, а также в просторечии» [Мустайоки 2013: 11].

Нарушения в сфере права и правовых отношений (например, в контексте правового опыта) репрезентируются посредством концептов ВОР, УБИЙЦА, УЧАСТНИК ДТП, НАРКОМАН и др. В дискурсе метаконцепт НОРМА закрепляет принятые в рамках той или иной социальной группы представления, репрезентируемые языковыми единицами. Так, в следующих примерах выбор языковых единиц (селективная функция КДИ), репрезентирующих определенное концептуальное содержание, выполняет функцию отсылки к контексту социокультурных знаний конкретных групп:

(3) *Охрана, видимо, заключалась в том, что местная шантрапа была жёстко проинструктирована авторитетными пацанами НЕ тырить ничего с машин на стоянке [НКРЯ];*

(4) *Наконец самый главный, видимо, проголодался, и народ вслед за ним лихорадочно стал сметать тарелки с закусками и тырить бутылки, не дожидаясь, пока официанты разольют их содержимое по бокалам [НКРЯ];*

(5) *Одно дело — тырить мелочь из карманов зазевавшихся граждан, и совсем другое — очищать сундуки зажравшихся богачей от нечестно нажитого золота [НКРЯ];*

(6) *А вот объединившись, и шухарить, и тырить куда безопаснее [НКРЯ].* Глагол *тырить* отсылает к социокультурным знаниям субъекта, представленным в концептуально-тематической области КРАЖА, в рамках которой данный глагол выступает как норма в дискурсивном поведении воров (3-6).

Метаконцепт НОРМА структурирует дискурсивное поведение субъектов разных социальных групп и статусов в следующих примерах (убийц / следователей (7), участников ДТП (8), медработников (9-11)):

(7) *Мокруха — это серьезный разговор. И кто ты у нас — киллер или бытовик? [НКРЯ].* Лексема *мокруха* репрезентирует концепты УБИЙСТВО, УГОЛОВНОЕ ДЕЛО и др. Структурируется также знание о заказном убийстве или убийстве на бытовой почве, объективируемое лексемами *киллер* и *бытовик*;

(8) *Я направо поворачивал / смотрю / несетя // Ну / в бочину и въехал мне.* Выражение *въехать в бочину* репрезентирует признаки «неожиданность» в составе КДИ, отсылающей к языковой норме, принятой в социальной группе водителей транспортных средств;

(9) *Доза лекарственного препарата для лиц пожилого возраста должна учитывать ряд факторов и состояние больного [НКРЯ].* Посредством языковой единицы *доза* объективируются знания субъекта из концептуально-тематической области МЕДИЦИНА. Ср.:

(10) *Очередная доза стала для него смертельной [НКРЯ];*

(11) *Soon after that, she ended up in hospital after a drug dose [BNC] — из концептуально-тематической области НАРКОМАНИЯ (10-11).*

Соответствие / несоответствие норме, соблюдение / несоблюдение нормы также обуславливают формирование оценки. Оценка, как замечает В.И. Карасик, представляет собой квалификацию действительности относительно определенного стандарта по признаку «хорошо / плохо» [Карасик 2013: 16]. Оценочные концепты, по Н.Н. Болдыреву, передают «различные системы коллективной и индивидуальной, общей и частной оценки объектов и событий в контексте общей системы ценностей отдельного индивида или всего социума: ХОРОШО – ПЛОХО, ПРАВИЛЬНО – НЕПРАВИЛЬНО, ПРИЛИЧНО – НЕПРИЛИЧНО, КРАСИВО – НЕКРАСИВО, ПОЛЕЗНО – ВРЕДНО» [Болдырев 2014а: 71]. Типология оценок относительно соблюдения / нарушения норм объединяет инструментальные оценки (оценка назначения предмета / явления), гедонистические (оценка удовольствия), психологические (оценка вовлеченности субъекта в деятельность; оценка внутреннего состояния субъекта), эстетические (оценка чувственного отношения к предмету / явлению), этические (оценка характера и поведения), нормативные (оценки соответствия / несоответствия стандартам), телеологические (оценка целесообразности и результативности) (см. подробнее: [Арутюнова 1999; Болдырев 2014а; Карасик 2013]).

В следующих примерах в процессе построения дискурса субъект структурирует концептуальное содержание с помощью метаконцепта НОРМА, активизируя оценочные концепты:

(12) *И /если выяснится / что ты не мусор / а честный фраер / дам я тебе денег* (фрагмент из х/ф «Место встречи изменить нельзя»). Метаконцепт НОРМА структурирует положительные оценки, принятые в рамках той или иной социокультуры, если они обращены на субъектов внутри группы, и отрицательные, если оценка направлена на внешнюю группу: *вор в законе, в авторитете, преступник вообще* положительно оцениваются внутри группы и отрицательно – вне группы (представителями иных групп). В примере (12) активизируются признаки «полное неприятие общественных правил», «свой», «из преступного мира», объективируемых за счет семантики языко-

вых единиц *мусор, честный фрэер*. Иными словами, метаконцепт НОРМА может структурировать социокультурное знание по признаку *свой-чужой*, активизируя тем самым также метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ.

В следующих примерах не соблюдаются нормы русского литературного языка; активизируются языковые модели, принятые в сфере рекламы. Демонстрация принадлежности к группе осуществляется за счет соблюдения норм, принятых внутри этой группы:

(13) *На любой вкус и кошелек? Сторонник разнообразия? Гоу на Полевою. Тут уж есть, где разгуляться! Здесь тебе и общак за сотку, и индивидуальные баньки за 800 деревянных, русская баня с печкой на дровах за 1650, зоны отдыха, бассейн – все, что душе угодно. Даже отдельные душевые есть. Чтобы туда попасть, выкладывай еще 125 рублей. Веники, тапочки, гели, шампуньки на месте купить можно, только карманы выворачивай [«Выбирай». Тюмень 1-15 августа 2014: 98]. Метаконцепт НОРМА фиксирует ряд представлений о способах (языковых средствах), с помощью которых структурируется концептуальное пространство «своего» и «приемлемого»:*

- глагольная форма, переданная графическим способом русского языка (*гоу*), профилирует признак «принадлежность к иной коллективной группе» (взаимосвязь с метаконцептами ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ);

- выбор средств обозначения понятий и реалий (*общак, выкладывай, выворачивай карманы, деревянные деньги*) маркирует специфику концептуальной системы, характерной / типичной / общепринятой в пределах жизнедеятельности нарушителей закона. КДИ в данном примере – это присутствующее в дискурсе указание на концептуально-тематическую область ПРЕСТУПНЫЙ МИР, которая задается субъектом – автором рекламного объявления – в качестве области определения и с позиции которой интерпретируется смысл дискурса; это выбор языковых средств (*общак, деревянные*), используемых для репрезентации области в социокультуре преступного мира.

Метаконцепт НОРМА регулирует многие способы интерпретации объектов реального мира, которые представителями социокультурных групп

признаются в качестве общепринятых в границах деятельности этих групп. Например, тенденция написания слов с помощью графических систем двух языков (русского и английского) в названиях организаций (эргонимах), слитное написание нескольких языковых форм, несоблюдение правил сочетаемости слов в сфере общепита, строительства, торговли и др. нарушают кодифицированные нормы языка и являются показателем языковой нормы современного рынка услуг и товаров:

(14) *Мебельная фабрика мягкоффмебель.ру Мягкофф производит эксклюзивно мягкую мебель (диваны), при этом совершенно практичную и абсолютно качественную* [<http://mirmebely.biz/myagkoffmebel-rf/myagkoff>];

(15) *Транспромжилстрой – 2005: Концептуальный жилой комплекс Fifty Fifty в Тюмени* [http://moy-dom72.ru/?page_id=126];

(16) *В Тюмени откроется новое концептуальное заведение – «Фрэнки». Заведения сети работают по уникальной системе — в сети есть бренд-шеф, а в каждом ресторане — шеф-повара, - отметил бренд-шеф «Вкус72» Роман Фрумсон* [<http://www.nashgorod.ru/news/news56730.html>];

(17) *Брусника-Урал – комплексный застройщик, строящий жилье в формате «эконом-комфорт». Современное демократичное жилье* [<http://www.brusnika.ru>].

Как отмечает В.И. Карасик, «коммуникативная норма представляет собой стандарт вербального и невербального общения в его жанровом многообразии» [Карасик 2013: 33]. С этой точки зрения метаконцепт НОРМА регулирует уместность / дозволенность языковых средств и дискурсивных практик относительно той или иной ситуации. Как когнитивная схема, структурирующая социокультурные знания субъекта в процессе формирования дискурса, метаконцепт НОРМА, таким образом, активизирует дискурсивные практики, приемлемые / неприемлемые в той или иной ситуации общения:

(18) *Я вас внимательно слушал. Послушайте и вы. Иначе не получится дискуссии* [http://www.sir35.ru/ne_perebivaite] – активизируются нормы официального общения;

(19) *Что это ты мне тыкаешь? Я с тобой овец не пас, чтобы ты мне тыкал* [НКРЯ] – дискурсивная практика агрессивной интенции; активизируется субъектом как реакция на угрозу норме личного пространства в контексте знаний сельского жителя;

(20) *Ваша честь / у меня вопрос к обвиняемому* – дискурсивная практика вопроса; репрезентируются нормы общения в судах;

(21) *Иванов! // хватит / перестань подсказывать!* – посредством дискурсивной практики прямого указания субъект устанавливает нормы, регулируемые в асимметричном типе общения (учитель-ученик);

(22) *Иванов! // отвечает только Сидоров!* – дискурсивная практика непрямого побуждения регулирует нормы асимметричного общения (учитель-ученик);

(23) *Иванов // ты позоришь честь нашего класса! Ты должен изменить отношение к учебе // Ты не читаешь книги / пропускаешь занятия / не учишь уроки!* – с помощью дискурсивной практики обвинения и критики посредством метаконцепта НОРМА субъект регулирует отношения учащихся в комсомольской / пионерской среде;

(24) *Can't you ever stop talking about women?* [BNC] – метаконцепт НОРМА регулирует тематику разговора;

(25) *Government spokesman persuaded the media to stop talking about the 'My Lai massacre' and call it instead the 'My Lai incident* [BNC] – регулируются нормы распространения информационных сообщений в СМИ;

(26) *"The devil is in it if you cannot answer distinctly" <...>. "Sir – sir – interrupted the clergyman, "do not forget you are in a sacred place" [Bronte. «Jane Eyre»]* – регулируется речевая норма поведения в священном месте (церкви).

Метаконцепт НОРМА репрезентирует знания субъекта о границах, регулирующих рамки дозволенного и запрещенного. Выход за пределы норм, привнесение изменений в систему норм и связанных с ними оценок не только обуславливает размывание / изменение / размежевание норм, но и затрагива-

ет ценностные ориентиры носителей той или иной социокультурной группы. Дискурс структурируется с помощью неродных для носителей русского языка языковых единиц, которые, «встраиваясь» в концептуальную систему индивида, активизируют за собой модели поведения, типичные для иных (неродных) социокультур. Например, концепт ТОЛЕРАНТНОСТЬ как «квант структурированного знания» (в терминологии Е.С. Кубряковой), сформировавшийся первоначально в области медицины²², все чаще репрезентируется языковыми единицами *нетрадиционные сексуальные отношения, гей-парад* и др., за которыми стоят социокультурные традиции, противоречащие нормам и ценностям института семьи в преемственности поколений:

(27) Госдума вводит штраф за толерантное отношение к ЛГБТ <...>
Во времена СССР нетрадиционные сексуальные отношения карались уголовно [<http://russian.rt.com/article/10259>].

Тематические концепты СЕМЬЯ, ЗАМУЖЕСТВО, СУПРУЖЕСТВО обогащаются новыми знаниями. Так, в результате действия федеральных, региональных, муниципальных целевых программ и проектов, направленных на процесс регулирования семейных отношений, то есть в результате познавательных процессов концептуализации и категоризации в этой области происходит расширение знаний о мире, накопление знаний за счет появления новых концептов и характеристик, на базе которых (на базе тематических концептов) формируются определенные смыслы – операционные концепты, например: *сознательное родительство, осознанное родительство, ответственное родительство, компетентное родительство, просвещенное роди-*

²² Толерантность (от лат. *tolerantia* — терпение) иммунологическая. Отсутствие или ослабление иммунологического ответа на данный антиген при сохранении иммунореактивности ко всем прочим антигенам. Термин введен в 1953 английским иммунологом П. Медавара для обозначения "терпимости" иммунной системы организма к пересаженным инородным тканям [<http://slovari.yandex.ru/>]

тельство, естественное родительство, культура родительства и др. [<http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/45934.php>].

Метаконцепт НОРМА закрепляет представления субъекта о явлении, событии и др. в рамках конкретной концептуально-тематической области. Например: *гражданский брак* в рамках правовых отношений – это зарегистрированный брак; в рамках бытовых отношений – это совместное проживание людей противоположного пола без специальной процедуры регистрации брака. Индивидуальные системы ценностей и оценок структурируются посредством метаконцепта НОРМА в области семейных отношений, репрезентируемых следующими языковыми единицами: *пробный брак, муляж семейной жизни, свободные отношения; сожитительство, concubinage, concubine, незарегистрированный брак, шведская семья, гостевой брак*:

(28) *Еще несколько лет назад мужчина и женщина, живущие вместе без росписи в загсе, назывались грубоватым словом «сожители». Сегодня это норма — пожить вместе до брака. Психологи даже придумали этому явлению красивое название — пробный брак*

[<http://www.healthywoman.ru/php/content.php?id=1236>];

(29) *There was also a great concern about the practice of concubinage, although here our major evidence has to be drawn from tales of confrontation between holy men and members of the Merovingian royal family* [BNC];

(30) *Настоящая у нас семья или мы за свободные отношения? Муляж семейной жизни не по мне* [НКРЯ]. В (28-30) активизируются смыслы «непостоянный», «необязательный», «безответственный», «неестественный»;

(31) *Когда-то на территории России существовал в основном традиционный брак, освящённый церковью. При советской власти появился гражданский брак – зарегистрированный в загсе*

[<http://www.efamily.ru/articles/101/2194>]. В (31) КДИ отсылает к концептам ЦАРСКАЯ РОССИЯ, ПРАВОСЛАВИЕ; к нормам и устоям того времени;

(32) *Шведская семья – возможность выбора, маневра, и здесь остается главный вопрос – эмоциональный: будет ли брак благополучнее?*

[<http://www.ogoniok.com/4930/3/>]. В (32) репрезентируются концептуальные признаки «многочисленные связи». (Ср.: *В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живет самая обыкновенная шведская семья по фамилии Свантесон* – активизируется географический концепт).

В следующих примерах метаконцепт НОРМА репрезентируется через оценочные концепты, приемлемые / неприемлемые, допустимые / недопустимые правила с точки зрения субъекта дискурса в сфере семейно-бытовой жизни:

(33) *Девочки, живем вместе уже много лет, а замуж не зовет. Что делать?; Как заставить парня жениться?; А я думаю, что 33 – это уже возраст, когда и мужчине пора задуматься о семье; Девочки, не надо соглашаться на совместное проживание* - репрезентируется признак «неодобрение»;

(34) *А меня все устраивает 😊 У нас все норм* – активизируется признак «приемлемость совместного проживания без регистрации брака»;

(35) *Jessica Simpson has a new boyfriend but still has crappy style* [<http://www.celebitchy.com/107095/>]. Последовательность языковых единиц и их семантика (*boyfriend, style*), когнитивные механизмы противопоставления, инференции и семантика лексем *new* и *still crappy* репрезентируют концептуальный признак «человек – вещь». КДИ в составе метаконцепта НОРМА активизирует смысл «приемлемость замены одного партнера на другого, одного стиля на иной» и представлена интерпретантой селекции (*have a boyfriend; have a style*), интерпретантой классификации (*to change her style and her boyfriend*), интерпретантой оценки (*crappy* – «of very low quality» [LDELC 1998: 301]);

(36) *The couple tied the knot Saturday at their home, Chateau Miraval, in southern France. Jolie and Pitt wed in a nondenominational civil ceremony in a small chapel in the presence of family and friends <...> “It means so much to my kids, and they ask a lot. And it means something to me, too, to make that kind of*

commitment”, said Brad Pitt [www.hollywoodreporter.com/news] – метаконцепт НОРМА регулирует права (*wed*) и обязанности (*commitment*) каждого члена семьи, включая право голоса со стороны детей;

(37) *Brad Pitt and Angelina Jolie have finally made it official...they got married! In typical Brangelina fashion, it happened very under the radar. In fact...they did the deed last weekend in France, according to a spokesman for the couple <...> The two had said they wouldn't get married until “everyone else in the country” had the right to get married. Guess they jumped the gun a little* [www.t TMZ.com/2014/08/28/]. Метаконцепт НОРМА регулирует личные отношения на фоне общественных правил (*finally made it official; very under the radar*). Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса в этом примере проявляется в выделении нескольких концептуально-тематических областей, в рамках которых формируется смысл дискурса и к которым отсылает когнитивно-дискурсивная интерпретанта: PUBLICITY, CELEBRITY, OFFICIAL, NOT KEEPING A WORD, LGBT. Содержание когнитивно-дискурсивной интерпретанты составляют конкретные концепты и их характеристики, профилируемые субъектом: дискурс формируется в контексте знаний субъекта об особенностях жизни актеров (*In typical Brangelina fashion*), стиле и манере поведения (*did the deed*), жизненных ориентиров (*until “everyone else in the country” had the right*). Субъект активизирует операционные концепты «помпезность» и «притворство» (*jumped the gun a little*). Когнитивным механизмом формирования социокультурных смыслов выступает концептуальная интеграция; механизмом на уровне языка – языковая метафора. Конкретными языковыми средствами репрезентации этих смыслов являются лексемы, фразеологизмы, устойчивые выражения.

Метаконцепт НОРМА репрезентируется через оценочные концепты конкретной профессиональной области: *коновал* (область лечебной практики в животноводстве; обычно о враче; отрицательная оценка; ниже нормы), *от бога* (из религиозной сферы; о враче, учителе; положительная оценка; выше нормы), *золотые руки* (из области ручного труда; о рабочем, мужчине; поло-

жительная оценка; выше нормы), *любитель* (из сферы досуга и отдыха; репрезентируется признак «непрофессионализм», о псевдоученом; ниже профессиональной нормы):

(38) *Врач от Бога, бесконечно любящая людей, всегда готовая прийти на помощь, пожертвовать собой* [НКРЯ];

(39) *Как старый коновал, перепоровший множество этих животных, отсёкший несчётно этих конечностей в курных избах, при дорогах, смотрит на беленькую практикантку-медичку, — так смотрел Сталин на Тито* (А. Солженицын) [НКРЯ];

(40) «Я, - бахвалился Андрей, - что угодно почию, у меня золотые руки». — «Розетку мне укрепить бы!» — бесстыдно ответила дама под смех подруг [НКРЯ];

(41) *Отец Брюсова, как я указывал, был лошажник-любитель* [НКРЯ].

В следующих примерах метаконцепт НОРМА регулирует асимметричные взаимоотношения участников социогрупп (субъекта и адресата) в рамках лекционного и учебного дискурса (42-43) и этических правил (45):

(42) *Фаллехов гендикосиллаб есть сложный пятистопный метр, состоящий из четырех хореев и одного дактиля, занимающего второе место. Античная метрика требовала в фаллеховом гендикосиллабе большой постоянной цезуры после арсиса третьей стопы. Этот стих вполне приемлем и в русском языке* [КФОК 2004: 319]. Интерпретирующая функция метаконцепта НОРМА обеспечивается селекцией языковых единиц, репрезентирующих социокультурное знание концептуальной области АНТИЧНОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ. Классифицирующая функция позволяет субъекту сформировать сложный для восприятия лекционный дискурс, в котором значимость сообщаемого важна исключительно самому субъекту дискурса (оценочная функция; нарушена норма, учитывающая так называемый «фактор адресата»);

(43) MRS. HIGGINS. *Will it rain, do you think?*

LIZA. *The shallow depression in the west of these islands is likely to move slowly in an easterly direction. There are no indications of any great change in the*

barometrical situation [Shaw. «Pygmalion»]. Субъект нарушает нормы дискурсивного общения в неформальной ситуации, реализуя нормы учебного дискурса за счет семантики и сочетаемости лексем, репрезентирующих концептуально-тематическую область УЧЕБНЫЙ ДИСКУРС (О ПОГОДЕ), тогда как в качестве ожидаемой области интерпретации выступает концептуально-тематическая область ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ (О ПОГОДЕ) (*do you think*). Ср.:

(44) MRS. EYNSFORD HILL. *I'm sure I hope it won't turn cold. There's so much influenza about. It turns right through our whole family regularly every spring* [Shaw. «Pygmalion»] – формирование дискурса в концептуально-тематической области ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ, соответствующей норме ожидания (*Will it rain, do you think?*). Конкретные операционные концепты БОЛЕЗНЬ, СЕМЬЯ, ОПАСЕНИЯ активизируются посредством местоимения первого лица единственного числа (*I*), лексемами *influenza, family, I hope it won't turn cold, regularly every spring*. Дискурс формируется в контексте бытовых (семейных) знаний; в индивидуальной концептуальной системе субъекта (44) обнаруживаются концептуальные взаимосвязи областей ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ и ОПАСЕНИЯ ЗА ЗДОРОВЬЕ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ, тогда как в примере (43) – взаимосвязи области ПОГОДА / ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ и УЧЕБА.

Метаконцепт НОРМА регулирует поведение человека в обществе в контексте знаний правил и предписаний:

(45) *Сотрудникам и обучающимся Университета ЗАПРЕЩАЕТСЯ находиться на территории Университета в пляжной или спортивной одежде (исключение составляют занятия по физической культуре и спорту). ИСКЛЮЧЕНЫ глубокие декольте, чрезмерно укороченные юбки и платья, оголенные плечи, спина и живот, чрезмерно низкая посадка брюк, прозрачная одежда. Настоятельно РЕКОМЕНДУЕТСЯ избегать деталей, подчеркивающих принадлежность к субкультурам (обилие металлических цепей, булавок, заклепок и т.п.), а также злоупотребление пирсингом. В одежде ПРЕДПОЧТИТЕЛЕН деловой стиль* [Кодекс корпоративной этики ФГБОУ

ВПО «ТГУ им. Г.Р. Державина»]. Общественное поведение в университетской среде структурируется с помощью прямых предписаний (языковых средств с семантикой запрета) по линии «можно – допустимо – нельзя». Дискурсивные практики запрета, регулирующие НОРМЫ корпоративной этики, в составе КДИ отсылают к концептам ЗАПРЕТ, РЕКОМЕНДАЦИИ, ПРЕДПОЧТЕНИЯ определенных сущностей, то есть индивидуальному контексту знаний автора дискурса как представителя группы «официальные лица». Субъект материализует также знания о том, что установление норм, стандартов и границ дозволенного осуществляется с помощью дискурсивной практики запрета, эксплицирующей намерения субъекта ограничить деятельность адресата и обозначить пределы дозволенного.

Метаконцепт НОРМА структурирует содержание дискурса относительно сложившейся системы знаний в области опасности или безопасности жизнедеятельности. Так, в следующих примерах (в общественных указателях, информирующих о ситуациях, связанных с опасностью для жизни) с помощью языковых единиц и структур «директивной» семантики (*must, keep out*) репрезентируются нормы поведения в контексте специальных знаний:

(46) *Safety helmets, boots and vests must be worn at all times; Eye protection must be worn; Protective gloves must be worn; Keep out!* (указатели, информирующие о строительных работах, Лондон, 2010 г.).

(47) *No spitting; Reduce waste, make polluters pay; Drivers must permit holders only; Private ground. No access to unauthorized personnel; No paddling; Dogs must be kept on a leash at all times; No dogs allowed. No ball games allowed; Drivers must switch off engines on stand* (указатели на улицах Лондона, 2007 г.).

В ситуациях, не связанных с опасностью для жизни, активизируется имплицитный способ кодирования смысла «необходимости соблюдения общественных правил на территории» посредством сослагательного наклонения, в частности (48), речевого акта благодарности (49), просьбы в (50), формирующих дискурсивные практики вежливого общения:

(48) *Please remember that this is a children's department. We would be grateful if customers could avoid leaving unsuitable reading material in this area* (книжный магазин, Лондон, 2010 г.);

(49) *Thank you for using the ashtray; Please wait here to be greeted and shown to your table. Thank you* (Katharine Docks Restaurant, Лондон, 2008 г.);

(50) *Please leave the premises quietly to avoid disturbing the local residents. Thank you* (Katharine Docks Restaurant, Лондон, 2008 г.).

Иными словами, норма как «признанный обязательный порядок» [СЭС 1985: 898] с помощью языка регулирует правила поведения человека, деятельность которого осуществляется в границах общественных, личных, этических, эстетических, языковых и иных норм. Метаконцепт НОРМА, таким образом, структурирует социокультурное знание субъекта об образцах, моделях поведения, эталонах, принятых в рамках той или иной социокультуры, и проявляет взаимосвязь с выделенными в работе метаконцептами ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, в частности.

1.5. Метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ

Пространство и время представляют собой всеобщие формы существования материи: пространство характеризует структурность и протяженность материальных систем; время – длительность их бытия [СЭС 1985: 1067]. Признается, что пространство и время имеют объективный характер, неразрывно связаны между собой, обладают количественной и качественной бесконечностью [Там же].

Знание о пространстве и времени человек получает в результате наблюдения за физическими координатами пространства и времени. В его когнитивной системе складываются представления, формируется знание о территориальных особенностях пространства и времени, которые он объективирует с помощью языка в том числе (*далеко, близко, сейчас, потом, часовые пояса, годовалый ребенок, инкубационный период в 21 день, time lag, 18-month old child*); о социальных особенностях пространства и времени (*здесь свои, а*

там чужие; It is not my mountain any more (by Barbara Woodall)); о психологических особенностях восприятия пространства и времени (*красивое рядом; Beauty is in the eye of the beholder* (с помощью органа зрения), *сейчас не болит, но было больно пошевелить; It still hurts* (тактильные ощущения), *выстрелы были далеко слышны; There was a clap of thunder in the distance* (с помощью органа слуха); об этических правилах (*долго засидеться у соседа, be punctual*) и т.д.

В сознании субъектов как носителей разных социокультур формируются контексты социокультурных знаний о пространстве и времени под влиянием этих социокультур. Например, в концептуальной системе *физика* пространство и время связаны, прежде всего, с теорией относительности и физикой микроволн; *психолога* – с идеями пространственной частоты, пространственных представлений, пространства ответственности [БПС 2009: 508-509], временной перспективы, временной связи, временной реакции [Там же: 108-109], с особенностями восприятия пространства и времени людьми разных жизненных условий; *культурологов* и *антропологов* – с особенностями невербального поведения людей в разных культурах (теория монохронных и полихронных культур, теория дистанции Э. Холла, а также типология организационных культур Г. Хофштеде); *историков* – с конкретными историческими событиями и датами; *литературоведов* – с образами мира, сконструированными разными авторами.

Особенности восприятия пространства и времени зависят от объективных (социокультурных для конкретного субъекта) координат пространства и времени, в которых субъект осуществляет жизнедеятельность (ср.: городской житель Сибири и житель африканских джунглей): субъект, рождаясь, становится частью созданных до него условий жизни, системы ценностей, норм, идеалов и идеологий, характерных для конкретного периода, с одной стороны. С другой стороны, субъект под влиянием разнообразных факторов (личных увлечений и склонностей, воспитания, образования и др.) формирует свои пространство и время: пространство и время для сельчанина связаны с

работой в поле в ранние утренние часы; у церковнослужителя – с идеей вечности, постами и др.

Объективные пространство и время, таким образом, субъективны в сознании человека. Осваивая пространство, субъект присваивает его – идея, высказанная в работах многих ученых [Апресян 1995; Гак 1998; Цивьян 1990]. В языке субъективность пространства и времени репрезентируется многочисленными языковыми единицами: *время отдыха / праздника / отпуска, древнекитайское восприятие времени, время для египтян, представление о времени в Древней Индии, священные места, враждебные соседи, художественное пространство, хронотоп М.М. Бахтина, когда рак на горе свистнет, let bygones be bygones, supper time, sacred places* [google], - а также иными синтаксическими конструкциями со значением местонахождения, бытийными предложениями, глаголами со значением обнаружения сущности в пространстве, глаголами движения, предложно-падежными формами с локальным значением, топонимами, наречиями места и др. (подробнее в работах Н.А. Бесединой).

Некоторые авторы, определяя «сетку координат» культуры, с помощью которой в сознании человека конструируется мир той или иной культуры, в «инвентарь» культуры включают следующие составляющие: *время, пространство, причина, изменение, число, отношение чувственного и сверхчувственного мира, отношение индивидуального к общему и части к целому, судьба, свобода* (см. подробнее: [Гуревич 1984]). Они, как представляется, коррелируют с метаконцептами, выявленными в результате анализа языкового материала в данной работе. Так, *пространство* и *время* мыслятся как важнейшие атрибуты материи, не существующие сами по себе, то есть проявляющие зависимый характер: «В мире нет материи, не обладающей пространственно-временными свойствами, как не существует пространства и времени самих по себе, вне материи или независимо от неё» [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4719/]; *причина* определяет мотив / цель поведения и по принципу «семейного сходства» входит в метаконцеп-

ТЫ ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ и ЦЕННОСТЬ; *изменение*, репрезентируя признак «преобразования» / «перемещения», является частью метаконцептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ; *число* – ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО; *отношение* – ЦЕННОСТЬ и НОРМА; *судьба* и *свобода* – ЦЕННОСТЬ, СТЕРЕОТИП.

Аналогичным образом в диссертации рассматриваются так называемые «социокультурные модели» как когнитивные структуры, служащие для представления знаний о социально значимом опыте взаимодействия человека с миром, выделенные О.К. Ирисхановой [Ирисханова 2012], а именно, эталоны, имидж и стереотипы. Так, *эталон* – «точный образец установленной единицы измерения; мерило, образец» [СРЯ 1978: 837]; *имидж* – «образ, мнение, представление, сложившееся в обществе о человеке, организации, товаре» [<http://enc-dic.com/kuzhencov/Imidzh-57203/>]). Концептуальные признаки «образец», «сложившееся представление» позволяют отнести знания об эталонах и имидже к метаконцепту СТЕРЕОТИП.

Неразрывная взаимосвязь пространства и времени, а также их зависимый (релятивный) характер позволяют предположить, что метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ «вплетены» в выделенные в рамках данной работы метаконцепты. Так, метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ структурируют знания субъекта, осуществляющего когнитивно-дискурсивную деятельность в конкретных временных и пространственных координатах. Иными словами, субъект, интерпретируя мир и формируя дискурс в контексте социокультурных знаний, отображает процесс познания окружающего мира относительно заданных времени и пространства. С течением времени, например, могут меняться / модифицироваться языковые нормы (родовой признак *кофе*), переосмысливаться общественные роли (врача и учителя) и др. Конкретные нормы, правила, стандарты, стереотипы существенно различаются в границах пространства тех или иных культур. Например, прецедентные тексты *Засланный казачок; Короче, Склифосовский; Наши люди на такси в булочную не ездят* и др. активизируют социокультурное знание внутри лингвогруппы (носителей русского языка и

культуры) советской эпохи. Языковыми маркерами когнитивного пространства «свой» в современном мире выступают такие единицы, как: *по-любому, по жизни, троллить, лол* и др.

Таким образом, субъект осуществляет интерпретирующую деятельность во времени и пространстве своего физического бытия и «сконструированного» мира. Время и пространство, с одной стороны, могут представлять собой онтологическую категорию как «сетку координат», в которой формируется определенный тип знания субъекта. С другой стороны, эта «сетка координат» выступает знанием субъекта о конкретной социокультурной формации / эпохе и влияет на формирование социокультурной специфики дискурса.

Пространство и время в некоторых социологических работах рассматриваются как социальный хронотоп – мыслимое время-пространство, которое в случае его принятия обществом может быть реализовано в физическом пространстве, например, колониализм, христианство, коммунизм и др. (см. подробнее: [Шабага 2009]).

В лингвистических работах изучение пространства и времени находит отражение в концепции семантических универсалий (примитивов) А. Вежбицкой, в морфологических категориях времени и вида. В работах многих ученых отмечается, что время в языке связано с концептуализацией пространства (лексемы *вперед, далеко* и др.). Исследователи полагают, что в онтогенезе человека умение ориентироваться в пространстве первично по сравнению со способностью концептуализировать время (см. подробнее: [Беседина 2006а, 2006б]).

В исследовательских целях, однако, языковая объективация времени может изучаться отдельно от языковой категоризации пространства (работы И.Ю. Безукладовой, Н.А. Бесединой и др.). По мнению Н.А. Бесединой, морфологически передаваемый концепт ВРЕМЯ представляет собой «те языковые смыслы, с помощью которых кодируются энциклопедические знания о времени» [Беседина 2006а: 145]. Объектом исследования в работе И.Ю. Без-

укладовой становятся «языковые средства различных уровней, репрезентирующие различные виды и типы пространства человека в современном немецком языке на системном и функциональном уровнях» [Безукладова 2013: 10-11], а категоризация пространства человека в языке «базируется на особенностях концептуализации субъектов, артефактов, отношений, событий, входящих в определенный тип окружающего его пространства» [Там же: 71]. Обзор многочисленных лингвистических работ, посвященных проблеме изучения феноменов пространства и времени, роли в них человека и языка, представлен, например, в работах И.Ю. Безукладовой [Безукладова 2013].

Когнитивная система человека, сформировавшаяся у него в конкретное время и в определенном пространстве как онтологическая характеристика, выступает контекстом знаний субъекта, отображая социокультурные знания субъекта о мире конкретного исторического периода и конкретных социокультурных факторов. Иными словами, в когнитивной системе «производится» отбор и структурирование социокультурных знаний субъекта о мире. В когнитивно-дискурсивной деятельности субъекта, осуществляемой в физических пространстве и времени, объективируются ситуативные знания субъекта, а также знания о конкретных пространственных и временных координатах, усвоенные им как членом той или иной социокультуры. Например:

(1) *Бандеры стягивают войска к крымскому Перекопу. Колонны украинских войск выдвинулись из Житомирской области в направлении крымского Перекопа, сообщают очевидцы. По их словам, расположение части покинули несколько БТР и машин с солдатами. Известно также, что колонна бронетехники выехала из Львова.* [<http://kavkazpress.ru/archives/43060>];

(2) *Вы «укроп» или «колорад»? Слова, которые не подбирают. Злоупотребление терминами и жаргонизмами калечит психику украинцев, разделяя их на лагеря* [<http://kp.ua/politics/456098-vy-ukrop-yly-kolorad-slova-kotorye-ne-podbyrauit>].

Один и тот же объект внешнего мира - жители Украины - получает различную интерпретацию в зависимости от социокультурных знаний субъекта

екта. Контекст социокультурных знаний структурируется посредством мета-концептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ. Однако интерпретация осуществляется относительно разных концептуально-тематических областей: ТЕРРОР в когнитивной системе субъекта – представителя антифашистских взглядов (как правило, жителей Восточной Украины, России) и СИМВОЛ БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ – в когнитивной системе представителей Западной Украины (метаконцепт ПРОСТРАНСТВО). Лексема *бандеры* активизирует концепты СТЕПАН БАНДЕРА, НАЦИОНАЛИЗМ, ФАШИЗМ, ГИБЕЛЬ, КРОВЬ, ВОЙНА, ГОРЕ, ЗАПАДНАЯ УКРАИНА и др., с одной стороны, и ЛИДЕР, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ, СВОБОДА и др. – с другой. В отличие от (1), структурированного посредством метаконцепта ВРЕМЯ (в контексте социокультурных знаний субъекта о жителях Украины XX века (*бандеры*)), в (2) социокультурная специфика дискурса активизируется за счет метаконцепта ВРЕМЯ (в контексте социокультурных знаний о жителях Украины начала XXI века (*украинцы, колорады*)). Один и тот же объект мира – жители Украины – репрезентируется также посредством метаконцепта ПРОСТРАНСТВО: *украинцы* объективирует знания о жителях Западной Украины; *колорады* – Восточной Украины, особенно представителей пророссийской стороны. Когнитивно-дискурсивные интерпретанты в (1-2) представлены вышеназванными концептуально-тематическими областями и репрезентирующими их названиями: *бандеры* (1), *украинцы* (2), *колорады* (2). В основу наименования жителей Украины положены социокультурные знания и визуальный признак (цветовая гамма Георгиевской ленточки и колорадского жука) и фонетический концепт (*украинцы, украинцы*). Иными словами, социокультурная специфика дискурса определяется метаконцептами ПРОСТРАНСТВО (Западная Украина и Восточная Украина) и ВРЕМЯ (XX век и XXI век), а субъект как представитель конкретной группы, проживающей в определенном временном пространстве, структурирует знания о мире, с одной стороны, и интерпретирует мир – с другой.

Будучи локализованными во времени и не имея пространственной протяженности [Безукладова 2013: 70], ментальные сущности тем не менее структурируются относительно социокультурных знаний субъектов о территории проживания, ареале обитания / существования предметов, объектов и др. концептуально-тематической области ПРОСТРАНСТВО. Например:

(3) *В Зареке – салюты, на набережной – лазерное шоу, у администрации – шоу фонтанов* [<http://tumen.kp.ru/daily/25727.4/2717953/>];

(4) *Сегодня, 28 июня, с 11:00 до 12:00 у здания администрации Тюмени состоялся митинг против расформирования школы №11 (улица Маяковского, 8). Порядка 100 жителей Старой Зареки вышли с плакатами: «Верните Зареке 11-ю школу», «Школа около дома – образование без стресса», «Будет школа – будет Зарека»* [<http://72.ru/text/newsline/812358.html?full=3>]. В контексте социокультурных знаний жителей Тюмени представление о жилом районе, расположенном за рекой Тура, активизируется с помощью топонима *Зарека*. В результате географический концепт как единица знания о территории Тюмени входит в контекст общих социокультурных знаний жителей Тюмени о городе и его истории. Аналогичным образом интерпретируется район, расположенный за рекой Тюменкой, - *Затюменка*. Топонимы могут быть понятны представителям иных территорий России, так как образованы по морфологическим моделям русского языка. Знание конкретных мест связано с опытом пребывания в городе Тюмени.

В следующих примерах метаконцепты ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ интерпретируют события, связанные с проведением Олимпиады в 2014 году в г. Сочи, в концептуально-тематической области ПРОФЕССИОНАЛЫ, структурирующей социокультурные знания субъекта о конкретных спортсменах (месте и времени их проживания, соревнованиях, достижениях, неудачах):

(5) *Kanyenda to help Sochi 2014 bid. Sochi's Olympic officials, who are attending a sports seminar in the Malawian capital Blantyre this week, said on their Web site that they had chosen the 24-year-old FC Rostov striker for his worldwide*

appeal, especially in Africa. The striker briefly played for Lokomotiv Moscow in 2005 before returning to Rostov in the off season. He joins several of Russia's former Olympic Champions <...> as Sochi's ambassadors

[<http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/sport2/hi/football/Africa/6135680.stm>].

Выбор лексических единиц, то есть интерпретанта селекции *briefly, played off season, former Olympic Champions, Kanyenda to help Sochi* репрезентирует смыслы «краткость», «отсутствие», «нуждающийся в помощи», которые формируются в контексте профессиональных знаний о спортсмене *Kanyenda*. С помощью когнитивного механизма инференции субъект структурирует событие как заранее обреченное на неудачу (классифицирующая и оценивающая функции интерпретации), устанавливая концептуальные взаимосвязи между периодом в прошлом (*The striker briefly played for Lokomotiv Moscow in 2005 before returning to Rostov in the off season*) и в будущем (проведение Олимпиады в Сочи) посредством метаконцептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ.

В интерпретации мира (фрагмент, связанный с выбором места для проведения Олимпиады в 2014 г.) в концептуально-тематической области ПРОФЕССИОНАЛЫ в дискурсе о Пхенчхане и Зальцбурге как потенциальных местах проведения Олимпиады, наоборот, профилируются иные смыслы за счет активизации иной совокупности концептуальных признаков посредством КДИ, структурирующихся с помощью метаконцептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ (СМИ Британии, ВВС в частности, о Сочи в начале XXI века):

(6) *Teenage golf star Michelle Wie is to become an honorary ambassador for the 2014 Winter Olympics bid of South Korean ski resort Pyeongchang. The 17-year-old, who has finished third in two majors, grew up in Hawaii but has Korean parents. "I'm proud of my Korean heritage and also a big fan of winter sports", said the American. "If the 2014 Winter Games are held in Pyeongchang I'm sure they will be a fantastic and memorable experience*

[http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/sport2/hi/other_sports/winter_sports/6198251.stm];

(7) *Austrian ski legend Franz Klammer has been chosen to lead Salzburg's bid for the 2014 Winter Olympics. Klammer won the men's downhill gold at the 1976 Games in Innsbruck, the last time the Olympics were in Austria. Austria Olympic Committee president Leo Wallner said the Salzburg panel plans to make special use of Klammer in its international presentations. "He'll be a charming ambassador", Salzburg deputy governor Wilfried Haslauer said* [http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/sport2/hi/other_sports/winter_sports/6287933.stm].

В примере (6) с именем *Michelle Wie*, американкой корейского происхождения, поддерживающей Пхенчхан, лексические единицы *an honorary ambassador, fantastic and memorable experience* активизируют концепты ПОЧЕТ, УСПЕХ и УСПЕШНОСТЬ. Структурирование знаний осуществляется субъектом не только в концептуально-тематической области ПРОФЕССИОНАЛ, но и концептуально-тематической области БИОГРАФИЯ (*17-year-old; grew up in Hawaii*) и ЛИЧНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ (*a big fan of winter sports*). Селективным признаком интерпретации является положительно оцениваемый признак в контексте социокультурных знаний о типологии культур: с помощью когнитивного механизма инференции топоним (*Hawaii*) и этноним (*the American*) активизируют смыслы «успех начатого дела». Иными словами, профилируются такие смыслы, приписываемые низкоконтекстуальным культурам, как индивидуализм (все делаю и всего добиваюсь самостоятельно – *self-made, self-reliant man*), прагматизм (*focus on practical outcomes*), уверенность в успехе начатого дела (*optimism*). Субъект выстраивает концептуальные связи, соотнося город-претендент Пхенчхан, спортсменку *Michelle Wie*, американский стиль поведения с категорией «победа, удача» (классифицирующая функция интерпретации).

В примере (7) о Зальцбурге *Franz Klammer* – это легенда спорта (*ski legend*), очаровательный участник-посол рекламной кампании (*a charming ambassador*): выбор профессиональных признаков определяет положительную оценку дискурса в составе КДИ. Формирование дискурса осуществляется в контексте профессиональных побед спортсмена в прошлом (*won the*

men's downhill gold at the 1976 Games in Innsbruck) и надежде на будущие достижения: синтаксическая структура сложного предложения (*Klammer won the men's downhill gold at the 1976 Games in Innsbruck, the last time the Olympics were in Austria*) и когнитивный механизм инференции профилируют смысл: «Если бы Олимпийские игры проводились в Австрии, то спортсмен бы в очередной раз завоевал золотую медаль», - то есть «уверенность в успехе начатого дела». Иными словами, метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ активизируют концептуальную взаимосвязь двух временных периодов (1976 год и 2014 год), структурируя дискурс в контексте концептуально-тематической области ПРОФЕССИОНАЛ (УСПЕШНЫЙ).

Посредством метаконцептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ субъект активизирует и реализует в дискурсе любые социокультурные знания, представленные в тех или иных концептуально-тематических областях. В рамках профессионального общения, например, социокультурные знания представлены концептуально-тематической областью ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. В рамках обращения к потенциальному адресату (например, журналист – читатель) субъект может объективировать общие с адресатом знания истории, географии и т.п., в рамках которых он (субъект) и формирует дискурс.

Так, в следующем примере КДИ активизируется в рамках концептуально-тематической области ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИПЛОМАТА. Социокультурная специфика дискурса формируется за счет метаконцептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ; индивидуальный смысл в дискурсе обусловлен интерпретирующими функциями селекции, классификации, оценки, которые активизируют конкретные социокультурные знания субъекта и отсылают к определенным концептам:

(8) *Интересная ссылка на конфиденциальный телефонный дипломатический разговор между нашим министром и вашим государственным секретарем // Я прямо хочу сказать / что «regime change» / это американская терминология // Мы этой терминологией не пользуемся // Иногда бывают*

случаи / когда лидеры / а некоторые из них / как мы знаем из истории / даже выбирались своими народами / бывает лидеры приходят к власти и демократическим / и полудемократическим путем // Они становятся преградой для того / чтобы народ мог выйти из той или иной ситуации // И в этих ситуациях некоторые лидеры принимают мужественное решение в отношении своего политического будущего // Иногда те или иные вопросы обсуждаются / в том числе / и между дипломатами // Но я обнадежен тем / что вы публично об этом говорите // Я полагаю / что эта идея вас заинтересовала / и вы готовы вынести ее на суд международной общественности (фрагмент речи В. Чуркина на Совете Безопасности в ООН, обращенной к Халилзадзу 10.08.2008)

[<http://rutube.ru/tracks/914753.html?v=eb113531207e66416210b2a544472a49>]. Формирование дискурса осуществляется в контексте специальных профессиональных знаний (об истории, политике, дипломатии) субъекта. Мета-концепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, структурируя концептуально-тематическую область ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИПЛОМАТА, активизируют смысл «отстранение, несогласие» с мнением адресата и соответствующий оценочный концепт. Этот смысл репрезентируется языковыми единицами, профилирующими признаки «чужой, другой» (личными местоимениями *нашим, вашим*, языковой единицей неродного языка *regime change*). Селективные характеристики «препятствие» (*преграда*), «возможность решения» (*обнадежен, заинтересовала, готовы*), объективированные языковыми единицами, классифицируют содержание дискурса по признаку «никогда не поздно остановить кровопролитие» и оценивают передаваемый смысл по шкале «разумное / неразумное, гуманное / бесчеловечное поведение».

В следующем примере социокультурная специфика дискурса также обуславливается метаконцептами ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, структурирующими концептуально-тематические области ГЕОГРАФИЯ и ИСТОРИЯ, когда субъектом объективируются общие с адресатом знания истории. Со-

циокультурная специфика дискурса формируется за счет принципа субъектной реализации контекста социокультурных знаний (климатических, географических в данном случае):

(9) *You wouldn't think that a country known for the severity of its winters would choose its warmest town to go for the games – but that is what is happening. While most of Russia shivers, Sochi enjoys the warm weather of the Black Sea coast. There are even palm trees along the seafront. Its climate has always been Sochi's selling point as a resort. The 20th Century dictator Joseph Stalin liked it here. His era left the city a legacy of elegant neo-classical villas where the Communist elite could come to relax. Now Sochi wants to expand its appeal <...> So on Tuesday President Vladimir Putin turned up in person to praise the preparations. To reinforce the point, he tried out the ski slopes. Mr Putin has an official residence here. That's made it fashionable. The presidential factor and Russia's oil wealth are driving a property boom [http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/Europe/6389821.stm].* Смысл «несоответствие, противоречие, недоверие» к выбору Сочи как достойному месту для проведения Олимпиады профилируется целым рядом языковых единиц посредством когнитивного механизма контраста: *severity of its winters* и *warmest town*; *palm trees* и *shivers*; *you wouldn't think* и *that is what is happening* за счет активизации признаков координат пространства и времени, объективированных лексическими единицами *country*, *most of Russia* и *Sochi*, *Black Sea coast*, *era* и *the Communist elite*, а также фразового глагола *turn up*, репрезентирующего концептуальный признак «внезапность». Субъект устанавливает концептуальные связи «включенности» и «взаимосвязи» двух исторических периодов (Сталина и Путина), а также географических пространств (Россия и Сочи).

Интерпретация событий / объектов всегда осуществляется посредством метаконцептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ: физические координаты пространства и времени наделяются субъектом интенциональным смыслом (термин в: [Любимова 2004]). В рамках общих с адресатом социокультурных знаний в следующем примере (знаний хронологической последовательности

действий) субъект реализует креативную функцию сознания, то есть индивидуальную интерпретацию мира:

(10) *Владимир Путин не станет дожидаться итогов голосования, он покинет Гватемалу сразу после выступления, чтобы не оказывать давления на членов МОК своим присутствием. Между прочим, точно так же сделал британский премьер Тони Блэр в 2005 году. В результате право провести Олимпиаду 2012 года выиграл Лондон, который вовсе и не был фаворитом* [<http://www.1tv.ru/news/sport/65947>]. Субъект «нарушает» хронологическую последовательность и выстраивает дискурс с точки зрения следующего «вымышленного» порядка: «не Путин повторяет за Блэром, а Блэр следует за Путиным».

Интерпретируя мир и конструируя дискурс посредством метаконцептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, субъект намеренно избирает ту или иную концептуально-тематическую область, которая и обеспечивает социокультурную специфику всего дискурса:

(11) *Круто отжигать на after-party в Cafe37. Люблю это заведение за всегда актуальное house-звучание, клевые коктейли, вкусную еду и красивых людей. Там по-настоящему TRUE'шная атмосфера!* [DJ Nightly. «Выбирай». Тюмень 1-15 августа 2014: 36];

(12) *Мне нравятся заведения холдинга «МаксиМ». Самое главное, что они разноплановые: можно покричать, потанцевать, спокойно посидеть, вкусно покушать. Отмечу: «Мохито» - для тех, кто хочет потусить до утра, в «Бразери» получится отлично перекусить под хорошую музыку, в «Микс Мьюзик» - оторваться с друзьями* [DJ Илья Tech. «Выбирай». Тюмень 1-15 августа 2014: 36].

Языковыми маркерами социокультурного контекста в примере (11) являются лексеммы на русском и английском языках (*круто, отжигать, клевый, after-party house-звучание, TRUE'шная*). Они репрезентируют смыслы «неформальное общение», «молодежная среда», которые характеризуют субъекта как представителя социальной группы «диджеев». Формирование смыслов

«свой круг», «своя среда» посредством метаконцептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ осуществляется на основе концептуальных характеристик, которые выделяются субъектом и репрезентируются им с помощью средств неродного английского языка (*after-party*). Субъект категоризирует свою принадлежность к иной (чужой) лингвокультуре, структурируя дискурс в концептуально-тематической области ЧУЖАЯ КУЛЬТУРА.

Репрезентантами социокультурного контекста субъекта в (12) являются стилистически нейтральные и маркированные единицы русского языка (*нравятся, потанцевать, посидеть, покушать, потусить, оторваться*). Субъект формирует дискурс в рамках индивидуальной концептуальной системы под влиянием фактора трудовой деятельности диджея. В отличие от дискурса в (11), субъект в (12) активизирует смысл «принадлежность к молодежной группе» преимущественно в рамках концептуально-тематической области РОДНАЯ КУЛЬТУРА (МОЛОДЕЖЬ, в частности).

Таким образом, метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ представляют собой когнитивные схемы, которые субъект использует для структурирования и интерпретации информации из внешнего мира и репрезентации ее в дискурсе, и наряду с иными метаконцептами, выявленными в результате анализа фактического материала, формирует социокультурную специфику дискурса в контексте социокультурных знаний субъекта. Существенная роль в формировании социокультурной специфики дискурса наряду с указанными выше метаконцептами отводится метаконцепту ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ.

1.6. Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ

Дихотомия «язык и речь», выявленная в работах отечественных и зарубежных исследователей разных поколений, положена в основу идеи о системном и функциональном аспектах языковых единиц, развиваемой в рамках когнитивной лингвистики (работы Л.В. Бабиной, Н.А. Бесединой, Н.Н. Болдырева, Н.А. Кобриной, Л.А. Фурс и др.). В процессе социализации и взросления субъект не только понимает речь родного языка, но и приобретает

языковой опыт как некоторое «ощущение» / знание соответствия между языковыми формами, вербализованными мыслями, интенциями и ситуацией, относительно которых формируются высказывания. Глубина этого ощущения напрямую увязана с кругозором и уровнем образования субъекта, то есть с его предшествующим опытом.

В сферу языкового опыта входят не только языковые умения говорящего (умения выражать смысл разными способами, извлекать смысл из сказанного, отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных и др. (см. подробнее: [Апресян 1995])), но и знания правил речевого этикета и общения лиц с разными социальными статусами, знания правил реализации интенций (приказ, обещание), которые формируют так называемую «коммуникативную компетенцию» носителя языка (о коммуникативной компетенции см.: [Chomsky 2007; Hymes 2005]). Лексема *опыт* в составе терминосочетания «языковой опыт» репрезентирует признаки «практические навыки и умения», «воспроизведение», «новое» и определяется в словаре следующим образом:

- совокупность практически усвоенных знаний, навыков; умений;
- полученное в результате активного практического взаимодействия с объективным миром отражение в сознании людей законов этого мира и общественной практики;
- воспроизведение явления, создание нового в определенных условиях с целью исследования, испытания;
- пробное осуществление <...> [СРЯ 1978: 417].

Языковой опыт, по справедливому замечанию И.Ю. Безукладовой, – это знание, культурно обусловленное, присущее конкретному лингвокультурному сообществу: «<...> язык представляет собой не только один из способов фиксации, хранения, репрезентации человеческих знаний и опыта вообще, но и знаний и опыта, присущих определенному культурно-языковому сообществу, т.е. выступает как знание особого рода, как знание культурно обусловленное» [Безукладова 2013: 51]. Языковое знание, по мнению Н.Н.

Болдырева, представляет собой результат «познания и осмысления системы и структуры языка, его основных единиц и категорий, принципов и механизмов формирования и передачи смыслов с помощью языка, то есть его функционирования» [Болдырев 2009ё: 39].

В когнитивной системе человека метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ выступает когнитивной схемой, за счет которой и наряду с другими метаконцептами формируется социокультурная специфика дискурса. ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ увязан с метаконцептом НОРМА (языковая норма в частности). Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ структурирует когнитивный опыт субъекта относительно правил, традиций, норм, особенностей языковых способов репрезентации поведения человека, его социокультурных практик. В следующих примерах метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ структурирует социокультурную практику знакомства:

(1) УТЕШИТЕЛЬНЫЙ. *Господа! Рекомендую: Александр Михалыч Глов, отличный товарищ, прошу полюбить, как меня.*

ШВОХНЕВ. *Очень рад ... (Пожимает ему руку.)*

ИХАРЕВ. *Знакомство ваше нам ...*

КРУГЕЛЬ. *Позвольте вас прямо в наши объятия* [Н. Гоголь. «Игроки»]. Реализуются дискурсивные практики совета, идентификации, оценки и номинации конкретного физического действия;

(2) MRS. EYNSFORD HILL [to Mrs. Higgins]. *How do you do?* [They shake hands].

MISS EYNSFORD HILL. *How d'you do?* [She shakes].

MRS. HIGGINS [introducing]. *My son Henry.*

MRS. EYNSFORD HILL. *Your celebrated son! I have so longed to meet you, Professor Higgins* [Shaw. «Pygmalion»]. Реализуются дискурсивные практики официального приветствия, идентификации, оценки, объективации внутреннего мира субъекта.

Посредством ЯЗЫКОВОГО ОПЫТА структурируется привычный (общепринятый) в рамках конкретной социокультуры языковой способ интер-

претации мира и знаний о мире, который заключается в выборе языковых единиц, характерных для дискурса субъектов, занимающихся определенной деятельностью. Например, *датский* в следующем примере и языковом опыте журналистов: *Датское королевство, равно как и принц Гамлет, не имеют к этому тексту отношения. «Датскими» по старой редакционной привычке называются отдельные материалы, газетные страницы и целые номера, посвященные какой-нибудь дате. Эти «датские» номера – головная боль для редакционного коллектива. Найти тему, желательно – оригинальную. Разобрать ее применительно к городу, районному центру, микрорайону. Отразить достижения, но не перекладывать сахару. Не забывать, что есть читатель и ему блюдо редакционной кухни должно быть интересно. И что очень важно для издания, выходящего в свет не первый год и отработавшего уже не одну «датскую» кампанию, - не повторяться <..>. Примерно за неделю-две до даты редакция как чумная. Летучки проходят нервно, идеи высказываются робко и редко, что злит редакционное начальство <...>* [Р. Гольдберг. «Тюменский курьер».

<http://tyumedia.ru/154980.html>].

Метаконцепт **ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ** как интерпретирующий фактор в рамках конкретного контекста социокультурных знаний субъекта обеспечивает «возможность» существования способов языкового функционирования, которые регулируются **НОРМОЙ** как ошибочные / нелитературные. Так, языковой опыт юриста допускает орфоэпическую форму *возбуждено уголовное дело*; нефтяника – *нефтедобыча*. В дискурсе политиков обнаруживаются плеоназмы *период времени*; для дискурса интернет-сообществ характерны сокращения и графические способы представления информации, аббревиатуры *gl (good luck)*, *LOL* и др. В этой связи М.А. Кронгауз замечает, что языковая интуиция основывается на языковом опыте, изменение которого обусловливает появление привычки ко всему, что говорится вокруг, включая ошибки [Кронгауз 2013].

Знание особенностей функционирования языка в контексте социокультурных знаний субъекта и относительно конкретной ситуации, коллективное знание всей языковой системы составляет содержание ЯЗЫКОВОГО ОПЫТА субъекта. В качестве основных элементов в метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ входит не только собственно языковое знание как знание языковых значений, форм, категорий и знание о мире, «как оно концептуализировано языком» (в терминологии Н.Н. Болдырева), но и знание правил выражения замысла / интенций субъекта с помощью языка относительно ситуаций мира как знание возможности / невозможности употребления той или иной языковой формы и дискурсивной практики, в том числе при формировании конкретного дискурса. Знание способов языковой реализации замысла / интенций является неотъемлемой частью языкового опыта субъекта, который входит в концептуальную систему субъекта и, следовательно, формируется по тем же законам, что и другие типы знания.

Полученный субъектом опыт дискурсивной деятельности в рамках той или иной социокультуры, таким образом, находит свое отражение в метаконцепте ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ. Дискурсивные практики представляют собой результат познания принципов и механизмов передачи смыслов / интенций с помощью языка относительно конкретной ситуации мира и в контексте всей системы знаний субъекта. Дискурсивные практики демонстрируют разнообразие в вербализации «сходных» замыслов / интенций: они существенно отличаются у представителей разных групп, например возрастных:

(3) Ну, тут я с Вами категорически не соглашусь. Понимаю, что "на вкус и цвет...", но, на мой взгляд, качество напитков великолепное, настоящее советское качество. Особенно, опять же на мой взгляд, хороши настойки, более всего клюквенная. Кстати, название "Бульбашь" входит в конфронтацию с народной мыслью, что качество водки из картофельного спирта плохое. Не могу сказать, какое там соотношение картофельного и зернового спирта, но согласитесь, что пойти на такое название при предубеждении народа - это смелость [<http://news.unipack.ru/49936/>];

(4) - *Ваня, садись учить уроки.*

- *Ну, ма, опять ты за свое*

[<http://deti.mail.ru/vopros/psikholog/psikhologija/30260/>];

(5) - *Саша, дай машинку Лене, пусть поиграет.*

- *Не хочу давать и не буду*

[<http://deti.mail.ru/vopros/psikholog/psikhologija/30260/>].

В примере (3), эксплицитно реализуя *интенцию несогласия* и соответствующую дискурсивную практику, субъект дополнительно активизирует дискурсивные практики аргументации и разъяснения за счет выбора послловицы, резюмирующей опыт народа, личной точки зрения, отображающей опыт субъекта, апелляции к логике адресата (*но согласитесь, что*). В примере (4) субъект также активизирует *интенцию несогласия* и соответствующую дискурсивную практику наряду с дискурсивными практиками критики, протеста, недовольства, которые реализуется также за счет метаконцепта ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, на что указывают лексические средства (*опять, свое*). В примере (5) *интенция несогласия* и соответствующая дискурсивная практика реализуются наряду с интенцией и практикой нежелания и упрямства, которые, в свою очередь, характеризуют дискурс маленького ребенка. Иными словами, объективация интенций субъекта с помощью языка представляет собой языковую реализацию замысла субъекта в структуре социальных взаимоотношений: взрослый в официальной ситуации в (3), родитель и подросток в (4), родитель и ребенок в (5).

Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ как интерпретирующая схема структурирует дискурс и формирует его социокультурную специфику за счет использования слов определенной семантики, синтаксических конструкций, языкового контекста, дискурсивных практик, которые в совокупности определяют навык, приобретенный субъектом в предшествующий период «наблюдения» за языковым функционированием окружающих и своим собственным. Субъект выбирает языковые средства, дискурсивные практики в зависимости от целей коммуникации и адресата, его концептуальной системы,

от предыдущего языкового опыта и знаний. Например, дискурсивные практики упоминания (6-7), детализации (8-9), манипуляции и привлечения внимания (10-11). Так, дискурсивные практики *упоминания* (гештальтное представление на базовом уровне категоризации) (см. подробнее: [Болдырев 2014a]) активизируются субъектами одной социокультурной группы, профессионалов например:

(6) *Актовегин. Антигипоксант. Является гемодериватом, который получают посредством диализа и ультрафильтрации <...> Актовегин увеличивает концентрации аденозинтрифосфата, аденозиндифосфата, фосфокреатина, а также аминокислот – глутамата, аспартата и гамма-аминомасляной кислоты <...>* (фрагмент инструкции по медицинскому применению препарата АКТОВЕГИН);

(7) *Thoracentesis is puncture through the chest wall for the purpose of aspirating pleural fluid. It is used to determine the etiology of a pleural effusion (diagnostic thoracentesis), to relieve dyspnea caused by pleural fluid (therapeutic thoracentesis), and, occasionally, to carry out pleurodesis <...> Ultrasonography, CT, or both may be useful if chest x-rays are equivocal, if prior thoracentesis attempts are unsuccessful, or if the fluid is loculated*

[http://www.merckmanuals.com/professional/pulmonary_disorders/diagnostic_pulmonary_procedures/thoracentesis.html]. Дискурс в (6-7) ориентирован на профессионалов - медицинских работников. В нем репрезентируются специальные знания по медицине и биологии, представленные терминами.

Дискурсивные практики *детализации* активизируются субъектом, если контексты социокультурных знаний «частично совпадают», то есть проявляется общность знаний, приобретаемых в рамках общих социумов и культур:

(8) Слева – направо: 1. *Apply hand cream or wash with soap/cleanser. 2. Palm to palm. 3. Palm to back, fingers overlaced. 4. Palm to palm, fingers interlaced. 5. Fingers interlocked. 6. Rotational rubbing of thumb in palm. 7. Rotational rubbing of fingertips in palm. 8. Rubbing of each wrist.*

В центре: 1. *Palm*. 2. Ensure shaded areas are not missed. 3. *Back*.

(Великобритания, Norwich).

Дискурс в вышеприведенном примере структурируется в рамках бытовых концептов концептуально-тематической области ЗАБОТА О ЧИСТОТЕ ТЕЛА. Он (дискурс) ориентирован на адресата определенного возраста (детей), ситуативных социальных групп (больных в лечебных учреждениях; местах общего пользования и др.), которые имеют предварительный опыт и знания, связанные с процедурой мытья рук. Дискурс структурируется также с помощью метаконцепта НОРМА и реализуется посредством детализирующих дискурсивных практик последовательной инструкции (глаголы в повелительном наклонении, номинации процедуры мытья рук: *palm to palm, fingers interlaced; fingers interlocked*). Ср. также инструкцию по нанесению лака в домашних условиях, выполненную в контексте бытовых знаний (*смазать любимым кремом; для того, чтобы; которое позволит*), в которой активизируются дискурсивные практики детализации (*для начала; следующий этап*):

(9) 1. Для начала вам необходимо смазать руки и пальцы вашим любимым кремом для рук, чтобы кожа была увлажненной и защищенной. 2. Этап обезжиривания ногтевой пластины: необходимо использовать обезжиривающий косметический алкоголь или же просто протереть ногти жидкостью для снятия лака <..> 3. Следующим этапом вам необходимо нанести базовое покрытие, которое позволит цветному лаку лечь ровнее <..>

[http://meduniver.com/Medical/Dermat/pokritie_nogtei_gel_lakom_doma.html].

Дискурсивные практики доминирования, аргументации могут быть связаны с замыслом / интенцией субъекта воздействовать на адресата с целью *привлечь его внимание, побудить к совершению действия* (например, специалиста по рекламе и потенциального покупателя), реализовать языковую функцию убеждения и соответствующий языковой опыт:

(10) *Можно создать великолепную кожу? Да. И правда – поразительно простой повседневный уход поможет сделать и сохранить Вашу кожу чистой, здоровой, сияющей. Случится нечто удивительное, сухая кожа может стать гладкой и наполненной влагой. Жирная кожа может избавиться от прыщей. Со временем Вы можете разгладить мелкие морщинки, сузить поры, выровнять цвет лица. Подарите себе здоровую и сияющую кожу. Откройте для себя нашу трехступенчатую систему, разработанную дерматологами. Очищение, отшелушивание и увлажнение – все, чтобы создать великолепную кожу. Проверено на аллергию. 100% без отдушек (реклама средства по уходу за кожей лица Clinique).*

КДИ отсылает к концептам КРАСОТА, ЗДОРОВАЯ КОЖА, СРЕДСТВО ПО УХОДУ ЗА КОЖЕЙ, репрезентируемым соответствующими лексическими единицами, формирующими положительный образ рекламируемого товара (оценочная функция интерпретации). Посредством классифицирующей функции интерпретации субъект категоризует ситуацию, связанную с использованием средства по уходу за кожей как «исключительно вероятностную» за счет модального глагола *может*, глаголов в повелительном наклонении (*откройте*), дискурсивной практики уточнения (*Очищение, отшелушивание и увлажнение – все, чтобы создать великолепную кожу*). Субъект активизирует дискурсивные практики диалога с адресатом, специфицирует конкретный признак «великолепная кожа» с помощью когнитивного механизма профилирования, тем самым реализуя манипулятивное воздействие на адресата;

(11) *Our self-contained, portable hydraulic workover units are smaller, lighter and quicker to set up than traditional rigs. This makes them an economical*

choice for routine well maintenance, live well interventions and well re-entry operations

[<http://www.halliburton.com/en-US/ps/boots-coots/well-intervention/hydraulic-workover-snubbing/default.page?node-id=hgoxbzq9>]. В данном примере дискурс структурируется посредством метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ в контексте специальных знаний о способах *привлечения внимания* за счет использования языковых единиц положительной семантики, когнитивного механизма сравнения и механизма инференции (например, знаний специалиста по рекламе, маркетолога).

В рамках конкретного дискурса возможна активизация разнообразных дискурсивных практик в зависимости от целей субъекта, длины самого дискурса, ситуации, адресата, несмотря на то, что в качестве ведущей может быть избрана одна дискурсивная практика (например, критики в (12-13) и призыва в (14-15)):

(12) *Мы оцениваем это время / как время упущенных возможностей; Да / мир стал прислушиваться к нам / но положение мы оцениваем как чрезвычайно тяжелое / и господствующие тенденции как угрожающие; Я хочу / чтобы сегодня вы внимательно вслушались в следующие цифры / страна производит полтора процента наукоемкой продукции и перестала быть индустриальной державой // Износ основных фондов машин и механизмов превысил двадцать лет // Это / критическая черта / за которой начинается обвал; Из страны уехало восемьсот тысяч самых образованных и подготовленных / блестящих специалистов; Самое печальное / из семидесяти четырех миллионов работающих / пятьдесят пять миллионов живут на пять / шесть тысяч рублей в месяц; Среднее содержание уголовника в российской тюрьме / обходится в месяц / примерно в шесть тысяч двести; Главное / что вам не удалось / это не удалось запустить развитие и сохранить основы демократии <...> Очень важно задуматься историческими мерками и категориями (Г. Зюганов [<http://www.youtube.com/watch?v=azYKTL5Q3BI>]);*

(13) У нас на огромных просторах осталось сто сорок два миллиона // Это два процента населения всей планеты / а на нашей территории сосредоточено примерно треть главных стратегических ресурсов // Детей восьми лет / в два раза меньше / чем восемнадцати // Из этих ста сорока двух миллионов / два миллиона детей не пошли в первый класс и болтаются / не учатся // Пять миллионов / безработных // Шесть / наркоманов и тринадцать инвалидов / их число удвоилось // Тридцать девять / пенсионеров // Всего / двадцать пять миллионов тех / кто работает в реальном производстве; Образование / это не стандарт / это главная государственная политика / и оно должно быть в двадцать первом веке особого качества <...> В то время / Владимир Владимирович / когда у Вас сидел Фурсенко / докладывая о «Законе об Образовании» / Обама / выступая в Конгрессе с бюджетным посланием на двенадцатый год / особо подчеркнул главное внимание государства к образованию / медицине / особенно точным наукам / назвав математику / физику / ряд других дисциплин <...> Господин Фурсенко к Вам привез стандарт / который возник в странной голове / где не было государственного языка русского / где не было математики / физики / биологии / а на стыке этих наук все последние пятьдесят лет сделали главные открытия / и даже не было литературы / отечественной истории

(Г. Зюганов [http://www.youtube.com/watch?v=lsTVKgM-I_k]).

В вышеприведенных примерах (12-13) дискурс субъекта ориентирован на адресата с различной степенью информированности: главу государства, коллег, избирателей, слушателей, обывателей. Дискурсивные практики *приведения доказательной базы, сравнения, открытой оценки и критики, апелляции к чувствам и разуму и аргументации* активизируют интенцию / замысел субъекта описать и разъяснить его индивидуальный взгляд на политическую ситуацию в стране для избирателей разнообразных политических предпочтений, социальных стандартов, возрастов. Дискурс субъекта структурирован преимущественно с помощью метаконцепта ЦЕННОСТЬ: КДИ отсылает к тематическим концептам ЧЕЛОВЕК, ДЕТИ, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ

и на их базе к операционным смыслам (*дети болтаются, странная голова, запустить развитие, задуматься историческими мерками*); активизированы когнитивные операции сравнения (сравниваются разные исторические периоды (СССР и Россия), президенты (Б. Обама и В.В. Путин)), за счет чего реализуется смысл всего дискурса (критика государственной власти), а также ведущая дискурсивная практика *критики* и соответствующая индивидуальная языковая функция (и опыт).

Иными словами, метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ в вышеприведенных примерах (12-13) как интерпретирующая схема структурирует языковую картину мира субъекта как политика, в которую входят знания правил вербального выражения интенций в конкретной ситуации (выступление лидера компартии, связанное с отчетом Председателя Правительства РФ от 20.04.2011), аудитории и конкретных адресатов, а также места, где осуществляется коммуникация и формируется дискурс, что и входит в метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ.

Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ как одна из схем, через которую осуществляются восприятие информации и формирование социокультурной специфики дискурса в структуре социокультурных знаний субъектов - представителей политических партий, определяет контекст индивидуальных знаний в виде последовательной реализации доминирующих дискурсивных практик призыва, риторического размышления в следующих примерах:

(14) *Отстранить от должности вашего любимчика! // Дайте мне два миллиона рабочих мест! // Давайте остановим рэкет и рейдерство!*

(В.Жириновский.

[<http://www.youtube.com/watch?v=W7D1GeZXZ6Y&feature=related>]);

(15) *Дай возможность там что-то делать! // Что? // Забыли что ли / что я здесь говорил? // Кто виноват? // Губернатор виноват; Ну / рвутся атомные станции по всему миру / но Кириенко ничего не хочет делать?* (В. Жириновский. [<http://www.youtube.com/watch?v=ACSI8n9kM8c>]);

Языковой опыт субъекта в вышеприведенных примерах (14-15) определяет функцию активизации когнитивно-дискурсивной интерпретантой таких операционных концептов-смыслов, как «критика», «недовольство», «призыв к действию», «обвинение», на базе которых и формируются соответствующие дискурсивные практики в рамках всего дискурса. Они, в свою очередь, представлены значительным удельным весом восклицательных предложений, риторических вопросов, параллельными синтаксическими конструкциями, семантикой повелительного наклонения.

Типология дискурсивных практик, отражающая интенции / намерения субъекта, универсальна в рамках изучаемого языкового материала. Специфика реализации доминирования, аргументации, привлечения внимания, побуждения, критики, открытой конфронтации, скрытой агрессии, информирования, объяснения и др. интенций субъекта и соответствующих дискурсивных практик, а также их выбор определяются целями и ориентацией на адресата по разнообразным критериям (по возрасту, полу, профессии) и формируют ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ субъекта в конкретной сфере жизнедеятельности человека. Например, дискурсивные практики привлечения внимания и доминирования в контексте знаний субъекта об образовании:

(16) *Dear university entrants! You should definitely take notice of the following opportunity: If you major in translation, on attending additional courses of pedagogic disciplines and passing tests and exams, you can qualify also as “Lecturer in two foreign languages and literatures”* [www.onu.edu.ua/en]. Дискурсивные практики привлечения внимания и доминирования репрезентируют языковой опыт преподавателя (по отношению к абитуриенту) в составе мета-концепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ и тем самым передают такие операционные смыслы субъекта о социокультуре, как «*additional opportunities that seniors can offer to juniors*», которые необходимы для понимания дискурса. В языковом опыте субъекта активизируются знания правил реализации обращений, правил реализации интенции совета (модальные глаголы с семантикой возможности).

В следующем примере практики привлечения внимания и доминирования входят в состав ЯЗЫКОВОГО ОПЫТА в рамках асимметрии отношений родителя и ребенка (17), с одной стороны, начальника и подчиненного (18) – с другой:

(17) *Здесь гораздо дешевле, чем на том факультете // Будешь учиться здесь* (из обращения матери к дочери-абитуриентке). Действие метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ проявляется в рамках концептуально-тематической области РОДИТЕЛИ И ДЕТИ и определяется выбором прямых сравнений, категоричных утверждений, демонстрирующих доминирующее положение субъекта над адресатом;

(18) *Послушай / Шарапов / не распускай сопли // Здесь МУР / а не институт благородных девиц // Убита женищина / а убийца разгуливает на свободе / а он должен сидеть в тюрьме* (фраза из кинофильма «Место встречи изменить нельзя»). Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ фиксирует представления субъекта о механизмах и языковых средствах, с помощью которых, на его взгляд, становится возможным общение с подчиненным (название адресата по фамилии, репрезентация операционных смыслов за счет языковых единиц разговорного стиля *не распускай сопли*, классификация события как «очень серьезного» посредством классифицирующей интерпретанты (*МУР, а не институт благородных девиц*);

(19) *Stylish, light and spacious contemporary penthouse with skyline views and a fantastic living, dining and entertaining space leading to a big roof terrace with a large balcony. For your seven-figure sum three bedrooms and a utility room in the flat, while the building also has a gym, business centre, shops and cafes. Move in here and you need never leave again* [The Independent, 25.06.2008]. Дискурсивные практики привлечения внимания и доминирования в этом примере обусловлены интенцией субъекта продать товар потенциальному покупателю определенного социального класса. Они (практики) реализуются за счет выбора в качестве КДИ языковых единиц, репрезентирующих оценочные концептуальные признаки «изысканность», «красота», «простор»

(языковые единицы *stylish, light and spacious; penthouse; skyline views; fantastic living; dining and entertaining space*) и концептуальные признаки «удовлетворение специфических потребностей» (*gym, business centre, shops and cafes*), которые входят в состав метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ субъекта, адресатам которого возможность приобретения жилья «класса люкс» является исключительно важной (классифицирующая функция КДИ). В (19) объективируется языковой опыт создателей рекламы (наряду с языковым опытом по информированию адресата).

В следующем примере (20) метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ осуществляет отбор иных концептов и концептуальных признаков, но также репрезентирован дискурсивными практиками привлечения внимания в контексте знаний субъекта о материальном положении / «экологических» предпочтениях потенциального адресата:

(20) МЫТИЩИ 1-,2-комн. кв-ры, 15 мин. пешком до ж/д станции «Мытищи», 19 эт. монолит. кирпич. дом, общ. пл. квартир: от 44 до 75 м. кв., новостройка, муниципальная отделка, стеклопакеты, лоджии – застекленные, высота потолка – 2,90 м, собственная инфр-ра: детский сад, школа, сдача – 4 кв. 2009 г. Цена: 75.000 руб/ кв. м. [«Из рук в руки», № 217 (4097), 11 ноября 2008 г]. Репрезентируются концептуальные признаки «расстояние» (*пешком до станции*), «расположение» (*Мытищи*), «средняя площадь квартир» (аппроксиматоры *от, до*), объекты социального пользования (*сады, школы*) на базе концептуально-тематической области ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, а не ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО, как, например, в (19). В примере (20) объективируется языковой опыт по информированию адресата.

Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ представляет собой когнитивную схему, «отвечающую» за *использование* языка субъектом (*performance / doing*) в отличие от собственно *знания* языка (*knowledge / knowing*), по Н. Хомскому [Chomsky 2007]. Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ формирует социокультурную специфику дискурса в следующем примере:

(21) *Доктор в гостях у пациента. Порог заболеваемости гриппом и ОРВИ превышен. Как пояснили в пресс-службе городского департамента здравоохранения, в поликлиниках появились «фильтры» - отдельные входы для тех, кто явился к врачу с симптомами простудного заболевания, и для всех остальных. Кроме того, врачи советуют представителям групп риска – беременным женщинам, мамам с детьми, пожилым людям и пациентам с хроническими заболеваниями – не ходить в поликлинику, а вызывать врача на дом во избежание заражения. Не стесняйтесь пригласить врача, если почувствовали себя плохо. Он не станет вас осуждать за «незначительный» повод [Тюменский курьер. № 50 (3795). 2014].*

Словарное толкование лексемы *фильтр* как коллективное знание, закрепленное на уровне языковой системы, отражает функциональные особенности устройства, а именно: «служащий для очищения жидкости и др.; пропускающий или задерживающий электрические токи и др.» [СРЯ 1978: 783]. Специальное знание назначения прибора в быту позволяет автору интерпретировать ситуацию заболеваемости гриппом и ОРВИ посредством селективной функции метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ и сформировать авторскую метафору *фильтр* – *отдельный вход для больных и здоровых людей*, то есть классифицировать ситуацию, связанную с превышением эпидемиологического порога, как категорию «приглашение в гости» (*доктор в гостях у пациента*) и приписать ей в целом оценку благоприятствования (в терминологии Н.Д. Арутюновой) [Арутюнова 1999: 189]. Иными словами, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ, связанный со знанием семантики конкретной языковой единицы (лексемы *фильтр* в данном случае), служит основанием для ее употребления в дискурсе субъекта о заболеваемости гриппом и ОРВИ.

Интерпретирующая функция метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ позволяет применять бытовые знания о фильтрах к категориям иных объектов. Так, в примере (22): *Получается, есть и мощнейшие фильтры, через которые в те или иные социальные страты травматическая информация не доходит? Ум – фильтр? Ум хочет комфорта!* [НКРЯ] эти знания активизиро-

ваны относительно умственной деятельности человека. Классифицирующий признак метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ структурирует мыслительную деятельность человека как умственную активность, олицетворяя ум с живым существом, наделенным желаниями и потребностями (квалифицирующая оценка). Иными словами, концептуально-тематическая область АРТЕФАКТ является контекстом социокультурных знаний субъекта, в рамках которых интерпретируется содержание всего дискурса. Оно (содержание) структурируется посредством метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ, формирующего авторскую метафору.

В следующих примерах реализуется языковой опыт представителей разнообразных социальных групп (пациентки, планирующей беременность (23), языковой опыт журналиста в правовой сфере (24), официальном общении (25-26)): *готовиться к протоколу, увидеть оглашенный протокол, sign a protocol, in the protocol of industrial action*:

(23) *Привет всем девочкам на этом форуме. Очень хочу, чтобы все, кто готовится к протоколу на ноябрь или декабрь, писали в мой дневничок все хорошие новости вашего эко, и мы делились своим полученным опытом*

[<http://www.babyplan.ru/forums/topic/49288-gotovimsya-k-novogodnemuprotokolu-eko/#ixzz2wxt4RNSi>];

(24) *Нозадзе ответил, что впервые увидел оглашенный протокол в тот день, когда начал знакомиться с материалами дела, и подобных показаний он не давал* [<http://yandex.ru/yandsearch?text>];

(25) *Ukraine, Kazakhstan and Byelarus, the three former Soviet republics in addition to Russia with nuclear weapons on their territories, signed a protocol to the Strategic Arms Reduction Treaty (START) on May 23 in which they pledged to eliminate nuclear weapons by the end of the decade* [BNC];

(26) *She was inexperienced in the protocol of industrial action, but only too pleased to have an excuse to put off her visit to Pringle's for a week* [BNC].

В контексте коллективных знаний носителей русского языка и их языковом опыте *протокол* – «документ с записью всего происходившего на за-

седании, собрании, допросе; один из видов международных соглашений» [СРЯ 1978: 575]. В контексте коллективных знаний медицинских работников и пациентов и их языковом опыте *протокол ЭКО* представляет собой «последовательность введения лекарственных веществ, с помощью которых стимулируют созревание яйцеклеток» [<http://mama.ru/articles/protokoly-eko>]. В языковом опыте носителей английского языка *protocol* – «the ceremonial system of fixed rules and accepted behavior used especially by representatives of governments on official occasions» [LDELC 1998: 1075].

По отношению к контексту коллективных знаний носителей русского языка *контекст коллективных знаний и языковой опыт медиков, пациентов, а также контекст коллективных знаний носителей английского языка* выступают контекстом социокультурных знаний конкретной социокультурной группы (медиков, пациентов, британцев). В рамках конкретной социокультурной группы этот контекст является контекстом коллективных знаний, который формирует языковой опыт именно этой социокультурной группы.

Метаконцепт **ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ**, таким образом, структурирует социокультурные знания субъекта и профилирует (в составе КДИ) конкретные смыслы, которые передаются субъектом как представителем социокультуры в процессе формирования дискурса. Данный метаконцепт фиксирует ряд сформированных представлений о возможностях реализации замысла / интенций в зависимости от условий коммуникации, адресата, от контекста коллективных знаний. Роль контекста коллективных знаний в формировании контекста социокультурных знаний и социокультурной специфики дискурса, в частности, рассматривается в следующем параграфе работы.

2. Контекст коллективных и индивидуальных социокультурных знаний субъекта в формировании социокультурной специфики дискурса

Контекст коллективных знаний, как отмечалось в теоретической главе исследования, представлен языковой системой в виде языковой интерпрета-

ции мира. Дискурс как результат когнитивно-дискурсивной деятельности субъекта формируется на основе общего для представителей одного языкового сообщества контекста – контекста коллективных знаний, объективируемого всей системой языка и языковых категорий. Социокультурная специфика дискурса проявляется в контексте социокультурных знаний субъекта как представителя конкретной социокультуры, под влиянием которой формируется не только концептуальная система знаний каждого конкретного субъекта, но и дискурс. Именно в контексте собственных знаний, на основе общих (коллективных) знаний, репрезентируемых языковой системой, субъект формирует индивидуальный дискурс и определяет его содержание. Так, в следующем примере субъект формирует социокультурную специфику дискурса в контексте бытовых знаний:

(1) - *Отлично-с, поспокойнее заговорил он, - дело не в словах. Итак, что говорит этот ваш прелестный домком?*

- *Что ж ему говорить? Да вы напрасно его прелестным ругаете. Он интересы защищает [М. Булгаков. «Собачье сердце»]. В системном значении лексемы прелестный профилируются исключительно положительные признаки (прелестный – «полный прелести»; прелесть – «очарование, обаяние, привлекательность; приятные, пленяющие явления, впечатления» [СРЯ 1978: 535]). В индивидуальной концептуальной системе субъекта посредством лексемы прелестный активизируются его неязыковые знания, полученные им в процессе общения с профессором Преображенским и Швондером, на основании которых становится возможным репрезентация отрицательной оценочности в дискурсе (прелестным ругаете).*

Контекст коллективных знаний является *общим* языковым контекстом для носителей того или иного языка. По отношению к носителям иного языка этот же контекст коллективных знаний национально маркирован, то есть проявляет социокультурную специфику, например, в условиях сопоставления концептов и их характеристик, репрезентированных единицами разных языков, которые традиционно именуется «эквивалентами». Классическими

примерами, получившими детальное описание в работах отечественных языковедов, являются лексические пары *дом* – *house, home*; *пальцы* – *fingers, toes*; *стол* – *table* (см. подробнее, например: [Тер-Минасова 2004]), которые репрезентируют знания, приобретенные носителями русского и английского языков в процессе социализации.

Контекст коллективных знаний – характеристика не только языковых единиц, то есть собственно языкового контекста (как знание лексики, грамматики конкретного языка, например). Понятие «коллективные знания» распространяется на целые тексты, к которым относятся пословицы, поговорки, народные песни, считалки, прецедентные и иные тексты, составляющие национальное достояние того или иного народа. Они репрезентируют общие для носителя того или иного языка знания и составляют так называемое «коллективное когнитивное пространство» [Гудков 2003: 91] в пределах социокультурной группы.

К контексту коллективных знаний как общих для представителей одной социогруппы условно можно также отнести тексты малого формата (малоформатные тексты, по Е.С. Кубряковой): тексты объявлений, анекдотов, уличных надписей и указателей, резюме о приеме на работу и т.п. Они формируются по определенным правилам (и языковым в том числе), известным конкретным представителям той или иной социокультуры, представляют собой тексты, отображающие знания конкретных групп, и формируются «по образцу»²³. В них находит отражение социокультурный опыт носителей конкретных социокультур (рекламодателей, медиков, обывателей) в виде общих рекомендаций / схем, которые должны соблюдаться субъектом дискурса при его формировании. Например, несмотря на то, что каждый из приведенных ниже текстов (2 и 3) репрезентирует индивидуальность человеческого сознания и процессов познания:

²³ Идея о текстах «по образцу» принадлежит Н.Н. Болдыреву. Выражаю искреннюю признательность Николаю Николаевичу Болдыреву за эту идею.

(2) *Куплю однокомнатную квартиру в центре города. ДОРОГО. Можно без ремонта. Агентствам не беспокоить* (уличное объявление, Тюмень, 2013 г.);

(3) *Любящий зять СРОЧНО купит дорогой теще однокомнатную квартиру или снимет комнату. Можно беспокоить в любое время дня и ночи. Оплату произведу сразу. Порядок гарантирует теща <...>* (уличное объявление, Тюмень, 2010 г.),

пример (2) создан «по образцу», в нем реализуются общеизвестные языковые знания, связанные с намерением купить квартиру (молодая семья нуждается в квартире; необходимость покупки может быть обусловлена переездом в иной район, расширением состава семьи, рождением ребенка), тогда как в фокусе внимания в примере (3) находятся знания определенного типа семейных отношений «зять – теща», то есть демонстрируется специфика в объективации стереотипных знаний о взаимоотношении членов семьи в текстах объявлений о продаже жилья, основная прагматическая функция которых заключается в информировании потенциального покупателя о стоимости недвижимости, характеристиках квартир и т.п.

Когнитивно-дискурсивная интерпретанта в (2) ориентирована на адресата, заинтересованного в покупке жилья, при описании которого указываются тип, место расположения, стоимость, состояние и особенности проведения сделки (без посредников). КДИ представлена селекцией соответствующих концептуальных признаков, репрезентируемых лексемами *однокомнатная квартира, центр города, без ремонта, агентства*, которые позволяют классифицировать событие *покупки жилья* как деловой сделки, связанной с потребностью автора текста объявления информировать потенциального покупателя о необходимости приобрести жилье.

Коллективное знание о теще эксплицируется в поговорках русского языка, в том числе: *моей теще двоюродный плетень* номинирует чужого, не родного человека; *под тещей* обозначает маленький ресторанчик-подвальчик с семейной атмосферой. Они (поговорки) имеют помету «шутливо-

ироничное», «просторечное» в словарях (см.: [http://enc-dic.com/rusethy/Tescha-4535.html]). Иными словами, контекст коллективных знаний о теще имеет ярко выраженный оценочный характер. В примере (3) социокультурная специфика дискурса проявляется в том, что субъект репрезентирует индивидуальные знания, связанные с покупкой жилья и особенностями проживания на общей территории с родителями жены (тещей), отношение к теще, желание переселить тещу.

Контекст социокультурных знаний в (3) как показатель динамического характера процессов концептуализации и категоризации эксплицируется посредством когнитивно-дискурсивной интерпретанты, с помощью которой (а именно, интерпретант селекции, классификации, оценки) субъект употребляет конкретные языковые единицы, репрезентирующие его опыт семейной жизни. Селекция концептуальных признаков «быстрота действия», «скорость совершения действия» позволяет автору объявления (3) с помощью лексем *срочно, беспокоить, в любое время, сразу* классифицировать событие приобретения жилья с точки зрения личностных взаимоотношений с тещей. Оценочная функция интерпретации свидетельствует о значимости отдельного проживания с родственниками жены для самого субъекта. Несоответствие чувств и намерений субъекта, представленных концептуальными характеристиками «чувство глубокой сердечной привязанности» и «желание жить отдельно», репрезентируемых лексемами *любящий, срочно, сразу*, к которому отсылает когнитивно-дискурсивная интерпретанта, формирует юмористическое содержание дискурса.

Социокультурный опыт субъекта (проживание на совместной территории с тещей) материализуется в дискурсе с помощью дискурсивной практики информирования, репрезентирующей отсутствие соответствующих знаний у адресата (читающего объявление), и проходит через выявленные в рамках данной работы метаконцепты: ЦЕННОСТЬ объективирует систему представлений зятя о приемлемости / невозможности совместного проживания; НОРМА регулирует способ высказывания о родителе супруги (соблюдается

вежливость посредством слов положительной семантики); ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ свидетельствует о знании жанровой специфики текстов объявлений русского языка (соблюдены орфографические, пунктуационные нормы русского языка), регистров общения; СТЕРЕОТИП активизирует устойчивые представления о взаимоотношениях зятя и тещи (на основе коллективного знания о теще, см. выше); с помощью метаконцепта РОЛЬ субъект интерпретирует социальное значение субъекта в иерархии семейных отношений (проявляется уважение к теще); метаконцепт ПРОСТРАНСТВО выполняет интерпретирующую функцию относительно принадлежности субъекта к конкретной группе лиц (зять не желает жить с тещей); с помощью метаконцепта ВРЕМЯ субъект фокусирует внимание на динамике отношений между людьми (возможно, изначально отношения зятя и тещи не предполагали его желание переселить ее в другую квартиру).

Когнитивно-дискурсивная интерпретанта, раскрывающая социокультурную специфику и социокультурный контекст дискурса, таким образом, отсылает к общей (для 2 и 3) концептуально-тематической области ПОКУПКА ЖИЛЬЯ и формирует социокультурные смыслы «необходимость удовлетворения потребности в жилье» в (2) и «необходимость отдельного проживания» в (3).

В следующих примерах женских брачных объявлений находят отражение социокультурные знания субъекта по вопросу взаимоотношений женщин и мужчин, основанные на коллективных знаниях конкретных групп (женщин и мужчин) о способах написания брачных объявлений в том числе. В функции интерпретанты селекции чаще всего выступают разнообразные признаки (*биологические* – возраст; *психологические* – особенности характера, мироощущения; *социальные* – статус, уровень образования, семейное положение; *прагматические* – намерения субъекта); в функции классификации – принадлежность к группе («хозяйка – красивая женщина»); в функции оценки – назначение («для семьи – для развлечений»):

(4) *Приятной внешности, коммуникабельная, интеллигентная шатенка, 53/174/, средн. т/с, без жил. и матер. проблем, в/о, без в/п. Для серьезных, перспективных отношений познакомится со свободным, м/н, ж/о, образованным славянином до 57 лет, ростом до 180 см, равнодушным к спиртному* <...> (фрагмент текста женского брачного объявления: [«Блиц», г. Тюмень 11.06.08]);

(5) *Anyone for Venice? Free ticket unexpectedly available. Slim, vivacious, blue-eyed widow, 71, seeks a gentleman, 65+, for a happy week and maybe a LTR* <...> (фрагмент текста женского брачного объявления: [«The Daily Telegraph» 14.09.07]);

(6) *Хочу мужа, хочу мужа я... Хочу герцога, лорда, можно короля. А без мужа плохо дюже – жить никак нельзя. Себя я вижу изящной, стильной, некурящей, притягательной, живой. А «король» мой, он надежный, добрый, беспроблемный. Мой* <...> (фрагмент текста женского брачного объявления: [«Блиц», г. Тюмень 11.06.08]).

Так, общий контекст коллективных знаний как знаний признаков, типов и способов написания брачных объявлений служит базой для формирования контекста социокультурных знаний: КДИ в (4-6) отсылает к концептуально-тематической области ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН и формирует социокультурные смыслы посредством активизации концептов:

- ВНЕШНОСТЬ, ХАРАКТЕР, СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, ПРИВЫЧКИ, репрезентируемых соответствующими лексемами в (4) в рамках концептуально-тематической области ВНЕШНОСТЬ И ХАРАКТЕР;

- TICKET, LUCK, APPEARANCE, CHARACTER – в (5) в рамках концептуально-тематической области TRAVELLING;

- РИФМА, ГЕРЦОГ, КОРОЛЬ, ЛОРД, ПРИВЫЧКИ, ВНЕШНОСТЬ, ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА, репрезентируемых соответствующими лексемами в (6) в рамках концептуально-тематической области ПОЭЗИЯ.

Известны общие правила написания разнообразных текстов, которые являются неотъемлемой частью коллективных знаний той или иной группы людей: кандидатских и докторских диссертаций, научных статей, информационных писем о предстоящих конференциях (в рамках профессиональных знаний научных работников), объявлений (в рамках обыденных знаний субъектов) и др.

В рамках традиций конкретных социокультур этих коллективных знания могут существенно различаться. Например, структура написания научной статьи в зарубежных англоязычных журналах включает в качестве основных такие разделы, как Introduction, Methods, Results, Discussion, Acknowledgements, References. Так, раздел Discussions, по справедливому мнению И.В. Свидерской и В.А. Кратасюк, «самый трудный раздел для написания. В отличие от раздела Результаты, который имеет дело с фактами, раздел Обсуждение – это идеи, предположения о полученных фактах, сравнение полученных собственных результатов с результатами других авторов. С одной стороны, раздел Обсуждение должен быть более теоретическим, обобщающим, абстрактным, интегрированным с общей проблемой. С другой стороны, этот раздел наиболее тесно связан с реальным миром, поскольку в нем раскрывается значение полученных результатов и их дальнейшее применение» [Как написать... 2011: 44]. Обозначены также языковые особенности, то есть конкретные грамматические, стилистические явления, которые способствуют соблюдению принципов подготовки статьи для зарубежных (англоязычных в частности) научных изданий. Например: «Предлагая применение результатов или давая рекомендации, пишите в *Present Indefinite* или ослабляйте утверждения с помощью *tentative verbs*: *It appears that grazing ungulates foster biodiversity*» (см. подробнее: [Как написать...2011: 44 и далее]).

Иными словами, социокультурная специфика научного дискурса, структурируясь посредством метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ, активизирует дискурсивную практику *детализации* с подробной рубрикацией излагаемого научного содержания. Необходимость указания актуальности и цели

исследования, а также методики в научном опыте *русской* лингвокультуры обусловлены личными предпочтениями авторов статей, что обеспечивает вариативность компонентов: часть из них подразумевается. Например, в статье В.Н. Волковой «Репрезентация концепта УБИЙСТВО в гиперболических моделях» переменными компонентами становятся «цель статьи», «актуальность», «объект и предмет исследования» (см.: [Волкова 2012]).

На базе этого *контекста коллективных знаний лингвистов* субъект – носитель как родного, так и иностранного языков – проявляет социокультурную специфику своего дискурса. Например, в статье И.В. Зыковой «Семиотика музыки в построении фразеологического значения» [Зыкова 2012] структура статьи коррелирует с основными этапами исследования и представлена частями «введение», «актуальность», «цель», «анализ», «заключение»: «1. Введение», «2. Концептосфера культуры и фразеологическое значение в рамках отношений межсемиотической транспозиции», «3. Концептуальный анализ макрометафорической модели фразеологического образа вербальной коммуникации как *musical play-performance*», «4. Заключение».

В рамках иных социокультурных групп дискурсивное поведение также реализуется в контексте коллективных знаний этих групп. Ссылаясь на зарубежных исследователей, Л.В. Куликова замечает, что, например, «политики как представители конкурирующих сторон (партий) руководствуются в своей речевой практике чаще не коммуникативно-этическими правилами, а принципами партийной целесообразности, представляющими собой суть прагматические категории: 1. Излагай свою точку зрения позитивно! 2. Демонстрируй успешность и способность добиваться своего! 3. Сохраняй операциональное пространство деятельности открытым! 4. Не приумножай своей речью противников в релевантных для себя группах! 5. Представляй позицию партийного конкурента как неприемлемую!» [Куликова 2006б: 272]. Существует негласное правило «подмена тезиса» как типовое поведение студентов, школьников на экзамене, политиков в интервью, как «характерная черта дипломатической речи, и этому специально учат» [Зарецкая 2001: 131].

Текст реклам, например, в отличие от текстов объявлений, регламентируется не только законом о рекламе, но и знанием манипулятивных стратегий, направленных на реализацию скрытого воздействия на потребителя (работы Е.Е. Аникина, А.А. Дедюхина, Ю.К. Пироговой и др.), к которым в самом общем виде в специальной литературе относят: а) объяснение причины уникальности товара, услуги; б) лаконичность текста²⁴; в) запрет на некорректные сравнения, порочащие честь и достоинство конкурентов; г) привлечение внимания потребителя разнообразными способами и др. (подробнее: [Зарецкая 2001];

[Закон о рекламе: <http://www.zakonrf.info/zoreklame/>]).

В контекст коллективных знаний той или иной социокультурной группы входят знания правил, способов и схем формирования / написания разнообразных текстов. Например, следующие рекомендации для реализации дискурсивной практики *описания* (descriptive style) в англоязычной учебной литературе для изучающих английский язык регламентируют выбор языковых единиц:

In descriptions of people we can include a clear description of a person's personality and behavior with a variety of character words <...>. These words should be justified in an explanation or example. If you describe negative qualities, you should use mild language. Use: tend to, seem to, is rather, can sometimes be <...>. You may describe personality and behavior with examples of manner and mannerisms <...>. Note that personality characteristics should be stressed in certain types of writing, for example when you recommend someone for a job²⁵. В результате социокультурная специфика дискурса в примерах (7-8 - ниже) определяется относительно контекста коллективных знаний, усвоенных в данном случае в процессе специального обучения для специальной цели, связанной с приобретением навыков письменной речи официального стиля: в примере (8)

²⁴ Для определения длины рекламного текста существует формула Флэша (Flesch Formula). Для определения количества слов в предложении – индекс Фога (Fog Index).

²⁵ Virginia Evans. Successful Writing Proficiency. Express Publishing, 2000: 6.

по сравнению с примером (7) субъектом не соблюдены общие закономерности построения текста письма (для человека, ищущего работу):

(7) *Dear Sir/Madam,*

I am writing to apply for the position of part-time shop assistant which was advertised in this week's edition of the Frankfurt English News.

I am a 16-year-old student. In December I passed the examination for the First Certificate in English with grade A. It is my ambition to become a teacher of English. Therefore, employment in an English-language bookshop particularly appeals to me.

Despite my lack of formal work experience, I feel that I would be well-suited for the position. For the past two years I have been a volunteer helper in our school library. In my school report I was described by the librarian as enthusiastic, dedicated and reliable.

Since the school holidays include the months of July and August, I will have no other commitments and would be available to work at any time, excluding Saturdays, for as many hours as needed.

I may be contacted at the above address, or by telephone on 435 1708. I look forward to receiving a reply in due course.

Yours faithfully,

Steffi Braun;

(8) *Dear Manager,*

Hi! I've decided to drop you a line about the job you advertised in the Frankfurt English News.

I'm a 16-year-old student, and my English isn't bad. I got an A in the First Certificate exam! I want to be an English teacher, so it would be lots of fun to sell English books.

I haven't worked before, but I'm sure I'd be good at the job. I've helped out in our school library for ages, and the librarian says you can count on me to work hard.

I won't be doing anything in July and August. We've got our school holidays then, so I can work any hours you like (but not Saturdays).

You can get in touch with me at the above address, or give me a ring on 435 1708. Let me know soon!

All the best,

Steffi Braun²⁶.

В примерах (7) и (8) представлены образцы писем-обращений к работодателю, в которых с помощью языковых единиц репрезентируются знания человека, составляющие концептуально-тематическую область РАБОТА, о том, что в письме о поиске работы необходимо указывать:

- название предполагаемой должности (*the position of part-time shop assistant* (7); (*about the job you advertised* (8));

- данные информационного источника, из которого соискатель узнает о вакансии (*in this week's edition of the Frankfurt English News* (7); *in the Frankfurt English News* (8));

- возраст самого соискателя (*I am a 16-year-old student* (7-8);

- его опыт, квалификацию (*student, First Certificate in English* (7-8);

- умения и навыки (*a volunteer helper in our school library* (7); *school library* (8));

- контактную информацию о соискателе (*the above address, by telephone on 435 1708* (7); *the above address, a ring on 435 1708* (8)).

Однако языковые единицы в примерах (7-8) профилируют разные концептуальные признаки; по-разному осуществляется классификация и оценка события субъектом дискурсивной деятельности (автором каждого текста), и, как следствие, сами субъекты получают разную категоризацию: претендент (7) имеет более высокие шансы получить работу. Иными словами, социокультурная специфика дискурса в (7) формируется субъектом с учетом контекста коллективных знаний (субъект более профессионально подготовлен, поскольку соблюдает правила написания текста письма), тогда как социо-

²⁶ Virginia Evans. Successful Writing Proficiency. Express Publishing, 2000: 31.

культурная специфика дискурса в (8) формируется в контексте незнания общепринятых правил построения писем о поиске работы.

Так, в письме (7) морфологическая категория времени (Present Continuous) в функции селекции репрезентирует концептуальный признак «обдуманное решение»²⁷ (*I am writing to apply*). Страдательная форма залога (*which was advertised; I was described*) как дейктическая категория синтаксически репрезентирует признак «отдаленность, невовлеченность» субъекта. Профилируются локативный и временной концептуальные признаки, ориентированные на достигнутые результаты субъекта и опыт, совпадающие с моментом написания письма (*in this week's edition; In December I passed the examination; For the past two years I have been a volunteer helper*). Дискурсивные практики последовательного описания, обоснованного и доказательного разъяснения репрезентируются языковыми механизмами использования слов с семантикой причины и следствия (*It is my ambition to become a teacher; Therefore, employment....; Despite my lack..., I feel that ...; Since the school holidays..., I will have...*). Оценочная функция активизирована посредством языковых единиц с семантикой положительной оценки, а также маркированной единицей *First Certificate with grade A*, которая репрезентирует социокультурные знания «хороший уровень владения языком, особенно в возрасте 16 лет». Классифицирующая функция КДИ определяет официальный регистр события. Иными словами, автор письма концептуализируется в качестве квалифицированного претендента на должность.

Внимание субъекта в (8) сфокусировано на его собственных чувствах и ощущениях (*lots of fun, I'm sure I'd*), эмоциональной оценке (*be good at the job*); не активизирована дискурсивная практика логического разъяснения как показатель обдуманного решения. За счет фокусирования внимания на определенной концептуально-тематической области (ПОИСК) РАБОТЫ, а также

²⁷ Ср.: *I will cut my hair* (осуществление действия в необозримом будущем); *I am going to cut my hair* (субъект собирается / намерен осуществить действие); *I am cutting my hair* (субъект обязательно в самом ближайшем будущем осуществит действие).

характеристиках, имеющих отношение к конкретной социокультуре (ученик, носитель англоязычной социокультуры), становится возможным формирование индивидуальных смыслов, обнаруживающих социокультурную специфику. С помощью когнитивно-дискурсивной интерпретанты субъект в (8) профилирует смыслы «неформальное отношение / нарушение дистанции», «самоуверенность». Дискурс этого субъекта формируется посредством следующих метаконцептов: РОЛЬ (сертифицированный школьник); СТЕРЕОТИП (наличие сертификата дает право претендовать на пост); НОРМА (нарушение контекста коллективных знаний, проявляющееся в несоблюдении правил общения с потенциальным работодателем); ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ (знание лексики, грамматики, основных орфографических и пунктуационных особенностей английского языка, но отсутствие опыта написания делового письма, для которого нехарактерны восклицательные предложения); ЦЕННОСТЬ (ориентация на себя), ПРОСТРАНСТВО (субъект формирует неформальную дистанцию); ВРЕМЯ (субъект ориентирован на будущие отношения с работодателем). Они, в свою очередь, репрезентируются языковыми единицами, грамматическими структурами, пунктуационным оформлением.

Из всего многообразия речевых формул приветствия субъект дискурса в (8) выбирает языковые единицы, профилирующие признак «включенности» в пространство общения с работодателем: синтаксически эмоционально-экспрессивную номинацию (*Hi!*), местоимение 2-го лица при обращении к адресату. Когнитивная операция силы-движения репрезентирует каузальный смысл, когда антагонист (автор письма) не оставляет выбора агонисту (получателю письма): получатель (адресат) вынужден не только принять обращение автора, но и продемонстрировать ответную реакцию (*to drop you a letter; give me a ring; let me know soon*). Эмоционально-экспрессивная оценка, профилируемая посредством синтаксической структуры восклицательного предложения, концептуализирует субъекта дискурса (автора текста) как человека несдержанного, эгоцентричного (*I got an A in the First Certificate exam!; Hi!*). Кроме того, факт обращения к работодателю не является обдуманым дейст-

вием: морфологическая категория времени (Present Perfect) репрезентирует признак «непродолжительности действия». Автор письма концептуализируется как «непригодный» в качестве претендента на должность человек.

Субъектом в (7) и субъектом в (8), таким образом, выбраны различные концептуальные признаки, связанные с поиском работы, как основа для формирования индивидуальных смыслов. Интерпретирующие функции селекции, классификации и оценки, которые лежат в основе формирования КДИ и обеспечивают специфику контекста социокультурных знаний в (7), характеризуют субъекта дискурса в (7) как более профессионально подготовленного претендента на получение должности по сравнению с дискурсом субъекта в (8).

Социокультурные знания субъекта, которые находят отражение в дискурсе, представляют собой совокупность знаний, усвоенных человеком в процессе жизнедеятельности в конкретной социокультуре и под влиянием определенных факторов (образования, профессии, территории проживания и др.). Разнообразие этих факторов, как и деятельности человека в области трудовой, интеллектуальной сфер, обеспечивает уникальные комбинации знаний в онтогенезе каждого субъекта. В дискурсе коллективные знания говорящих на том или ином языке приобретают индивидуальные конфигурации благодаря знаниям субъекта, которые он приобретает как представитель той или иной социокультуры.

В следующих примерах на системном уровне знания о маме, репрезентируемые лексемами *мама*, *мать*, *mother*, проявляют универсальный характер, то есть в качестве логических признаков составителями словаря избраны идентичные семы, но не знания о матери как о человеке, который не только обеспечивает биологическое рождение ребенка, но и выполняет социальную роль матери:

Мама – То же, что мать (в 1 значении; обычно в обращении) [СРЯ 1978: 309].

Мать – 1. Женщина по отношению к ее детям. 2. Самка по отношению к ее детенышам. 3. Обращение к пожилой женщине или к жене [СРЯ 1978: 314].

Mother –

1. a. A female person who is pregnant with or gives birth to a child.
- b. A female person whose egg unites with a sperm, resulting in the conception of a child.
- c. A woman who adopts a child.
- d. A woman who raises a child.
2. A female parent of an animal.
3. A female ancestor.
4. A woman who holds a position of authority or responsibility similar to that of a mother: *a den mother*.

5. *Roman Catholic Church*

- a. A mother superior.
- b. Used as a form of address for such a woman.
6. A woman who creates, originates, or founds something: "*the discovery of radium, which made Marie Curie mother to the Atomic Age*" (Alden Whitman).
7. A creative source; an origin: *Philosophy is the mother of the sciences*.
8. Used as a title for a woman respected for her wisdom and age.
9. Maternal love and tenderness: *brought out the mother in her*.
10. The biggest or most significant example of its kind: *the mother of all battles*.
11. *Vulgar Slang*. Something considered extraordinary, as in disagreeableness, size, or intensity.

adj.

1. Relating to or being mother.
2. Characteristic of a mother: *mother love*.
3. Being the source or origin: *the mother church*.
4. Derived from or as if from one's mother; native: *one's mother language*.

v. moth·ered, moth·er·ing, moth·ers

v.tr.

1. To give birth to; create and produce.

2. To watch over, nourish, and protect maternally.

v.intr.

To act or serve as a mother [<http://www.thefreedictionary.com/mother>].

Социокультурная специфика дискурса в следующем примере сформирована в результате профилирования таких концептуальных признаков (посредством метаконцепта РОЛЬ), как «обеспечение условий существования, роста и развития ребенка», «воспитание», «уход», которые осуществляются не только женщиной-матерью, но и мужчиной:

(9) - *Вы Лизу Леонтьеву помните из строительного отдела? // Такая / светленькая такая / смазливенькая такая / с косой // Она сейчас у нас не работает //*

- *Нет / честно говоря / не помню //*

- *Ну / естественно // Ну вот / она была его женой / родила ему двух детей / а потом / закрутила //*

- *Как же она могла оставить детей? // Она же мать! //*

- *Мать! // Мать у них был Новосельцев // (х/ф «Служебный роман»).*

В следующих примерах (11-12) в фокусе внимания субъекта находятся признаки «эмоциональное благополучие», «безусловное эмоциональное принятие ребенка и привязанность», репрезентируемые всем прецедентным текстом с помощью когнитивной операции инференции:

(10) *Папа может / папа может / все / что угодно / плавать брассом / спорить басом / дрова рубить // Папа может / папа может быть / кем угодно / только мамой / только мамой не может быть // (М. Танич).*

В контексте коллективных знаний носителей русского языка (но в контексте социокультурных знаний биологов по отношению к знаниям социогруппы юристов, в частности) *побег* в научном дискурсе специалиста по ботанике может обозначать «молодую ветку, стебель растения с листьями»

[СРЯ 1978: 482], в судебном дискурсе юриста – «бегство из места заключения» [СРЯ 1978: 482]. Индивидуальный характер знаний субъекта, репрезентируемый лексемой «побег», проявляется в языковых единицах *выгнать побег, побег уныния* и др.:

(11) *Что же содеяла русская душа с идеями западного мира, как преобразовала их в себе, в какой кристалл выделила их, какой побег готовилась выгнать из подсознания истории?* [НКРЯ];

(12) *Растить в душе побег уныния – преступление* [НКРЯ]. Интерпретирующей концептуально-тематической областью в (11) выступает область истории РОССИЯ и ЗАПАД, в (12) – область духовного мира ДУША, ЧУВСТВА и НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА.

Контекст коллективных знаний как собственно языковой контекст и неязыковое знание схем и способов построения текстов, которые активизируются субъектами конкретной группы в процессе когнитивно-дискурсивной деятельности, выступает базой для формирования социокультурной специфики дискурса. Профилирование конкретных концептуальных признаков, участие когнитивных и языковых механизмов (см. параграф 5.), дискурсивных практик при формировании дискурса на основе коллективного контекста выявляет существенный признак интерпретирующей деятельности человеческого сознания – когнитивное варьирование, которое рассматривается в следующем параграфе работы.

3. Социокультурный контекст дискурса и когнитивное варьирование

Вариативность как характеристика способа существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом [ЛЭС 1990: 80] отражает способность сознания фокусировать внимание на наиболее значимых, актуальных признаках предметов, объектов, явлений окружающего мира и репрезентировать их в дискурсе как речи, погруженной в контекст социокультурных знаний субъекта, – знаний, усвоенных им в процессе социализа-

ции в той или иной социокультуре. Когнитивное варьирование в дискурсе, как показывает изученный языковой материал, представляет собой конструирование языковой интерпретации мира, его объектов, явлений и т.д., которое, в свою очередь, обусловлено социокультурными знаниями субъекта.

Традиционное деление знаний человека на знания языковые и неязыковые, коллективные и индивидуальные со всей очевидностью предполагает социокультурный характер этих знаний, который в дискурсивной деятельности субъекта выступает в качестве контекста социокультурных знаний о мире и языке, сформированного в результате разнообразной деятельности человека во внешней среде.

Языковые знания как знания языковых значений, форм и категорий и неязыковые (энциклопедические) знания (см. подробнее: [Болдырев 2002, 2007в, 2008а, 2011, 2012, 2014а]) не образуют две автономные системы, а формируют общий континуум всех знаний субъекта о мире, языке. Коллективность и индивидуальность знаний также подразумевает их единство.

Концептуальная система человека как совокупность всех концептов, доступных его сознанию, представляет собой систему информации о мире, отражающую весь познавательный опыт человека, который репрезентируется им вербальным и невербальным способами [Павиленис 1983] и приобретает субъектом в определенном социуме и культуре. Социокультурная среда, выступая фактором, формирующим концептуальную систему человека, создает условия для выполнения субъектом той или иной деятельности. Выбор признака, отнесение объекта к той или иной категории, а также его оценка осуществляются субъектом с учетом его социокультурных знаний. Например, коллективное знание о фруктах и овощах представлено в словарных толкованиях соответствующих лексем:

Fruit - the parts of a tree or bush that contain seeds and are often eaten for their usually sweet flesh [LDELC 1998: 528];

Vegetable – a part of a plant that is grown for food to be eaten in the main part of a meal, rather than with sweet things; vegetables are often eaten together with a piece of meat or fish [LDELC 1998: 1478].

В основе языкового знания, как показывают словарные определения, лежат разные представления, обусловленные спецификой и ролью фруктов и овощей в жизни человека. Так, посредством лексемы *fruit* внимание субъекта фокусируется на признаках «съедобный плод дерева или кустарника», тогда как лексема *vegetable* репрезентирует концептуальные характеристики «съедобное растение, употребляемое в пищу в качестве основного блюда либо гарнира» (селективная функция интерпретации).

К категории «fruit» относятся также плоды с семенами в мякоти (seed-bearing structure) [thefreedictionary.com]. Этот классифицирующий признак позволяет субъекту-носителю английского языка рассматривать *tomato* (рус. «помидор», ср.: слово *томат* в русском языке означает «пюре из помидоров» [СРЯ 1978: 736]) как пример данной категории. Иными словами, с точки зрения логического познания, отображающего научное знание существенных характеристик явления, помидор (*tomato*) – это овощ (классифицирующая функция интерпретации). С точки зрения социокультурных знаний в быту помидор относится к категории фруктов в том числе: *tomato – a soft fleshy juicy red fruit eaten raw or cooked as a vegetable* [LDELC 1998: 1418]. В основе бытовых социокультурных знаний о помидорах, таким образом, лежит утилитарная характеристика «способ употребления в пищу» (варят скорее овощи, а не фрукты). Известно, что в 1893 году Верховный суд США постановил, что при взимании таможенных сборов помидоры следует считать овощами [<http://caselaw.lp.findlaw.com>; <http://eur-lex.europa.eu>], то есть в основе принятия решения субъекты ориентировались на научное, а не бытовое знание.

На уровне языкового функционирования оценочная функция интерпретации проявляется в возможности наименования человека с нарушением умственных способностей или физическими недостатками с помощью лексемы

vegetable: a human being who has little or no power of thought, or sometimes also movement [LDELC 1998: 1478]:

(1) *Since she suffered brain damage in the accident she's just been a vegetable* (Ср.: *Он совсем, как овощ, после аварии*).

В основе языкового знания о фруктах и овощах в русском языке лежат представления о фруктах как «сочных съедобных плодах дерева» [СРЯ 1978: 788] и овощах как «огородных плодах и зелени, употребляемых в пищу, к которым чаще всего относятся огурцы, морковь, свекла, брюква» [СРЯ 1978: 403]. Дифференциация, таким образом, обусловлена логическим познанием, отражающим научное знание о фруктах и овощах в виде концептуальных признаков «плод дерева» (*фрукт*) и «плод кустарника или полукустарника» (*овощ*). В обыденном сознании о подвижности границ категорий «фрукты» и «овощи» свидетельствуют следующие дискурсивные примеры:

(2) *Свои писались с маленькой, а чужие — с большой. В порядке гостеприимства. Протестуя против подобного гостеприимства, Сумароков написал возмущенный трактат «Об истреблении чужих слов из русского языка». Это что за фрукт, когда надо говорить овощ? Овощ яблоко, овощ абрикос. Сумарокову отвечали, что всякому овощу свое время. Было время абрикосу быть овощем, а теперь пришло время стать фруктом* [НКРЯ];

(3) *По европейским стандартам, варенье можно варить только из фруктов. А что делать в таком случае, например, португальцам, которые традиционно варят и экспортируют конфитюр из моркови? А вот что: взять и пролоббировать специальное постановление ЕЭС о превращении моркови во фрукт. Думаете, мы шутим? Ничуть. Аккурат с 1 января 1991 года морковку в Европе считают фруктом* [НКРЯ].

Селекция признаков («плод дерева» и «плод кустарника») в языковой репрезентации знаний о фруктах и овощах позволяет классифицировать помидор как огородное растение семейства пасленовых [СРЯ 1978: 513], то есть отнести помидоры к категории «овощи». На системном уровне у леммы *фрукт* закреплён также концептуальный признак «подозрительный чело-

век, от которого можно ожидать всяческих неприятностей» [СРЯ 1978: 788] (оценочная интерпретация):

(4) - «*Господи Иисусе, - подумал пес, - вот так фрукт!*». *На голове у фрукта росли совершенно зеленые волосы, а на затылке они отливали ржавым табачным цветом. Морщины расползались по лицу у фрукта, но цвет лица был розовый, как у младенца <..>* [М. Булгаков. «Собачье сердце»].

Коллективное знание, репрезентируемое лексемами *фрукт* и *овощ*; *fruit* и *vegetable*, является фоном, на котором формируются индивидуальные дискурсивные смыслы, то есть проявляется когнитивная вариативность в дискурсе как конструирование индивидуального «взгляда» (фокуса) на интерпретируемые сущности в контексте социокультурных знаний субъекта дискурса. В качестве социокультурного контекста в рамках дискурса выступают знания субъекта, попадающие в фокус его внимания под влиянием определенных социокультурных факторов, которые используются им для интерпретации мира и знаний о нем в процессе формирования смысла дискурса. Иными словами, в дискурсе становится возможным формирование индивидуальных смыслов на базе коллективного знания за счет фокусирования внимания на определенной концептуальной области или концепте, а также их характеристиках. Индивидуальные смыслы демонстрируют когнитивную вариативность в дискурсе в контексте социокультурных знаний субъекта. Например:

(5) *Яблоко — это не только питательный, богатый витаминами фрукт, но и яркий символ, используемый не только в библейских сюжетах, но и в отечественной политике* [НКРЯ];

(6) *5-й прием пищи (он же полдник): одно большое яблоко или любой другой фрукт, кроме винограда, бананов, дыни и арбуза* [НКРЯ];

(7) *Я чувствовал себя замысловато, как фрукт, удаленный из натюр-морта* [НКРЯ];

(8) *Я очнулся, повел глазом туда-сюда, узнал этот неприятный свет, попытался изобразить улыбку. Жена чуть заметно улыбнулась и с облегче-*

нием выдохнула: — Ну, воин сталинского фронта! Ну, фрукт с сибирского огорода! Отбушевал? Отвоевался? Я к чему так подробно про баню-то? [НКРЯ];

(9) Чем больше слупили, тем блокбастернее. Блокбастер — фрукт теплолюбивый, почти парниковый. Поэтому в осенние холода слетаются они со всей земли в московские комфортабельные кинотеатры [НКРЯ];

(10) For instance, Apple last year sold in Britain computers worth £42.5 million while Sinclair managed sales of just £8.6 million [BNC];

(11) Basically, it's a CD which you insert in your IBM player on an Apple Mac, and you have eighty tracks plus all the videos [BNC].

В примере (5) формирование дискурса осуществляется в контексте бытовых, библейских и политических социокультурных знаний субъекта, отсылающих к концептам ПОЛЕЗНЫЙ, АДАМ и ЕВА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ Г. ЯВЛИНСКОГО, КОНЕЦ XX ВЕКА. В примере (6) – в контексте социокультурных знаний о культуре еды; когнитивное варьирование обеспечивается отсылкой к концептуальным характеристикам «фрукт - перекус», «фрукт - легкая, а не тяжелая пища». В примере (7) реализуются социокультурные знания из профессиональной сферы художника, тогда как в (8) активизируются концепты ВОЙНА, ВОЖДЬ, РОДИНА и др. В примере (9) формирование дискурса осуществляется в контексте социокультурных знаний из концептуально-тематической области КУЛЬТУРА / КИНО. В (10) интерпретирующим контекстом социокультурных знаний выступают знания о корпорации Apple, тогда как в (11) контекстом социокультурных знаний являются знания о компьютерах.

Индивидуальные смыслы представляют собой дискурсивную реализацию системных значений языковых единиц под влиянием контекста социокультурных знаний субъекта в следующих примерах, демонстрирующих когнитивную вариативность в дискурсе:

(12) *Стоит на базаре, как на витрине, и любая баба, а их там тысячи, может подойти и пощупать её мужа, как овощ* [НКРЯ];

(13) *Как вы терпите этот ужасный климат, вы ведь не питерский овощ, нет?* [НКРЯ];

(14) *Я уже засыпаю. Нужно спать, боюсь, завтра просплю. Засынай))) В любом случае, это не самый худший способ времяпровождения))) Ты тоже иди спать : -) а то завтра будешь, как овощ : -) Да ладно, я утром высплусь)) Впрочем, если ты настаиваешь...* [НКРЯ];

(15) *И сам я с рожденья был ранний овощ* [НКРЯ];

(16) *В конце-то концов, ты ведь профессионал и должен владеть материалом, а не он тобой. Не тут-то было. Дело в том, что хеппи-энд — это не конец романа, это весь роман. Финал — это овощ, чьи корни пронизывают и держат всю почву повествования. Выдерни его — только комья посыплются. А с другой стороны, не посадишь сразу, он и не вырастет* [НКРЯ];

(17) *Ладно, я на том не стою. Пуцай овощ. Но чего тогда ее червь не ест? Если овощ добрый, его червяк ест. Вот и пуцай без меня жарят ее, паят, пекут, что хотят с ею делают. Я им не указ, ну и живите сами* [НКРЯ];

(18) *Молодые торопят время, желая казаться старше, а пожилые тормозят время, чтобы казаться моложе, однако правда в том, что каждый из нас — овощ своего времени* [НКРЯ];

(19) *A mouth without its cortex is not strikingly different in behavior from a normal mouth: a man with no cortex is a vegetable* [BNC].

В примере (12) субъект активизирует бытовые знания, усвоенные в процессе выполнения социальной роли покупателя. Эти знания репрезентируются соответствующими лексемами (*базар, пощупать овощ*). В примере (13) передается смысл «место рождения» с помощью когнитивного механизма²⁸ инференции (смена климатических условий может пагубно сказаться на процессе выращивания овощей); в (14) с помощью когнитивного механизма инференции активизируется признак «условия хранения овощей» (не вы-

²⁸ О когнитивных и языковых механизмах см. параграф 5.

спишься – будешь плохо выглядеть). В (15) лексемы *рождение, ранний овощ* репрезентируют концептуальный признак «раннее взросление». Бытовые знания субъекта, усвоенные им в процессе хозяйственной деятельности, реализуются в примерах (16,17,18); в (19) репрезентируются биологические знания.

Социокультурное когнитивное варьирование в дискурсе, таким образом, представляет собой индивидуальный фокус внимания субъекта на конкретных объектах, явлениях и др. в контексте его социокультурных знаний, которые, в свою очередь, усваиваются им в процессе активного взаимодействия с социокультурной средой, то есть в процессе осуществления человеком той или иной деятельности. Важным фактором, обуславливающим когнитивное варьирование, является фактор адресата.

4. Фактор адресата в формировании социокультурной специфики дискурса

Любой дискурс обращен к потенциальному адресату и ориентирован на него: «адресат, как и говорящий, вступает в коммуникацию не как глобальная личность, а в определенном своем аспекте, амплуа или функции, соответствующем аспекту говорящего» [Арутюнова 1981: 357-358]. Когнитивно-дискурсивная деятельность субъекта, осуществляясь относительно разнообразных ситуаций внешнего и внутреннего миров, активизирует знания субъектов, которые являются непосредственной «интерпретирующей реакцией» на определенный стимул, аудиторию, место коммуникативного процесса и др., находящиеся в поле зрения субъекта. Например, известные постулаты Грайса ориентированы на «коммуникативные обязательства» говорящего по отношению к адресату, а такие критерии, как возраст, пол, социальный статус и роль адресата, а также типология адресатов (личный, безличный, единичный и множественный) (см. подробнее: [Grice 2004; Педагогическое речеведение 1998]) обуславливают выбор языковых средств и, следовательно,

знаний, которые ими репрезентируются, то есть субъект проявляет специфику социокультурных знаний при построении дискурса.

Как показывает анализ материала исследования, социокультурная специфика дискурса определяется рядом факторов, которые в научной литературе получили название «фактор адресата» (см. подробнее: [Арутюнова 1981]). Важная составляющая контекста социокультурных знаний отводится знаниям субъекта об адресате: его социальной роли, профессиональной деятельности, ценностях, предпочтениях, этнической принадлежности²⁹ и др. Следуя логике концепции, развиваемой в работе, субъект, осуществляя когнитивно-дискурсивную деятельность, активизирует знания / незнание об адресате, то есть в той или иной степени учитывает фактор адресата при построении дискурса. Частью этих знаний об адресате становятся знания о ситуации, экстралингвистической реальности, в которых находится адресат; с помощью языковых средств субъект реализует замысел / интенции, которые также ориентированы на адресата и ситуацию в целом. Субъект может осознанно учитывать фактор адресата при построении дискурса, то есть объективировать знания об адресате и знания самого адресата посредством языковых

²⁹ Еще М.В. Ломоносов выделял так называемые «главные слушателей свойства», к которым относил: «1) возраст, «ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые перед прочими страстями склоннее к ненависти, к любочестию и к зависти, страсть в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых»; 2) пол, «ибо мужской пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скорее побуждается, однако весьма долго в них остается и с трудом оставляет»; 3) воспитание, «ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно»; 4) наука, «ибо у людей, обученных в политике и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живностию и с благочинною бодростию, предложениями, важного учения исполненными; напротив того, у простаков и грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей, для того что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько лютна у медведей» [Ломоносов, 1963, с. 59-60]» (Цит. по: [Чернышева 2005: 54]). Выделяются также адресаты «житий» и адресаты «хождений» (см. подробнее: [Литература Древней Руси 1988]).

средств. В основу типологии этих знаний могут быть положены такие признаки, как:

- интересы и предпочтения адресата;
- принадлежность к одной профессиональной сфере субъекта и адресата;
- уровень знаний адресата;
- социальный статус и роли адресата;
- возраст адресата;
- потребности адресата и т.д.

Так, в следующих примерах социокультурная специфика дискурса определяется знаниями интересов и предпочтений адресата:

- в сфере спортивной жизни:

(1) *Я говорю об этом / дорогие друзья / потому что понимаю / что сегодня меня смотрит не только гигантская аудитория футбольных болельщиков / которые всегда у экранов во время футбольных матчей / но и пришедшая / скажем так / им на помощь группа телезрителей / которая / может быть / в обычное время не смотрит футбол (В. Гусев о ЧМ по футболу в 2008 году между Россией и Англией.*

[<https://m.youtube.com/watch?v=XIpCWnHjJc>]). Дискурс субъекта обращен к группе телевизионных болельщиков, а также зрителей, присутствующих непосредственно на матче, что объективируется соответствующими языковыми единицами;

- в области туризма (дискурс (2-4) ориентирован на путешественников и любителей активного отдыха):

(2) *Название переулочка получил от Гранатового двора, находившегося на месте современных участков № 4-8, где хранились заряды, порох, ядра. Особняк, выстроенный в готических формах, - работа известного московского архитектора А.Э. Эрхсона, выполненная им в 1899 г. для жены потомственного почетного гражданина Анны-Луизы Леман. Разнообразны интерьеры его, отделанные ценным деревом и лепными украшениями. До со-*

ветской власти особняк принадлежал московскому губернскому предводителю дворянства П.А. Базилевскому. В 1919 г. здесь помещался Всероссийский главный штаб Реввоенсовета, в 1920-х гг. – центральное бюро по обслуживанию иностранцев, в 1933-38 гг. – канцелярия французского посольства [Путеводитель «Вся Москва» 2010: 178];

(3) *In the opposite direction, that is to say, heading towards the Thames mouth, stands the Oxo Tower, the former headquarters of the famous stock-cube manufacturers, now refurbished into private apartments, two restaurants, a view-point commanding magnificent vistas and latest-generation fashion and design shops. Leaving the Oxo Tower behind us, we come to two key points in the “new” London: the Millennium Bridge and the Tate Modern. The former is a stylized pedestrian bridge over the Thames, designed by Norman Foster and Anthony Caro, linking the Tate Modern with St Paul’s Cathedral. The bridge which commands splendid views is illuminated at night to resemble even more a “blade of light”. For its part, the Tate Modern is one of the largest and finest modern art museums in the world* [Путеводитель «All London Guide Book» 2009: 46];

(4) *Заблудился? Скачай карту Google. Карты Google – удобный навигатор в твоём мобильном телефоне! Найти нужный адрес, подобрать оптимальный маршрут проезда можно нажатием всего нескольких клавиш. Карты можно приближать, удалять, перемещать в любом направлении – и при этом не перезагружать страницу. Загрузи карты Google по номеру.*

Выбор признака, который выступает в качестве интерпретирующего знания, обусловлен фактором функции – прагматическим назначением памятников культуры и архитектуры для туристов, путешественников, исследователей в (2-3), утилитарной оценкой в (4). Последняя ориентирована на передачу не только фрагмента социокультурного знания о важности устройства для категории лиц, путешествующих по миру (командированных, например), но и точки зрения субъекта относительно этого знания: моделирование положительного облика объекта, незаменимого в дороге.

Социокультурная специфика дискурса (2-4) определяется знаниями субъекта, реализуемыми посредством КДИ, отсылающей к концептам АРХИТЕКТУРА и АРХИТЕКТОРЫ, ИСТОРИЯ в (2) и АРХИТЕКТУРА и АРХИТЕКТОРЫ, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ в (3), НАВИГАТОР, ПУТЕШЕСТВИЕ, СМАРТФОН в (4). Дискурсивные практики объяснения, описания, повествования в (2) реализуются за счет синтаксических структур, в которых подлежащие и сказуемые выражены существительными (*особняк – работа*); прилагательными (*готический, известный, лепной*); глаголами и глагольными формами, обозначающими хронологию действий (*получил, находившегося, хранились, выстроенный*). Они ориентированы (классификационная функция интерпретации) на удовлетворение интеллектуальной потребности адресата, обращены к его знаниям / незнанию представителей профессиональных сообществ (*архитектора А.Э. Эрихсона*), общественных деятелей (*почетный гражданин*), социальных слоев (*предводитель дворянства П.А. Базилевский*).

Формирование дискурса в (3) осуществляется в контексте социокультурных знаний субъекта об инфраструктуре Лондона недавнего прошлого (репрезентируется лексически: *former*) и современного периода. Выбор признака «включенность адресата» в повествование, описание и объяснение субъекта поддерживается не только лексически (например, местоимение *we*), но и грамматически (Present Tense), за счет чего адресат становится участником события. Фрагмент текста ориентирован на активизацию эстетического опыта адресата: *refurbished, magnificent vistas, latest-generation fashion, stylized, splendid, largest and finest*.

Индивидуальный контекст знаний (контекст социокультурных знаний субъекта) в (4) сформирован в рамках концептуально-тематической области ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: (*скачай, навигатор, нажатие клавиш, перезагружать*). В качестве КДИ, раскрывающей социокультурную специфику и социокультурный контекст дискурса, выступают вышеназванная концептуально-тематическая область и репрезентирующие ее названия

действий, которые можно осуществлять с устройствами – носителями информации (*скачай, приблизить, перезагрузить*);

В следующих примерах (5-10) интерпретирующим признаком выступает принадлежность к одной профессиональной сфере:

(5) *Схема проезда на конференцию 19 – 20 мая 2011 года в Гуманитарный институт Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого по адресу: Россия, город Великий Новгород, Антоново, Гуманитарный институт. Проезд: автобус № 8 «а», маршрутное такси № 73 до остановки «улица Парковая, д. 5», автобусы № 4, 20, 13, 12 до остановки «НГТРК «Славия». Телефон для справок: (8162) 633-350, доб. 234 или 231 (выдержка из информационного письма о конференции).*

Во фрагменте информационного письма о Международной научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация» в Великом Новгороде субъект дискурса в большей степени ориентируется на адресатов, проживающих на территории России и стран СНГ, чем на участников иностранных государств. КДИ представлена концептуальными признаками «схема проезда внутри города», реализуемыми за счет языковых номинаций (*Гуманитарный институт, Великий Новгород, автобус, остановка, улица*); классифицирующим признаком является «профиль научного события» – конференция по гуманитарным дисциплинам. Динамический аспект оценочной интерпретации предполагает отнесение фрагмента ситуации, связанной с вопросом проезда на конференцию, к категории «свой / российский», то есть формирование дискурса осуществляется в контексте социокультурных знаний субъекта о потенциальном адресате – социальной группе исследователей, чья профессиональная деятельность посвящена изучению языка. При формировании дискурса не учитывается вероятность участия в Международной конференции международных ученых-исследователей.

Наоборот, в следующем примере (6) потенциальный участник конференции представлен разнообразными группами, которые нуждаются в информации о маршруте, о том, где можно приобрести товары, перекусить,

обменять деньги на фунты и др. Ими могут быть представители иностранных государств, пешие, сбившиеся с пути, путешествующие на такси, на автобусе, шопоголики и т.д.:

(6) Local Bristol Information. Local bus information: *UWE runs ULink buses between the Frenchay Campus bus stops and the City Centre. Adult Dayrider tickets cost £3.00 and may be purchased on the bus. No. 70 bus runs to City Centre <...>. Services run approximately every 15 minutes during the day <...>. The nearest bus stop to the Holiday Inn Filton (5 minutes walk) is at the traffic lights at the junction of Coldharbour Lane and the Ring Road. You may ask at the Hotel Reception for directions to the bus stop. Taxis: Eurotaxi 01454 230101. BD Taxi 0117 9652222. Journeys between either the Frenchay Campus or the Holiday Inn Filton and the City Centre will cost between £15 and £20. There are also taxi ranks located in the City Centre, opposite the Hippodrome, and at the top of Park Street, next to NatWest Bank. Currency Exchange and ATM: There is a Branch of NatWest Bank at Frenchay Campus, with ATM/Cash Machine. Opening hours <...>. All major high street banks available in Bristol City Centre – opening hours similar to above 24 hour currency exchange available at Bristol Airport – Travalex. Shopping: Cabot Circus – a large shopping mall in the city centre; Broadmead – over 300 high street shops; The Mall Bristol – independent shops, high street stores and cafes; Park Street – boutique type shopping; Gloucester Road – local produce and gifts (выдержка из информационного письма о конференции в г. Бристоль, Великобритания, 2011 г.).*

Эти знания о потенциальном адресате в данном примере репрезентируются с помощью языковых номинаций (*journey, inn* репрезентируют концепт FROM OTHER TERRITORY; *currency exchange* – FROM ABROAD; *bus, taxi* – WAY OF TRAVELLING и т.д.). Несовпадение индивидуальных контекстов, проявляющееся в отсутствии соответствующих социокультурных знаний у потенциального адресата – участников конференции, реализуется с помощью дискурсивных практик описания и информирования. Они, в свою очередь, представлены бытийными предложениями: *The nearest bus stop to*

the Holiday Inn Filton (5 minutes walk) is at the traffic lights at the junction of Coldharbour Lane and the Ring Road; There are also taxi ranks located in the City Centre, opposite the Hippodrome, and at the top of Park Street, next to Nat-West Bank; синтаксическими структурами с прилагательными: Cabot Circus – a large shopping mall in the city centre; Broadmead – over 300 high street shops; The Mall Bristol – independent shops, high street stores and cafes; Park Street – boutique type shopping; Gloucester Road – local produce and gifts и др. Иными словами, субъект формирует дискурс, ориентируясь на разнообразные роли потенциальных участников, статусы, системы норм, предпочтений и ценностей, на представителей не только Великобритании, но и иных территорий, на категории лиц, предпочитающих автобусы, такси.

В следующих примерах субъект профилирует *профессиональные* концепты в дискурсе (7-10), ориентированном на адресата-лингвиста, а именно: ученых, чья научная деятельность посвящена углубленному изучению определенной проблемы (7); студентов, чья деятельность направлена на восприятие учебного материала от простого к сложному, и преподавателей-практиков (8); групп исследователей, студентов и путешественников (9); исследователей, чья деятельность посвящена поиску ответа на конкретный вопрос (10):

(7) *В монографии исследуются процессы структурной организации и самоорганизации текста, исходя из основных принципов теории симметрии и синергетики. Установлено разнообразие способов достижения гармонии формы, проанализирована система градационных моделей структуры текста. Функциональное разнообразие форм структуры текста определяется вариативным расположением креативного аттрактора и позиционной иерархии данной формы, а также изоморфизмом глубинных и поверхностных уровней целого (аннотация к монографии Г.Г. Москальчук. «Структура текста как синергетический процесс» 2003). Подчеркнутые языковые единицы профилируют признаки «научная проблема», «глубина исследования», «научное мнение субъекта», «обоснованность выводов»;*

(8) *In this thoroughly updated edition, Introducing Functional Grammar describes clearly each of the major grammatical systems in terms of the kind of meaning that they contribute to messages. Starting with simple procedures for identifying the choices in a particular system, each chapter discusses the functions of the system in context. New material on the implications of corpus data and an introduction to systems networks is included; and there is greater emphasis on the exploration of how grammatical analysis can illuminate meaning at text and discourse level. Much of the content has been reorganized and made more user-friendly in response to feedback from students as well as teachers and other linguists. There are numerous worked examples to illustrate the analysis at each stage, as well as practice activities for the reader to try out (аннотация к учебнику «Introducing Functional Grammar» 2004). Интерпретанты селекции, классификации и оценки определяют область социокультурных знаний, в рамках которых формируется дискурс субъекта, ориентированный на адресата. Они (знания) репрезентируются семантикой подчеркнутых языковых единиц;*

(9) *Эта книга:*

- для тех, кто изучает английский язык;
- для тех, кто интересуется культурой Англии;
- для тех, кто занимается проблемами межкультурной коммуникации и регионоведения;
- для тех, кто собирается в путешествие в Англию;
- для тех, кто хочет научиться общению с англичанами и понять особенности их характера (С.Г. Тер-Минасова. «Язык и межкультурная коммуникация» 2004). Интерпретанты селекции, классификации и оценки отсылают к концептам СТУДЕНТ, ШКОЛЬНИК (изучает английский язык), ПУТЕШЕСТВЕННИК (интересуется культурой), ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ЛИНГВИСТ (межкультурная коммуникация);

(10) *The essays in Ways of Seeing, Ways of Speaking: The Integration of Rhetoric and Vision in Constructing the Real explore the intersections among image, word, and visual habits in shaping realities and subjectivities. Each of the*

nine authors addresses the following question: How is the constitution of our world and our identities composed of the intricate interweaving of imagery, rhetoric, and shared ways of seeing? (Visual Rhetoric: A Reader in Communication and American Culture 2008). За счет дискурсивной практики вопроса субъект специфицирует проблему взаимосвязи невербальной и вербальной коммуникации, привлекая внимание адресата к конкретному аспекту этой проблемы.

В рамках *профессиональных* концептов субъект формирует характеризующие смыслы, ориентированные на адресата. Они возникают как результат интерпретирующей деятельности сознания субъекта, который предполагает градацию / классификацию и выделение типов адресата по различным основаниям: по уровню подготовленности (новичок – профессионал в (11-12)), по способу принятия информации (полагаться на утверждения субъекта vs осмысливать и рассуждать, прежде чем формировать точку зрения в13-14)). Уровень знаний выступает структурирующей основой типологии адресата в следующих примерах:

(11) *Даосизм (от оригинальных терминов “дао цзя”, школа дао, и “дао цзяо”, учение о дао) представляет собой идеологическую систему, обладающую значительно более сложной внутренней композицией, чем конфуцианство. Она распадается на два относительно самостоятельных, хотя и связанных между собой доктринальной и терминологической общностью магистральных направления: философское и религиозное, которые заметно различаются по их установкам и ценностям [Религиоведение / ред. М.М. Шахнович: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности (направлению) «Религиоведение» Спб.: Питер, 2006: 104];*

(12) *Даосизм – многогранное и очень емкое понятие. Оно включает в себя и философию, и религию, и определенный образ жизни. Последователей этого учения можно встретить в самых разных местах. Молчаливый отшельник, нашедший тихое прибежище на лесистой горе, - даос. Лекарь, бродящий по деревьям, лечащий с помощью трав, иглоукалывания и наложения*

рук, - тоже даос <...> Слово “даосизм” происходит от иероглифа, который по-китайски приблизительно произносится как “дао” или “тао” и в просторечии обозначает “путь-дорогу” [Энциклопедия для детей. Т. 6. Религии мира. Ч. 2. М.: “Аванта+”, 2002: 8-9].

В примере (11 и 12) авторы реализуют дискурсивную практику объяснения, исходя из знаний об особенностях восприятия и специальной подготовки двух социальных групп – студентов и школьников. Дискурсивная практика объяснения активизирует знания субъекта дискурса о функции наставника (объяснять), представленного социальным классом ученых (мета-концепт РОЛЬ), ориентированных на создание интеллектуального продукта в виде учебного пособия для студентов в (11) и энциклопедии для детей (12). Дискурс, таким образом, ориентирован на профессиональную студенческую аудиторию в (11) и менее подготовленную аудиторию школьников в (12).

Посредством КДИ субъект дискурса в (11 и 12) материализует не только профессиональные знания (представлены в данном примере в большинстве своем терминами), но и знания о правомерности наставления, поучения профессионально более подготовленными группами субъектов (коллектива ученых) менее подготовленных студентов и школьников (реализуются с помощью логического определения и синтаксической структуры предложения, в котором ставится тире между подлежащим и сказуемым, выраженными существительными в (12), и научного определения, содержащего характеристику явления, сравнение, обобщающее утверждение в (11)).

Дискурсивная практика объяснения в (12), в отличие от дискурсивной практики объяснения (11), ориентированной на менее подготовленных читателей (школьников), реализуется также с помощью активизации конкретных образов предметов (*отшельник, лекарь*), тогда как в (11) – абстрактных (научных) понятий (*идеологическая система, внутренняя композиция*);

(13) *In every can of new and improved Pringles / there is fun that goes on and on and on // With around 90 cheeps per can / there is one thing you can be*

sure of // One can / 90 Pringles / a whole lot of fun // Everything pops with new Pringles!;

(14) *Представляем новый Принглз // Теперь целая пачка хорошего настроения // Все потому / что 90 чипсов в каждой банке // Поэтому теперь вы можете быть уверены // 90 Принглз! // Так много хорошего настроения // Попробуй хорошее настроение на вкус // Теперь по новой / более низкой цене.*

В динамическом аспекте, отображающем контекст индивидуальных знаний субъекта в (13), активизируется дискурсивная практика описания посредством структуры бытийных предложений (доминирование осуществляется за счет констатации факта: *there is one thing you can be sure of*). Потенциальным адресатом этого дискурса выступает «человек, верящий на слово». В контексте индивидуальных знаний в (14) субъект активизирует дискурсивную практику разъяснения за счет установления причинно-следственных связей. Потенциалом для реализации дискурсивной практики объяснения обладают служебные слова (*потому, поэтому, так*). В этом смысле дискурс ориентирован на «адресата рассуждающего». Иными словами, профессиональные знания субъекта о доминировании и манипулятивных особенностях рекламного дискурса в (13 и 14) проявляют когнитивное варьирование в зависимости от ориентации на адресата как представителя группы людей, характеризующихся определенной традицией восприятия информации. КДИ в (13) активизирует признак «уверенность», тогда как в (14) – «размышления».

Социокультурная специфика дискурса и субъектный принцип ее формирования проявляются за счет активизации субъектом контекста социокультурных знаний, ориентированного на адресатов разных социальных групп и статусов (ситуативных групп и постоянных групп). В контексте находят отражения знания субъектов о специфике предпочтений адресата, востребованности тех или иных качеств / характеристик / объектов / предметов и т.д. Так, в дискурсе, адресатом которого выступают больные люди (ситуативная / «временная» группа), выбор признака в качестве интерпретирующего знания обусловлен фактором функции: привлечение внимания адресата к

способу исцеления путем рекламного сообщения о лекарствах (15). В качестве признаков в КДИ медицинского дискурса, ориентированного на пациентов, избираются ощущения людей, основанные на базовом знании анатомии и влиянии окружающей среды на их организм (16):

(15) *Don't let a migraine disrupt your life. Get back to your life with IMITREX. If migraines are disrupting your life, ask your doctor about prescription IMITREX. You can take IMITREX at the first sign of migraine pain. It was specifically made to target the nerves and blood vessels that are believed to trigger your total migraine – the pain, nausea, sensitivity to light and sound. So tame that migraine monster and get the relief you need, without drowsiness* (видеореклама лекарственного средства).

Концептуальные признаки «боль», «страдания» репрезентируются языковыми номинациями и семантикой лексем (*disrupt your life, disrupting, pain*). Специальные знания представлены посредством структур, репрезентирующих школьные знания о строении человеческого организма: концептами NERVES, VESSELS. Основанием для формирования смысла становится эмпирический опыт человека (*are believed to*), наблюдения за поведением групп людей (больных), подверженных заболеванию, включая особенности течения болезни (рвота, тошнота), которые обозначаются с помощью языка: *pain, nausea, sensitivity to light and sound*. Интенция привлечения внимания к адресату реализована с помощью дискурсивных практик побуждения к действию, а именно глаголов (*tame, get, take*).

Наоборот, в дискурсе, обращенном к адресату постоянного социального статуса (профессионалам, специалистам-коллегам, студентам медицинских вузов и т.п.), КДИ представлена профессиональными концептами, репрезентированными соответствующими лексемами (см. ниже). Интенциональность дискурса определяется знаниями субъекта–невролога о способе привлечения внимания адресата к проблеме мигрени (посредством изложения научной информации по нормам и стандартам научного дискурса):

(16) Мигрень - заболевание, обусловленное наследственно детерминированной дисфункцией вазомоторной регуляции, проявляющейся преимущественно в виде периодически повторяющихся приступов головной боли обычно в одной половине головы. В настоящее время наиболее обоснованным является мнение об аутосомно-доминантном типе наследования мигрени с преимущественным проявлением у лиц женского пола. В реализации заболевания, по-видимому, принимает участие большое количество типических и паратипических факторов, что объясняет значительный клинический полиморфизм мигрени с внутрисемейным сходством и межсемейными различиями <..>. Патогенез заболевания характеризуется большой сложностью и пока не может считаться окончательно выясненным. Однако не подлежит сомнению, что при мигрени имеет место особая форма сосудистой дисфункции, проявляющаяся генерализованными нарушениями вазомоторной иннервации преимущественно в виде неустойчивости тонуса церебральных и периферических сосудов

[<http://vse-zabolevaniya.ru/bolezni-nevrologii/migren.html>].

КДИ приведенного дискурса (16) формируется в концептуально-тематической области НАУЧНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ЗНАНИЕ, характеризующейся наличием понятийно-терминологического аппарата: *аутосомно-доминантный тип наследования, паратипические факторы, клинический полиморфизм, патогенез заболевания, форма сосудистой дисфункции, вазомоторная иннервация* и др. КДИ отсылает к контексту социокультурных знаний специалиста – медицинского работника, а именно, к концептам ТИП ЗАБОЛЕВАНИЯ, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЯ, ОПИСАНИЕ ТЕЧЕНИЯ БОЛЕЗНИ, которые, в свою очередь, репрезентируются дискурсивными практиками объяснения (приведение дефиниции), пояснения (за счет актуализации последовательного изложения научного содержания с помощью конкретизации от общего (определение мигрени) к частному (известным и неизвестным научным фактам, активизированным посредством модальности предположения (*по-видимому; пока не может считаться*)).

Индивидуальный контекст знаний субъекта-невролога в этом (16) примере структурируется метаконцептами ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ и НОРМА. Ср.: ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ разных специалистов:

- невролога: *дисфункция вазомоторной регуляции;*
- ортопеда: *дисфункция опорно-двигательного аппарата;*
- гинеколога: *дисфункция яичников;*
- логопеда: *дисфункция речи;*
- терапевта: *печеночная дисфункция;*
- психотерапевта: *эмоциональная дисфункция.*

Ср.: НОРМА:

- в рамках научного дискурса: соблюдение научного стиля на уровне лексических и грамматических средств (абстрактная лексика, термины, например), требования к содержанию (постановка цели, логичное и доказательное изложение научного материала от простого к сложному, верифицируемость, наличие дефиниций и др.);

- в рамках педагогического дискурса: объяснение материала, контроль за его усвоением, организация самостоятельной работы учащихся, оценка;

- в рамках медицинского дискурса: диагностика, рекомендации пациенту, лечение больного.

Востребованность конкретных объектов, предметов, предпочтения адресата выступают условиями, определяющими социокультурную специфику дискурса субъекта в следующих примерах (17-20). Социокультурная специфика дискурса определяется контекстом бытовых знаний по уходу за ребенком (17), домом (18); в примерах (19-20) адресатом выступают женщины (в (19) - незамужние); женщины, претендующие на ту или иную должность - в (20):

(17) – женщины-мамы малышей:

Ты учишься удивительным вещам / когда спишь особенно крепко // Такой здоровый сон мы называем / золотым сном // Его дарят тебе новые Памперс Актив Бэби // Это самые мягкие подгузники / которые идеально

впитывают до двенадцати часов / помогая сохранить тебя сухим всю ночь и подарить золотой сон // Чтобы ты всегда был готов учиться новому и интересному <..> [www.telead.ru/pampers]. Активизируются концептуальные признаки «крепко спать», «сохранять», «здоровый», «бодрый», «любопытный», репрезентируемые соответствующими языковыми единицами и когнитивными механизмами инференции (*сохранить сухим и подарить сон* = быть бодрым, выспавшимся). КДИ выступает в функции активации знаний о важности здорового сна в жизни матерей, имеющих маленьких детей (в рамках бытовых концептов);

(18) - женщин–домохозяек:

The evil Queen cast a spell of recurring dirt in a beautiful maiden's house / so that she'd always be cleaning // The maiden knew what could break the spell for ever. Закадровый голос: Cif / power cream // The beautiful maiden was finally free // Break the spell of recurring dirt in your home with Cif power cream // Always a beautiful ending / easily. Реклама чистящего порошка выполнена в жанре волшебной сказки и называется «The Magic of Cif's Invisible Shield». Сюжет сказки традиционен: злая волшебница загрязняет дом Белоснежки, а моющее средство – Cif – разбивает злые чары. Дом красавицы спасен. Дискурс структурируется посредством метаконцепта СТЕРЕОТИП (домохозяйки предпочитают сериалы с любовной сюжетной линией и счастливым концом). Социокультурная специфика дискурса обусловлена КДИ, репрезентируемой концептами GOOD CHARACTER (MAIDEN), BAD CHARACTER (QUEEN), HAPPY END, объективированных языковыми единицами (в рамках сказочных концептов);

(19) - незамужних женщин, ведущих поиски партнера:

Зеленоглазая, ухоженная, с разносторонними интересами женщина, 57/160/67, выглядит моложе своих лет, ж/о, частный дом в пригороде по-знакомится <...> (фрагмент женского брачного объявления. «Блиц». Тюмень, 2007 г.). КДИ представлена признаками, отсылающими к концептам, репрезентирующим ожидания качества характера, внешности и др. со стороны

адресата: цвет глаз, увлечения, семейный статус, социальное положение. Дискурс структурируется в рамках оценочных и личностных концептов;

(20) - женщин-претендентов на ту или иную должность:

*Коммуникабельность, исполнительность, целеустремленность, пунктуальность, аккуратность, способность брать на себя ответственность за принимаемые решения, мобильность, отзывчивость. Амбициозна: сделанная мной работа должна быть высокого качества. В отношениях с подчиненными требовательна, справедлива. В отношениях с коллегами корректна, соблюдаю субординацию. Обучаема, готова освоить новые навыки в области кадрового менеджмента и других областях. Опытный пользователь ПК (MS WINDOWS XP, MS Windows 7, MS Word Exel), СПС, СПС «Гарант», СПС «КонсультантПлюс» <...> (фрагмент резюме). Дискурс структурируется в рамках оценочных, личностных и профессиональных концептов, репрезентируемых лексемами *работа высокого качества, опытный; коммуникабельность, целеустремленность; пользователь, кадровый менеджмент.**

В примерах (21-22) дискурс ориентирован на возрастную аудиторию (молодое поколение в (21) и детей в (22)):

(21) *Фанта. Вливайся! Фанта. Апельсиновый заряд. Оторвись с друзьями; Миринда. Оттянись со вкусом!* [www.textart.ru/baza/slogan/napitki/gazirovka.html].

В составе КДИ в примере (21) выступают концепты ВЕЧЕРИНКИ, ДИСКОТЕКИ, ПРАЗДНОЕ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЕ, которые активизируются посредством метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ, а именно молодежным сленгом: *отрываться*: 1) отдыхать, расслабляться, отвлекаться, отходить от дел, получать удовольствие, испытывать блаженство [russian_argo.academic.ru/8323/оторваться]; *оттягиваться*: 1) отдыхать, расслабляться, уезжать на отдых, отходить от забот [russian_argo.academic.ru/8394/оттянуться]. При формировании дискурса субъект активизирует контекст социокультурных знаний об аудитории определенного возраста (молодежи), создавая положительный облик напитка

(оценка) за счет селекции концептуальных признаков «активность», репрезентируемых глаголами (*вливайся, оторвись*), «легкое, непринужденное общение» (*оторвись с друзьями*), классифицируя объект в рамках категории «отдых». Дискурсивная практика побуждения, призыва, репрезентируемая синтаксической структурой восклицательного предложения, активизирует знания специфики молодежной среды посредством метаконцептов СТЕРЕОТИП, НОРМА (концепты АКТИВНОСТЬ, НЕУЕМНАЯ ЭНЕРГИЯ);

(22) *Why do we need to use numbers?*

Numbers are used to describe the amount of things. We can express numbers in words, by hand gestures or in writing, using symbols or numerals. When we talk about a number we use words ('five') rather than the numeral (5), but when we write we use both words and numerals.

*Numbers can describe how many objects there are, or their position among lots of objects, such as 1st or 5th for example. Other types of numbers describe how many units of something there are, for example how many kilograms (weight) or meters (length). Numbers are just a convenient way to describe ideas [Encyclopedia of Questions and Answers 2005: 80]. Социокультурная специфика дискурса в этом примере проявляется в указании на такие концептуальные характеристики, как: «причинные связи» (*Why do we need to use numbers?*), «предмет и его идентификация» (*What is the metric system?*), «образ действия» (*How did Roman numbering work?*), – которые ориентированы на активизацию познавательного интереса у адресата определенной возрастной группы (дошкольники, школьники младших классов, например).*

Таким образом, социокультурные знания об адресате, ориентация на его интересы, потребности, предпочтения, возраст, социальный статус, профессиональные увлечения выступают в качестве интерпретирующей основы в формировании социокультурной специфики дискурса. Конструирование дискурса, а также состава КДИ осуществляется посредством когнитивных механизмов. В единстве с языковыми механизмами они участвуют в процессе формирования социокультурной специфики дискурса и социокультурного

смысла в целом. Соотношение языковых и когнитивных механизмов в формировании КДИ и социокультурной специфики дискурса описывается в следующем параграфе работы.

5. Языковые и когнитивные механизмы формирования когнитивно-дискурсивной интерпретанты

Социокультурный опыт субъекта, отображаясь в концептуально-тематических областях, в дискурсе реализуется за счет метаконцептов и основывается на действии языковых и когнитивных механизмов формирования смыслов. Концептуально-тематические области как источники социокультурной специфики дискурса, по мнению Н.Н. Болдырева, выполняют двойную функцию – *функцию хранения* всех знаний, сформированных под влиянием социокультурного опыта, с одной стороны, и *функцию когнитивного контекста формирования* индивидуальных социокультурных смыслов – с другой [Болдырев 2014б, 2014в]. В первой функции хранения знаний концептуально-тематические области отображают статический аспект познавательной деятельности человека и представлены совокупностью тематических концептов социокультурной специфики (тематических концептов, сформированных под влиянием социокультурных факторов: профессионального, регионального, религиозного и др.). В функции когнитивного контекста индивидуальных схем опыта концептуально-тематические области отображают динамический аспект познавательной деятельности, и, соответственно, на их основе формируются операционные концепты в дискурсе (см. подробнее: [Болдырев 2009а, 2011, 2012, 2014б]). КДИ конкретного дискурса выполняет функцию *отсылки* к концептуально-тематическим областям как к совокупности тематических концептов, с одной стороны, и *активизирует* индивидуальные социокультурные смыслы – операционные концепты – с другой. Формирование КДИ и выполнение ею функций селекции, классификации и оценки обеспечивается языковыми и когнитивными механизмами.

Когнитивные механизмы, как известно, представляют собой способы форматирования концептуального содержания. Языковые механизмы – это способы репрезентации концептуального содержания в языке: номинации, семантика языковых единиц, словообразовательные модели, использование определенных синтаксических конструкций, языковой метафоры, языковой метонимии. К числу основных когнитивных механизмов формирования социокультурных смыслов, как показывает анализ материала, относятся когнитивные механизмы *профилирования, сравнения, концептуальной метафоры, концептуальной метонимии, метафтонимии, концептуальной интеграции, инференции* и др.

Поскольку реализация когнитивных и языковых механизмов в дискурсе осуществляется в рамках контекста социокультурных знаний, то профилируемыми, сравниваемыми, а также интерпретируемыми за счет метафорических и метонимических характеристик и процесса концептуальной интеграции становятся признаки, обусловленные социокультурной деятельностью субъекта в социокультуре, то есть социокультурные факторы как совокупность знаний о конкретной сфере жизнедеятельности субъекта (как представителя той или иной профессиональной, территориальной, семейной и иных групп).

Так, в результате механизма профилирования высвечиваются конкретные участки концептуальной структуры в рамках устанавливаемых «фигуро-фоновых» отношений. Фоном выступает контекст коллективных знаний конкретной лингвокультуры, а фигурой – контекст индивидуальных (социокультурных) знаний. Например, контекст коллективных знаний носителей русского языка, репрезентируемый лексемой *язык*: язык – «подвижный мышечный орган в полости рта, являющийся органом вкуса, а у человека участвующий также в образовании звуков речи» [СРЯ 1978: 840]; контекст коллективных знаний носителей английского языка: *language* – 1. The system of human expression by means of words. 2. A particular system of words, as used by a people. 3. A system of signs, movements used to express meanings or feelings. 4.

A particular style or manner of expression [LDELС 1998: 737]; контекст коллективных знаний лингвистов, репрезентируемый лексемой *язык*, – «язык вообще как определенный класс знаковых систем»; «этнический язык как некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме в некоторое время и в некотором пространстве» [ЛЭС 1990: 604]; *язык* в военном деле, а также в сознании носителей русского языка – «пленный, от которого можно получить нужные сведения» [СРЯ 1978: 840]. Именно эти знания составляют содержание тематических концептов и могут изменяться не только во времени (исторически), но и в пространстве, в качестве которого выступает социокультурная среда. Так, тематический концепт ЯЗЫК расширяется и специфицируется в связи с появлением новых форм деятельности (создание различных языков программирования, например, в среде программистов). Все эти и другие коллективные знания о социуме и культуре, которые усваиваются той или иной группой субъектов в целом по мере овладения языком, формируют социокультурный контекст дискурса этих субъектов в его системном аспекте.

На основе социокультурного контекста дискурса в его системном аспекте за счет когнитивного механизма профилирования формируется социокультурный контекст дискурса в его динамическом аспекте, то есть конкретные концепты-смыслы:

(1) *Марья вздохнула и задумалась, как невинный ребенок, для которого язык любви был еще нов, непонятен, и на той же коре робкою рукою написала несколько слов в ответ* [НКРЯ] (профилируемой становится характеристика «сфера чувств и эмоций субъекта»);

(2) *Так, я уверен, милая дочь моя не будет никогда преступницей, никогда язык ее не изменит ее сердцу* [НКРЯ] (профилируются концептуальные характеристики «система ценностей, норм и правил в ситуации принятия решений»);

(3) *В качестве языков высокого уровня исходного описания проекта выступают язык VHDL и язык Verilog* [НКРЯ] (профилируются концепту-

альные признаки «сфера аппаратуры современных вычислительных систем» и «сфера аппаратуры для описания и моделирования электронных систем» соответственно);

(4) *Моё сознание постепенно забыло, что русский — это мой язык "by default"* [НКРЯ] (профилируется признак «безысходность, отсутствие выбора»);

(5) *Woman-centred feminists like Daly (1979) do not bother with such defensive explanations, but get on with building a female language* [BNC] (профилируется характеристика «гендерная идентичность»).

Языковыми механизмами для формирования этих (описанных выше) смыслов выступает семантика соответствующих языковых единиц.

Когнитивный механизм сравнения предполагает соотнесение признаков объекта с общепринятой и индивидуальной системой норм, оценок, ценностей. Сравнивая объект с нормами, стандартами, принятыми в той или иной социокультуре, субъект ориентируется на индивидуальные ценности, усвоенные в результате познавательных процессов концептуализации и категоризации в этой социокультуре. Когнитивный механизм сравнения, таким образом, позволяет определить степень соответствия тех или иных характеристик ожиданиям субъекта. Например:

(6) *Джулиан красив, как Аполлон!* [НКРЯ] - активизация социокультурного контекста в его статическом аспекте, то есть коллективных знаний для носителей русского языка, репрезентируемых на уровне фразеологии; интерпретация в области мифологии;

(7) *I held her to me as we fell across the bed, feeling her lithe life-force twitching against me as beautiful as a rainbow trout, leaping from a mill race into my outstretched arms* [BNC] - динамический аспект социокультурного контекста; формирование концептуальных характеристик в области зоологии;

(8) *Rachel Santerre stood there, looking as beautiful as a summer's dawn though her face was pale with dark rings round the eyes* [BNC] - активизация со-

циокультурного контекста в его динамическом аспекте; формирование концептуальных характеристик в области природных явлений;

(9) *'As beautiful as an angel,' Maggie assured her* [BNC] - активизация религиозных знаний в составе социокультурного контекста в его динамическом аспекте.

Концептуальная метафора как способ объяснения мира (работы Ю.Д. Апресяна, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, А.П. Чудинова и др.), как известно, предполагает осмысление одного предмета / явления в терминах другого в пределах разных концептуальных пространств, то есть переструктурирование области-мишени в соответствии с особенностями структурной организации области-источника:

(10) *Светлана, вы шланг? Поднимайтесь с постели!* [НКРЯ] (репрезентация признака «лежебока»; активизация сельскохозяйственных знаний: *шланг* – «гибкая труба для отвода, всасывания, переливания жидкостей» [СРЯ 1978: 824]). Синонимом к слову шланг является лексема *бездельник*; в воровском жаргоне *шланг* - «слабоумный человек» [<http://enc-dic.com/synonym/Shlang-158279.html>]). Как отмечает Н.Н. Болдырев, на системном уровне значение языковой единицы передает наиболее важные характеристики, активизирующие концепт в сознании. Активизируя тот или иной концепт, смысл, однако, выделяет ту часть содержания, которую необходимо передать в конкретной ситуации адресату (см. подробнее работы Н.Н. Болдырева). Например:

(11) *Это же гимнастика — лучше всего быть компактным, чтобы рычаги в теле были короткими. А я шланг длиной 188 сантиметров... Рояль в морской капусте* [НКРЯ] (активизация концептуальной характеристики «рост» человека);

(12) *Ты че - шланг? До сих пор не знаешь, что пьяный скобарь хуже танка?* [НКРЯ] (репрезентация признака «умственные способности»);

(13) *The bridge between Washington and Moscow: illusions or reality?* [The Wall Street Journal, July 5-6, 2014] (активизация политического контекста в рамках онтологической (артефактной) метафоры);

(14) *Эстафетная палочка передана: Эбола надвигается на Европу* [rbc.ru] (активизация контекста спортивных знаний в рамках структурной метафоры);

(15) *На финишной прямой удача улыбнулась основному сопернику Даниила – израильтянину Боруховскому, одержавшему победу белыми фигурами и набравшему в итоге 7,5 балла* [utmn.ru] (активизация знаний когнитивной области СПОРТ в рамках ориентационной метафоры);

(16) *This is not the first time Sochi has been catapulted to prominence: After Joseph Stalin built a dacha here in 1937, the town became a favourite vacation spot for both party elites and proletarian workers, filling up with health spas designed in the Stalinist Empire style*

[<http://www.independent.co.uk/sport/olympics/>] (активизация контекста исторических знаний в рамках ориентационной метафоры) и др.

Когнитивный механизм концептуальной метонимии как когнитивной структуры, между элементами которой существуют отношения замещения (работы Н.Н. Болдырева, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, А.П. Чудинова и др.), позволяет концептуализировать один предмет для ссылки на другой в рамках одной структуры:

(17) *Обама предостерегает Москву от вторжения на Украину* [google] (активизируются знания в рамках одной концептуальной области: Москва – город и столица России, где находится руководство страны);

(18) *Ukraine crisis: Obama warns Russia against intervention* [google] (также активизируются знания в рамках одной концептуальной области: Россия и глава государства, принимающий решения; профилируется признак «территориальное пространство»);

(19) *The New Ford Focus. Everything upgraded except the price* (активизация концептуальной характеристики «положительная оценка» в рамках ме-

тонимического переноса ЧЕЛОВЕК – СОЗДАННЫЙ ЧЕЛОВЕКОМ ПРОДУКТ);

(20) *Winter Olympics 2014: Why Sochi is such a unique host for the Games* [<http://www.independent.co.uk/sport/olympics/>] (метонимический перенос МЕСТО – СОБЫТИЕ; объективируются характеристики «веселье», «еда», «пространство» (host – «a person, place, or organization that provides the necessary space, equipment for a special event» [LDELС 1998: 643]).

Когнитивно-дискурсивная интерпретанта, обеспечивающая социокультурную специфику дискурса и демонстрирующая субъектный принцип ее (специфики) формирования, может также образовываться под влиянием когнитивного механизма метафтонимии – сложного когнитивного процесса, состоящего из метонимического и метафорического переосмысления знаний в рамках того или иного контекста. Например:

(21) *Siberia sweeps across Europe. A journey from the coldest territory on earth that seems never to end* [news.bbc.co.uk];

(22) *A dose of Siberia in Europe's genes. The genetic origins of modern Europeans may be more complicated than previously thought. Ancient people from Siberia who were related to the first humans to enter the Americas during the Ice Age also mingled with prehistoric populations in Europe and left their mark on the DNA of today's Europeans, according to a study, published in the journal Nature*

[http://rthk.hk/rthk/news/englishnews/20140918/news_20140918_56_1038026.htm]. В примерах (21-22) топоним *Siberia* в составе когнитивно-дискурсивной интерпретанты (селективной интерпретанты (21)) объективирует признаки «конкретная территория на Земле» - «суровый климат территории (территория, наделенная характеристикой)» = «холодная территория» (метонимический перенос); «географический регион / конкретная территория на Земле» - «холод, пришедший в Европу» (метафорический перенос). Классифицирующая интерпретанта характеризует событие в рамках категории «путешествие», что профилируется соответствующей лексемой английского языка. Интерпретанта оценки формирует отрицательные оценки, репрезенти-

руемые семантикой языковых единиц *never end*. В примере (22) когнитивно-дискурсивная интерпретанта активизирует контекст медицинских и исторических знаний в рамках метафтонимического переноса: «конкретная территория на Земле» - «древние люди на территории (территория, наделенная характеристикой в рамках метонимической модели МЕСТО – ПРОЦЕСС (жизнедеятельность) НА ЭТОМ МЕСТЕ)»; «географический регион / конкретная территория на Земле с жителями» - «перемещение региона и жителей в пространство иного региона в рамках метонимического переноса ЧАСТЬ - ЦЕЛОЕ (пространство) и активизация двух разных областей ТЕРРИТОРИЯ и ГЕНЫ в рамках метафорического переноса. Ср. также отрицательную оценочность на уровне коллективных знаний: *dose* – «1. a measured amount (of a medicine) given or to be taken at one time; 2. a period of experiencing something unpleasant» [LDELС 1998: 389].

Когнитивный механизм концептуальной интеграции, связанный с образованием бленда как ментальной структуры, которая приобретает характеристики, не свойственные пространству-1 и пространству-2 (подробнее см. работы Ж. Фоконье, М. Тёрнера), и языковой механизм номинации в рамках контекста социокультурных знаний (спортивных и геологических, в частности) формируют когнитивно-дискурсивную интерпретанту в следующем примере:

(23) *Алексей Березуцкий // Ну / знаете / в неудачное положение сейчас поставил Зырянова // И Зырянов сейчас под прессингом свежего Кокса // Хорошо звучит // Бывает ли кокс свежим / продолжая эту тему* (В. Гусев) [<http://yandex.ru/video/search?text>]. В качестве пространства-1 выступает концептуальная область СПОРТСМЕН, футболист *Кокс*; пространство-2 сформировано концептуальной структурой, репрезентированной лексемой *кокс* – «твердый остаток, получаемый при коксовании природных топлив (главным образом каменного угля), а также некоторых нефтепродуктов, например, гудрона» [СЭС 1985: 598]. Общим ментальным пространством является фонетическая форма антропонима (фамилия *Кокс*) и наименование вещества

(*кокс*). Формируемой концептуальной структурой является бленд, репрезентируемый словосочетанием *свежий Кокс*, активизирующий признак «не уставший, а бодрый спортсмен».

Конкретные концепты-смыслы формируются также за счет механизма инференции в составе контекста социокультурных знаний субъекта. Например:

(24) *Осторожно, покрашено!*;

Осторожно. Скользко;

Внимание. Возможность падения с высоты;

Берегись велосипедиста.

Знания об особенностях и способах активизации предостережений в русскоязычной лингвокультуре, как правило, реализуются с помощью лексем *осторожно, внимание, берегись* и представляют собой эксплицитное информирование адресата о потенциальной неприятности, опасности и т.д.: БУДЬ БДИТЕЛЕН, иначе МОЖНО ИСПАЧКАТЬСЯ / ПОГИБНУТЬ / УПАСТЬ и т.д. В англоязычном дискурсе дискурсивные практики предупреждения в аналогичных ситуациях выполняют информативную функцию (функцию констатации факта): (*Caution*). *Wet paint*. Способ информирования (предупреждения) в данном примере основан на когнитивном механизме инференции: когнитивно-дискурсивная интерпретанта имплицитно отсылает к концептуальным структурам HAS JUST BEEN PAINTED, следовательно, ONE CAN GET SMEARED, значит, YOU'D BETTER NOT SIT. Эксплицитная форма выражения дискурсивных практик информирования об опасности (практик предупреждения) чаще всего активизируется субъектом в случае нарушения принятых социальных норм: *Do not enter mandatory cycle lane* (обращение к прохожим на улицах г. Norwich, UK).

Одна и та же сущность / ситуация по-разному интерпретируется в концептуальной системе разных субъектов, активизирующих контекст социокультурных знаний в процессе когнитивно-дискурсивной деятельности. Пе-

речень конкретных языковых и когнитивных механизмов также может отличаться. Например:

(25) *Ровно год назад Тюмень заняла место среди промышленных тяжеловесов. Это не лесть, это констатация факта. В городе появилась тяжелая промышленность, выпустил первую продукцию завод «Электросталь Тюмени». Число работающих на нем уже перевалило за тысячу*

[Р. Гольдберг. «Тюменский курьер». <http://tyumedia.ru/154980.html>]
(формирование положительной оценки и смысла «перспективность города» за счет когнитивного механизма концептуальной интеграции и языкового механизма номинации в концептуально-тематической области СПОРТ: *Тюмень – промышленный тяжеловес*);

(26) *Тюмень – это второй Ташкент*

[<http://www.detkityumen.ru/forum/thread/350796/>] (формирование отрицательной оценки и смысла «значительный удельный вес лиц стран СНГ» за счет когнитивного механизма метонимии и языкового механизма номинации в концептуально-тематической области ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР).

Языковые и когнитивные механизмы обеспечивают когнитивное варьирование дискурса, участвуя в формировании социокультурных смыслов. Интерпретируя мир посредством метаконцептов и формируя смыслы за счет когнитивных и языковых механизмов, субъект в дискурсе активизирует социокультурные знания в том или ином объеме в составе КДИ, которая выполняет важную функцию «отсылки» к концептуально-тематическим областям, с одной стороны, и активизирует конкретные социокультурные смыслы в рамках конкретного дискурса – с другой.

Рассмотрим пример, иллюстрирующий указанные выше закономерности, послужившие основой формирования концепции работы, – одну из заключительных сцен фильма «Поддубный» (субъект 1 – Иван Поддубный, субъект 2 – служащие банка)³⁰:

Субъект 2 - *Чем могу помочь вам / сэр?//*

³⁰ Сохранены особенности произношения

Субъект 1 - *Здрасце / барышня // Щас я / Вот / вот / вот (достаёт документы из бумажника) // Мои деньги в вашем банке //*

Субъект 2- *Одну минутку / пожалуйста // Да / сэр / на вашем счету пятьсот сорок две тысячи шестьсот тридцать пять долларов сорок восемь центов //*

Субъект 1 - *Хорошо // Хорошо // Я хотел бы свои деньги забрать //*

Субъект 2 - *Извините / сэр / но вы не можете их забрать //*

Субъект 1 - *Это мои деньги? //*

Субъект 2 - *Да //*

Субъект 1 - *Я хочу их забрать //*

Субъект 2 - *Ваши деньги на страховом депозите / сэр // Это значит / что вы не можете забрать средства ранее указанной даты / двадцать третьего марта тысяча девятьсот двадцать восьмого года //*

Субъект 1 - *Мои деньги? //*

Субъект 2 - *Да //*

Субъект 1 - *Я хочу забрать мои деньги //*

Субъект 2 - *Да / сэр / но вы не можете забрать свои деньги ранее двадцать третьего марта тысяча девятьсот двадцать восьмого года //*

Субъект 1 - *Когда? //*

Субъект 2 - *Через два года / сэр // И я никак не могу помочь вам в данный момент //*

<...>

Субъект 1 - *Я Иван Поддубный //*

Субъект 2 - *Очень хорошо / сэр //*

Субъект 1 - *Я хочу мои деньги //*

Субъект 2 - *Боюсь / что это невозможно //*

Субъект 1 - *Это мои деньги? //*

Субъект 2 - *Да / сэр / они ваши //*

Субъект 1 - *Я хочу мои деньги //*

Субъект 2 - Сэр / здесь написано / и вполне разборчиво / что вы можете забрать деньги со своего счета не раньше двадцать третьего марта тысяча девятьсот двадцать восьмого года / то есть чуть больше / чем через два года // А сейчас у вас есть три возможных варианта решения проблемы // Первый // Вы дожидаетесь даты и получаете свои деньги // Второй / отправляетесь в суд / и наконец / третий // Если вы намерены скандалить / пожалуйста / покиньте помещение // Спасибо / и желаю вам отличного дня//.

Концептуальная система субъекта (1), включающая в себя знания, полученные в результате жизнедеятельности субъекта (1) в родной стране (в России в частности), а также в неродной стране (в Америке в частности) и усвоенные им в процессе взаимодействия с представителями русской и американской лингвокультур и социокультур, сформирована знаниями (социокультурными знаниями в том числе), которые отражены в концептуально-тематических областях ЧЕЛОВЕК В РОССИИ и ЧЕЛОВЕК В АМЕРИКЕ. Активизация социокультурных знаний субъекта осуществляется в процессе его когнитивно-дискурсивной деятельности, связанной с намерениями субъекта совершить конкретное физическое действие (забрать деньги), которое не может быть осуществлено без участия языка. Выбор языковых средств (*барышня, здрасте, щас, мои деньги* и др.), а также способов реализации намерения субъекта (1) (дискурсивной практики требования (*Я хочу мои деньги*), дискурсивной практики установления истины (*Это мои деньги?*)) осуществляется посредством интерпретирующей функции метаконцептов как концептов «высокого уровня» абстракции, которые формируются в сознании субъекта в процессе социализации в той или иной социокультуре: усвоения языка (*здрасте* как маркер разговорного стиля), систем ценностей и норм (бережное отношение к труду, а также профилирование признака «заслуги» в системе ценностных ориентиров: *Я Иван Поддубный*; имя собственное репрезентирует признак «заслуги»), стереотипов-упрощенных моделей поведения (*мои деньги* – следовательно, могу забрать их тогда, когда пожелаю: *Я хочу*

мои деньги), приобретения знаний о социально-статусной дифференциации жизни (*барышня, здрасте*), которая для каждого конкретного субъекта имеет определенные границы времени и пространства (начало XX века; банк в США).

Эти отраженные в метаконцептах знания выполняют важную функцию адаптации человека к социокультурной среде; они универсальны по отношению к любой лингвокультуре и социокультуре; специфику образует их различная «наполняемость». У субъекта-2 языковой опыт отображает нормы официального общения служащего с клиентами банка (вежливые формы *Чем могу помочь вам, сэр?*, дискурсивная практика выбора в решении проблемной ситуации: *А сейчас у вас есть три варианта решения проблемы*); система корпоративных ценностей связана с поддержанием имиджа компании за счет сохранения нейтрального эмоционального тона общения посредством дискурсивных практик аргументированного объяснения (*Это значит, что вы не можете забрать; Здесь написано и вполне разборчиво*); стереотипы - привычные модели поведения - активизируют неязыковые знания о том, что служащий банка не имеет права помочь клиенту, если это противоречит правилам (*И я никак не могу помочь вам*); знания, связанные с осуществлением социальной роли служащего банка, реализуются посредством дискурсивной практики запрета в ситуации асимметричных ролей «банк-клиент» (*Не можете забрать средства ранее указанной даты*); метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ структурируют когнитивный опыт субъекта в банковской системе в США. Иными словами, в качестве схем формирования социокультурных знаний и способов их хранения в концептуально-тематических областях выступают универсальные метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ, обнаруживающие специфику своего содержания.

В результате интерпретирующей функции метаконцептов в дискурсе субъект формирует смысл, активизируя совокупность концептов и концептуальных характеристик, которые совместно с языковыми единицами образуют

когнитивно-дискурсивную интерпретанту. Она отражает знания субъекта, сложившиеся в его концептуальной системе под влиянием определенных социокультурных факторов: не все социокультурные знания вообще, а те, которые оказываются в фокусе внимания субъекта под влиянием социокультуры (например, профессиональных (2) и бытовых знаний (1)). В контексте этих социокультурных знаний, различных у каждого субъекта ввиду индивидуальности познавательных процессов и социокультурного опыта, субъект интерпретирует мир и формирует дискурс, его содержание и структуру (поэтому у разных субъектов дискурс на одну тему разный). Маркером социокультурной специфики дискурса, таким образом, выступает КДИ. Как метод анализа КДИ «фиксирует» результаты когнитивно-дискурсивной деятельности субъекта, которые обнаруживаются в интерпретанте селекции, классификации и оценки. Образование «состава» КДИ (интерпретант селекции, классификации и оценки) обеспечивается когнитивными и языковыми механизмами.

В примере когнитивно-дискурсивная интерпретанта в функции селекции профилирует концептуальные признаки «русский» (*барышня*), «бережное отношение к собственности» (троекратное повторение усилительной частицы *вот*), «из простой деревенской семьи» (*здрасьте, щас*). Концепты ДЕРЕВЕНСКИЙ, РУССКИЙ, БЕРЕЖЛИВЫЙ репрезентируются не только лексически (*барышня* – «девушка из барской семьи или вообще из интеллигентной среды» [СРЯ 1978: 37]; *барин* – «в дореволюционной России человек из привилегированных, эксплуататорских классов (помещик, дворянин)» [СРЯ 1978: 37]; *вот* – «употребляется для большей выразительности» [СРЯ 1978: 93]), но и фонетически: формы *Здрасьте; щас* маркируют разговорный стиль общения и в официальной ситуации характеризуют языковой опыт субъекта – представителя определенного сословия (выходца из деревни, менее образованного человека и др.). В процессе формирования этих концептов-смыслов (операционных концептов) задействованы языковые механизмы номинации (*барышня*), повтор (*вот*) и когнитивные механизмы профилирования и кон-

цептуальной метонимии (наименование служащей банка в пределах одной концептуальной области ЛИЦО ЖЕНСКОГО ПОЛА).

Классифицирующая функция интерпретации проявляется в классифицирующей интерпретанте и связана с классификацией ситуации в рамках категории «личная собственность» посредством языкового механизма вопросительного, утвердительного предложений и дискурсивной практики намерения и когнитивного механизма профилирования признака «принадлежащий субъекту» (*Это мои деньги? Это мои деньги; Я хочу забрать мои деньги*).

Оценочная интерпретация связана с формированием интерпретанты оценки в соответствии с коллективной и индивидуальной системой ценностей, норм, усвоенных субъектом в рамках той или иной социокультуры. Это, как замечает Н.Н. Болдырев, «исключительно языковая система межличностной ориентации в мире, коллективно-индивидуальная модель взаимоотношений» [Болдырев 2013б: 27]. С помощью когнитивного механизма инференции и языковой семантики антропонима (идентификация) субъект профилирует привычный способ интерпретации мира, увязывая возможность получения денег благодаря достижениям и широкой известности в спорте (*Я Иван Поддубный*).

У субъекта в (2) объективируются концептуальные признаки «официальная роль» (интерпретанта селекции) за счет дискурсивных практик официально-вежливого стиля (*Чем могу помочь вам; Одну минуточку, пожалуйста*), обращения (*сэр*); классификация ситуации за счет профилирования признака «официальная роль служащего банка» (дискурсивные практики объяснения); оценка ситуации по шкале соблюдения официальных норм (*Боюсь, что это невозможно*).

Языковые единицы, таким образом, активизируют неязыковое (энциклопедическое) знание об общественном устройстве дореволюционной России, об особенностях социальных взаимоотношений, роли человека и его статуса в них, о примате социальных норм над желаниями человека и формируют когнитивно-дискурсивную интерпретанту как контекст индивиду-

альных социокультурных знаний, в рамках которых формируется социокультурная специфика дискурса в целом: личная собственность в концептуальной системе субъекта-1 и частная (банковская) собственность – субъекта-2. Языковые и когнитивные механизмы как универсальные способы схематизации опыта формируют «состав» когнитивно-дискурсивной интерпретанты, которая в дискурсе под влиянием интерпретирующих метаконцептов выполняет функцию отсылки к концептуально-тематическим областям и функцию формирования (активизации) конкретных социокультурных смыслов, определяющих специфику дискурса.

Таким образом, интерпретирующая функция метаконцептов, структурирующая социокультурный опыт субъекта в составе концептуально-тематических областей, а также когнитивно-дискурсивная интерпретанта в составе дискурса, отсылающая к концептуально-тематическим областям (или концептуально-тематической области) и формирующая социокультурные смыслы, когнитивные и языковые механизмы форматирования социокультурного знания подтверждают существование и объективность контекста социокультурных знаний, а также свидетельствуют об его субъектной ориентации в дискурсе.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

1. Анализ фактического материала подтверждает положения концепции, разработанной в рамках данного диссертационного исследования. В ее основу положен тезис о том, что когнитивно-дискурсивная деятельность субъекта определяется не только факторами человеческого мышления, связанными с психологическими процессами, но и проявляет зависимость от социокультурных факторов, формирующих специфику знаний субъекта, которые он приобретает в процессе жизнедеятельности в социокультурной среде, то есть специфику его концептуальной системы.

2. Формируя социокультурную специфику дискурса, субъект активизирует не только общий – языковой контекст как контекст коллективных знаний в рамках конкретной лингвокультуры (русской, английской), но и контекст социокультурных знаний. Социокультурные знания – это знания, усвоенные субъектом в результате взаимодействия с социокультурной средой. Вид деятельности человека в среде его обитания обеспечивает типологию его социокультурных знаний: трудовая деятельность формирует контекст социокультурных знаний субъекта о профессиях в том числе; деятельность в быту – контекст социокультурных знаний об особенностях повседневной жизни человека; деятельность в рамках семейных отношений – о взаимоотношениях близких людей; деятельность в жизни общества – разнообразные социокультурные знания о структуре общества, взаимоотношениях разных групп людей друг с другом и т.д. Социокультурные знания, таким образом, это знания субъекта о социуме и культуре, а также знание самих социумов и культур, знания о мире, в котором он (субъект) осуществляет свою деятельность и выступает как представитель той или иной социокультуры (профессиональной, территориальной, национальной, гендерной и др.).

3. Языковой контекст конкретной лингвокультуры выступает контекстом социокультурных знаний по отношению к языковому контексту иной лингвокультуры (русский языковой контекст к английскому языковому кон-

тексту и наоборот: контекст коллективных знаний, объективированный лексемами *мама* и *mother*, например). Социокультурным контекстом дискурса являются социокультурные знания субъекта, то есть знания, составляющие его собственный (субъектный) контекст (*Новосельцев – мать*).

4. В контексте собственных социокультурных знаний субъект формирует дискурс и определяет его содержание. Социокультурные знания выступают интерпретирующей основой для проявления социокультурной специфики дискурса и формируются посредством универсальных схем (структур знаний), организующих когнитивное пространство и выступающих в качестве основных рубрик его членения. Универсальными схемами, обуславливающими формирование контекста интерпретации содержания дискурса, выступают метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ. Основанием для их выделения является жизнедеятельность субъекта в рамках конкретной социокультуры: социальных институтов и социальных ролей, ценностных ориентиров и общественных норм, стереотипов поведения и восприятия информации, языкового опыта субъекта, проживающего в конкретный период.

5. Метаконцепт РОЛЬ выступает интерпретирующим фактором формирования социокультурной специфики дискурса и определяет структуру социокультурного опыта субъекта в иерархии общественных отношений с представителями иных социокультурных групп, регулирует ожидания субъекта относительно поведения представителей иных социогрупп в разнообразных сферах деятельности человека (спортивной, общественной, правовой, семейной, профессиональной), формируя соответствующие контексты знаний: контекст социокультурных знаний о спорте / обществе, контекст семейных знаний, контекст профессиональных знаний, контекст социокультурных знаний о праве. Метаконцепт РОЛЬ формирует систему оценок (рациональных – эмоциональных, положительных – отрицательных: *прийти к выводу, ворота были сдвинуты – злой гений, склонить чашу весов; magic in shootouts; heroic performance*), связанных с тем или иным социальным статусом, обя-

занностями и отношениями внутри конкретной социокультурной группы (официальный представитель спортивных соревнований vs обыватель). Языковыми маркерами метаконцепта РОЛЬ выступают указания на профессию, возраст, общественное положение, социальный статус, которые характеризуют субъекта и адресата дискурса (*доктор; barrister; He is just 35; комментатор, президент*).

6. Метаконцепт СТЕРЕОТИП выполняет интерпретирующую функцию в формировании социокультурной специфики дискурса и отображает «упрощенное», схематизированное знание субъекта о мире, обществе, о нем самом, усвоенное в процессе жизнедеятельности в рамках разнообразных отношений (семейных, этнических, профессиональных: *fathers spend more time on pleasurable activities; Гуляем с русским размахом; as a mathematics educator*). Метаконцепт СТЕРЕОТИП репрезентирует гештальтное восприятие объектов, предметов мира и выстраивает ассоциативные связи между ними (языковая единица *Скотланд-Ярд* активизирует концепт АНГЛИЯ по территориальному признаку расположения штаб-квартиры и неофициальному названию Великобритании, но не государственному - Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии). Метаконцепт СТЕРЕОТИП выстраивает систему оценочной интерпретации: *своему*, как правило, приписываются положительные оценки, в отличие от *чужого* (*Oxford* в ряду учебных заведений *Yale, Harvard, Stanford, Princeton*). Языковыми маркерами метаконцепта СТЕРЕОТИП служат указания на разнообразные социальные практики, приписываемые и ожидаемые субъектом в отношении представителей иных социокультурных групп (*Все родители читают нотации*).

7. Метаконцепт ЦЕННОСТЬ выступает интерпретирующим фактором в формировании системы ценностных предпочтений и ожиданий субъекта. Метаконцепт ЦЕННОСТЬ структурирует оценочный опыт субъекта в семейной, профессиональной, спортивной и иных сферах взаимодействия его с миром как индивидуальную систему общечеловеческих, семейных, профессиональных ценностей. Языковыми маркерами метаконцепта ЦЕННОСТЬ вы-

ступают указания на эталоны, образцы, значимые сущности, которые приобретают важность в концептуальной системе конкретного субъекта (значимость семейных ценностей по сравнению с общественными ценностями). Метаконцепт ЦЕННОСТЬ определяет различия в субъективных оценках мира за счет выбора конкретных языковых единиц и «расположения» их в конкретном контексте социокультурных знаний (*СССР* в системе социокультурных знаний разных субъектов; *Санкт-Петербургский государственный университет* и *Royal Holloway*; *спутник* и *advanced information technologies*).

8. Метаконцепт НОРМА выступает регулятором языкового и неязыкового поведения человека в разных сферах его деятельности и взаимодействия с миром объектов, предметов, людей и иных сущностей. Метаконцепт НОРМА определяет соответствие / несоответствие представлений субъекта об объектах, предметах, системе стандартов, схем, правил и формирует соответствующую оценку (*Иванов // Ты позоришь честь нашего класса; Can't you ever stop talking about women?*). Языковыми маркерами метаконцепта НОРМА выступают указания на запреты, рекомендации, советы, правила (*запрещается; рекомендуется; must; no spitting; leave the premises quietly*).

9. Метаконцепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ образуют неразрывную универсальную координату концептуальной системы субъекта и «вплетены» в выделенные в работе метаконцепты. ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ структурируют социокультурные знания субъекта по признаку временных и пространственных координат. В дискурсе субъект относит себя к тому или иному пространственному отрезку и временному интервалу, интерпретируя мир в контексте социокультурных знаний (*бандеры, «укроп», «колорад»*). Языковыми маркерами метаконцептов являются указания на перемещение и расположение объектов, предметов, их местонахождение.

10. Метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ структурирует опыт субъекта относительно возможности и вероятности использования тех или иных языковых форм в той или иной ситуации и сфере жизни. Действие метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ проявляется в функциональном аспекте языковой сис-

темы в рамках контекста социокультурных знаний субъекта. Метаконцепт определяет языковые формы, объективирующие замысел / интенции субъекта, в виде дискурсивных практик. Дискурсивные практики представляют собой результаты языковой интерпретации, составляющие языковой опыт субъекта, отражающие его (субъекта) знания о том, как (где и при каких обстоятельствах) следует / не следует вербализовать мысли в той или иной ситуации тем или иным способом. Эти знания, в свою очередь, отражают коллективные схемы и результаты познания мира средствами языка, а также индивидуальные способы языковой интерпретации. Это означает, что в статическом аспекте дискурсивные практики представляют собой «речевые формулы», активизируемые субъектом в той или иной области жизни, ситуации. В них отображаются знания субъектов «по образцу», то есть они демонстрируют коллективность знания, свойственную всей языковой системе (объявление о покупке квартиры). В своем динамическом аспекте дискурсивные практики репрезентируют индивидуальные знания и интенции субъекта о ситуации, явлении, адресате, которые формируются им как представителем конкретной социокультуры и отображают его социокультурный опыт жизнедеятельности в ней (объявление о покупке квартиры для тещи). Иными словами, дискурсивные практики в динамическом аспекте отображают процесс интерпретации в социокультурной (индивидуальной) концептуальной системе, тогда как в статическом аспекте им отводится интерпретирующая функция в рамках контекста коллективных знаний.

11. Метаконцепты как универсальные схемы обработки социокультурного опыта представлены в виде когнитивно-дискурсивной интерпретанты в структуре самого дискурса. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта – это социокультурные концепты и их характеристики в единстве с языковыми средствами их репрезентации в составе конкретного дискурса. Именно когнитивно-дискурсивная интерпретанта является показателем социокультурной специфики концептуальной системы субъекта, в рамках которой формируется дискурс. Дискурс на одну и ту же тему, сформированный субъектами как

представителями разного социокультурного опыта, характеризуется социокультурной спецификой и субъектным принципом объективации за счет разного состава когнитивно-дискурсивной интерпретанты (дискурс о Сочи, например).

12. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта в составе дискурса обеспечивает его когнитивное варьирование, которое представляет собой индивидуальный фокус внимания субъекта на конкретных объектах, явлениях и др. в контексте его социокультурных знаний, которые усваиваются им в процессе активного взаимодействия с социокультурной средой, в процессе осуществления человеком той или иной деятельности. Когнитивное варьирование обеспечивается взаимосвязью языкового контекста и контекста социокультурных знаний субъекта (*фрукт* и *фрукт сибирского огорода*; *apple* и *on an Apple Mac*).

13. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта представлена в виде интерпретант селекции, классификации, оценки и отображает интерпретирующую функцию сознания. Она представляет собой сфокусированную на определенных концептах, концептуальных характеристиках часть концептуальной системы субъекта (его социокультурных знаний), структурируемую посредством метаконцептов, и является контекстом социокультурных знаний субъекта, в рамках которых формируется дискурс. Интерпретанта селекции определяет выбор конкретных признаков, репрезентируемых языковыми единицами; интерпретанта классификации ориентирована на классификацию объектов с точки зрения ментального познания мира и также реализуется на языковом уровне за счет языковых единиц; интерпретанта оценки обеспечивает оценочную интерпретацию по шкале коллективных и индивидуальных систем ценностей, норм, стереотипов, принятых в рамках той или иной социокультуры, и представляет собой языковой способ ориентации с представителями иных социокультурных групп (патриотическое настроение (оценка) дискурса российских СМИ о Сочи и отрицательные оценки дискурса о Сочи корпорацией BBC).

14. Конструирование социокультурной специфики дискурса и ее отражение в составе когнитивно-дискурсивной интерпретанты осуществляется субъектом дискурса за счет взаимодействия когнитивных и языковых механизмов формирования смысла. Основным когнитивным механизмом формирования социокультурного смысла является механизм *отсылки* к объемным пластам знаний (тематическим концептам), с одной стороны, и *активизации* операционных концептов – с другой. Результаты работы когнитивного механизма *отсылки-активизации* как механизма *ориентирования когнитивного контекста на социокультурные знания субъекта* репрезентируются в языке в виде метафор, метонимий, сравнений, которые на ментальном уровне также выступают как механизмы формирования смысла. Реализация социокультурного контекста знаний осуществляется с помощью разнообразных языковых единиц, которые в совокупности репрезентируют социокультурные знания субъекта, усвоенные им в процессе жизнедеятельности в рамках социума и культуры (лексем, фразеологизмов, словосочетаний, синтаксических конструкций).

15. Формируя социокультурную специфику дискурса в виде когнитивно-дискурсивной интерпретанты, контекст социокультурных знаний субъекта проявляет зависимость от адресата как фактора, обуславливающего активизацию субъектом знаний социокультурного характера на когнитивном уровне и языковых средств – на языковом. Проявляется зависимость социокультурных знаний субъекта от типов адресата по равностатусным – разностатусным ролям, профессиональным предпочтениям, интересам в спортивной жизни, активном отдыхе, по возрасту, востребованности конкретных сущностей.

16. Выявление социокультурной специфики дискурса связано с анализом когнитивно-дискурсивной интерпретанты. Метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты в виде интерпретант селекции, классификации и оценки, активизирующих признаки, репрезентируемые языковыми единицами, представляет собой разновидность концептуального анализа, синтези-

рующего также и методы традиционной лингвистики. Он расширяет возможности применения когнитивного подхода для изучения социокультурной специфики дискурса и позволяет изучать социокультурный контекст дискурса на основе анализа социокультурных знаний субъекта, представленных в дискурсе.

17. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса проявляется в когнитивно-дискурсивной интерпретанте как перечне концептуальных признаков, обусловленных контекстом социокультурных знаний конкретного субъекта, репрезентируемых языковыми средствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ широкого контекста гуманитарных знаний и научной литературы, посвященных проблеме взаимосвязи мыслительных и языковых структур, взаимовлиянию социума, культуры, языка и человека, показал необходимость пересмотра и уточнения частных вопросов, связанных с особенностями формирования социокультурной специфики дискурса, в рамках когнитивного подхода к языку, в фокусе внимания которого находится человек, его система знаний, мнений, установок и правил, объективируемых им как представителем той или иной социокультуры средствами той или иной языковой системы. Создание концепции социокультурной специфики дискурса и выявление основного принципа ее формирования стало возможным благодаря привлечению в концептуальный аппарат данного исследования методологической базы когнитивной лингвистики, теории лингвистической интерпретации, когнитивно-дискурсивного подхода отечественной когнитивной лингвистики.

Подход к дискурсу как к языковому функционированию в контексте знаний субъекта (и социокультурных знаний в том числе), предпринятый в рамках исследования, позволил дифференцировать дискурсивные и социокультурные практики как явления разной природы: вербальной и довербальной стадии мышления и познания. Дискурсивные и социокультурные практики отражают языковые и неязыковые знания субъекта, контекст его (субъекта) знаний и контекст социокультурных знаний, свидетельствуют о языковом и когнитивном опыте субъекта, на основе которого формируется знание вообще и социокультурное знание в том частности. В статическом аспекте дискурсивные практики реализуют языковой опыт целой группы людей (коллективное знание) по национальному, социальному, статусному, гендерному признакам. Контекст коллективных знаний (коллективное знание) включает не только языковой контекст, но и знания, позволяющие создавать дискурсы / тексты «по образцу». В динамике дискурсивные практики объек-

тивируют интенции / замыслы субъекта как индивидуальные способы языковой интерпретации.

Результаты исследования позволяют заключить, что освоение человеком окружающей действительности связано с формированием в его сознании концептуальной картины мира, тогда как его (человека) познавательная деятельность не только определяется универсальными факторами мышления (способностью выделять, обобщать, конкретизировать, формировать абстрактные понятия), но и характеризуется зависимостью от социокультурных параметров, обуславливающих специфику социокультурных знаний субъекта. Это значит, что социокультурная среда, деятельность человека в тех или иных сферах жизни выступают факторами, формирующими социокультурную специфику концептуальной системы человека. Социокультурные знания - это знания субъекта о социуме и культуре, о мире (включая знания об адресате, его статусных ролях, знаниях и предпочтениях, профессиональных увлечениях), в котором он (субъект) осуществляет свою деятельность и выступает как представитель той или иной социокультуры (профессиональной, территориальной, национальной, гендерной).

Социокультурные знания субъекта в процессе когнитивно-дискурсивной деятельности определяют социокультурный контекст дискурса и его формирование. Это значит, что социокультурную специфику дискурса составляет контекст социокультурных знаний субъекта, которые он усваивает в процессе жизнедеятельности в рамках конкретной социокультуры и реализует в дискурсе.

Результаты исследования показывают, что формирование социокультурной специфики дискурса обеспечивается на основе универсальных метаконцептов, посредством которых субъект осуществляет интерпретацию мира в дискурсе. Метаконцепты структурируют когнитивный опыт субъекта как представителя той или иной социокультурной группы, осуществляющего ту или иную общественную деятельность в рамках пространственно-временных

отношений; как носителя того или иного социального статуса, системы ценностей, норм оценок, стереотипов; как обладателя языкового опыта.

Проведенное исследование свидетельствует, что главными рубриками членения социокультурного пространства как конституентами концептуальной системы, сформированной под влиянием социокультурных факторов, являются метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ. Взаимосвязь данных метаконцептов проявляется в их интерпретирующей функции.

Социокультурная специфика дискурса проявляется в когнитивно-дискурсивной интерпретанте как языковой интерпретации мира посредством метаконцептов. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта в дискурсе представлена селекцией, классификацией и оценкой, активизирующими концепты и концептуальные признаки на когнитивном уровне, которые репрезентируются языковыми единицами на уровне языка. Суть селекции, классификации и оценки заключается в избирательном выборе концептуальных характеристик, отнесении их в ту или иную категорию и интерпретации их по индивидуальной оценочной шкале посредством языковых единиц разных уровней.

В результате интерпретирующей функции метаконцептов когнитивно-дискурсивная интерпретанта выполняет функцию отсылки к конкретным концептуальным признакам сущности, явления, события, предмета в рамках концептуально-тематических областей и активизации индивидуальных смыслов в рамках социокультурных знаний субъекта. Это значит, что социокультурный контекст дискурса в его системном аспекте – это знания субъекта, усвоенные в определенном социуме и культуре об определенном социуме и культуре, которые выступают в качестве коллективных когнитивных схем восприятия мира, его репрезентации и интерпретации во всех видах языковой деятельности. Социокультурный контекст дискурса в динамическом аспекте представлен когнитивно-дискурсивной интерпретантой – конкретным перечнем концептов и характеристик, в рамках и на основе которых формируется и интерпретируется содержание дискурса. Когнитивно-дискурсивная интер-

интерпретанта в дискурсе формируется под влиянием интерпретирующей функции метаконцептов в виде сфокусированной на определенной области части концептуальной системы субъекта и выполняет функции *отсылки* к контексту социокультурных знаний в его статическом аспекте и *активизации* контекста в динамическом аспекте, что обеспечивает формирование социокультурных смыслов-операционных концептов и когнитивное варьирование. Выбор конкретного социокультурного знания в единстве с репрезентирующими его языковыми средствами образует когнитивно-дискурсивную интерпретанту в структуре самого дискурса.

Когнитивно-дискурсивная интерпретанта на когнитивном уровне формируется когнитивными механизмами профилирования, фокусировки внимания, концептуальной интеграции, концептуальной метафоры, концептуальной метонимии, метафтонимии, инференции. На языковом уровне средствами своей объективации когнитивно-дискурсивная интерпретанта имеет избранные субъектом языковые средства и дискурсивные практики. Языковой уровень как контекст общих (коллективных) знаний субъекта внутри одной лингвокультуры выступает основой для формирования контекста социокультурных знаний, в рамках которых интерпретируется дискурс и обеспечивается его социокультурная специфика. Это значит, что когнитивно-дискурсивная интерпретанта обеспечивает когнитивное варьирование в дискурсе как различную комбинаторику концептуальных признаков и репрезентирующих их языковых единиц в составе контекста социокультурных знаний, усвоенных субъектом как представителем конкретной социокультуры.

Исследование показало, что дискурс на одну и ту же тему у разных субъектов маркирован с точки зрения системы социокультурных знаний субъекта и существенно отличается, так как обусловлен индивидуальным характером процесса познания мира, который осуществляется в рамках конкретных социумов, а также формированием собственного контекста социокультурных знаний. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта выступает как механизм, с помощью которого субъект реализует индивидуальный контекст

социокультурных знаний в дискурсе, что раскрывает *субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса*. Основываясь на коллективных знаниях и осуществляя интерпретирующую функцию селекции, классификации, оценки посредством метаконцептов, задействуя языковые и когнитивные механизмы, субъект дискурса передает специфику восприятия объектов, явлений и иных сущностей, обусловленную его социокультурными знаниями. Действие субъектного принципа формирования социокультурной специфики дискурса проявляется в самом дискурсе, а именно, в наличии указания на социокультурный контекст в виде когнитивно-дискурсивной интерпретанты.

Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса является свидетельством антропоцентричности языка, активной роли человека в построении дискурса. В процессе когнитивно-дискурсивной деятельности субъект активизирует не все знания вообще, а знания, усвоенные в процессе деятельности в рамках конкретных социокультур. Социокультурная специфика дискурса обеспечивается не моделями невербального поведения, принятыми в рамках социокультур и характеризующими их основные типы, либо когнитивными схемами и интенциональными предпочтениями, а социокультурными *знаниями* субъекта. В качестве активного концептуализатора и категоризатора мира субъект свободен в выборе интерпретирующей основы для осуществления своей когнитивно-дискурсивной деятельности, а также средств для ее реализации. Его концептуальная система, однако, оказывается зависимой от социокультурных факторов, обеспечивающих социокультурную обусловленность человеческой когниции и языка как знаковой системы.

Концепция социокультурной специфики дискурса и субъектный принцип ее формирования позволили не только выявить и описать языковые и когнитивные механизмы формирования социокультурных смыслов, но и объяснить природу социокультурной обусловленности человеческой когниции и языка как знаковой системы посредством нового метода анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты.

Разработанный метод и полученные результаты анализа углубляют имеющиеся в когнитивной лингвистике представления о связи языка и мышления; языка, социума и культуры; сознания и социокультуры. Они (результаты) дополняют разрабатываемую в когнитивной лингвистике многоуровневую теорию значения, которая учитывает не только языковые знания, но и энциклопедические знания, отражающие многочисленный опыт взаимодействия субъекта с миром. В этом опыте значимая роль отводится социокультурным знаниям, которые имеют важное значение в когнитивно-дискурсивной деятельности субъекта – носителя знаний о конкретном языке, о социокультуре. Человек не только формирует смыслы, но и задает область их определения, которая характеризуется социокультурной спецификой его опыта и знаний о языке, мире, ситуации. Тем самым результаты работы способствуют более глубокому пониманию взаимосвязи языка, человека и окружающего мира, а также принципов языкового функционирования и механизма взаимосвязи человеческого опыта и знаний с формируемыми смыслами в процессе когнитивно-дискурсивной деятельности.

Постановка проблемы и направление ее решения в совокупности с полученными результатами позволили показать новые возможности и перспективы когнитивного анализа языка. Более того, проведенное исследование является основой для дальнейшего изучения проблемы человека – представителя конкретной социокультуры в языке и носителя системы социокультурных знаний. Оно, в свою очередь, позволит расширить научные знания об особенностях и принципах вербальной коммуникации в ситуации межкультурных и межэтнических диалогов. Этим обуславливаются перспективность проведенного исследования и его вклад в развитие лингвистической науки. В качестве перспектив дальнейшего исследования может также выступать проблема степени проявления контекста коллективных и социокультурных знаний в дискурсе, вопросы, связанные с факторами, обуславливающими профилирование коллективных знаний и фокусировку субъекта на социокультурных знаниях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликина Е.В., Швецова Ю.О. Формирование экстралингвистической компетентности будущих устных переводчиков [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. – 2012. – № 2. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/102-6037>. – (Дата обращения: 15.10.2014 г.).
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – 2-е. изд. – М.: Либроком, 2010. – 216 с.
3. Аникин Е.Е. Стратегия сопоставления в российской и американской рекламе: автореф. дис.... канд. филол. наук / Аникин Евгений Евгеньевич. – Тюмень, 2008. – 22 с.
4. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Академия, 2003. – 128 с.
5. Анохин К.В. Как воссоздать мозг человека: популярный лекторий [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=IXq_fHarUwI. – (Дата обращения: 25.12.2013 г.).
6. Анохин К.В. Мозг и сознание [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=bCDMZvwEUrY>. – (Дата обращения: 25.12.2013 г.).
7. Анохин К.В. Научный цикл Т&Р «Мозг и поведение» [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=2FHd9H_QCI. – (Дата обращения: 25.12.2013 г.).
8. Анохин К.В. Сознание и память: нейробиологические основы субъективного опыта [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.yuotube.com/watch?v=3fCz-bQzISw>. – (Дата обращения: 25.12.2013 г.).

9. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
10. Аргентова Т.Е. Стиль общения как фактор эффективности совместной деятельности // Психологический журнал. – 1984. – № 6. – С. 130-133.
11. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука. – 1976. – 383 с.
12. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия отделения литературы и языка АН СССР. – М., 1981. – Т. 40. № 4. – С. 356-367.
13. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – С. 5 – 23.
14. Арутюнова Н.Д. Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – 320 с.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
16. Архипов И.К. Когнитивные структуры знания и средства их выражения в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификаций: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008.– С. 158-168.
17. Аршавская Е.А. Речевой этикет современных американцев США (на материале приветствий) // Национально-культурная специфика речевого поведения / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1977. – С. 268-277.
18. Астафурова Т.Н., Медведева Л.В. Лингвориторическая специфика юридического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2008. № 1 (7). – С. 94-99. – (Сер. 2).
19. Бабенко Л.Г. Лексикографическая параметризация ментальной сущности концепта // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 3. – С. 5-12.

20. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 496 с.
21. Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография. – Тамбов; М.: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. – 264 с.
22. Балли Ш. Язык и жизнь. – М.: Едиториал УРСС. – 2003. – 232 с.
23. Баранов А.Г. Семиотические разновидности дискурсии [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://tverlingua.by.ru/archive/002/02_4_02.htm. – (Дата обращения: 02.03.2009 г.).
24. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: URSS, 2001. – 360 с.
25. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: семиотика, поэтика. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – С. 297-318.
26. Бартминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
27. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 502 с.
28. Безукладова И.Ю. Пространство человека и его языковая категоризация: монография. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – 218 с.
29. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Дисс. ... д-ра филол. наук / Елена Георгиевна Беляевская. – М.: Институт языкознания РАН, 1991. – 401 с.
30. Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005а. - № 1. – С. 5-15.
31. Беляевская Е.Г. Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) // Несколькословные единицы

- номинации в английском языке: от лексикологии к фразеологии. – Вестник МГЛУ. – Вып. 500. – М.: Изд-во МГЛУ, 2005б. – С. 9-24.
32. Беляевская Е.Г. Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 44-50.
33. Беляевская Е.Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Когнитивные исследования языка. Вып. I: Концептуальный анализ языка: сборник научных трудов / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова ; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 60-68.
34. Беляевская Е.Г. Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 22-29.
35. Беляевская Е.Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: отв. ред. Г. М. Фадеева. – М.: ИПЛ МГЛУ «Рема», 2011. – С. 13-30.
36. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
37. Бергельсон М.Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий // Вестник МГУ. – 2001. – № 4. – С. 166-181. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация).
38. Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: монография. – М.: Университетская книга, 2007. – 320 с.
39. Бердяев Н.А. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – 647 с.
40. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. – М.; Тамбов; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006а. – 214 с.

41. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Беседина Наталья Анатольевна. – Тамбов, 2006б. – 39 с.
42. Беседина Н.А. Форматы репрезентации языкового знания в морфологии // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификаций: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008.– С. 185-192.
43. Беседина Н.А. Морфология в аспекте познавательных процессов // Когнитивные исследования языка. Вып. V: Исследование познавательных процессов в языке: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. — С. 216-225.
44. Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. –1981. – Вып. 10. – С. 177-199.
45. Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – Т. 1. – С. 499-508.
46. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л.: ЛГУ, 1990. – 83 с.
47. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Богин Георгий Исаевич. Ленинград. – 1984. – 31 с.
48. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т.1. – 384 с.
49. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР. – 1963. – Т. 2. – 391с.
50. Бодуэн де Куртене И.А. Введение в языковедение. – 6-е изд. – М.: URSS. – 2004. – 94 с.

51. Бойко М.А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) [Электронный ресурс]: автореф. ... дис. канд. филолог. наук / Бойко Марина Александровна. – Воронеж, 2006. – Режим доступа: [//http://cognitive.narod.ru](http://cognitive.narod.ru) – (Дата обращения: 06.06.2011 г.).
52. Болдырев Н.Н. Концептуальный уровень языка // Понятийный аппарат и практика конкретных лингвистических исследований. – Тамбов, 1994. – С. 25-34.
53. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Болдырев Николай Николаевич. – Санкт-Петербург, 1995а. – 34 с.
54. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Болдырев Николай Николаевич. – Спб., 1995б. – 445 с.
55. Болдырев Н.Н. О функционально-семиологическом подходе к анализу языковых единиц // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1998. – Ч. I. – С. 116-119.
56. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000а. – 123 с.
57. Болдырев Н.Н. Теоретические аспекты функциональной категоризации глагола // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола: Коллективная монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000б. – С. 5-46.
58. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // Сборник научных трудов, посвященных Е. С. Кубряковой. – М.; Воронеж: Ин-т языкознания РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 103-114.
59. Болдырев Н.Н., Гаврилова Е.Д. Специфика оценочных концептов и их места в картине мира // Единицы языка и их функционирование: меж-

- вуз. сб. науч. тр. – Саратов: Научная книга, 2004. – Вып. 10. – С. 55-60.
60. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
61. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.
62. Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. – 2006. – Т. 65, № 3. – С. 3-13.
63. Болдырев Н.Н. О понятии культуры и культурологическом анализе языка // Филология и культура: материалы VI Междунар. науч. конф. 17-19 окт. 2007 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007а. – С. 27-32.
64. Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007б. – С. 12-28.
65. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007в. – № 4. – С. 17-27.
66. Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5-14.
67. Болдырев Н.Н. Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008а. – С. 50-55.
68. Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008б. – С. 11-29.
69. Болдырев Н.Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их клас-

- сификаций: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008.– С. 25-37.
70. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV: Концептуализация мира в языке: коллективная монография / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009а. - С. 25-77.
71. Болдырев Н.Н. Методологические проблемы когнитивных исследований в лингвистике // Филология и культура: материалы VII Междунар. науч. конф. 14-16 окт. 2009 г. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009б. – С. 35-41.
72. Болдырев Н.Н. Проблемы исследования языкового знания. Языковое знание и языковое сознание // Когнитивные исследования языка. Вып. I: Концептуальный анализ языка: сборник научных трудов / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009в. – С. 91-103.
73. Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола. Системный и функциональный аспекты. – М.: Либроком, 2009г. – 176 с.
74. Болдырев Н.Н. Оценочная метареферентация: проблемы изучения и описания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. V: Исследование познавательных процессов в языке: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009д. – С. 43-51.
75. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. – М.: Либроком, 2009е. – 144с.

76. Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: сборник в честь Е. С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009ё. – С. 38-50.
77. Болдырев Н.Н. Проблемы концептуального анализа // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов, 29 сент. - 1 окт. 2010 г. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010а. – С. 34-38.
78. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Вып. VII: Типы категорий в языке: сборник научных трудов / отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010б. – С. 45-59.
79. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 33 (248), Вып. 60. – С.11-16.
80. Болдырев Н.Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XII: Теоретические аспекты языковой репрезентации : сборник научных трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. — С. 33-43.
81. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Механизмы языковой когниции: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013а. – С. 12-22.
82. Болдырев Н.Н. Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы: сборник научных трудов / отв. ред. вып. Н. А. Беседина. – М.: Ин-т языкознания

- РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013б. – С. 18-29.
83. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013в. – № 2. – С. 5-12.
84. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика в России: от частных исследований к общей теории языка // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги и перспективы: материалы Всероссийской научной конференции. 11-12 апреля 2013 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013г. – С. 52-60.
85. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014а. – 236 с.
86. Болдырев Н.Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сборник научных трудов / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014б. – С. 33-39.
87. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник ЧелГУ. – Вып. 88. № 6 (335). – 2014в. – С. 118-122.
88. Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – Спб.: Наука. – 1992. – С. 29-71.
89. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 408 с.

90. Бороздина И.С., Сазонова Т.Ю. Визуализация и вербализация пространственных сцен как экспериментальные способы лингво-когнитивного моделирования [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал Курского гос. ун-та. – 2010. – № 1 (7). – Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/007-03.pdf>. – (Дата обращения: 09.10.2011 г.).
91. Бороздина И.С. Лингво-когнитивное моделирование реляционных речевых актов: автореф. ...дис. д-ра. филол. наук / Бороздина Ирина Сергеевна. – Курск, 2011. – 48 с.
92. Брунер Дж. О действенном и наглядно-образном представлении мира ребенком // Психология мышления. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – С. 235-243.
93. Будаев Э.В. Недостающее звено дискурс-анализа: контекстуальные модели Т. ван Дейка // Политическая лингвистика. – 2009. – № 2 (28). – С. 153-155.
94. Бурнашев К.Э. Хронотоп – ключ к познанию социального пространства / К. Э. Бурнашев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2007. – № 2 (7). – С. 15-19. – (Сер.: Социальные науки).
95. Бутовская М.Л. Формирование гендерных стереотипов у детей: социокультурная и социобиологическая парадигма: диалог или новое противостояние // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 4. – С. 104-122.
96. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура / М. Л. Бутовская. – М.: Научный мир, 2004. – 437с.
97. Быкова О.И. Лингвокультурологический подход к исследованию этноконнотации // Вестник Воронежского государственного университета. – 2001. – № 2. – С. 32-38. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация).

98. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 2000. – 501 с.
99. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
100. Василик М.А. Основы теории коммуникации. – М.: Гардарики, 2005. – 615 с.
101. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русский словарь, 1996. – 416 с.
102. Веракса Н.Е. Личность и культура: структурно-диалектический подход // Перемены. – 2000. – №1. – С. 81-107.
103. Веракса Н.Е. Диалектическое мышление. – Уфа: Вагант, 2006. – 211с.
104. Вербицкий А.А., Калашников В.Г. Категория «контекст» в психологии и педагогике. – М.: Логос, 2010. – 304 с.
105. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
106. Вершинин Г.В. Контекст в архитектуре, дизайне, искусстве XX века : дис. ... канд. искусствовед. наук / Вершинин Геннадий Васильевич. – Екатеринбург, 2005. – 226 с.
107. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. – 316 с.
108. Винникова Т.А. Особенности поликодовой и полимодальной организации кинотекста (на материале художественного фильма «The Queen») // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 27 (165). – С. 9-11. – (Филология. Искусствоведение).
109. Виноградов В.А. Языковые форматы культуры как знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификаций: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 7-10.
110. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука. – 1980. – 360 с.

111. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М.: Либроком, 2009. – 176 с.
112. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи: слова и фразы в контексте двух культур. – М.: Валент, 2007. – 191 с.
113. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 347 с.
114. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу – анализу // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – С. 123 – 136.
115. Волков А.А. Язык и мышление. Мировая загадка. – М.: URSS, 2007. – 238 с.
116. Волкова В.Н. Репрезентация концепта «убийство» в гиперболических моделях // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 1. – 2012. – С. 20-22.
117. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 340 с.
118. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 180-189.
119. Выготский Л.С. Мышление и речь: сборник. – М.: АСТ: Хранитель, 2008. – 668с.
120. Гадамер Г.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
121. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказываний // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования: сб. ст. / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М., 1971. – С. 78-96.
122. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 763 с.

123. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Либроком, 2010. – 262с.
124. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. ... дис. канд. филол. наук / Галичкина Елена Николаевна. – Волгоград, 2001. – 21 с.
125. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
126. Гаран Е.П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гаран Евгения Петровна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 20 с.
127. Герасимов В.И. К становлению когнитивной грамматики / В. И. Герасимов // Современные зарубежные грамматические теории. – М.: Изд-во ИНИОН, 1985. – С.213-250.
128. Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С.15-23.
129. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
130. Гладкова А. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 295 с.
131. Гнездилов В.И. Технологический контекст социального бытия: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Гнездилов Владимир Иванович. – Ставрополь, 2002. – 21 с.
132. Головлева Е.Л. Основы межкультурной коммуникации. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 224 с.
133. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примерах современной немецкоязычной рекламы): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Голоднов Антон Владимирович. – Санкт-Петербург, 2003. – 23 с.

134. Горбова Е.В. Грамматическая категория аспекта и контекст: автореф. дис. д-ра. филол. наук / Горбова Елена Викторовна. – Санкт-Петербург, 2011. – 44 с.
135. Городецкая Л.А. Лингвокультурная компетентность личности. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 224 с.
136. Гохлернер М.М. Психологический механизм чувства языка // Вопросы психологии. – 1982. – № 6. – С. 137 – 142.
137. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса [Электронный ресурс]: прагмалингвистический и когнитивный аспекты / Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=27312&p_page=3-130k. – (Дата обращения: 09.12.2009 г.).
138. Григошина Л.Ю. Социальный контекст трансформации организационной культуры в современном глобализирующемся обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Григошина Лариса Юрьевна. – Краснодар, 2010. – 32 с.
139. Гришаева Л.И. Индивидуальное использование языка и когнитивно-дискурсивный инвариант «Языковая личность» // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006а. – № 1. – С. 16-22.
140. Гришаева Л.И. О критериях отграничения дискурсивного события и «свободных распространителях глагола» // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов, 26-28 сент. 2006 г. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2006б. – С. 49-51.
141. Гришаева Л.И. Язык как культурный код или как языковые средства передают культурно специфические знания о мире // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. / отв. ред. Л. В. Цурикова. – Воронеж, 2008. – Вып. 2. – С. 222-249.
142. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Академия, 2007. – 336 с.

143. Гришина Е.А. О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка www.ruscorgora.ru) [Электронный ресурс] / Режим доступа: // <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/22.htm>. – (Дата обращения: 15.04.2008 г.).
144. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы теории коммуникации. – М.: Юнити, 2003. – 352 с.
145. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 228 с.
146. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
147. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: АСТ, 2002. – 560 с.
148. Гуральник Т.А. Лингвистические маркеры социокультурного пространства в сфере неономинии (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук / Гуральник Татьяна Андреевна. – Саратов, 2009. – 20 с.
149. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
150. Гуревич А.Я. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления / ред. М. Ферро, Ю. Афанасьева. – М., 1989. – С. 454.
151. Гуськов Е.П. Биология и культура // Научная мысль Кавказа: Время. Идеи. Наука на пороге XXI века. – 1997. – №2. – С. 3- 17.
152. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественных текстов. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 204 с.
153. Дадаев Л.М. Экономический контекст становления региональных инновационно-образовательных комплексов: концепция, опыт, перспективы : автореф. дис. ... д-ра эконом. наук / Дадаев Лёма Мухадинович. – Кисловодск, 2009. – 46 с.
154. Дворцова Н.П. Дискурс как категория гуманитарных наук // Вестник Тюменского государственного университета. – 2000. – № 4. – С. 3-8.

155. Деглин В.Л., Балонов Л.Я., Долинина И.Б. Язык и функциональная асимметрия мозга // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1983. – Т. 16. – С. 31-42.
156. Дедюхин А.А. Модели организации вербальной и визуальной информации в тексте рекламы: дис. канд. ... филол. наук. / Дедюхин Андрей Александрович. – Краснодар, 2006. – 152 с.
157. Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 153-211.
158. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
159. Демьянков В.З. Формализация и интерпретация в семантике и синтаксисе: (по материалам американской и английской лингвистики) // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. – 1979. – Т. 38. № 3. – С. 261-269.
160. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. – Т. 40. № 4. – 1981. – С. 368-376.
161. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. – М.: ИНИОН РАН, 1992а. – С. 39-77.
162. Демьянков В.З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // «Язык», «Субъект», «Индивид» в парадигмах современного языкознания. – М.: Изд-во РАН, 1992б. – С. 9-34.
163. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
164. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 239-320.
165. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура.

- Факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309-323.
166. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – С. 5-10.
167. Демьянков В.З. О техниках понимания имплицитности речи [Электронный ресурс] // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: материалы междунар. науч. конф. 15-17 сент. 2005 г., Калининград-Светлогорск / под ред. С. С. Вакулиной. – Калининград Изд-во РГУ им. И. Канта. – 2006. – С. 34-52. – Режим доступа: //http:// www.infolex.ru – (Дата обращения:10.10.2011г.).
168. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации : учеб. пособ. для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический проект, 2008. – С. 374-393.
169. Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. I: Концептуальный анализ языка: сборник научных трудов / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 29-34.
170. Демьянков В.З. Интерпретативный подход к логическим противоречиям: обычное *всегда* в русских и западноевропейских языках // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Механизмы языковой когниции: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 22-32.
171. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен / Л. Р. Безуглая [и др.]; под общ. ред. И. С. Шевченко. – Харьков: Константа, 2005. – 356 с.

172. Дискурс, речь, речевая деятельность: функцион. и структур. аспекты: сб. обзоров / отв. ред. С. А. Ромашко. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26-136.
173. Дискурсивные практики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslovarei.com/content_soc/DISKURSIVNYE_PRAKTIKI-11472.html – (Дата обращения: 03.09.2009 г.).
174. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37-48.
175. Донская М.М. Английский язык в мультимедийном пространстве рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Донская Мария Михайловна. – М., 2007. – 21 с.
176. Донцов А.И. Проблема социальной группы в зеркале этнопсихологии // Этнопсихология. – М., 1999. – С. 5-15.
177. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
178. Дьякова Е.Ю. Поликодовый текст в британском рекламном дискурсе сферы образования: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дьякова Елена Юрьевна. – Воронеж, 2011. – 25 с.
179. Елькина О.М. Лингво-социокультурные особенности речевой деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале англоязычных блогов): автореф. ... дис. канд. филол. наук / Елькина Ольга Михайловна. – Пятигорск, 2012. – 25с.
180. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка [Электронный ресурс] // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Т. 1. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/148.new-in-linguistics-1>. – (Дата обращения: 16.04.2008 г.).
181. Жаботинская С.А. Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики : интегративный подход // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификаций: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубря-

- кова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 61-74.
182. Жданова Е.В. Взаимодействие речевых стратегий и психолингвистического типажа коммуникантов (на материале русской и английской литературы конца XIX в. - конца XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Жданова Елена Викторовна. – Краснодар, 2008. – 27 с.
183. Жинкин Н.И. Язык-речь-творчество: исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике: избр. тр. – М.: Лабиринт, 1998. – 364 с.
184. Жуков И.В. Критический анализ дискурса печатных СМИ [Электронный ресурс]: особенности освещения северокавказского конфликта 1998-2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук / Жуков Илья Владимирович. – Тверь, 2002. – Режим доступа: [//http://mitglied.lycos.de/pegas/data/doktorarbeit/chapters/010103.htm](http://mitglied.lycos.de/pegas/data/doktorarbeit/chapters/010103.htm). – (Дата обращения: 22.01.2007 г.).
185. Журавлев М.С. Вклад деятельности религиозных организаций в социально-культурную жизнь Тульской области // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. 18-22 сент. 2008 г. / М. С. Журавлева; [редкол.: Н. И. Лапин и др.]. – Чебоксары, 2008. – С. 172-175.
186. Заботкина В.И. Типы прагматических знаний подход // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификаций: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 90-94.
187. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 1999. – 382 с.
188. Залевская А.А. Интегративный подход к пониманию текста: материалы междунар. конф., посвящ. 60-лет. фак. иностр. яз. : сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – С. 58-68.

189. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. – М., 2005. – 543 с.
190. Зарецкая Е.Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2001. – 480 с.
191. Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с англ. и др. индоевропейскими языками). – Астрахань: Астрахан. ун-т, 2008. – 564 с.
192. Захарова Т.В. Термин «картина мира» в современных лингвистических исследованиях // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – Челябинск: РЕК-ПОЛ, 2008. – С. 118-121.
193. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 307 с.
194. Звегинцев В.А. Язык и знание // Вопросы философии. – 1982. – № 1. – С. 71-80.
195. Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения // *Studia Linguistica Cognitiva*. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. – 2006. – Вып. 1. – М.: Гнозис. – С. 308-361.
196. Зыкова И.В. Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое: монография. – М.: Либроком, 2011. – 368с.
197. Зыкова И.В. Семиотика музыки в построении фразеологического значения // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 4. – 2012. – С. 108-117.
198. Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: автореф. дис. ...докт. филол. наук / Зыкова Ирина Владимировна. – М., 2014а. – 52 с.
199. Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. ...докт. филол. наук /

- Зыкова Ирина Владимировна. – М., 2014б. – 510 с.
200. Зырянова И.Н. Гендерный аспект номинации лица в текстах брачных объявлений: автореф. дис... канд. филол. наук / Зырянова Ирина Николаевна. – Иркутск, 2009. – 24 с.
201. Иванников В.А. Основы психологии: курс лекций. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 336 с.
202. Иванова С.В., Сподарец О.О. Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3 (33). – С. 71-75.
203. Интенциональность и текстуальность: философская мысль Франции XX в. / сост.: Е. А. Найман, В. А. Суровцев. – Томск: Водолей, 1998. – 319с.
204. Ирисханова О.К. Стереотипы, эталоны и другие социокультурные модели в дискурсе: сходство и различия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Вып. 5 (№ 638). – 2012. - С. 173- 184. – (Языкознание).
205. Ирисханова О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. - № 4. – С. 5 – 17.
206. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Изд-во ЛКИ. – 2008. – 288 с.
207. Иссерс О.С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики: монография. – Омск: ОмГУ, 2011. – 344 с.
208. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. – М.: Ленанд, 2014. – 272 с.
209. Казарцева О.М. Речевое общение // Педагогическое речеведение: словарь-справочник / Под ред.: Т.А. Ладыженской, А.К. Михальской. – М. : Флинта : Наука, 1998. – С. 192-193.

210. Как написать и опубликовать статью в международном научном журнале: методические рекомендации / сост. И.В. Свидерская, В.А. Кратасюк. – Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2011. – 52с.
211. Карасик В.И. Аспекты языковой личности // Языковая личность: проблемы когнициии и коммуникации. – Волгоград: Колледж, 2001. – С. 172-183.
212. Карасик В.И. Концепт как категория лингвокультурологии // Известия: науч. журн. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2002а. – №1. – С. 14-23. – (Филологические науки).
213. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002б. – 477 с.
214. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002в. – 333 с.
215. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
216. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
217. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
218. Кармалова Е.Ю. Мифопоэтические и жанровые коды в телекоммуникации: реклама и «развлекательная» тележурналистика: автореф. ...дис. филол. наук / Кармалова Елена Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2008. – 44 с.
219. Карманова З.Я. Феноменология контекста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 39 (177). – С. 76-84. – (Филология. Искусствоведение).
220. Кармин А.С. Основы культурологии: морфология культуры. – Санкт-Петербург: Лань, 1997. – 512 с.
221. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+; Реабилитация, 2008. – 544 с.

222. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
223. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 3-12.
224. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: из науч. наследия. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
225. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: краткий курс. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 256 с.
226. Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса. – М.: Восточная книга, 2010. – 152 с.
227. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С.126-139.
228. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/.../Discourse_classification@VJa_2009.pdf. – (Дата обращения: 27.05.2009 г.).
229. Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: автореф. ...дис. д-ра филолог. наук / Кирилина Алла Викторовна. – М., 2000. – 40 с.
230. Клименова Ю.И. Роль лингвистического и когнитивного контекста в декодировании метафоры [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ftp://lib.herzen.spb.ru/text/klimenova_101_156_159.pdf. – (Дата обращения: 23.11.2010 г.).
231. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.): автореф. дис. д-ра филол. наук / Клушина Наталья Ивановна. – М., 2008. – 45 с.
232. Клушина Н.И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме [Электронный ресурс] // Медиаскоп: электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

- № 4. – 2012. – Режим доступа: www.mediascope.ru/node/1242#6. – (Дата обращения: 15.10.2014 г.).
233. Клушина Н.И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме [Электронный ресурс] / Режим доступа: [//http://www.mediascope.ru/node/1242](http://www.mediascope.ru/node/1242). – (Дата обращения: 15.12.2013 г.).
234. Ключе, Р.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого воздействия. – М.: Рипол классик, 2002. – 315с.
235. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к постановке нового концептуального аппарата: дис. ...д-ра филолог. наук / Клюканов Игорь Ангелевич. – Тверь, 1999. – 290 с.
236. Кобозева И.М. Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике [Электронный ресурс]: учеб. пособие / И. М. Кобозева. – Режим доступа: <http://rspu.edu.ru>. – (Дата обращения: 15.10.2014 г.).
237. Кобозева И.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ [Электронный ресурс] / Режим доступа: [//http://evartist.narod.ru/text/12/08.htm](http://evartist.narod.ru/text/12/08.htm). – (Дата обращения: 03.07.2007 г.).
238. Кобрин Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000. – С. 170-175.
239. Кобрин Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка. – Тамбов, 2005а – С. 77-94.
240. Кобрин Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005б. – № 3. – С. 59-69.
241. Ковшова М.Л. О репрезентации культурных смыслов во фразеологии // Когнитивные исследования языка. Вып II: Проблемы репрезентации в языке: сборник научных трудов / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв.

- ред. вып. Н. Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009а. – С. 252-261.
242. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ...д-ра. филол. наук / Ковшова Мария Львовна. – М., 2009б. – 48 с.
243. Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 620 с.
244. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2007. – 619 с.
245. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: КомКнига, 2005. – 152 с.
246. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
247. Котов А.А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: автор. дис. ... канд. филол. наук / Котов Артемий Александрович. – М., 2003. – 24 с.
248. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. – М.: Прогресс, 1977. – 250 с.
249. Кошарная С.А. В зеркале лексикона: введение в лингвокультурологию. – Белгород: БелГУ, 1999. – 142 с.
250. Кравцова Н.М. Оценочная категоризация интеллектуальных способностей человека в современном английском языке: дис. ...канд. филол. наук / Кравцова Надежда Михайловна. – Тамбов, 2008. – 197 с.
251. Кравченко А.В. Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка // Прямая и непрямая коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев. – Саратов, 2003. – С. 27-38.
252. Кравченко А.В. Гипотеза Сепира-Уорфа в контексте биологии познания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 1. – С. 5-14.

253. Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. – М.: Изд-во «Рукописные памятники Древней Руси», 2013. – 388 с.
254. Красноперова Ю.В. Дискурсивные стратегии участников интервью: автореф. дис. канд. филол. наук / Красноперова Юлия Валерьевна. – Иркутск, 2005. – 23с.
255. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
256. Красных В.В. Анализ дискурса в свете концепции фрейм-структур сознания // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М., 2004. – С. 243-245.
257. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 581 с.
258. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D / М. А. Кронгауз. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. - 480 с.
259. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Наследие, 1998. – 293 с.
260. Крысин Л.. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 186 с.
261. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. О ментальных репрезентациях // Когнитивные исследования языка. Вып. II: Проблемы репрезентации в языке: сб. науч. тр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 9-35.
262. Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К. К вопросу о природе объяснений в лингвистике // Сборник статей в честь В. А. Виноградова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 158-169.
263. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.

264. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний: сб. науч.-аналит. обзоров / ред. сост.: Л. Г. Лузина, Г. Д. Стрельцова. – М., 1992. – С. 4-36.
265. Кубрякова Е.С. Текст и его понимание // Русский текст. – 1994. – № 2. – С. 18-27.
266. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 1999. – Ч. 3. – С. 6-13.
267. Кубрякова Е.С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура. Факты и ценности. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 283-291.
268. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
269. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов 26-28 сент., 2006 г. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. – С.26-31.
270. Кубрякова Е.С. О соотношении языка и культуры // Филология и культура: материалы VI Междунар. науч. конф. 17-19 окт., 2007 г. – Тамбов, 2007. – С. 25-27.
271. Кубрякова Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. – Тамбов, 2008а. – С. 30-45.
272. Кубрякова Е.С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификаций: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т

- языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008б. – С. 11-24.
273. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV: Концептуализация мира в языке: коллективная монография / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009а. – С. 11-24.
274. Кубрякова Е.С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. I: Концептуальный анализ языка: сборник научных трудов / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009б. – С. 11-21.
275. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
276. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения. Текст. Структура и семантика [Электронный ресурс]. – М., 2001. – Т. 1. – С. 72-81. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>. – (Дата обращения: 15.12.2013 г.).
277. Кузнецов В.Г. Социально значимые концепты в синхронии и диахронии // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4 (017). – С. 38-45.
278. Кузнецова Т.Я. Вертикальный контекст: к проблеме сложного синтаксического целого: дис. ... д-ра филол. наук / Кузнецова Татьяна Яковлевна. – Архангельск, 1995. – 367 с.
279. Куликова Л.В. Особенности русско-немецкой коммуникации как отражение конфронтации национальных коммуникативных стилей // Вестник Воронежского государственного университета. – 2004а. – № 2. – С. 52-60.

280. Куликова Л.В. Тип культуры и национальный коммуникативный стиль // Вестник Воронежского государственного университета. – 2004б. – № 2. – С. 62-70.
281. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: дис. ... д-ра филол. наук / Куликова Людмила Викторовна. – Волгоград, 2006а. – 327 с.
282. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме : монография. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ГПУ им. В. П. Астафьева, 2006б. – 392 с.
283. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 288 с.
284. Куницына В.Н. Межличностное общество. – Санкт-Петербург: Питре, 2001. – 544 с.
285. Курганова Н.И. Проблема исследования коллективного знания в когнитивной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2. – С. 18-26.
286. Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // www.classes.ru/grammar/154.newinlinguistics7/source/worddocuments/_29.htm. – (Дата обращения: 15.10.2014 г.).
287. Лазарева Э.А., Тельминов Г.Н. Реклама в Интернете как проявление интертекстуальности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 19-23. – (Лингвистика).
288. Лазарева Э.А., Тельминов Г.Н. Использование коммуникативных стратегий вежливости в американской Интернет-рекламе // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3. – С. 151-154.
289. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. – 1981. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – С. 350-368.
290. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 12-51.

291. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
292. Ларина Т.В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур): автореф. ... дис. д-ра филолог. наук / Ларина Татьяна Викторовна. – М., 2003. – 44 с.
293. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
294. Латынов В.В. Стили речевого коммуникативного поведения: структура и детерминанты // Психологический журнал. – 1995. – № 6. – С. 90-100.
295. Лебец А.С. Этологическое измерение политического процесса в современной России : региональный контекст: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Лебец Африма Сагидуллоевна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 23 с.
296. Лекторский В.А. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: материалы круглого стола // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 3-37.
297. Лендел Ж. Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров // Национально-культурная специфика речевого поведения / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1977. – С. 193-218.
298. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435с.
299. Леонтович О.А. Типология культурных значений // Язык. Культура. Общение: сб. науч. тр. в честь юбилея заслуж. проф. МГУ им. М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой / отв. ред. Г. Г. Молчанова. – М., 2008. – С. 502-510.

300. Леонтович О.А. Англоязычный научный дискурс с позиций межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. 20-21 окт., 2009 г. – Волгоград, 2009. – Т. 2: Актуальные проблемы лингвистики. – С. 201-209.
301. Леонтьев А.А. Основные направления прикладной психолингвистики в СССР // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М., 1972. – С. 7-24.
302. Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1977. – С. 5-14.
303. Леонтьев А.А. Лекции по общей психологии: учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по спец. «Психология». – М.: Смысл, 2000. – 509 с.
304. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: КомКнига, 2005. – 312 с.
305. Леонтьев А.А. Мышление как деятельность. Из лекций по общей психологии // Психология мышления. – М.: АСТ: Астрель, 2008а. – С. 89-93.
306. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: ЛКИ, 2008б. – 216 с.
307. Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2004. – 384 с.
308. Литература Древней Руси: источниковедение: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Ленинград: Наука. – 1988. – 311с.
309. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию: как с помощью речи вызвать гнев, радость, милость и другие эмоции. – М. : ЗАО «Бизнеском». – 2011. – 16 с.

310. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – 330 с.
311. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
312. Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 2010. – 704 с.
313. Лукьянова Н.А. Уровни соподчинения семиотических элементов в коммуникативном пространстве // Известия Томского политехнического университета. – Вып. 6. Том 321. – 2012. – С. 191 – 196.
314. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
315. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 445 с.
316. Любимова М.К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русском и немецком дискурсах совещаний и переговоров: автореф. дис. канд. филол. наук. / Любимова Мария Константиновна. – Тамбов, 2004. – 20 с.
317. Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: дис. ...д-ра филол. наук / Вера Дмитриевна Лютикова. – Екатеринбург, 2000. – 316 с.
318. Магировская О.В. Интеграция основных видов когнитивной деятельности в рамках процесса познания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 119-127.
319. Магировская О. В. Репрезентация субъекта познания в языке: монография. – М.; Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – 223 с.
320. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: автореф.... дис. д-ра филол. наук / Магировская Оксана Валериевна. – Тамбов, 2009а. – 39 с.
321. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: дис. ...докт. филол. наук / Магировская Оксана Валериевна. – Тамбов, 2009б. – 351 с.

322. Магировская О.В. Интерпретативный потенциал языка и познания как теоретическая проблема когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. 10-12 октября 2012 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; отв. ред. вып. Л. А. Фурс. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С. 78-80.
323. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
324. Манаенко Г.Н. Координаты понятия «дискурс» // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2009. – С. 15 – 35.
325. Манаенко Г.Н. Пропозиция: взаимодействие языкового (семантического) и когнитивного // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сборник научных трудов памяти Е. С. Кубряковой. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – С. 316-325.
326. Маралова Е.А. Постдипломное образование педагогов: праксиологический контекст : автореф. дис. ... д-ра педагог. наук / Маралова Екатерина Александровна. – Великий Новгород, 2006. – 50 с.
327. Марковина И.Ю. Влияние национальной специфики языка и культуры на процесс межкультурного общения // Речевое общение: проблемы и перспективы / сост. В. Г. Садур. – М., 1983. – С. 187-212.
328. Марковина И. Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.
329. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2010. – 202с.
330. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: дис. ... докт. филол. наук. – Тамбов, 2011. – 419с.
331. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – М.: Питер, 2013. – 351 с.

332. Милевская Т.В. Дискурс, речевая деятельность, текст [Электронный ресурс] / Режим доступа: [//http://any-book.org/download/54968.html](http://any-book.org/download/54968.html). – (Дата обращения: 03.12.2013 г.).
333. Милославский И.Г. Говорим правильно по смыслу или по форме? – М.: АСТ, 2013. – 320 с.
334. Мишина О.В. Средства создания комического в видеовербальном тексте (на материале английского юмористического сериала «Monty Python Flying Circus»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мишина Ольга Викторовна. – Самара, 2007. – 25 с.
335. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 384 с.
336. Муравьева Н.Г. Понятие социокультурной компетенции в современной науке и образовательной практике // Вестник Тюменского университета, 2011. – № 9. – С. 136-143.
337. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания. - 2013. - № 5. – С. 3 – 28.
338. Мусульбес С.Н. Обучение аргументирующему дискурсу в сфере письменного общения : языковой вуз, продвинутый этап, английский язык : дис. ... канд. педагог. наук / Мусульбес София Николаевна. – М., 2005. – 202 с.
339. Мыркин В.Я. Типы контекстов: коммуникативный контекст // Филологические науки. – 1978. – № 1. – С. 95-100.
340. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – Благовещенск: Благовещ. гуманит. колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 229 с.
341. Национально-культурная специфика речевого поведения / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1977. – 352 с.
342. Нефедова Л.А. Когнитивно-типологический аспект имплицативной коммуникации (на материале французских текстов и их переводов на русский язык): дис. ... д-ра филол. наук / Нефедова Лилия Амирянов-

- на. – Челябинск, 2001. – 312 с.
343. Нефедова Л.А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 4-9.
344. Опарина Е.О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура : сб. обзоров ИНИОН РАН / отв. ред. Е. О. Опарина. – М., 1999. – С. 27-48.
345. Ортега-и Гассет Х. Краткий трактат о романе // Вопросы литературы. – 1987. – № 9. – С. 169-205.
346. Осипов В.Д. О некоторых чертах кинесической речи у арабов // Национально-культурная специфика речевого поведения / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1977. – С. 277-282.
347. Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» // Социальная реальность. – 2006. – № 4. – С. 125- 141. – Режим доступа: <http://corp.form.ru/uploads/socreal/post-113.pdf>. – (Дата обращения: 15.10.2014 г.).
348. Основы межкультурной коммуникации: практикум / ред. Л. Г. Викулова. – М.: АСТ : Восток-Запад, 2008. – 288 с.
349. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
350. Павиленис Р.И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. –1986. – Вып. 17. – С. 380-388.
351. Павиленис Р.И. О смысле и тождестве // Вопросы философии. – 2006. – № 7. – С. 67-73.
352. Падучева Е.В. Метафора и ее родственники // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 187 – 203.
353. Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ...докт. филол. наук / Панасенко Людмила Александровна. –

- Тамбов, 2014. – 351 с.
354. Петренко О.А. Этнический менталитет и язык фольклора. – Курск: Изд-во Курс. педагог. ун-та, 1996. – 118 с.
355. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – М.: РИМИС, 2008. – 448 с.
356. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации [Электронный ресурс] / Режим доступа: [//http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_31.htm-47k](http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_31.htm-47k). – (Дата обращения: 24.03.2008 г.).
357. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. – Спб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ: Алтейя. – 2000. – 349 с.
358. Пищальникова В.А. Национальная специфика картины мира и ее репрезентация в языке // XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». – М., 1997. – С. 125-126.
359. Позднякова Е.М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке (когнитивный аспект исследования): монография / Е. М. Позднякова. – Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 1999. – 109 с.
360. Позднякова Е. М., Саблина Г.Ф. Категория знания в современной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификаций: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 55- 60.
361. Позднякова Е.М. Когнитивное и концептуальное картирование в рекламной коммуникации // Рекламная коммуникация: лингвокогнитивные аспекты исследования : коллектив. моногр. / под ред. Е.М. Поздняковой. – Тамбов, 2009. – С. 11-20.
362. Позняк В.П. Социокультурное пространство геополитики // Проблемы управления. – 2007. – № 1 (22). – С. 188-193.

363. Поливанов Е.Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию. – М.: Наука, 1991. – 622 с.
364. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. С. 8-69.
365. Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
366. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110-123.
367. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак: лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.
368. Приходкина С.И. Национально-культурная специфика речевого поведения субъекта продаж (на примере речевой деятельности промоутера): дис. ...канд. филол. наук / Приходкина Светлана Игоревна. – М., 2007. – 245 с.
369. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: URSS, 2009. – 224 с.
370. Прохорова М.Ю. Филологический вертикальный контекст в прагмалингвистическом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Прохорова Мария Юрьевна. – М., 1989. – 16 с.
371. Равич-Щербо И.В. Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека. – М.: Педагогика, 1988. – 336с.
372. Раевская М.М. Язык в ментальном пространстве: к проблеме постижения национальной логики мышления // Вестник МГУ. – 2006. – № 1. – С. 27-41. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация).
373. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Азбуковник. 2010. 446 с.
374. Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестник МГУ. – 1999. – № 1. – С. 25-33. – (Филология).

375. Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 223 с.
376. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 1. – 485 с.
377. Рыжакова С.И. Этнокультурные представления об основах латышской идентичности: исторический контекст, взаимосвязи, современные аспекты: сер. XIX – нач. XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. / Рыжакова Светлана Игоревна. – М., 2011. – 80 с.
378. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
379. Савельев С.В. В программе А. Гордона «Хмурое утро». [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.yuotube.com/watch?v=5TTTZjtpIZc>. – (Дата обращения: 10.01.2014 г.).
380. Савельев С.В. О человеческом мозге [Электронный ресурс] / С. В. Савельев. / Режим доступа: <http://www.yuotube.com/watch?v=mFpymjGGQP8>. – (Дата обращения: 10.01.2014 г.).
381. Сазонова Т.Ю., Бороздина И.С. Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2 (023). – С. 27-33.
382. Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. – М.: Еврощкола, 2004. – 233 с.
383. Седов К.Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://lib71.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070236.pdf. – (Дата обращения: 09.09.2011 г.).

384. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87-107.
385. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 248 с.
386. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 14-53.
387. Серио П. Анализ дискурса во французской школе // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 549-562.
388. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга: попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы (с биографией И. М. Сеченова). – М.: URSS, 2009. – 123 с.
389. Сивенкова М.А. Феномен искренности в межличностном общении (на материале английского языка) [Электронный ресурс] // *Respectus Philologicus (Respectus Philologicus)*. – 2005. – №8 (13). – Р. 176-183. – Режим доступа: <http://www.cceeol.com>. – (Дата обращения: 28.06.2009 г.).
390. Сивенкова М.А. Неассертивные компоненты смысла высказывания в различных типах диалогических контекстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сивенкова Мария Александровна. – Минск, 2006. – 22 с.
391. Ситдикова Ф.Б. Способы передачи имплицитной информации в татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ситдикова Фарида Бизяновна. – Казань, 2007. – 25 с.
392. Слышкин Г.Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 125 с.
393. Слышкин Г.Г. Мир Шерлока Холмса в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки, 2003. - № 4. – С. 89 – 98.

394. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 323 с.
395. Слышкин Г.Г. Проблема концептуализации человека в языке и дискурсе // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. – 2004а. - № 11. – С. 85 – 87.
396. Слышкин Г.Г. Реализация агрессии в жанре анекдота (на материале концепта «теща») // Антропологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, лингвистической гендерологии, лингвистики текста, семантики и стилистики. Вып. 3.: сб. науч. тр. – Волгоград: «Колледж». – 2004б. – С. 70-93.
397. Слышкин Г.Г. Ценность лингвокультурная vs ценность философская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Социально-экономические науки и искусство. – 2004в. - № 2. – С. 46 – 50.
398. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – Вып. 1. – 209 с. – (Дискурсология).
399. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: КомКнига, 2006. – 232 с.
400. Солсо Р. Когнитивная психология. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 589 с.
401. Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Сонин Александр Геннадиевич. – М., 2006. – 42 с.
402. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
403. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомолова [и др.]; отв. ред. Р. Г. Котов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1990. – С. 180-196.

404. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В. А. Юдашкин. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. – 356 с.
405. Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – 635с.
406. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
407. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
408. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение / редкол.: И. А. Стернин [и др.]. – Воронеж, 2000а. – Вып. 1. С. 4-20.
409. Стернин И.А. Улыбка в русском коммуникативном поведении // Русское и финское коммуникативное поведение / редкол.: И.А. Стернин [и др.]. – Воронеж, 2000б. – Вып. 1. – С. 53-61.
410. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: Истоки, 2003. – 184 с.
411. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 288 с.
412. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Ин-т психологии РАН: Академический проект, 1999. – 320с.
413. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум. – М.: АспектПресс, 2006. - 208 с.
414. Сысоев П.В. Язык и культура: в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 4. – С. 12-18.
415. Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1977. – С. 14-38.

416. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: монография. – М.: Флинта. – 2012. – 196 с.
417. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: тез. докл. Междунар. науч. конф: в 2 ч. – Минск: Універсітэцкае, 1994. – Ч. 1. – С. 14-15.
418. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
419. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1999. – С. 13-24.
420. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: МГУ, 2004. – 352 с.
421. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 341с.
422. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Толкачев Сергей Петрович. – М., 2003. – 56 с.
423. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 306-315.
424. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению. – М.: Высшая школа, 1988. - 238 с.
425. Тугаринов В.П. Философия сознания. – М.: Мысль, 1971. – 198 с.
426. Тульвисте П. Культурно-историческая природа вербального мышления // Психология мышления / под. ред. : Ю. Б. Гиппенрейтер, В. А. Спиридонова, М. В. Фаликман [и др.]. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – С. 260-266.

427. Тульнова М.А. Динамика развития концепта «индивидуализм» в контексте глобализации // Известия Волгогр. гос. педагог. ун-та. – 2009. – № 7 (41). – С. 121-124. – (Филологические науки).
428. Узлов Н.Д. Психотехнология : к проблеме определения понятия / Н. Д. Узлов // Вестник Пермского государственного университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. – 2001. – Вып. 1 (5). – С. 32-42.
429. Уорф Б.Л. Наука и языкознание: о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Языки как образ мир / сост. К. Королева. – М.: АСТ; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2003. – С. 202-219.
430. Урсул Д.Т., Сабошук А.П. Философский анализ механизма перцептивного отражения // Проблемы развития познания / под ред. А. И. Бабия. – Кишинев: Штиинца, 1981. – С. 3-27.
431. Урубкова Л.М. Контекст в познании и переводе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 4. – С. 102-111.
432. Усачева О.Ю. Дискурсивный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Усачева Ольга Юрьевна. Елец, 2013. – 52 с.
433. Ушкова Н.В. Аналитические репрезентации концепта в языке: дис. ... д-ра филол. наук / Ушкова Надежда Васильевна. – Тамбов, 2006. – 410 с.
434. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. / сост., ред. и вступ. ст.: В. В. Петрова, В. И. Герасимова. – М., 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 52-92.
435. Фоменко Ю.В. Человек, слово и контекст [Электронный ресурс] // Концепция человека в современной философской и психологической мысли. – Новосибирск, 2001. – С. 164-168.– Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/fomenko-01.htm>. – (Дата обращения: 06.08.2009 г.).

436. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: ИКАР, 2007. – 480 с.
437. Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 333 с.
438. Фрумкина Р.М. Когнитивная лингвистика или «психолингвистика наоборот» // Язык и речевая деятельность. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 80-93.
439. Фуко М. Археология знания. – Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2004. – 412 с.
440. Функционально-стилистический аспект различных типов текста: межвуз. сб. науч. тр. / ред. М. Н. Кожина. – Пермь: ПГУ, 1991. – 165с.
441. Фурс Л.А., Доброходова О.В. Ценностный аспект категоризации социального статуса как проблема имиджологии // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 33 (248), Вып. 60. – С.269-270.
442. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: дис. ... д-ра филол. наук / Фурс Людмила Алексеевна. – Тамбов, 2004. – 370 с.
443. Фурс Л.А. Оперативное и декларативное знания в процессах конструирования // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификаций: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 104-110.
444. Фурс Л.А. Концептуальные аспекты синтаксиса // Когнитивные исследования языка. Вып. IV: Концептуализация мира в языке: коллективная монография / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 278-301.
445. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: автореф... дис. д-ра филол. наук / Хайруллин Владимир Иханович. – М., 1995. – 46 с.

446. Холодная М.А. Психология интеллекта : парадоксы исследования. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 264с.
447. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 236 с.
448. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Ленинград: Наука, 1979. – 298 с.
449. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.
450. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 1990. – 203 с.
451. Цурикова Л.В. Социально-культурная обусловленность знания и анализ дискурса в межкультурной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. – 2001. – № 2. – С. 17-25. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация).
452. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Цурикова Любовь Васильевна. – Воронеж, 2002а. – 40 с.
453. Цурикова Л.В. Адекватность дискурса: анализ стратегий дискурсивного поведения на родном и иностранном языке // Вестник Воронежского государственного университета. – 2002б. – № 2. – С. 14-25. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация).
454. Цурикова Л.В. Анализ межкультурной коммуникации : когнитивно-прагматический подход // Вестник Воронежского государственного университета. – 2003. – № 2. – С. 162-182. – (Гуманитарные науки).
455. Цурикова Л.В. Межкультурное взаимодействие с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1. – С. 5-15.
456. Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 98-108.

457. Цурикова Л.В. Дискурс интернет-пространства как особый коммуникативный феномен // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы / отв. ред. И. И. Халеева. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 135 – 137.
458. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике – 1983. – Вып. XII: Прикладная лингвистика. – С. 35-73.
459. Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и экспериментирования в понимании мышления // Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук. – М.: Наука, 2008. – С. 162-179.
460. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000): дис. ... д-ра филол. наук / Чепкина Элина Владимировна. – Екатеринбург, 2001. – 389с.
461. Чернышева Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: дис. д-ра. филол. наук / Чернышева Татьяна Владимировна. – Барнаул, 2005. – 577 с.
462. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
463. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. – 238 с.
464. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001). – С. 91-105.
465. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
466. Шабага А.В. Социальный хронотоп и особенности его влияния на идентичность исторического субъекта // Вестник МГОУ. – № 3. – 2009. – С. 157-164. – (Философские науки).

467. Шарандин А.Л. Оппозитивные отношения в системе знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификаций: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 75-89.
468. Шарандин А.Л. Когнитивная и языковая специфика инвариантов и прототипо // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сборник научных трудов памяти Е. С. Кубряковой. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – С. 224-234.
469. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу. – Волгоград: ВГПИ, 1983. – 120 с.
470. Шевченко И.С. Речевой акт как единица дискурса: когнитивно-прагматический подход [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubShev.html>. – (Дата обращения: 10.12.2013 г.).
471. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
472. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.
473. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. – М.: Общественное мнение, 2003. – 336 с.
474. Щепланова В.В. Современный терроризм в глобализации социальных рисков: структуралистско-конструктивистский контекст: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Щепланова Вероника Вячеславовна. – Саратов, 2010. – 39 с.
475. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: URSS, 2008. – 427 с.

476. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 2. – С. 126-135.
477. Юдина Н.В. О возможной связи когнитивных стилей и некоторых языковых процессов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1 (007). – С. 61-68.
478. Язык и мысль: традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. тр. Междунар. конф. 18-20 сент., 2007 г. / отв. ред.: О. С. Егорова, Л. А. Становая. – Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007. – 378 с.
479. Язык и структуры представления знаний: сб. науч.-аналит. обзоров / ред.-сост.: Л. Г. Лузина, Г. Д. Стрельцова. – М.: ИНИОН, 1992. – 97 с.
480. Язык. Культура. Сознание: Междунар. сб. науч. тр. по лингвокультурологии / отв. ред. Е. Е. Стефанский. – Самара: Изд-во Самар. гуманитар. акад., 2005. – 311 с.
481. Язык. Сознание. Культура: сб. науч. ст. / Ин-т языкознания РАН, Ин-т психологии; ред.: Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. – М.; Калуга: [Ин-т языкознания РАН], 2005. – 399 с.
482. Язык. Сознание. Культура. Социум: сб. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. памяти проф. И. Н. Горелова / Ин-т языкознания РАН, Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов: Наука, 2008. – 669 с.
483. Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. / сост.-ред. Е. Ф. Тарасов. – М.: Советский писатель, 2000. – 287 с.
484. Якобсон Р.О. Мозг и язык // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 270-286.
485. Alexander R.J. Culture and pedagogy: International comparisons in primary education. – Oxford: Blackwell, 2001. – 664 p.
486. Bakhtin M.M. The problem of speech genres // The discourse reader / A. Jaworski, N. Coupland. – London; New York, 2006. – P. 98-107.

487. Bardovi-Harlig K., Hartford B. *Interlanguage pragmatics: exploring institutional talk*. – New York; London: Routledge, 2005. – 230 p.
488. Barsalou L.W. *Cognitive psychology: an overview for cognitive scientists*. – Chicago: Psychology Press, 1992. – 410 p.
489. Bergen B. K. *Louder than words*. – Basic Books, 2012. – 296 p.
490. Berlin B., Kay P. *Basic color terms. Their universality and evolution*. – CSLI Publications, 1999. – 196 p. – (Philosophy and Cognitive Science).
491. Boas F. *Reader. The shaping of American Anthropology: 1883-1911*. – Chicago; London: Chicago Press, 1984. – 354 p.
492. Boroditsky L. *Does language shape thought? English and Mandarin Speakers' Conceptions of Time // The Cognitive Linguistics Reader / ed. by V. Evans, B. Bergen, J. Zinken*. – London: Equinox, 2007. – P. 880-901.
493. Brislin R. *Culture's influence on Behavior*. – Belmont: Wadsworth, 2000. – 468 p.
494. Carbaugh D. *Cultures in Conversation*. – New York; London: Routledge, 2005. – 178 p.
495. Chomsky N. *On language*. – New York: The New Press. – 2007 - 270 p.
496. Clancey W.J. *Situated Cognition: On human knowledge and computer representations (Learning in Doing: Social. Cognitive and Computational Perspectives)*. – Cambridge University Press, 1997. – 428 p.
497. *Communicating Ethnic and Cultural Identity / ed. by: M. Fong, R. Chuang*. – Rowman and Littlefield Publishers, 2004. – 395 p.
498. Connor U. *Contrastive Rhetoric: cross-cultural Aspects of Second Language Writing*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 201 p.
499. Connor U., Nagelhout E., Rozycki W. V. *Contrastive Rhetoric: reaching to Intercultural Rhetoric*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. – 324 p.
500. Connor U., Davis K. W., Rycker T. *Correctness and clarity in applying for overseas jobs: a cross-cultural analysis of US and Flemish applications // Text*. – 1995. – № 4, vol. 15. – P. 457-475.

501. Context-dependence in the analysis of linguistic meaning // Current Research in the Semantics / ed. by: H. Kamp, B. H. Partee. – Elsevier, 2004. – Vol. 11: Pragmatics Interface. – 256 p.
502. Coulon A. Ethnomethodology. Qualitative Research Methods. – SAGE Publications, 1995. – Ser. 36. – 88 p.
503. Coulthard M. Advances in Spoken Discourse Analysis. – New York: Routledge, 1992. – 263 p.
504. Coulthard M. Advances in Written Text Analysis. – London; New York: Routledge, 2005. – 320 p.
505. Coulthard M., Brazil D. Exchange structure / Advances in Spoken Discourse Analysis / ed. by M. Coulthard. – New York: Routledge, 1992. – P. 50-82.
506. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. – Cambridge: CUP, 2004. – 356 p.
507. Cultural Models in Language and Thought / ed. by: D. Holland, N. Quinn. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 400 p.
508. Culturally Speaking: culture, communication and politeness theory / ed. by H. Spencer-Oatey. – London; New York: Continuum International Publishing Group, 2008. – 372 p.
509. Dijk, T. A van. Discourse and Context: a Sociocognitive Approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 267 p.
510. Dijk, T. A van. Society and Discourse: how Social Contexts influence Text and Talk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 287 p.
511. Dilley R. The Problem of Context. – New York; Oxford: Berghahn Books, 1999. – 242 p.
512. Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication / ed. by: J. Gumperz, D. Hymes. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 598 p.
513. Discourse and Identity / ed. by: A. de Fina, D. Schiffrin, M. Bamberg. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 462 p.

514. Duranti A. *Linguistic Anthropology*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 398 p.
515. Ekman P. *Emotions Revealed Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. – New York: Owl Books; Henry Holt and Company, LLC, 2007. – 297 p.
516. Enfield N.J. *Ethnosyntax: introduction // Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture / ed. by N. J. Enfield*. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – P. 3-31.
517. *Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context / ed. by C. Goddard*. – New York; Berlin: Mouton De Gruyter, 2006. – 278 p.
518. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: an Introduction / V. Evans, M. Green*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
519. Evans V. *How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction*. – Oxford University Press, 2009. – 377 p.
520. Evans V., Bergen B. K., Zinken J. *The Cognitive Linguistic Enterprise: an Overview // The Cognitive Linguistics Reader*. – London: Equinox, 2007. – P. 22-36.
521. Fairclough N. *Analysing Discourse: textual analysis for social research*. – London; New York: Routledge, 2006. – 270 p.
522. Fasold R. *Sociolinguistics of Language*. – Oxford: Blackwell, 1990. – 230 p.
523. Fauconnier G., Turner M. *Conceptual Integration Networks // The Cognitive Linguistics Reader / ed. by: V. Evans, B. Bergen, J. Zinken*. – London : Equinox, 2007. – P. 360-419.
524. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. – New York: Basic Books, 2003. – 440 p.
525. Fishman P. *Conversational Insecurity // The Feminist Critique of Language / ed. by D. Cameron*. – London: Routledge, 1998. – P. 253-258.

526. Forceville Ch. Pictorial Metaphor in Advertising. – London; New York: Routledge, 2007. – 356 p.
527. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. – Cambridge: Polity Press, 1999. – 288 p.
528. Gee J. P. Social linguistics and literacies: ideology in discourses. – London: Falmer Press, 1990. – 248 p.
529. Gibbs R.W. Why Cognitive Linguistics Should Care More about Empirical Methods / R.W. Gibbs // *The Cognitive Linguistics Reader* / ed. by: V. Evans, B. Bergen, J. Zinken. – London: Equinox, 2007. – P. 40-56.
530. Givón T. Contexts as Other Minds: the Pragmatics of Sociality, Cognition and Communication. – Amsterdam; Philadelphia, 2005. – 283 p.
531. Goddard C. Ethnopragmatics: a new paradigm // *Ethnopragmatics: understanding discourse in cultural context* / ed. by C. Goddard. – New York; Berlin: Mouton De Gruyter, 2006. – P. 1-30.
532. Goodenough W. Cultural Anthropology and Linguistics // *Language in Culture and Society* / ed. by D. Hymes. – New York: Harper and Row, 1964. – P. 36-39.
533. Grady J. E., Oakley T., Coulson S. Blending and Metaphor // *The Cognitive Linguistics Reader* / ed. by: V. Evans, B. Bergen, J. Zinken. – London: Equinox, 2007. – P. 420-440.
534. Grice H.P. Logic and Conversation // *The Discourse Reader* / ed. by: A. Jaworski, N. Coupland. – London; New York: Routledge, 2004. – P. 66-77.
535. Gudykunst W.B., Ting-Toomey S., Sudweeks S., Stewart L. P. Building Bridges: interpersonal Skills for Changing World. – Boston: Houghton Mufflin Company, 1995. – 246 p.
536. Gumpertz J. Discourse Strategies. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 225 p.
537. Hall E.T. Beyond Culture. Anchor Books. – Canada: Random House, 1976. – 298 p.
538. Hall E.T. The Silent Language. – New York: Anchor Books; Random

- House, 1990. – 220 p.
539. Hall J.K. A Prosaic of Interaction: the Development of Interactional Competence in Another Language // Culture in Second Language Teaching and Learning / ed. by E. Hinkel. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 137-151.
540. Hall N. Young Children's Use of Graphic Punctuation // Language and Education. – 1999. – № 3, vol. 13. – P. 178-193.
541. Halliday M.A.K. On Language and Linguistics / ed. by J. Webster. – London; New York: Continuum, 2003. – Vol. 3. – 476 p.
542. Halliday M.A.K., Hasan R. Language, Context, and Text: aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. – Melbourne: Deakin University, 1989. – 126 p.
543. Harder P. Meaning in mind and society: A functional contribution to the social turn in cognitive linguistics (Cognitive Linguistics Research). – De Gruyter Mouton, 2010. – 516 p.
544. Hardy M., Heyes S. Beginning Psychology. A Comprehensive Introduction to Psychology. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 387 p.
545. Harris W. Interpretive acts. In search of Meaning. – Oxford University Press, 1988. – 208 p.
546. Hart Ch. Critical discourse analysis and cognitive science: new perspectives on immigration discourse. – Palgrave Macmillan, 2010. – 219 p.
547. Hart Ch. Critical discourse analysis and cognitive science: new perspectives on immigration discourse. – Basingstoke: Palgrave, 2010. – 219 p.
548. Hatim B., Mason I. Discourse and the Translator. – London; New York: Longman, 1994. – 258 p.
549. Hinkel E. Culture in Second Language Teaching and Learning. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 250 p.
550. Hinkel E. Objectivity and Credibility in L1 and L2 Academic Writing // Culture in Second Language Teaching and Learning. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 90-108.

551. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: software of the Mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival.* – USA, 2010. – 558 p.
552. *Human Motives and cultural models* / ed. by R. D'Andrade, C. Strauss. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 238 p.
553. Hutchby I., Wooffitt R. *Conversation Analysis. Principles, Practices and Applications.* – Cambridge: Polity Press, 1998. – 273 p.
554. Hymes D. *Models of the Interaction of Language and Social Life: toward a Descriptive Theory* // *Intercultural Discourse and Communication: The Essential Readings* / ed. by: S.F. Kiesling, C.B. Paulston. – Blackwell: Blackwell Publishing, 2005. – P. 4-16.
555. Iedema R. *Analysing Film and Television: a Social Semiotic Account of Hospital: an Unhealthy Business* // *Handbook of Visual Analysis* / ed. by: T. Leeuwen, C. Jewitt. – London: Sage, 2001. – P. 183-204.
556. *Interpretive Approaches to Interpersonal Communication* / ed. by K. Carter, M. Presnell. – 1994. – 272 p.
557. Jackendoff R. *Language of the Mind. Essays on Mental Representation.* – Cambridge; London: MIT Press, 1996. – 200 p.
558. Jackendoff R. *A User's Guide to Thought and Meaning.* – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 274 p.
559. Jaworski A. Coupland N. *Perspectives on Discourse Analysis* / ed. by: A. Jaworski, N. Coupland // *The Discourse Reader.* – London; New York: Routledge, 2006. – P. 1-37.
560. Judd E. L. *Some Issues in the Teaching of Pragmatic Competence* // *Culture in Second Language Teaching and Learning* / ed. by E. Hinkel. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 152-166.
561. Kaplan R.B. *The Anatomy of Rhetoric: prolegomena to a Functional Theory of Rhetoric.* – Philadelphia: Center for Curriculum Development, 1972. – 138 p.
562. Katan D. *Translating Cultures: an Introduction for Translators, Interpreters*

- and Mediators. – Manchester; Northampton: St. Jerome Publishing, 2003. – 380 p.
563. Knowledge and Cognition / ed. by L.W. Gregg. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1974. – 153 p.
564. Kress G., Ogborn J., Martins I.A. Satellite View of Language: some Lessons From Science Classrooms // Language Awareness. –1998. – № 2/3, vol. 7. – P. 69-89.
565. Kress G., Leeuwen T. Reading Images. The Grammar of Visual Design. – London; New York: Routledge, 2008. – 291 p.
566. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
567. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // The Cognitive Linguistics Reader / ed. by: V. Evans, B. Bergen, J. Zinken. – London: Equinox, 2007. – P. 267-315.
568. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – Vol. 1. – 516p.
569. Langacker R.W. Settings, Participants and Grammatical Relations // Meanings and Prototypes: studies in Linguistic Categorization. – Oxford: Routledge, 1990. – P. 213-238.
570. Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 2000. – 427 p.
571. Langacker R. An Introduction to Cognitive Grammar // The Cognitive Linguistics Reader / ed. by: V. Evans, B. Bergen, J. Zinken. – London: Equinox, 2007. – P. 444-480.
572. Lantolf J.P. Second culture acquisition: cognitive considerations // Culture in Second Language Teaching and Learning // ed. by E. Hinkel. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 28-47.
573. Lee A. Gender, Literacy, Curriculum. Re-writing School Geography. – London: Taylor and Francis, 1996. – 255 p.

574. Leeuwen T. van, Jewitt C. Handbook of Visual Analysis. – London: SAGE Publications Ltd., 2008. – 210 p.
575. Lippi-Green R. English with an Accent. Language, ideology, and discrimination in the United States. – London: Routledge, 1996. – 286 p.
576. Malinowski B. A Diary in the Strict Sense of the Term / B. Malinowski; an Introduction by R. Firth. – Stanford: Stanford University Press, 1989. – 335 p.
577. Mercer N. The Guided Construction of Knowledge. – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – 160 p.
578. Moreno A.I. The importance of comparable corpora in cross-cultural studies // Contrastive rhetoric: reaching to intercultural rhetoric / ed. by: U. Connor. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. – P. 25-41.
579. Morris C.W. Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of United Science / O. Neurath, R. Carnap, C.W. Morris [ets]. – 1938. – Vol.1. – P. 77-138.
580. Moschkovich J. Examining Mathematical Discourse Practices: for the Learning of Mathematics // An International Journal of Mathematics Education. – № 1, vol. 27. – P. 24-31.
581. Ncoko S. O. S., Osman R., Cockcroft K. Codeswitching Among Multilingual Learners in Primary Schools in South Africa: an Exploratory Study // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2000. – № 4, vol. 3. – P. 225-241.
582. Philipsen G., Coutu L.M., Covarrubias P. Speech Codes Theory: Restatement, Revisions, and Response to Criticism // Theorizing about Intercultural Communication / ed. by W. B. Gudykunst. – London: SAGE Publications, 2005. – P. 55-68.
583. Pierce C. Collected Papers. – Cambridge: Harvard University Press, 1934. – Vol. 1. – 440 p.

584. Pridham F. *The Language of Conversation*. – London; New York: Routledge, 2007. – 96 p.
585. *Reading Images. The Grammar of Visual Design* / ed. by: G. Kress, T. van Leeuwen. – London; New York: Routledge, 1996. – 291 p.
586. Redeker, G. *Gendered Discourse Practices in Instant Messaging* [Электронный ресурс] / Режим доступа: [//http://libfinder.net/g/gendered_discourse_practices_instant...13171145](http://libfinder.net/g/gendered_discourse_practices_instant...13171145). – (Дата обращения: 04.04.2010 г.).
587. *Rhetorical Democracy. Discursive Practices of Civic Engagement* / ed. by: G. A. Hauser, A. Grim. – London; New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2004. – 319 p.
588. Ricoeur P. *Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning*. Texas Christian. – University Press, 1976. – 107 p.
589. Ricoeur P., Thompson J. *Hermeneutics and the Human Sciences: Essays on language, action and interpretation*. – Cambridge University Press, 1981. – 314 p.
590. Robins R.H. Malinowski, Firth, and the “Context of Situation” // *Social Anthropology and Language*. – London: Routledge, 2004. – P. 33-46.
591. Robinson D. *Introducing Performative Pragmatics*. – New York; London: Routledge, 2006. – 320 p.
592. Rosch E.H. On the Internal Structure of Perceptual and Semantic Categories // *Cognitive Development and Acquisition of Language*. – New York; London: Academic Press, 1973. – P. 111-144.
593. Rosch E. *Principles of Categorization* // *Cognition and Categorization* / ed. by: E. Rosch, B. Lloyd. – Hillsdale; New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27-48.
594. Sacks H. “The baby cried, the mommy picked it up” // *The Discourse Reader* / ed. by: A. Jaworski, N. Coupland. – London; New York: Routledge, 2004. – P. 239-245.
595. Salzman Ph. C. *Understanding culture : an Introduction to Anthropological*

- Theory. – USA: Waveland Press, 2001. – 173 p.
596. Samovar L., Porter R., McDaniel E. *Intercultural Communication: a Reader*. – Boston: Wadsworth Cengage Learning, 2011. – 518 p.
597. Schegloff E.A., Sacks H. *Opening up closings // The Discourse Reader / ed. by: A. Jaworski, N. Coupland*. – London; New York: Routledge, 2004. – P. 262-271.
598. Schiffrin D. *Discourse Markers*. – Cambridge University Press, 1988. – 364 p.
599. Scollon R. *Cultural codes for calls: the use of commercial television in teaching culture in the classroom // Culture in Second Language Teaching and Learning / ed. by E. Hinkel*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 181-195.
600. Scollon R., Scollon S. *Intercultural Communication: a Discourse Approach*. – Blackwell: Blackwell Publishing, 2001. – 316 p.
601. Scollon S. *Not to waste words or students: confucian and Socratic discourse in the tertiary classroom // Culture in Second Language Teaching and Learning / ed. by E. Hinkel*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 13-27.
602. Shauber E., Spolsky E. *The bounds of Interpretation: Linguistic Theory and literary text*. – Stanford University Press, 1986. – 229 p.
603. Sinclair J., Coulthard M. *Towards an Analysis of Discourse // Advances in Spoken Discourse Analysis / ed. by M. Coulthard*. – New York: Routledge, 1992. – P. 1-34.
604. Slobin D. *Language and Thought Online: cognitive Consequences of Linguistic Relativity // The Cognitive Linguistics Reader / ed. by: V. Evans, B. Bergen, J. Zinken*. – London: Equinox, 2007. – P. 902-928.
605. Sperber D., Wilson D. *Relevance: communication and Cognition*. – Blackwell: Blackwell Publishing, 2002. – 326 p.
606. Strauss C., Quinn N. *A Cognitive Theory of Cultural Meaning*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 323 p.

607. Stubbs M. *Text and Corpus Analysis*. – Oxford: Basil Blackwell, 1996. – 267 p.
608. Swann J., Coates J., Cameron D. *Talk control: an illustration from the classroom of problems in analyzing male dominance of conversation // Women in Their Speech Communities. New Perspectives on Language and Sex*. – London: Longman, 1998. – P. 122-140.
609. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. – Cambridge; London: MIT Press: A Bradford Book, 2000. – Vol. 1: *Concept Structuring Systems*. – 565 p.
610. Talmy L. *Towards a Cognitive Semantics*. – Cambridge; London: MIT Press: A Bradford Book, 2000. – Vol. 2: *Typology and Process in Concept Structuring*. – 495 p.
611. Tannen D. *Conversational Style: analyzing Talk Among Friends*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 244 p.
612. Taylor J. R. *Cognitive Grammar*. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. 612 p.
613. *The Cognitive Linguistics Reader* / ed. by: V. Evans, B. Bergen, J. Zinken. –London: Equinox, 2007. – 974 p.
614. *The Discourse Reader* / ed. by: A. Jaworski, N. Coupland. – London; New York: Routledge, 2006. – 560 p.
615. Ting-Toomey, S. *Communicating Across Cultures*. – New York; London: The Guilford Press, 1999. – 310 p.
616. Turner M. *The Literary Mind*. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1996. – 187 p.
617. Ungerer F., Schmid H. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. – Pearson: Longman, 2006. – 384 p.
618. Urban G. *A Discourse-Centered Approach to Culture: native South American Myths and Rituals*. – Austin: University of Texas Press, 2000. – 228 p.

619. Vygotsky L. S. Thought and Language: revised and expanded edition / ed. by A. Kozulin. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2012. – 307 p.
620. Widdowson H.G. Text, Context, Pretext: critical Issues in Discourse Analysis / H. G. Widdowson. – Oxford: Blackwell Publishing, 2004. – 185 p.
621. Wierzbicka A. “Cultural Scripts”: a Semantic Approach to Cultural Analysis and Cross-Cultural Communication // Pragmatics and Language Learning. – 1994. – Vol. 5. – P. 1-24. – (Monograph Series).
622. Wierzbicka A. Anglo scripts against “putting pressure” on other people and their linguistic manifestations // Ethnopragmatics: understanding discourse in cultural context / ed. by C. Goddard. – Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 2006. – P. 31-63.
623. Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988. - 617 p.
624. Wierzbicka A. Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1997. – 317 p.
625. Young R.F. Discursive Practices in Language Learning and Teaching. – Wiley-Blackwell: University of Michigan, 2009. – 267 p.
626. Yule G. Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 138 p.
627. Zhang M. Realization of Functions of Public Notices: with special reference to public notices used in Macao // Cross-Cultural Pragmatics at a Crossroads: II Linguistic and Cultural Representations across Media 29 June – 01 July 2011. – Norwich, 2011. – P. 73.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Режим доступа: [//http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/sourse/worddocuments/_13.htm](http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/sourse/worddocuments/_13.htm). – (Дата обращения: 02.02.2010 г.).
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//http://www.slovari.yandex.ru](http://www.slovari.yandex.ru). – (Дата обращения: 02.03.2010 г.).
3. Большой психологический словарь / ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – 4-е изд. – М.: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 811 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, С.В. Кабакова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.Н. Телия [отв.ред. В.Н. Телия]. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с. (Фундаментальные словари).
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 2. – 779 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / ред. Е.С. Кубрякова. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
7. Культурология XX в: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.Я. Левит. – Санкт-Петербург: Университет. кн., 1998. – Т. 1. – 447 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
10. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. – 896 с.

11. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / ред. Ю.Д. Апресян. – изд. 2-е. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 1487с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1978. – 846 с.
13. Педагогическое речеведение: слов.-справ. / под ред.: Т.А. Ладыженской, А.К. Михальской. – 2-е. изд. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 312 с.
14. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 1600 с.
15. Социологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//http://mirslovari.com/content_soc/socialnye-praktiki-7545.html](http://mirslovari.com/content_soc/socialnye-praktiki-7545.html). – (Дата обращения: 04.05.2010 г.).
16. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев [и др.] – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836с.
17. Шарков Ф.И. Коммуникология: энциклопедический слов.-справ / Ф.И. Шарков. – М.: Дашков и К, 2009. – 768 с.
18. Энциклопедический словарь по культурологии / ред. А.А. Радугин. – М.: Центр, 1997. – 477 с.
19. Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//http://www.krugosvet.ru/](http://www.krugosvet.ru/). – (Дата обращения: 08.10.2009 г.).
20. Dictionary of English Language and Culture. – 2-nd ed. – Longman; Pearson Education Limited, 1998. –1566 p.
21. Key Concepts in Communication and Cultural Studies / ed. by T. O’Sullivan, J. Hartley, D. Saundres [etc.]. – 2-nd ed. – London; New York: Routledge, 2000. – 367 p.
22. Longman Exams Dictionary. Pearson: Longman, 2006. – 1833 p.
23. New Webster’s Dictionary of the English Language. – India: Surjeet Publications, 1989. – 1900 p.
24. Oxford Concise Dictionary of Linguistics / P.H. Matthews. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 443 p.

25. The Shorter Oxford English Dictionary / ed. by W.R. Trumble. – 5-th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – Vol. 1. – 450 p.
26. World English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//http://dictionary.reference.com/brows](http://dictionary.reference.com/brows). – (Дата обращения: 20.04.2010 г.).

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. БПС – Большой психологический словарь / под ред.: Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд. М.: АСТ; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.
2. БСЭ - Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//http://www.slovari.yandex.ru](http://www.slovari.yandex.ru). – (Дата обращения: 02.03.2010 г.).
3. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, С.В. Кабакова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.Н. Телия [отв.ред. В.Н. Телия]. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с. (Фундаментальные словари).
4. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. 245 с.
5. КФОК - Кожевников А.Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино / А.Ю. Кожевников. – Санкт-Петербург: Издательский Дом «Нева», 2004. – 831с.
6. ЛЭ – Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
7. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//http://www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru).
9. НФС – Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. 896 с.
10. СЛТ – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. / Режим доступа: [//http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/sourse/worddocuments/_13.htm](http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/sourse/worddocuments/_13.htm). – (Дата обращения: 02.02.2010 г.).
11. СРСГЮТО - Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской

- области / ред. С.М. Беляковой. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014б. Т. 2. – 516 с.
12. СРСГЮТО – Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области / ред. С.М. Беляковой. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014а. Т. 1. – 400 с.
 13. СРЯ – Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1978. 846 с.
 14. СЭС – Советский энциклопедический словарь / ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1985. 1600 с.
 15. ТСЖВЯ – Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль: в 4 т. М.: Русский язык. 1999. Т.4. 683с.
 16. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
 17. ЭСК – Энциклопедический словарь по культурологии / ред. А.А. Радугин. М.: Центр, 1997. 477 с.
 18. BNC – British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. – (Дата обращения: 03.03.2010 г.).
 19. LDELС – Longman dictionary of English Language and Culture. Longman 1998. – 1566 p.
 20. LED – Longman Exams Dictionary. Pearson: Longman, 2006. 1833 p.
 21. NWD – New Webster’s Dictionary of the English Language. India: Surjeet Publications, 1989. 1900 p.
 22. OCDL – Oxford Concise Dictionary of Linguistics / P. H. Matthews. Oxford: Oxford University Press. 2007. 443 p.
 23. SJ – Scottish Jokes / ed. by C. Findlater. Waverley: Books Ltd., 2007. 192 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. «Вести24». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vesti.ru/onair/>
2. «НТВ». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ntv.ru/>
3. «Первый канал». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.1tv.ru/>
4. «Россия 2». [Электронный ресурс]. – URL: <http://2.russia.tv/>
5. Булгаков М.А. Собачье сердце. – М.: АСТ: Астрель. – 2007. – 127 с.
6. Газета «Блиц». [Электронный ресурс]. – URL: <http://blitz.vtumeni.ru/>
7. Газета «Дни.Ру». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dni.ru/>
8. Газета «Из рук в руки». [Электронный ресурс]. – URL: <http://tyumen.irr.ru/>
9. Газета «Комсомольская правда». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kp.ru/>
10. Газета «Тюменский курьер». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tm-courier.ru/portal/portal/tk>
11. Гоголь Н.В. Ревизор: Пьесы. – М.: Эксмо. – 2008. – 640 с.
12. Журнал «Cosmopolitan». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cosmo.ru/>
13. Журнал «Выбирай». [Электронный ресурс]. – URL: <http://tyumen.vibirai.ru/pdf.html>
14. BBC News UK. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bbc.com/news/uk/>
15. BNC – British National Corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
16. Brontë Ch. Jane Eyre. – М.: Foreign Languages Publishing House. – 1952. – 568р.
17. Google. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.google.ru>
18. LifeNews. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lifenews.ru/>
19. Royal Holloway University of London. [Электронный ресурс]. – URL: <https://royalholloway.ac.uk/home.aspx>
20. Shaw B. Pygmalion. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.literaturepage.com/read/pygmalion.html>

21. The Daily Telegraph. [Электронный ресурс]. – URL:
<http://www.telegraph.co.uk/>
22. The Guardian. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.guardian.co.uk/>
23. The Times. [Электронный ресурс]. – URL:
<http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>
24. University of Oxford. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ox.ac.uk/>
25. Yandex. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.yandex.ru/>
26. YouTube. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.youtube.com/>